

№ 3(27). 2018

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

НАШИ НАГРАДЫ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.
Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Июнь 2018 № 3 (27)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко, секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов — Председатель Правления Союза писателей России
Григорий Блехман — секретарь Союза писателей России
Елена Груцкая — поэт
Игорь Ерофеев — член Союза писателей России
Евгений Журавли — поэт, прозаик, публицист
Александр Казинцев — член Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Сергей Кириллов — писатель, поэт, публицист
Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета
по культуре при Президенте РФ
Александр Новосельцев — член Союза писателей России
Сергей Пылёв — член Союза писателей России
Андрей Растворцев — член Союза писателей России
Геннадий Сазонов — член Союза писателей России
Валерий Старжинский — доктор философских наук, профессор кафедры
философских учений БНТУ

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014
Дата выхода номера в свет: 1 июня 2018 года
Тираж: 1000 экз.
Адрес редакции, издателя: 236010, Калининград, ул. Белинского, 44-58
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна, адрес:
236010, Калининград, ул. Белинского, д. 44, кв. 58
Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки — Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка — Елена Балантаева
Отпечатано в типографии ООО «График Артс»
г. Калининград, проспект Мира, 5, тел. 92–14-90, e-mail: 921490@mail.ru
При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.
Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.
Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи должны быть сохранены документом Word (шрифт — Roman, кегль 14, межстрочный интервал — 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста — краткие сведения об авторе — *курсивом*. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Публицистика	
Анатолий Байборodin. Слово о русском слове. Очерк о любомудрии и красноречии	4
Проза	
Владимир Крупин. Алешино место. Застойные времена. Рассказы	15
Александр Чумиков. Кам-са-мол. Повесть. Глава 2. (Продолжение. Начало в № 2(26)-2018)	24
Вячеслав Нефёдов. Как стать богатым? Рассказ	53
Ада Бабич. Ртищевские зарисовки	62
Поэзия	
Лидия Довыденко. Интервью с поэтом Анатолием Аврутиным к 70-летию	66
Анатолий Аврутин. Стихи	70
Григорий Блехман. Стихи	73
Владимир Шугля. Стихи	77
Елена Александренко. Пока горит огонь. Стихи	80
Берега памяти	
Антонина Пикуль, Ольга Соколова. Тысяча жизней Валентина Пикуля. К 90-летию писателя	82
Валентин Курбатов. Несвоевременный современник. К 150-летию А.М. Горького	90
Берега наследия	
Юрий Кузнецов. Безумие – вечная тема поэзии. Вступительное слово Марины Гах	93
Крымские берега	
Ольга Вечер. Письмо Президенту РФ В.В. Путину	95
Алла Ермилова. Слово о земле Крымской и жителях ее – славянах	97
Берега Приднестровья	
Сергей Чернолев. Щит Господень. Стихи	99
Александр Лобанов. Ореховое варенье. Повесть	101
Берега истории	
Княгиня В. Д. Лобанова-Ростовская. О российской трагедии XX века. До и после 1917 года: Воспоминания матери (1903–1935). В поисках «своего» старца. Вступление профессора Е. Фёдоровой. Комментарии Л. Г. Умновой и Е. С. Фёдоровой. Продолжение	128
Берега без границ	
Берега Беларуси	
Татьяна Каленик. Бабушкины звёздочки. Эссе	149
Елена Курносова. Беларусь: Миссия и предназначение	151
Берега Латвии	
Сергей Воробьёв. Извивы моды в стиле а-ля Петрович. Рассказ	155
Альбина Панкова. Стихи	159
Переводы	
Берега Болгарии	
Любомир Левчев. Освобождение. Перевод с болгарского Светланы Мрочковской-Балашиевой	161
Критика	
Лидия Довыденко. «Выбирая общерусскую соборность». О книге В. Подлузского «Тарас и Прасковья». К 65-летию писателя	170
Людмила Воробьева. «И чувств высоких небеса...» Философия души, радости и добра в творчестве Валентины Поликаниной. К 60-летию поэта	176
Бережок	
Инна Фролова. Ромашки на асфальте. Стихи	182
О нас думают, нас читают	
Сергей Пылёв. Улыбка Бога. О журнале «Берега» 2(26)-2018	184
Советуем почитать. Подписка и приобретение журнала	188

Публицистика

Анатолий Байбородин

Анатолий Григорьевич Байбородин родился в 1950 году в забайкальском селе Сосново-Озёрск. Автор книг: Старый покос. Повести. Иркутск, 1983; Поздний сын. Повесть. Москва, 1988; Яко богиню землю нареки. Очерки. Москва, 1991; Боже мой... Роман. (Предисловие: В. Распутин), Москва, 1996; Воля. Повести, рассказы. (Предисловие: В. Личутин), Иркутск, 1998; Диво. Сибирские байки, сказы, рассказы. 2001; Утоли мои печали. Роман, повести, рассказы. Иркутск, 2006. Не родит сокола сова. Роман, повесть. Москва, 2011. Озерное чудо. Повести, рассказы. Москва, 2013; Небесная тропа. Рассказы. Иркутск, 2014. Составитель книг: Россия древняя и вечная. Иркутск, 1992; Русский месяцеслов. Обычаи, обряды, поверия, приметы русского народа. Иркутск, 1998; Думы о русском с древнейших до нынешних времен. Иркутск, 2017. Лауреат Большой литературной премии России за лучшую книгу года (2007), лауреат областных литературных премии имени святителя Иннокентия Иркутского (1997) и премии Губернатора Иркутской области (2014) и других

Слово о русском слове

Очерк о любомудрии и краснобайстве

Отложив всякую злобу и всякое коварство, и лицемерие, и зависть, и всякое злословие, как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение.

1-е Петра 2:1-2

Слово – величание Бога: «В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово¹»; язык у русских встарь – народ: «С нами Бог, разумеите языцы и покоряйтесь!..», а потому без слова, обережённого в исконной и самобытной красе и любомудрии, нет в языке Бога, нет и самого народа; бредёт погоняемое князем тьмы воловье стадо, утробно мычащее, пашущее от темна до темна за навильник заплесневелой соломы и бесплодную случку, чтобы однажды, обратившись в свиней, в коих вошли бесы, ринуться с обрыва в чёрную бездну. Вот отчего мы, русские, и всполошились: в былой ли Божией силе родная речь, а значит и сам народ?.. А, бывало, похвалялись: «Мощь и величие русского языка являются неоспоримым свидетельством великих жизненных сил русского народа, его оригинальной и высокой национальной культуры и его великой, и славной исторической судьбы. Русский язык единодушно всеми признается великим языком великого народа»². Так в назидание и завещание потомкам говорил академик В. Виноградов, верно и любовно служивший русской речи. Даже сквозь вой и визг либеральных ведунов и ведьм с лысой горы, сквозь дикие пляски иноверцев на отеческих жальниках, уловив русским ухом русофильскую мысль, пристыженный и обиженный за разорённую державу, нынешний правитель России возжелал свершить нечто русское державное, и седьмое лето двадцать первого века державно повелел звать «Годом русского языка», и порадеть родимой речи. Но веление велением: жалует царь да не жалует псарь, а псари ныне лихо верховодят, и царя на коротком поводке водят. Им вели, не вели, что в лоб, что по лбу, что об стенку горох, одна холера, но козни строить государеву слову и делу – хлебом не корми. Царь, удушливо хрипя, рвёт цепь; осмелился порадеть русскому языку, хотя, может, и чуял, что возопит безродное окаянство,

¹ Библия. От Иоанна Святое благовествование. 1-1, с. 382. Библейские комиссии «Духовное просвещение». 1991.

² Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1973, с. 160.

властвующее на Руси, повинит в национальном эгоизме. (А может, исподтишка уговорились простой и доверчивый народ потешить, чтобы лишний нором вышел, на деле же – ворон ворону глаз не выклюнет?.. а набуровить наши правители могут семь вёрст до небёс и всё лесом...) Ведь не утихли и по сей день многоучёные споры, дичее и нелепее коих вообразить трудно: вводить или не вводить в средних и высших учебных заведениях основы православного христианства, коль *в стране дураков* много конфессий. Но противники Закона Божия в школах и вузах словно запамятовали, что русские в России, составляющие девяносто процентов населения, – государствообразующая нация, а православие – духовная основа государственной идеологии. Православное воцерковление ради спасения души в Царствии Божием – дело личное и сокровенное для человека, но изучение Библии, и, особо, Нового Завета, изучение Святоотеческого Предания (история РПЦ, жития и поучения святых отцов) необходимы для того, чтобы постигнуть и осмыслить историческую, мистическую судьбу русского народа, уразуметь произведения русского и мирового искусства с библейскими мотивами.

Подобные споры в мусульманских странах – изучать ли поколению ислам – не снились мусульманам даже в жутком и греховном сне, ибо для них религиозное знание столь же разумеющееся, как и знание грамматики своего языка. Лишь в нынешнем русском царстве-государстве возможно сомнение: а нужны ли малым чадам и подросткам святоотеческая вера и корневой русский язык. Помнят окаянные кормчие родное им, лихое ленинское времечко, когда лишь молви шёпотом: «я – русский», и ты уже «фашист», «юдофоб», и поставлен к стенке. Впрочем, теперешние псари дьявольски умудрённые: какого лешего шумиху подымать, не лучше ль обратить царский указ в филькину грамотку, в скомороший посмех. И обратили...

Бог им судья, безродным и окаянным, но *и правитель России, и радетели русского языка из учёной и писательской братии понимают ли, о каком языке печалются: о любомудрой, певучей и живописной народной (крестьянской) речи, похожей на летнее поле в душистом разнотравье-разноцветье или о русскоязычной речи, серой и безликой, похожей на бетон, под которым в муках умер цветастый пойменный луг?..*

Величайший художник всех времён и народов напишет гениальный пейзаж – река, приречная поляна в разноцветье-разнотравье, а за рекой в сизой дымке таёжные хребты, увенчанные облаками, а выше – синь небесная, – запечатлеет се живописец, но лишь робко коснётся душой и живописным даром таинства природы; природа же – Творение Божие, будучи во сто крат гениальнее самого гениального рукотворного пейзажа, – останется не вмещающей в земную душу, неизъяснимой тайной. Вот и двухтысячелетняя русская народная, суть, крестьянская, языковая стихия, воплощённая в устном поэтическом, прозаическом слове – в эпосе, в былине и песне, в житийном мифе и заговорной молитовке, причитании и сказке, бывальщине и быличке, в кружевном речении, в пословице и поговорке, – всегда будет неизмеримо гениальнее самой гениальной стилистики самого великого книжного поэта. Как беспомощны краски перед природой – бедные и бледные, так и бессильно книжное слово перед исконным крестьянским – серое и квелое. Недаром чародей поэтической речи, сплётший устное и письменное слово, выдающийся русский писатель Борис Шергин с грустью вздохнул: «Русское слово в книге молчит... Напоминает ли нам о цветущих лугах засушенные меж бумажных листов цветы?..»¹

У Пушкина – гения всех времён и народов – руки опускались перед народным словом, воплощённом в былинах, песнях, сказках, пословицах и поговорках, из чего следует, что народное поэтическое слово, в гениальности превосходя не токмо Пушкина, но и всю классическую прозу и поэзию, – суть произведения, созданные всем русским народом соборно, и доводились до ума и божественного духа долгими веками.

Сквозь блудливый романтический туман салонной поэзии – по-британски студёной, по-французски панталонно-розовой, по-германски грузной и обильной, сквозь книжно-библейский лиризм славянофильской поэзии, писатель Фёдор Достоевский высматривал в российской будущности эпоху крестьянской книжной поэзии и великого поэта от сохи и бороны. Слушая деревенскую песню, Фёдор Михайлович – в отличие от иных дворянских писателей вернее разглядевший русскую душу в её небесных взлетах и сумрачных паденьях, хотя и живший вне народно-обрядовой жизни, вне народной языковой стихии, – вдруг удивлённо, озарено промолвил: «Ах вы сени, мои сени... Поэт не ниже Пушкина...»² И это решил Достоевский, в Пушкине души не чаявший, и в речи, звучавшей на заседании Общества

¹ Шергин Б.В. Древние памяти. М., «Худ. Лит». 1989. С. 483.

² Цитированно по книге: Байбородин А.Г. Душа грустит о небесах. Иркутск. «Арт-Пресс». 2003. С. 10.

любителей российской словесности, вдруг воскликнувший: «Никогда ещё ни один русский писатель, ни прежде, ни после его, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин»¹. И вот на тебе: *«Поэт не ниже Пушкина...»* А, может, и выше Пушкина, если припомнить, что и *«Сени...»* – песня не самая великая в русской народной поэзии, коя необозрима, непостижима, будучи подобна Природе – Творению Божию с её земными и небесными стихиями.

А Пушкин на склоне короткого века признался Владимиру Далю, обречённо склонив голову пред неодолимой мощью тысячелетнего народного слова: «Сказка сказкой, – говорил он, – а язык наш сам по себе, и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать, – надо бы сделать, чтобы выучиться говорить по-русски и не в сказке... Да нет, трудно, нельзя ещё! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не дается в руки, нет!»²

Как писал я некогда в очерке о Сергее Есенине: «...тускнеет книжная поэзия, даже пушкинская, пред мудрым крестьянским словом, кружевным, резным, молвленным ли былинщиком у русской печи при лучинушке, вопленным ли плачией на свадьбе, похоронах или проводах рекрутов, спетом ли в застолье, в хороводе. Не все они – сказители, певни, плакальщицы-вопленицы – были ровни по духовной силе и красе слова, но и великих рожала земля русская. Вспомним и Киршу Данилова, и сказителей Рябиновых, и плачу Арину Федосову, и сказочницу-былинщицу Марью Кривоноленову, за малый рост прозванную Махоней, и даже нашего присаянского земляка Сороковикова-Магая. Их поэзию не вместить в книги, сколько бы их не издавалось на Руси, как сроду не вместить в альбомы все красоты русские. Но вот, скажем, «Причитания северного края» Ирины Федосовой, напечатанные в трёх томах (1872-1875 годы), получили всесветную славу. Об этой книге писали статьи знаменитые учёные академики Л.Н.Майков и А.Н.Веселовский. Её поэмы-плачи звучали на больших заседаниях в Российской академии Наук, в Русском географическом обществе, в Археологическом институте, на вечерах у графа Шереметьева и Победоносцева. Ирину Андреевну слушали, читали, с восторженным удивлением писали о её поэмах-плачах и Некрасов, и Римский-Корсаков, и Балакирев, и Шалапин, и Пришвин, и Твардовский, и даже Горький, не привечавший русского крестьянства; мало того, они и в своём творчестве вдохновлялись поэзией деревенской бабы, которая... не знала книжной грамоты и долго бродила по родимой земле с нищенской котомкой и певучей причетью. Некрасов один из плачей Ирины Федосовой ввёл в поэму «Кому на Руси жить хорошо». Это она, Арина Федосова, деревенщина простая и вещая, увидела ещё задолго до кровавого переворота: «Хоть повыстанем по утрышку ранешенько, / Не о добрых делах мы думу думаем, / **Мы на сонмище бесовско собираемся, / Мы во тяжких грехах да не прощаемся!** / Знать, за наше за велико беззаконие / Допустил Господь ловцов да на киян-море; / Изловили они рыбоньку незнамую, / Повыняли ключи да подземельные, / Повыпустили горюшко великое! / Зло несносное велико это горюшко / По Россиюшке летает ясным соколом, / Над крестьянамы, злодийно, чёрным вороном. (...) Послушайте словеса наши старинные, / Заприметьте того, малы недоросточки! / Уж как это сине морюшко сбущуется, / **Все изменятся пустыни богомольные, / Разорятся все часовенки спасенные** (Выделено мною, – А.Б.)»³. Устное поэтическое слово – вот семенное зерно, из коего взошла, заколосилась русская лирика, и не увяла даже при духовной засухе.»⁴

Отчаянным босяком и шатуном забрёл в русскую литературу Алеша Пешков, воспел безродного бродягу Челкаша, зло посмеявшись над мужиком Гаврилой; потом до интеллигентской одури на читался мировой литературы и философии, вдосталь нахлебался европейского искусства, и вырос в большого советского писателя Максима Горького. С богоборческой яростью ненавидел сочинения Достоевского, воспевшего любовь ко Христу Богу и русскому простолудью; не любил испоконного раба Божиего, русского крестьянина (девяносто процентов российского народа), с его боголюбием, царлюбием, смирением и терпением, с его замшелым домостроем, но даже он, Максим Горький, буревестник кровавого бунта, измаянный противоречиями, настойчиво советовал начинающим сочинителям: «Я очень рекомендую для знакомства с русским языком читать сказки русские, былины, сборники песен, Библию, классиков. Читайте Афанасьева, Киреевского, Рыбникова, Данилова,

¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. ПСС. Том. 19. С.15. Ленинград. 1979.

² Цитировано по статье: Даль и Пушкин. Сайт *Хронос.ru*

³ Федосова И.А. Цит. по сб. «Русские народные сказители». М., 1089. С. 172.

⁴ Байбородин А.Г. Душа грустит о небесах. Иркутск. «Арт-Пресс». 2003. С.19–20.

Аксакова (...). Кое-что покажется вам скучновато – читайте! Вникайте в прелесть простонародной речи, в строение фразы в песне, сказке, в Псалтыре, в Песне песней Соломона. Вы увидите тут поразительное богатство образов, меткость сравнений, простоту, чарующую силой, изумительную красоту определений. Вникайте в творчество народное – это здорово, как свежая вода ключей горных, подземных, сладких струй. Держитесь ближе к народному языку, ищите простоты, краткости, здоровой силы, которая создаёт образ двумя-тремя словами».¹

Фреска в храме может жить немеркнуше до скончания света, если храм любовно обихаживать, не давать воли гибельному запустению, а тем паче разрушению и переделу-новоделу; так и слово народное не запустошивать бы, не уничтожать заёмными речениями, но чередой из уст в уста бережно передавать. Вот о какой родной речи порадеть бы государевым людям и смердам, не токмо лишь в Год русского языка, а отныне и довеку, покуда русские во житье и здравии.

Русское простолюдые, чудное и чудное, заслонившись ладонью от палящего солнца, извечно и ныне, высматривает спасительное для России чудо и надеется: по молитвам Богородицы Девы, ангелов Божиих и всех святых, от сотворения мира просиявших, Господь Бог, покарав за грехи безбожием и кровавой смутой, ныне помиловал покаянную Русь и трудами боголюбивых русичей созидает благочестивое Отечество, где воцарит любовь к Вышнему и ближнему. Может, Бог, даровал России и нынешнего правителя?.. хотя... неисповедимы пути Господни, но и в сие чудо хочется верить... Когда правитель Владимир Путин окреп во власти, оперился, окружился верными министрами, мало того, подобно царю Ивану Грозному, оборонно защитился опричной гвардией, тогда и стал теснить из Кремля сатанайлов, – холопов заморского беса, захвативших Кремль и два десятилетия сокрушавших Русь.

К ярости хриstopродавцев, теряющих власть, светает в родимом краю, тает гибельный сумрак, стихают в кремлевской ограде чужебесные песни и пляски, и чудится русичу, – власть нынешняя даст волю слову русскому, и слово, вырвавшись из чужеверного полона, вновь зазвучит по земле русской в боголепной речи, в родимой песне, в древлеотеческой молитве и святом псалме. Чудится, блазнится блаженному русичу; перекрестись брат...

* * *

«Выскажу убеждение своё прямо: словесная речь человека – это дар Божий, откровение: доколе человек живёт в простоте душевной, доколе у него ум за разум не зашёл, она проста, пряма и СИЛЬНА; по мере раздора сердца и думки, когда человек заумничается, речь эта принимает более искусственную постройку, в общежитии пошлет, а в научном круге получает особое, условное значение»², – так полагал великий труженик русской речи Владимир Даль. Продолжая выстраданную мысль, можно сказать, что дворянство, – *перчаточное сословие*, по едкому определению Даля, – потом интеллигенция разучились или не научились беседовать с простым народом, красно и мудро вести речь на исконном русском наречии, похожем на летний луг в чудных цветах пословиц, поговорок, присловий, прибауток. Мы, – как испокон века морщатся деревенские, *гнилая* интеллигенция, – отвадились *красно баить*... балагурить, судачить, и простонародье перестало нас понимать и привечать. А если *деревенские* сочинители начинают живописать, щедро сея в сказовую ниву народные говоры, наша *просвещённая* критика, язвительно скривив рот, усмехается, ухмыляется в нафабранные и надушенные усы: мол, – *щедровитый, красовитый*, – так болтает лишь выжившее из ума, замшелое деревенское старичье на завалинке, а сельский молодняк давно уже говорит, как в городе.

Мне повезло: долго обитал я в старом селе, бродил по деревням, дивился любомудрию и красе простолюдной речи, что в учёных книгах именовалась *сниженной, просторечной*; позже, перелопатив словари сибирских говоров, составил свои памяти народного красноречия, кои подсобляли мне в создании правдивой языковой картины Забайкалья. И уж могу верно сказать, говорят ли нынче в деревне *«щедровитый, красовитый»*?..

Помню, лет десять назад занесло меня бродячим ветром в забайкальское село; оглядываюсь подле сельповской лавки, а тут машина с будкой подворачивает, и высыпали на магазинское крыльцо смешливые доярки и, по-сорочьи треща, залетели в лавку. А как выпорхнули и снова забрались в

¹ Горький М. Собр. соч. в 30-ти т.М., 1951, т. 24. с. 235.

² Даль В. Пословицы русского народа. М., 1994. С.6.

будку, шофёр ... учительский сын, недавно из армии пришёл... высунулся из кабины и кричит смехом: «Но чо, деуки, пристягнулись?..» «Пристягну-улись!.. Но ты шибко-то коня не понужай, – чай, не дрова везешь...» «Но тогда полятели, сороки-вороны...» Вот вам и «*красовитость*»...

Или, помню, удили по тонкому льду на забайкальском озерце – окуня, сорогу добывали; лунки выдолбили, забормашили – кинули по горстке бормаша, и решили перекурить. А теплыню повеяло, снег влажно и ослепительно искрился, лёд на проплешинах синевато, зеленовато, радужно переливался... Здешний рыбак Илья Парфёнович Скосырский хлебнул из фляжки за компанию с приезжими городскими рыбаками и начал было потешные байки заливать про старопрежнюю рыбалку. А тут городской мужик возьми, да и брякни: «Ни-ичего не пойму, о чём ты, старик, базаришь». Обиделся Илья Парфёнович, усмехнулся в заиндевелые усы: «У меня поговор такой, а как уж там по-городски, не знаю. Мы же все чуем, чо городские бают, а вы пошто наш поговор не чуετε?.. Али мы не русские, али уж вы отучились по-русски говорить¹... – а позже с глазу на глаз Илья Парфёнович поведал мне. – Шибко долгую жизнь я живу. Чево токма в жизни не понаслушался, а вот нет ничо лучше, ковда на своем поговоре сказку слушать или другой какой рассказ про старое или новое. Вот ковда от дома далеко, да земляка встренишь, да как услышишь от него два-три слова, которы в твоей деревне слышал с детства, но адали домой на побывку съездил. Вот чо значит родное слово услыхать²...»

* * *

Я заматерел среди редких мужиков, которые не анекдоты травили, а сказывали побывальщины и байки; я вырос в мудром и украсном языке, а се что в дивной и щедрой тайге, а посему согласен с книжными русофилами: приторно читать иного «русопята», когда тот, словно измываясь над русским словом, за признак или призрак народной, суть крестьянской речи выдает «чо» и «почо» да «знаш, понимаш», ибо не ведает что сила и краса народной речи таится в природном, цветастом образе, в притчевом и пословичном любомудрии. Выше запечатлённые сельские жители – люди простые, речью скудные, вроде моей тётки Нюры, которая, помню, говаривала, глядя в окошко: «Глянь, Дуся-то с хахалем пошли ползунику собирать³... От ить, прости Господи, не баба, куль с костями бренчит, а хахаля отхватила – таракан запечный, с усами. Свой-то мужик под святыми лежит, помират, а блудня хвост задрала, по рукам пошла...» Се ходовая деревенская речь, а послушай-ка, брат, сельских балагуров, краснобаев да краснопевцев, писатели «деревенщики» смеркнут; те лишь прикоснулись к стихии народной речи и вышли в писатели, возлюбленные простолюдем.

* * *

Пав ниц перед величием народной речи, великий знаток русских календарных обрядов и обычаев Иван Сахаров возмущался: «Было время, когда я слышал, как в городах и сёлах русские, наученные заморскими бродягами, с презрением говорили, что русский язык есть язык холопский, что образованному человеку совестно читать и писать по-русски, что наши песни, сказки и предания глупы, пошлы и суть достояние подлого простого народа, деревенских мужиков и баб, что наша народная одёжа (повязка, кокошник, сарафан и кафтан) заклеимены презрением, осуждены Европой на изгнание и носят на себе отпечаток холопства, вынесенного из Азии.»⁴ Воистину, не понимали народную речь, а с речью и народную душу, дворяне с разночинцами и нынешняя *образованщина*, даже в классических университетах изучавшая русский язык и стилистику. В словарях, и учебниках, по которым они *проходили* или *пробегали* русский язык, мудрая, звучная и живописная простонародная речь именовалась грубо-просторечной, лексически сниженной.

На закате девятнадцатого и на кровавом восходе двадцатого века свирепо порадели на ниве русского книжного языка местечковые литераторы и прочие щелкопёры, о чем писал опять же Куприн в мужественном и откровенном письме Ф.Д. Батюшкову: «...Но есть одна – только одна область, в которой простителен самый узкий национализм. Это область родного языка и литературы. А именно к

¹ Использована реальная запись 1937 года: Илья Парфенович Скосырский. Село Шапенково, Баргузинского района, Прибайкалье.

² Использована реальная запись 1937 года: Елшин Артем Васильевич. Баргузин, Прибайкалье.

³ Ползунику братъ, сшибать, – по-деревенски означало: миловаться, целоваться; ежели в супружестве – ладно, а ежели круг ракитова куста венчались – блудят.

⁴ Цит. по кн. Селезнев Ю.И. Избранное. М., 1987. С. 405.

ней евреи – вообще легко ко всему приспособливающийся – относятся с величайшей небрежностью. Ведь никто, как они, внесли и вносят в прелестный русский язык сотни немецких, французских, польских, торгово-условных, телеграфно-сокращённых, нелепых и противных слов. Они создали теперешнюю ужасную по языку нелегальную литературу и социал-демократическую брошюратину. Они внесли припадочную истеричность и пристрастность в критику и рецензию. Они же, начиная от «свистуна» (словечко Л.Толстого) М. Нордау, и кончая Оскаром Норвежским, полезли в постель, в нужник, в столовую и в ванную к писателям. Ради Бога!.. идите в генералы, инженеры, учёные, доктора, адвокаты – куда хотите! Но не трогайте нашего языка, который вам чужд, и который даже от нас, вскормленных им, требует теперь самого нежного, самого бережного и любовного отношения.»¹

Разумеется, в сравнении со стародворянской, все же хоть и нерусской по духу и узору, но по-французски утончённой, в сравнении с книжно-разночинной, нынешняя ходовая устная и письменная русскоязычная речь похожа на серый железобетонный дом с крикливыми щитами рекламы на ломаном английском языке. Это язык не русской, не английской, – серой расы... А как сказал некогда евразийский поэт: «Серая раса, – сволочи...» Неживая, пластмассовая речь была прозвана учёными мужами *макаронической*, ибо жутко замусорена иноземными варваризмами, об которые язык сломаешь, мозги свернёшь, которые, как мужики смеются, без бутылки и не вышепчешь. Все эти *приватизации, номинации, презентации, рокеры, брокеры, рекиты, дилеры, мэры, пэры, клипы, шопы, шоу...* — обрыдли здоровому русскому уху; это – иноземная технократическая свалка в оскудевшей ныне, но некогда щедрой и вольной, красивой природе народного языка; и как бы нам избавиться от языковой помойки, поскольку многим иноземным речениям есть заменители в родном наречии.²

Мы вроде стесняемся перед Европой и Америкой своего родного языка, как и народной культуры, пялим на широкую русскую кость аглицкие панталоны, а штаны заморские трещат по швам. (Даже наши сельские специалисты, коим сам Бог ссудил легко и вольно владеть народным говором, поскольку общаются с деревенским людом, и те сплошь и рядом не умеют говорить с простонародьем на их исконном наречии, и себя, и крестьян величают аграриями; и так это звучит смешно да грешно, когда агрономы возглашают: в поля аграрии навоз вывозили...) Помню, некий образованец принародно вещал про форсистого артиста: мол, у него харизма своеобразная, на что простоватый мужичок пожал плечами: дескать, харя как харя, ничего особого. Пристрастие русской поросли к английскому языку и англоязычной культуре – признак яремного, колониального, холопского сознания.

В конце восемнадцатого века поэт Александр Сумароков упреждал русаков: «Вовек отеческим языком не гнушайся, / И не вводи в него чужого ничего, / Но собственной своей красою украшайся...»³ Даже Иван Тургенев, несмотря на свои поздние либерально-западнические, германофильские воззрения, невзирая на резкое неприятие русской народности (*роман «Дым»*), слёзно умолял: «Берегите чистоту языка, как святыню! Никогда не употребляйте иностранных слов. **Русский язык так богат, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас.**»⁴

А уж как страдал и печалился о русской речи, засорённой чужеземной тарабарщиной, Владимир Даль, великий знаток народной языковой Вселенной: «Смесь нижегородского с французским (*ныне, английским, – А. Б.*) была мне ненавистна по природе...»

И чего уж нам пресмыкаться, выстилаться перед тем же английским языком, если, как поведал Гавриил Державин: «*Славяно-российский язык, по свидетельству самих иностранных эстетиков, не уступает ни в мужестве латинскому, ни в плавности греческому, превосходя все европейские...*»⁵ Пристрастие к чужеземной речи, французской, потом английской, – беда холопского сознания и оторванного от народной мудрости, западно-европейского безбожного просвещения. Александр Пушкин с горькой иронией писал в стародавние времена, а вроде нынче:

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды лик увидел,

¹ Там же. С. 407.

² Белинский В.Г. О русских классиках. М., «Худ. Лит». 1979. С.350.

³ Цит. по кн. Бондаренко В.Г. Серебрянный век простонародья. М., 2004.С. 225

⁴ Там же. С. 190.

⁵ Там же. С. 284.

И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.¹
В нынешнем веке к чуждебесному просвещению добавилась ещё и голубоэкранный порча.

* * *

Говоря о засорении русского языка чрезмерными иноземными заимствованиями, я не навязываю, так называемого *пуризма*, в чем многоученные русисты – особо либерально-демократического толка – некогда обвиняли министра просвещения, президента императорской Академии наук, вице-адмирала Александра Семёновича Шишкова, мелкими придирками, вроде *мокроступов*, пытаюсь сжить со света его великие письменные труды о русской речи, как языке самом древнем, являющем собой корни и ствол, от коих ветвями в незапамятные времена выросли европейские языки. **«Наш язык – древо, породившее отрасли наречий иных... Да умножится, да возрастет усердие к русскому слову и в делателях, и в слушателях!.. Я почитаю язык наш столь древним, что источники его теряются во мраке времён; столь в звуках своих верным подражателем природы, что, кажется, она сама его составляла; столь изобильным в раздроблении мыслей на множество самых тонких отличий, и вместе столь важным и простым, что каждое говорящее им лицо может особыми, приличными званию своему словами объясняться...»**²

Великий радетель исконной русской речи Александр Семёнович Шишков ратовал за изыскание в многовековой истории родного языка истинно русских слов взамен чужестранных, и само это желание похвально для русского государственника. А уж о мере эдакого желания судить трудно. Мало того, министр просвещения, ополчившись даже на святителя Филарета, митрополита Московского, был рьяным противником перевода Священного Писания с церковнославянского на светский язык, впрочем, как иные члены патриотического общества «Беседа любителей русского слова», которое и возглавлял вождь консервативной русской мысли в России – вице-адмирал Александр Семёнович Шишков.

«Сей «муж отечестволюбивый», бесспорно, является одним из столпов русской культуры XIX века, – соглашается Александр Сегень, посвятивший великому консерватору немало страниц в романе о святителе Филарете. – В молодости бравый моряк, с ранних лет одновременно начавший увлекаться филологией и переводить на русский язык иностранные книги, он был стойким противником засорения русского языка иностранщиной и успешно боролся за сохранение самобытности нашей речи. (...) В 1803 году Шишков опубликовал свой важнейший труд «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка». В 1805 году вышел в свет его перевод «Слова о полку Игореве». В 1810 он создал общество «Беседа любителей русского слова». Все мы помним, как озорники, дурачась над стремлением Шишкова находить русскую замену иностранным словам, придумали такую дразнилку: «Хорошилище идёт по гульбищу из позорища на ристалище», что в переводе на иностранные заимствованные слова означало: «Франт идёт по бульвару из театра в цирк». Помним и злые эпиграммы Пушкина на Шишкова. Но если внимательно прочитать шишковское «Рассуждение о старом и новом слоге», содержащее обширный словарь русских слов, которые Александр Семёнович предлагал воскресить, заменяя ими заморские, нетрудно увидеть, как много этих слов Пушкин использовал в своих произведениях, тем самым, проведя в жизнь мечты Шишкова! Так что и Александр Семёнович приложил руку к созданию русского литературного языка. Когда в 1817 году родилось министерство духовных дел и народного просвещения, которое возглавил ненавистный Голицын, Шишков, конечно же, сразу стал яростным врагом этого учреждения. Не переставал он бороться и с библейским обществом, открыто называя его членов пособниками мирового протестантизма. Голицына он обвинял в упадке нравственности, в разгуле свободомыслия и антиправославного мистицизма. Шишков говорил: «Кажется, как будто все училища превратились в школы разврата, и кто оттуда ни выйдет, тотчас покажет, что он совращён с истинного пути и голова у него набита пустотой, а сердце самолюбием, первым врагом благоразумия». А о переводах Библии на новый язык Александр Семёнович отзывался так: «Это переводы с языка Церкви на язык театра». Семидесятилетний президент Российской академии наук адмирал Шишков стал министром народного просвещения.

¹ Пушкин А.С. Собр. Соч. в 10-ти томах. Москва. «Худ. Лит». 1974. Т. 2. с. 533

² А. С. Шишков «Славянорусский корнеслов». Москва «Духовное преображение», 2011 г.

В 1815 году Пушкин писал свою известную эпиграмму «Угрюмых тройка есть певцов – Шихматов, Шаховской, Шишков»; а во «Втором послании к цензору» Александр Сергеевич иначе написал об Александре Семёновиче и его новом назначении: «Обдумав, наконец, намеренья благие, / Министра честного наш добрый царь избрал, / Шишков наук уже правленье воспринял. / Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа, / Он славен славою двенадцатого года; / Один в толпе вельмож он русских муз любил, / Их, незамеченных, созвал, соединил...»

Одновременно Шишкова назначили главноуправляющим делами иностранных вероисповеданий. Наконец-то в России началась борьба с иностранным засильем, с раболепным почитанием всего европейского и презрением всего русского. Во главе этой борьбы встал тот, кто ещё тринадцать лет назад в своём «Рассуждении о любви к Отечеству» писал: «Воспитание должно быть отечественное, а не чужеземное. Учёный чужестранец может преподавать нам, когда нужно, некоторые знания свои в науках, но не может вложить в душу нашу огня народной гордости, огня любви к отечеству, точно так же, как я не могу вложить в него чувствований моих к моей матери... Народное воспитание есть весьма важное дело, требующее великой прозорливости и предусмотрения. Оно не действует в настоящее время, но приготовляет счастье или несчастье предбудущих времён, и призывает на главу нашу или благословение, или клятву потомков».

А ещё раньше, в своём знаменитом «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка»: «Какое знание можем мы иметь в природном языке своём, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее, нежели своим, и даже до того заражаются к ним пристрастием, что не токмо в языке своём никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать оно, но ещё многие из них с им постыднейшим из всех невежеством, как бы некоторым украшающим их достоинством хвастают и величаются. Будучи таким образом воспитываемы, едва силой необходимой наслышки научаются они объясняться тем всенародным языком, который в общих разговорах употребителен; но каким образом могут они почерпнуть искусство и сведение в книжном или учёном языке, столь далеко отстоящем от сего простого мыслей своих сообщения? Для познания богатства, обилия, силы и красоты языка своего нужно читать изданные на оные книги, а наипаче превосходными писателями сочинённые».

Но он же был не только ненавистником Голицына, но и противником святителя Филарета. Удивительно, как порой бывают врагами люди, коих потомки почитают с одинаковым благоговением! Шишков яростно выступал против перевода Священного Писания и Филаретовских катехизисов. (...) Новый министр просвещения добился запрета на печатание как большого, так и малого катехизисов, а также потребовал остановки перевода Библии на современный язык и получил одобрение¹.

Еретики-обновленцы, что при пособничестве богохулов-большевиков пытались воцариться в Русской Православной Церкви, ратовали о переводе Святого Писания, Священного Предания, богослужебных книг с божественного церковнославянского на суетный язык грешных романов.

* * *

При использовании заёмной речи, как справедливо заметил Белинский, необходимо здравомыслие и здравокусие, дающее русскому человеку чувство языковой меры.

Но самая страшная напасть в нынешнем... языке не поворачивается молвить, *русском...* языке, – натиск хамского тюремного жаргона, а то и просто подзаборной брани в разговорную, да и книжную речь, отчего похожа на свалки в дачных березняках нынешняя речь. Опять на Руси воцарился местечковый хам с жаргоном. Уйму слов испохабила нынешняя нерусская – русскоязычная речь; воскликнешь: «голубое небо» – похабно ухмыльнутся, пропоёшь: «голубой вагон бежит, качается...» – похабно рассмеются, помянешь иркутский полустанок «Голубые ели» – ёрники добавят: «... и пили». Вот дожили: уже и эпитеты «голубой, красный, коричневый, красно-коричневый, оранжевый...» в песенную строку грешно лепить, двусмысленно выходит.

Да, в старорусской деревне обитали мужики, а ино и бабы, одержимые бесом сквернословия, и старухи, отмахиваясь, боязливо крестясь, плевали под ноги матюжникам, а старики сокрушенно ка-

¹ Александр Сегень. «Филарет Московский». Молодая гвардия, 2011 г.

чали головами: «И как ты сим поганым ртом хлеб ешь?! как отца и мать поминаешь?! не говоря уж о Боге...» В начале прошлого века, когда ещё девяносто процентов крестьянского населения, слава Богу, владело величавым пословично-поговорочным, природно-образным, божественным языком, жаргон ядовито расцветал лишь в либерально-демократической, газетной и литературной местечковой, одесской «малине». А теперь русскоязычному жаргону полная воля, родному языку – скорбная неволя. Это как российские правители презирают свой народ, свою отеческую речь, чтобы позволить такое, когда по радио и телевидению, в поездах, самолётах, автобусах денно и ночью звучат уголовно-жаргонные, богомерзкие «песенки», – вроде, «*я беременна, беременна, беременна, но это временно, временно, временно...*», когда жаргон и мат, словно ядовитые помои из взорванной канализации, захлестнули нынешнее кино и, к великой скорби, даже и российскую литературу. Невольно помянешь, опять же, Александра Шишкова: «Хочешь погубить народ, истреби его язык».

* * *

Краса и сила речи в умении мастерски расцветить её метким образным словом, народным речением, кое шлифовалось веками. Народная мудрость, своё высшее и поэтическое воплощение нашла в пословицах и поговорках, и даже загадках. Народ осознавал особенное, заглавное положение пословиц и поговорок в родном языке, что и выразил устно: «*Красна речь с притчею; пословица ведётся, как изба веником метётся; пословица недаром молвится; на твою спесь пословица есть; белый свет не околица, а пустая речь не пословица*».

Не все пословицы и поговорки, разумеется, являют собой образцы высокой христианской духовности, но они запечатлели живую и верную, яркую картину народной психологии, отобразили и противоречивость русского характера, вмещающего в себя непостижимую миру самоотрешённую любовь к Богу и ближнему, но и отчаянные, безрассудные языческие страсти. Есть там и Христова Церковь, и бесовский кабак... Пословицы и поговорки разом выказали эти порой взаимоисключающие стороны русского характера, противостоящие народные типы. *Без Бога ни до порога, Бог не захочет и прыщ не вскочит*, и в то же время: *На Бога надейся, да сам не плошай; Гром не грянет, мужик не перекрестится*, а то и похлеще: *Украл да продал – Бог подал; Господи, прости, в чужую клеть пусти; подсоби нагрести и вынести; Не убьёшь, не украдёшь – не будешь богат, а будешь горбат*.

Русские пословицы и поговорки собирали, записывали М. Ломоносов, А. Пушкин, А. Добролюбов, А. Кольцов, Н. Гоголь, А. Островский, М. Салтыков-Щедрин, Л. Толстой, М. Горький. Но ничто не сравнится с великим трудом, народным подвигом, что совершил учёный диалектолог, этнограф и писатель Владимир Даль (Казак Луганский), за несколько десятилетий собравший более 30 тысяч пословиц и поговорок, метких слов и присловий, расписавший их в строгую тематическую систему. Нельзя забывать, что народовед одновременно трудился и над многотомным «Словарём живого русского языка».

Благословил и вдохновил Владимира Даля на создание сборника «Пословиц русского народа» (да и «Толкового словаря живого великорусского языка») Александр Пушкин, любивший русскую пословицу не менее сказки. Владимир Даль вспоминал: «А как Пушкин ценил народную речь нашу, с каким жаром и усладой он к ней прислушивался, как одно только кипучее нетерпение заставляло его в то же время прерывать созерцания свои шумным взрывом одобрений и острых замечаний и сравнений»¹.

П. И. Бартенев в «Рассказах о Пушкине» писал: «За словарь свой Даль принялся по настоянию Пушкина». А в статье посвящённой памяти Даля Бартенев подтвердил: «Сближение с Жуковским, а через него с Пушкиным утвердило Даля в мысли собрать словарь живого народного русского языка. В особенности Пушкин деятельно ободрял его, перечитывал вместе с ним его собрание и пополнял своими сообщениями». Во время одной из последних встреч с Владимиром Далем Александр Пушкин воскликнул с восторгом и горечью: «*Сказка сказкой, а язык наш сам по себе; и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать?.. Надо бы сделать, чтоб выучиться говорить по-русски и не в сказке... Да нет, трудно, нельзя ещё! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не даётся в руки, нет*»². Пушкин

¹ Даль В. И. ПСС в восьми томах. Казак Луганский. М., «Столица». Т. 1. С. XXIV.

² Бартенев П. И. «Рассказы о Пушкине». М., 1973. С. 11.

не скромничал, исповедально и поклонно опустив голову перед величием народной поэзии, хотя и гений-то пушкинский, чудо его поэтическое, перво-наперво в том, что он, дворянин, казалось бы взросший на английских и французских романах, сумел ... поклон Арине Родионовне... пробиться к народно-православному духу и крестьянскому слову, и тем самым воспарил, воцарил над поэтами «золотого века», коих Господь тоже не обделил талантами.

* * *

Нелёгкой была судьба «Пословиц русского народа», собранных, обработанных и тематически обустроенных Владимиром Далем. С добрым вниманием, глубоким интересом следили за его титаническим трудом писатели, критики, скажем, славянофильского крыла русской общественной мысли. «Греч и Пушкин горячо поддерживали это направление моё, – вспоминал учёный, – также Гоголь, Хомяков, Киреевские, Погодин; Жуковский был как бы равнодушнее к этому и боялся мужичества». Сложнее было отношение к сборнику Даля со стороны *многоученого сословия*, – чопорных академиков и самого императорского двора, – испугавшегося *деревенской темы и мужичества*, не воспринявших правду о народе русском, пусть даже в его мучительном противоречии христианского и языческого.

Если академик Востоков, в целом одоблив сборник, сомневался в необходимости включать в него пословицы и поговорки на религиозные темы, то протоирей-академик Кочетов резко осудил труд Даля и выступил против его публикации. Кочетов считал, что «памятник мудрости народной» должен явиться драгоценным подарком русскому народу, преподнесённым человеком «обращающимся в лучшем обществе», «знающим светские приличия», а сборник Даля «чуждый отбора и порядка; в нём есть места, способные оскорбить религиозные чувства читателей; есть изречения, опасные для нравственности народной». Это «бочка мёду да ложка дёгтю», «куль муки да щепотка мышьяку», – вздыхал академик Кочетов и пояснял свою скорбь: «Нет сомнения, что все эти выражения употреблялись в народе, но народ глуп и болтает всякий вздор»¹.

И хотя Даль был человеком завершённых православно-монархических убеждений, что, кстати, выразилось и в подборе пословиц, император Николай I высказался против публикации сборника. У императора Николая I, как и у академика Кочетова, была своя правота, – забота о православной духовности и нравственности вверенного ему Богом народа (он бы и хотел, чтобы сборник пословиц, очистившись от языческих суеверий, был духовно-нравственным поучением), Даль же в «Пословицах русского народа» показал полную, неискажённую картину народного мировоззрения в противоречии христианского и суеверно-языческого, духовного и хозяйственно-материалистического. Он в «Напутном слове» и укоряет, обращаясь к себе: «Кто дал тебе право выбирать и браковать? Где предел этой разборчивости? Ведь ты набираешь не *цветник*, а *сборник*...»² Хотя, тем не менее, подчеркивая, что набожность – православность – основная черта русского человека (суть, крестьянина, который составлял в далевскую пору более девяноста процентов населения России), да порой доходящая до юродивости, но ласковая, тёплая набожность, какая и не снилась европейским народам, а суеверно-языческое – есть лишь побочное и грешное в русском характере. Но ведь один Бог без греха...

Российские деятели из просвещённого общества пытались загнать русское простонародье в ложе своих идеологий: правящей православно-монархической верхушке хотелось видеть его лишь в смиренных крестьянских трудах от темна до темна, в домостроительстве и молитвах, либералам же потребен был народ безбожный и бунтующий; но русскому простонародью и то и другое идеологическое ложе оказалось узким, – народ был сложнее, загадочнее, и, к сожалению, духовно противоречивее. Отчего и рождались в нашем отечестве великие и кровавые смуты и духовные трагедии. И это правда, от которой не откреститься крестом, не отбиться пестом.

* * *

Русская народная культура и мудрость, – это крестьянская культура и крестьянская мудрость. С такой любовью сказал об этом Александр Куприн в своём поклонном слове русскому крестьянину.

¹ Даль В. И. ПСС в восьми томах. Казак Луганский. М., «Столица». 1995. Т. 1. С. XXI.

² Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1994. С. 5.

«Когда, говорят «русский народ», я всегда думаю – «русский крестьянин». Да и как же иначе думать, если мужик всегда составлял 80% российского народонаселения. Я, право, не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я – знаю только, что я ему бесконечно много должен, ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке, и за всё это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность».¹

Словом, **народная мудрость**, выраженная, в том числе, и в пословице, – **крестьянская мудрость**, и уж никак не дворянская или интеллигентская. Об этом писал Владимир Даль в «Напутном слове» к своему сборнику «Пословицы русского народа»: «Что за пословицами и поговорками надо идти в народ, в этом никто спорить не станет; в образованном и просвещённом обществе пословицы нет; попадают слабые, искалеченные отголоски их, переложённые на наши нравы или испошленные нерусским языком, да плохие переводы с чужих языков. Готовых пословиц высшее общество не принимает, потому что это картины чуждого ему быта, да и не его язык; а своих не слагает, может быть из вежливости и светского приличия: пословица колет не в бровь, а прямо в глаз. И кто же станет поминать в хорошем обществе борону, соху, ступу, лапти, а тем паче рубаху и подоплёку? А если заменить все выражения эти речениями нашего быта, то как-то не выходит пословицы, а сочиняется пошлость, в которой намёк весь выходит наружу.

(...) У нас же, более чем где-нибудь, просвещение – такое, какое есть, – сделалось гонителем всего родного и народного. (...) Только в самое последнее время стали догадываться, что нас леший обошёл, что мы кружим и плутаем, сбившись с пути, и зайдём неведомо куда. С одной стороны, ревнители готового чужого, не считая нужным изучить сперва своё, насильственно переносили к нам всё в том виде, в каком оно попадалось и на чужой почве, где оно было выстрадано и выработано, тогда как тут могло приняться только заплатами и лоском; с другой – бездарность опошшила то, что, усердствуя, старалась внести из родного быта в перчаточное сословие. (...) Как бы то ни было, но из всего этого следует, что если не собрать и не сберечь народных пословиц вовремя, то они, вытесняемые уровнем безличности и бесцветности, стрижкою под гребёнку, то есть общенародным просвещением, изникнут, как родники в засуху.

Простой народ упорнее хранит и сберегает исконный быт свой, и в косности его есть и дурная и хорошая сторона. Отцы и деды – для него великое дело; не раз ожёгшись на молоке, он дуёт и на воду, недоверчиво принимает новизну, говоря: «Все по-новому, да по-новому, а когда же будет по-доброму?» Он неохотно отступает от того, что безотчётно всосал с матерним молоком и что звучит в мало натруженной голове его складною речью. Ни чужие языки, ни грамматические умствования не сбивают его с толку, и он говорит верно, правильно, метко и красно, сам того не зная. Пословицы и поговорки слагаются только в пору первобытной простоты речи, и, как отрасли, близкие к корню, стоят нашего изучения и памяти». ² (Выделено мною, – А.Б.)

Я сожалею, что нынешние сельские жители, сплошь и рядом погрязшие в мрачной и безысходной гульбе, в нищете и лени, забыли, что они соль земли, что они не серая, тупая масса, что они народ, – народ великий, что вся культура и русская мудрость искони от деревни. Но, тем не менее, видя, что даже на фоне сельской порухи крепнут трезвенные, азартно работающие, сноровистые мужики, я верю, что тяжёлые испытания пройдут по русскому крестьянству очистительным огнём, и сильные не только выживут, но снова, – лишь в деревнях зазвонят православные колокола, – станут духовным, нравственным, культурным ядром нашей измученной, оживающей из пепла, нации. А потом и заговорят *по-русски*...

Не забудем же вешее слово Василия Шукшина: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвёл в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совестливость, доброту... Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами... Уверуй, что всё было не зря, наши песни, наши сказки, наши неимоверной трудности победы, наше страдание – не отдавай всего этого за понюх табаку. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».³

¹ Цит. по кн. Селезнев Ю.И. Избранное. М., 1987. С. 440.

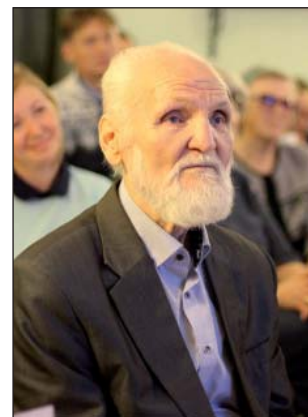
² Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1994. С. 6–7.

³ Шукшин В.М. Вопросы самому себе. М., 1981. С. 21.

Проза

Владимир Крупин

Владимир Николаевич Крупин родился в 1941 году в Кильмезье Кировской области. Русский православный писатель, публицист и педагог. Главный редактор журнала «Москва» (1990—1992). Лауреат Патриаршей литературной премии (2011). С 1994 года преподаёт в Московской духовной академии; с 1998 года – главный редактор христианского журнала «Благодатный огонь». Сопредседатель Союза Писателей России. Многолетний председатель жюри фестиваля православного кино «Радонеж». Мировую известность получила повесть Владимира Крупина «Живая вода» (1980). По ней снят фильм, она переведена на многие языки. Здесь в ироничной манере писатель переосмысливает легенду о живой воде. Повесть «На днях или раньше» (1977) посвящена проблемам семьи, «От рубля и выше» (1981) – проблемам художественного творчества, «Прости, прощай» (1986) – воспоминание о студенческих годах. В последние годы в творчестве писателя доминирует тема Православия и надежда на то, что оно спасет страну. Эта идея присутствует в повестях «Великорецкая купель» (1990), «Крестный ход», «Последние времена» (обе – 1994), «Слава Богу за все. Путевые раздумья» (1995). Автор более 30 книг. Живёт в Москве

Алёшино место

Рассказ

В нашей церкви долгие годы прислуживал батюшке Алёша – одинокий и, как казалось, несчастный горбун. Ему на войне повредило позвоночник, его лечили, но не вылечили. Так он и остался согнутым. Ещё и одного глаза у него не было. Ходил он круглый год в валенках, жил один недалеко от церкви, в боковушке, то есть в пристройке с отдельным входом.

Он знал наизусть все церковные службы: литургию, отпевания, венчание, крещение, был незаменим при водоосвящении, всегда точно и вовремя подавал кадило, кропило, выносил свечу, нёс перед батюшкой чашу с освященной водой – одним словом, был незаменим. Питался он раз в сутки, вместе с певчими в церковной сторожке. Казалось, что он был нелюдим, но я свидетель тому, как при крещении деточек озарялось радостью его лицо, как он улыбался венчающимся и как внимательно и серьёзно смотрел на отпеваемых.

Я ещё помнил то время, когда Алёша ходил бодро, выдвигая вперёд правое плечо, и казалось, что всегда неутомим и бодр, будет служить, но нет; во всем Господь положил предел. Он милостив к нам и даёт отдохновение: Алёша заболел, совсем занемог, даже ходить ему стало трудно, не то что служить, и он поневоле перестал помогать батюшке.

Никакой пенсии Алёша не получал, даже и не пытался оформить её. Деньги ему были совсем не нужны. Он не пил, не курил, носил одну и ту же одежду и растоптанную обувь. Никакие отделы социального обеспечения о нём и не вспомнили. А вот военкомат не забыл. К праздникам и к Дню Победы в храм приходили открытки, в которых Алёшу поздравляли и напоминали, что ему надо явиться за получением наград. Присылали талоны на льготы на все виды транспорта. Но Алёша никуда не ходил и ничем не пользовался. Кто его видел впервые, дивился на его странную, нарушающую, казалось, порядок фигуру, но мы, кто знал его давно, любили Алёшу, жалели, пытались заговорить с ним. Он отмалчивался, благодарил за деньги, которые ему давали, и отходил. А деньги, не вникая в их количество, тут же опускал в церковную кружку.

Мы видели, как тяжело он переживал свою немощь. С утра с помощью двух костылей притаскивал себя в храм, тяжело переступал через порог, хромал к скамье в правом притворе и садился на

неё. Место его было напротив Распятия. Алёша сидел во время чтения часов, литургии, крещения, венчания и отпевания, если они бывали в тот день, а потом уже уползал домой. Певчие жалели его и просили батюшку, чтобы Алёша обедал с ними. Конечно, батюшка разрешил. Да и много ли Алёша ел: две-три ложки супа, полкотлеты, стакан компоту, а в постный день обходился овсяной кашей и кусочком хлеба. Иногда немного жареной рыбки, вот и всё.

Во время службы Алёша шептал вслед за певчими, дьяконом и батюшкой слова литургии, вставал, когда выносили Евангелие, причастную чашу, когда поминали живых и усопших. Стоя на службе, я иногда взглядывал на Алёшу. Его, будто траву ветром, качало словами распева молитв: «Не надейтесь на князи, на сыны человеческия», Заповедей Блаженств, Херувимской, и, конечно, он вместе со всеми, держась за стену, вставал и пел Символ веры и Отче наш. Я невольно видел, как он страдал, что не может встать на колени при выносе чаши со Святыми Дарами, при начале причащения.

Когда кончалась служба, батюшка подходил после всех к Алёше и благословлял его крестом.

А ещё у нас в храме была такая бойкая старуха тётя Маша. Очень она была непоседлива. Но и очень богомольна. объехала много святых мест и продолжала их объезжать.

– Да разве это у нас вынос плащаницы? – говорила она. – Вот в Почаевской лавре – там это вынос, а у нас как-то обычно. А что такое у нас чтение Андрея Критского? Пришли четыре раза, постояли, разошлись. Нет, вот в Дивеево, вот там это – да! Там так продирает, там стоишь и рыдаешь. А уж Пасху надо встречать в Пюхтице. Так и возносит, так и возносит. А уж на Вознесение надо в Оптину. Вот где благодать. Там же и в Троицу надо быть. Сена накосят – запахи!

Когда Алёша был в состоянии сам ездить, она его упрекала, что он не посетил никаких святых мест, а мог бы – у него, фронтовика, льготы на все виды транспорта. Алёша только улыбался и отмалчивался. Думаю, что он никак не мог оставить службу в храме. А она у него была ежедневной. Даже в те дни, когда не было литургии, Алёша хлопотал в церковной ограде, помогал сторожу убирать двор, ходил за могилками у паперти. Тогда Маша, решив, чтоб зря не пропадали Алёшины льготы, стала брать у него проездные документы. Поэтому, конечно, она так много и объехала. А уж когда Алёша совсем занемог, Маша окончательно взяла его проездные себе.

И вот Алёша умер. И как-то так тихо, так умиротворенно, что мы и восприняли очень спокойно его кончину. Я пропустил два воскресенья, уезжал в командировку, потом пришёл в храм, и мне сказали, что Алёша умер, уже похоронили. Я постоял над свежим золотистым холмиком его могилы, помолился и пошёл поставить свечку за его поминовение.

Пришёл в храм, а на месте Алёши сидела Маша.

– Наездилась, – сказала она мне. – Буду на Алёшином месте сидеть. Теперь уж моя очередь.

Потом какое-то время я долго не был в храме, опять уезжал. А когда вернулся и пришёл на службу, на Алёшином месте сидела новая старуха, не Маша. Оказывается, и Машу уже схоронили. И Алёшино место освободилось для этой старухи.

– С Алёшиного места – прямо в рай, – сказала она.

Часто я вспоминаю Алёшу. Так и кажется иногда, что вот он выйдет со свечой, предваря вынос Евангелия, или сейчас поднесет кадило батюшке, будет стоять, серьёзный и сгорбленный, при отпевании, и как же озарится его измученное, сморщенное лицо, когда «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа» будет трижды погружаться во святую купель крещаемый младенец.

Застойные времена

В тот давний морозный декабрь в Вятке, куда я примчался из слякоти и туманов Москвы, я был здоров, счастлив и молод. Первые мои рассказы, напечатанные в столичных журналах, дошли до родины, один даже с фотографией, что восхищало. Вот, не вру, увидел в троллейбусе девушку, читающую мой рассказ. «Это – судьба», – забилося сердце. Я с ходу подсел, она покосилась, отодвинулась, а я сообщил: «Это я написал». Она ответила: «Иди, дядя, проспишь». С тех пор не ищу контактов с читателями. С московскими. А Вятка? Вятка – это Вятка. Конечно, нет пророка в своем Отечестве, тем более в недоверчивой Вятке, но ведь родина. Родина. Родила и вырастила, как не мечтать чем-то отблагодарить. Вот и считал свои рассказы малым вкладом в «малую» родину. Малой роди-

ной называли место рождения писателя. Для кого малая, а для меня – всесветная. Таковой же она, уверен, была и для вятского русского поэта Анатолия Гребнева, живущего в Перми. Именно с ним мы встретились в эти морозы. Навестили писательскую и журналистскую организации, сходили во главе большого коллектива пишущих в баню, естественно, в номера. Естественно, с допингом для увеличения радости жизни. Вымылись и выслушали новости светской жизни областного центра.

– Нет, Толя, – сказал я, когда мы остались одни, – это счастье, что мы живём не в Вятке. Счастье. Приехали и уехали, а живи тут постоянно? Ведь это надо было бы участвовать в «борьбе». Ну чего вот он (я назвал фамилию) с бабами связался?

– А этот, – Толя назвал другую фамилию, – уже рехнулся от сознания своей гениальности. Ты слышал, он говорит: я – вятский Гоголь.

Я передал Толе приветы и поклоны от Анатолия Кончица – прекрасного писателя, тоже, естественно, вятского, живущего в Москве. Он сын сосланного в Вятку белоруса и подосиновской женщины. Не женщина из-под осины, а район такой, Подосиновский. И пересказал Толе до сих пор не напечатанную повесть Кончица. О ней чуть дальше. ...Пока же закончу рассуждение о климате провинциальной культурной жизни в сравнении с московской. В провинции враждуют всерьёз и подолгу. В писательской организации из десяти членов всегда восемь партий. Вражда идёт до гробовой доски, закручивает события, втягивает и ближних, и дальних. В Москве враждовать некогда. Во-первых, в Москве никому ни до кого нет дела, во-вторых, в Москве много писателей, и все гении, в-третьих, событий, то есть сплетен, такое количество, что их не переварить. Утром узнаёшь, что такой-то уехал в Израиль, к обеду – что такой-то оттуда вернулся, а такая-то ушла от такого-то к такому-то (так ему и надо), вечером в ЦДЛ подрались (вчера тоже дрались, но как-то не так, сегодня ярче, милиция была), такой-то выдвинут на премию, а такой-то задвинут (конечно, надо наоборот, да разве ж эти там, в секретариате, чего-нибудь понимают), того-то избрали, а того-то прокатили (надо было обоих прокатить), а эта сучка только приехала из Франции и уже включена в делегацию в Италию («а ты что ж, не знал, она же стукачка»), то есть такое количество событий, стычек, лагерей, заседаний, что когда уж тут подолгу враждовать. Одно было и продолжается противостояние: евреи и русские. Но как-то же уживались, сидели на одних совещаниях, пьянствовали вместе, делить, конечно, было что (издания, звания, поездки...), но как-то и это решалось. Я потом долгие годы был в Приёмной комиссии, сейчас некогда, а надо бы рассказать, как принимали в Союз. Если мы, русские члены Приёмной комиссии, не принимали в Союз еврея, причём совершенно по объективным причинам (бездарен, тягомотен, мало написал, подождём), то члены комиссии евреи тут же автоматически топили русского, будь он хоть расталантив. Но как-то всё же договаривались, Союз писателей рос.

Именно в ЦДЛ я познакомился и мгновенно сдружился с Анатолием Кончицем, земляки же. Он часто звонил и забавлял, например, тем, что вот сейчас перечитал «Господина из Сан-Франциско» и понял, что в России только три прозаика: «Ты, я и Бунин». – «Тут у меня ещё Женя сидит», – говорил я. «Да, и ещё Женя». Но это он так шутил, а сам был скромнейший, совершенно не пробивной человек. Он написал повесть, где главный герой – унылый маленький человек советского времени. Комната в коммуналке, зарплата ниже уровня моря, кто такого полюбит? Но однажды в его комнате вдруг отъехала в сторону стена, за ней открылся сад, беседки, выскочил швейцар и пригласил: «А пожалте, барин, для аппетита погулять». Вот такой сюжет. Швейцар – имя его Филимон – любил барина. У берега тихой речки, конечно с лебедями, пели девушки в сарафанах, доносилась свирель пастуха. И барин, совершенно разнеженный, говорил Филимону: «Дай-ка ты мне, братец, в руки пистолет да поставь-ка ты себе на голову яблоко». – «А не портили бы вы яблоко, барин», – отвечал Филимон, нисколько не сомневаясь, что барин попадет не в лоб, а в цель.

Толя, посмеявшись, сказал вдруг:

– А что, барин, не мало ли мы погрелись?

Мы стояли среди морозного тумана. Окутанные седым снежным куржаком, извергая мгновенно замерзающие облака выхлопа, проносились автобусы. Скрипели валенки торопливых закутанных прохожих. Непонятное время как бы умершего от холода дня подстрекало к сопротивлению. Тем более после бани боялись простыть.

– Да, Филимон, – отвечал я. – Не будем портить радость от встречи разговорами о роли интеллигенции в её личной жизни.

Но в тот же вечер мы снова нарвались на такие разговоры. Нас заарканила областная гросс-дама (прошу только не думать ни на кого из знакомых вятских женщин), её давно нет в Кирове, тогда же она держала своеобразный салон. У неё, помню, были какие-то прыгающие по стенам и потолку пресноводные лягушки. Это добавляло ощущений. Театральная и околотеатральная публика, телевизионщики, ещё кто-то пели и пили и говорили услышанное по «Голосу Америки». Наша интеллигенция, что для неё, увы, естественно, верила разным «голосам» сильнее, чем голосу Москвы. Виновата и Москва (очень дубовые тексты звучали над страной), но и сама интеллигенция, которой со времён предателя Курбского, а его демократы числят в основателях русской интеллигенции, кажется, что всё заграничное лучше всего. Мне слышать то, что слышал-переслышал в ЦДЛ, было уже и невмоготу. Господи, Боже мой, я на родине, в богоспасаемой Вятке, и снова должен слушать бесконечное: Сталин, евреи, свобода творчества, пример Запада, отношение к интеллигенции, оплата творчества по таланту (все же таланты!), сколько можно?

– Я ухожу, – сказал я Толе. – А ты, барин, как изволишь. Игра в барина и Филимона уже привязалась к нам, только мы так и не поняли, кто из нас кто; кто барин, а кто слуга.

– И на кого ж ты меня покинешь? – отвечал Толя. Мы выбрались из-за стола вроде покурить, оделись в прихожей и самым примитивным образом эмигрировали. Так сказать, безвизно. Мороз ещё подбавил. Троллейбусы уже не ходили. Стали ловить машину. Толя остался на остановке, поставив на скамью портфель и выскакивая голосовать проезжающим, я перешёл на другую сторону.

Машину-то мы поймали, а вот портфель у нас свистнули.

– Да, – сказал я, – очарование родиной продолжается.

Мы недолго бы переживали, если б портфель пропал без содержимого, но он пропал именно заряженным. Мы стали искать то, чем можно было б залить горечь интеллигентских дискуссий. Конечно, с высоты лет легко нас осудить: шли бы спать, и всё, но поставьте себя на наше место. Приехали на родину, давно не виделись.

Выручил писатель Владимир Ситников, спасибо. Он совершил нерядовой поступок, когда в глухую полночь вышел на наш звонок на площадку квартиры, сразу всё понял и помог.

На улице у меня лопнула подошва зимнего австрийского ботинка. На такие морозы она явно была не рассчитана. А ведь знали же немцы, что в России есть генерал Мороз. Быстро забыли. Нога моя заколела в минуту. Вприпрыжку мы побежали ночевать к моему брату.

Утром брат залил пространство щели на ботинке каким-то особым клеем.

– Погоду слушал, – сказал он. – У тебя, Толя, в Перми, гораздо теплее.

И вот эта случайная фраза брата о погоде решила нашу судьбу. Сидели на кухне и все прокручивали вчерашнее сидение с вятским бомондом. Разговоры его ничуть не отличались от разговоров и в Москве, и в Перми, рассуждали мы. У интеллигенции всегда все виноваты, но не она. Любимая тема – говорить о привилегиях начальства. Это же показывает зависть говорящего. Вторая любимая тема – обсасывать уже прошедшие события истории, которые уже не изменишь. Но зато сколько возможностей показать ум. Третья тема – осуждение пишущих (рисующих, играющих) собратьев. Конечно, все бездари. И так далее.

– У нас в Перми, – сказал Толя, – есть два поэта.

– Два? А ты? А?..

– Два враждующих. Зовут Штепсель и Тарапунька. Один – два метра, другой – метр с кепкой. Метр с кепкой написал: «Мировоззрение окраин центростремительней ума». Завихрение, конечно, но имеет же право. А высокий, Тарапунька, стал высмеивать: у этого шплинта и мировоззрение. Что ты! Обида, вражда. Если один пришел в Союз писателей, другой не придет.

– И у каждого читатели, так ведь?

– Естественно. А поехали-ка, Филимон, на вокзал, – сказал Толя. – Выпьем там. Не для пьянства, а чтоб не отвыкнуть для.

Поехали. Моментально схватили такси. Вообще, в дореформенной России с такси не было проблем, в Кирове особенно. Такси можно было вызвать из уличного телефона-автомата. Звонишь – через три минуты выезжает из-за угла. Ещё через пять минут водитель становится хорошим знакомым, а к концу поездки – преданным товарищем. Для начала Толя всегда читал стихи Передреева: «И вот стою и погибаю среди райцентровской грязи. Вот снова руку поднимаю, вот умоляю: подвези! Шофер берёт меня, сажает, а я ему не сват, не зять. Шофер глаза свои сужает, соображает, сколько

взять...» Вятские таксисты, в отличие от московских, глаза не сужали, брали по счётчику (что, кстати, было очень недорого), а один раз возивший нас таксист заявил: «Парни, это я вам должен платить, а не вы. Я с вами, парни, как в кино сходил». То есть умели мы поговорить с народом. Правда, народ был не нынешний. А таксисты, думаю, уже и забыли, когда возили простых людей.

Опять у меня перекидка в нынешние времена. Но, когда вспоминаешь, невольно сравниваешь. Поминая дни древние, поучаешься в них, говорит Псалтырь. Так и мы. Всё познается в сравнении. Чем плохо жили? Да ничем. Главное, не боялись завтрашнего дня. Стали недовольны жизнью – получай. Недовольство жизнью всегда ведет к её ухудшению.

Толсто замёрзшие стёкла вокзального ресторана не пропускали ни свету, ни изображения того, что происходило на перроне. Слышен был шум уходящих и приходящих электричек, гудки электро-возов.

– С этими разговорами, – сказал я, – будто из Москвы не уезжал.

– А я из Перми. У нас же тоже и «Немецкую волну», и «Свободу», и «Голос Америки» слушают. Глушат, конечно, да что толку. Антенны насобачились делать, приёмники делают помощней. За высокую техническую грамотность! – поднял Толя бокал.

– И за низкую национальную сознательность! – поднял я свой навстречу. – То есть за то, чтоб она возросла.

– Как всегда будет поздно, – хладнокровно отвечал Толя. Он закурил, порассматривал ногти на пальцах, поднял взгляд и весело предложил: – А поедем, Филимон, в Пермь. Сказал же брат – там теплее.

– Тогда уж в Москву. Там вообще оттепель. Мы почти посередине. Жребий?

– Жребий? – Толя уже достал спички и одну из них обезглавил. – Но! Вытянем Москву, а вдруг вначале пойдет на восток. Давай поедем туда, куда пойдет скорее.

– Давай.

Мы поднялись в кассовый зал, к расписанию. Вышло в Пермь. Билеты, правда, были в общий вагон, но что с того.

– Зима, мороз, и все куда-то едут. Ну, мы-то хотя бы освежить взгляд зрелищем заснеженной России, а все-то куда? – спрашивал Толя, проверяя запасы огня и дыма, сигарет и спичек.

Поезд, на диво, пришёл и отошёл вовремя. В вагоне было так натоплено, что по нему бродили в майках. Плакали дети, орали динамики. Вагон был чуть ли не двадцатый, хвостовой. Выехали за привокзальные стрелки – и всё равно мотало. Толя уже узнал, что в поезде ресторана нет, есть буфет, но что и это не то.

– Почему?

– Как говорят психологи, выслушай информацию со знаком минус: в буфете только аква минерале. – Толя сделал паузу. – А теперь выслушай информацию со знаком плюс: в первом вагоне у проводника, официальная кличка Игорь, есть. Правда, надбавка за подпольную продажу, ну-к что ж. Идём? Водка от гонений крепнет.

Тогда, опять же, кстати, качество спиртного было данным, то есть надёжным. Демократического пошла, убивающего людей, вроде «королевского» спирта «ройяль», вроде чудовищной ацетоновой бормотухи не было и в страшном сне.

Мы оставили полушубки и пошагали налегке. Представьте эти два десятка вагонов, в которых жар и духота, и эти снежные тоннели тамбуров, эти тяжелые обросшие ледяным свинцом двери. Вечность мы шли до этого Игоря. Он оказался на месте, выслушал пароль от нашего проводника, назвал сумму. Мы к тому времени уже умели не удивляться. Купили расположение этого Игоря ещё и тем, что сообщили: одну распечатываем с ним, одну берём с собой. Платим за обе.

– Вот такой пошёл клиент у тебя.

Добру добро откликается – в служебном купе появились и горячая картошечка и рыба, также огурчики-помидорчики, вызвавшие в памяти частушку: «Огурчики-помидорчики, Сталин Кирова убил в коридорчике». Хоть и не убивал, а в частушку для закрепления в народной памяти попали оба. Посидели душевно, пошли. И снова эти контрасты жары и полярного холода, снова эти пере-мёрзшие окна, за которыми что-то пронеслось.

– Как в метро едем, – сказал я на середине пути.

– Слушай, барин, беря в рассуждение то, что от этих сквозняков и мороза ни в одном глазу, а так-

же трудность добывания горючего, а также то, что всё равно снова идти, то...

– Не из горла же.

В том же вагоне, в котором пришло разумное решение, мы обратились к проводнице как близкие друзья Игоря. Да и без Игоря мы были в своем народе. Огурчиков не было, но чистые стаканы, но хлеб, но шоколадка предстали в ту же минуту. Посидеть с нами проводница отказалась. Оставила нас из деликатности одних, пошла подметать.

– Надо бы ей стих сочинить, – предложил я. – Еда на уровне министров, да и обслуживают быстро.

Толя подхватил:

– Нам так понравилось сидеть, что захотелось к вам опять.

Мы всё прибрали, вышли в тамбур. Толя курил, я мёрз. Пытался продышать глазок в стекле. Вроде протаивало, но как только отслонялся, чтоб набрать воздуха, глазок затуманивался, как запылающий.

– Удмуртию, наверное, проезжаем.

– Не Удмуртию, а Глазовский уезд Вятской губернии, – поправил Толя. – Мы вятские, чужого нам не надо, но наше отдай. Нас вообще кругом обтяпали. Чайковский был наш, стал удмуртским, это что? Заболоцкий отошел к марийцам, Шаляпин к татарам, Шишкин к ним же. Что ж осталось? Васнецовы только. Ну что, барин, к Игорю?

Игорь уже был не проводник, а полупроводник, как мы его потом назвали. Но, выпивая, он не хамел, цены не прибавлял, только всё обещал начистить морду электрику состава.

– Он же всю дорогу дрыхнет. Вот и отоварил Райку. Нет, начищу! Будет блеснуть, будет!

– С мордой не связывайся, – посоветовал Толя. – Пристрели и выкинь. Проще. Вместе с Райкой.

И опять этот поход из головы в хвост. По пути благодарили проводницу, обещали написать ей стих. В этот раз всё-таки решили пойти до своего вагона, а то как бы наши полушубки не скоммуниздили. В вагоне полушубки были на месте.

– Филимон, пока не будем открывать, давай сочиним, обещали же.

Соседи по купе засобирались выходить. Верещагино.

– Уже Верещагино! – ахнул Толя. – Да, барин, вот как, оказывается, надо преодолевать пространство. Преодолевать его в движении. Лёжа мы бы так быстро не ехали.

Мы улучшили жилищные условия, то есть перебрались с боковых мест на перпендикулярные им. Стали сочинять. Я письменно, Толя устно.

В жаре, на полке боковой, Над колесом, у туалета, Я ехал к крестнику домой, Он был поэтом. Крик жён, храпенье их мужей, Хрипенье радиоэфира, Казалось мне, что нет уже Другого мира. И обескровленный листок В окне метался. Изнемогая, на восток Я продвигался...

Окончание я забыл, да это и неважно. Толя, как профессионал, сочинил гораздо лучше: «Надоело болтать и стограммить под хмельную чечётку колес. Я сумею состав застопкранить, я успею уйти под откос. Вы меня ни за что не найдете, мне на вас глубоко наплевать. Ах, какие на поле омёты, я в омёты уйду ночевать... – Дальше, помню, было: – С головою зареюсь в лучи и усну в золотистой соломе, как у мамы на русской печи. – В конце стояло: – Не забыт он, не предан, не запит родниковой отчизны исток. Мне на Вятку, на запад, на запад, а колеса стучат на восток».

Толя щедро похвалил мои способности к рифме, но поправил:

– То, что я твой крестник, ты верно отобразил, но почему про этого крестника: он был поэтом? Был? Если так, то я сумею состав застопкранить. Все будут как обескровленные листки метаться.

– А на кого это тебе глубоко наплевать?

– Они поймут.

В Перми вряд ли было теплее. Доказательством мороза было то, что прямо на вокзале у меня лопнула вторая подошва, и первая, та, которую лечил брат, тоже треснула, но не по склеенному, брат сделал на совесть, а рядом.

– У тебя дома клей есть?

– У меня, как в Греции, всё есть, – отвечал Толя. – Но ты что, думаешь сдаваться? У меня и жена есть, даже и вятская, то есть даже больше, чем хорошая, да ведь жена-а. Но! Барин, сейчас хоть и темно, а ведь ещё и шести нет. Помнишь шутку: до семи пьют семиты, а после семи антисемиты. Поехали в Союз, там точно кто-нибудь есть.

О, эти бесконечные пермские улицы, проспекты, гигантские площади. Ну, зачем, скажите мне, иметь в городе улицу, конечно, имени Ленина, длиной в семьдесят километров? Одно утешало, что в Перми есть своя Царь-пушка размерами больше Царь-пушки, стоящей в Кремле. Причём важное отличие: кремлёвская пушка так и не выстрелила, а пермская и стреляла, и ещё вполне может стрелять. Сведение, ценное для нынешних времен.

Приехали в Союз писателей. Там было народисто. Рядом с Союзом писателей был клуб МВД, конечно, имени Дзержинского. В нём мы быстро достали всё необходимое для радости встречи. Вот, кстати, тоже глагол: достать. Этот глагол гораздо энергичнее, нежели глагол «купить». Купить любой может, а ты достань. Достать – дело творческое. Загрелась казённая посуда, с меня требовали московских новостей. Но я всегда замечал, что в провинции больше знают о Москве, нежели в самой Москве. Высокий поэт, назовем Александром, завладел вниманием.

– Этот шплинт, – сказал он, – этот шибздик имеет мировоззрение.

– Хватит тебе! – закричали присутствующие.

– О! – вдруг встрепенулся Толя, сидящий рядом. – Ведь Славка рядом живет. – Толя вышел. Потом я понял, что он звонил поэту маленького роста, просил прийти в Союз.

Тут началось и блистательно произошло событие, положившее конец поэтической вражде. Событие задумал и провёл Толя. Он примерно рассчитал время прибытия Славы и наполнил бокалы.

– За Пушкина! – возгласил он.

Возражений не было. Только встали (за Россию, за Пушкина, за женщин – стоя), как в дверях появился Слава. Александр поперхнулся, Слава попятился, но Толя подскочил к дверям, загородил Славе выход и закричал:

– Тих-ха! Саш, скажи только одно: хуже или лучше Пушкина ты пишешь? Мы знаем, что ты прекрасный поэт, ты заработал бессмертие, но вот кто лучше: ты или Пушкин?

Александр помялся, переступил (все ждали ответа) и угрюмо проворчал:

– Ну, Пушкин.

– А ты, Слав? – тут же обратился Толя к маленькому ростом. – Ты лучше Пушкина пишешь, а?

– Что глупость говорить? – ответил Слава. – Пушкин же.

– Итак! – поднял руку Толя. – Вы оба пишете хуже Пушкина, так чего вам делить? Чего? Ну-ка, брудершафт!

Мы загудели одобрительно, стали подталкивать противников друг ко другу. И – свершилось: Толя с помощью Пушкина и с нашей помощью покончил с враждой, вырвал её корни. Славу и Александра посадили вместе. Александр отечески подливал соседу и гудел:

– Плюнь ты на эти мировоззрения, пиши проще. Как у Пушкина: мороз и солнце, понимаешь, прибежали в избу дети... так и молоти.

Сидение закончилось. Тогдашний секретарь пермского отделения Союза писателей Николай Николаевич Вагнер позвал нас к себе. Много лет назад он похоронил жену, больше не женился, жил одиноко, но очень чисто в трехкомнатной квартире. Сразу отказался от нашего предложения посидеть на кухне, стал накрывать в большой гостиной. Любо-дорого было смотреть, как он постилает чистейшую скатерть, достаёт из серванта и перетирает хрусталь, фарфор, раскладывает мельхиоровые приборы, извлекает из морозилки запотевшие ёмкости, нарезает дефицитные продукты. Опять отвлекусь: это была чисто русская советская загадка тех времен: при пустых магазинах изобилие продуктов в домах. На Западе в магазинах всё ломилось, а придёшь к ним домой – пусто, экономно, ужимисто. У нас всегда полная чаша. Сейчас более начинаем походить на Запад.

Николаю хотелось поговорить с московским гостем.

– Вот этот, – он назвал модную фамилию, – ведь еврей?

– Ну?

– Я сразу понял. Не успел напечатать роман, как уже шквал аплодисментов. А ведь в зубы нечего взять, просто гигантский очерк, а не роман. А вот этот (фамилия) русский, прекраснейшая повесть, и никто ни звука.

– Ни слова о евреях! – закричали мы.

– При Сталине... – начал Николай.

– Ни слова о Сталине, – закричали мы.

– Значит, молчать?

– Есть же третья тема, – о женщинах.

Потом мы воспели этот вечер в стихах: «Коля жил как отшельник игумен, лишь с печатной машинкой дружил, и в горячке писательских буден без излишеств, без пьянства он жил. Только надо ж такому случиться – был покой монастырский сметён, вдруг явился к нему из столицы барин в туфлях, а с ним Филимон...» Про барина и Филимона мы, конечно, Николаю рассказали.

– С женщинами я вам не помощник, – ответил Николай. – Но пригласить могу.

– Приглашай, – распорядился Толя. – Желательно постарше. Для общения, для интеллекта. Вдохновения хватает.

Я вызвался чистить картошку и жарить мясо, они пошли звонить. Слышно было, как Толя энергично уговаривает:

– В такой мороз надо держаться ближе друг к другу. На полчаса? Отлично. В нашей жизни и пять минут могут стать вечностью.

Одну уговорили. Стали звонить второй. Вторая, объяснил Николай, была очень важной женщиной, со склада запчастей. Познакомился, когда ездил доставать что-то для своих «Жигулей». «Писателей, говорит, уважаю. Телефон дала домашний».

И вторую уговорили. И мясо у меня подошло и томилось под чугунной крышкой. Обе приехали чуть ли не враз. Первой та, которую Толя уговаривал особенно жарко. Зрелище было страшным. Потом мы его описали так: «Филимон возле дамы хлопочет, возле дамы ужасной своей, у которой ни сердца, ни почек, ни волос, ни бровей, ни груди». Вторая была раза в два моложе, но тоже сильно в годах.

Я сидел напротив Толи и видел, что он и страшится, и мужается поглядеть на соседку. Другая, со склада, была проще и веселее. Чем-то ей понравился именно я. Она предложила спеть интеллигентскую песню: «Миленький ты мой, возьми меня с собой». Спели и стали анализировать: кто в центре песни? Эмигрант? Скорее, ещё не уехавший, но отправивший в «край далёкий» и жену, и сестру. Ведь в краю далёком есть у него и жена, и сестра. Заставили Толю читать стихи. Всё было душевно.

Полночь, однако, приближалась. Женщина со склада вполне освоилась в квартире, сообщила мне, что нам надо занять одну из комнат, что уже люди устали, надо дать им отдохнуть, и нам пора. Николай, наклоняясь ко мне, вдалбливал, чтоб я непременно к утру достал крестовину для его «Жигулей». Вот женщина, прихватив в одну руку рюмки, в другую графин (Николай же не мог опуститься до того, чтоб наливать гостям из бутылок), лягнула меня в плечо бедром и пошла. Николай стал меня толкать вслед за ней, повторяя: «Крестовина, крестовина!» Так он меня и затолкал в камеру пыток.

– Миленький, – хлопнула в ладоши женщина, – контрольный звоночек, и...

Этот контрольный звоночек меня спас. Оказывается, муж женщины уехал в тот день проверять отопление на даче и собирался там ночевать, а приехал туда – всё отопление полопалось, трубы перемерзли, и он возвращается. Хорошо ещё, заехал к знакомым гаишникам и позвонил с поста. Эти сведения женщина получила от матери, взвизгнула и мгновенно собралась. Я фальшиво и радостно кричал:

– Как? Так сразу?

Вызвали такси. Оно, как и в Вятке, подрулило моментально. Женщина исчезла. Вскоре отправили и вторую. Можно себе представить радостное мужское застолье, которое вслед за этим продолжалось ещё дня три-четыре.

Но в этих днях были: и баня, и покупка мне зимних ботинок, не австрийских – отечественных, тёплых, надёжных, были и встречи с трудящимися и учащимися. Продолжалась игра и в барина, и в Филимона, причём, я до сих пор не понял, кто из нас кто. Ослабев здоровьем, я уже не мог ехать поездом. Тем более, если б я поехал поездом, то как бы я проехал Вятку? А на неё уже не оставалось сил. И я улетел самолетом. Всё было настолько доступно и настолько мы все это не ценили, что... что теперь!

В Москве измученный Уралом организм схватил простуду уже на трапе самолета при выходе, и вечером того же дня я отправился лечиться. Куда? Конечно, в ЦДЛ. И там, конечно, сидел Анатолий Кончиц, которому я и рассказал о воплощении его литературных персонажей, что его повесть, так сказать, каким-то боком вышла всё же в люди.

И какова же, как говорил знакомый писатель кавказских кровей, какова же «марал»? Он не видел смысла в рассказе, если в нём не было лобовой морали.

Да, какова «марал»? А никакой. Чего теперь, когда всё в России – и власть, и финансы, и особенно средства массовой информации, театр, кино, – всё захвачено, я не скажу – нерусскими, но скажу – антирусскими людьми. Именно так. И мы сами помогли этому. Одно утешает: всё это захвачено, а захватчики трясутся от страха. Они же понимают, что Россия осталась с русскими.

Но как же помогли? Очень просто: тем, что подвякивали кухонным борцам, желающим публично говорить правду, желающим жить в другой стране или переделать эту страну. Мало было, что говорили везде и говорили, кто что хотел. Но ведь так хотелось кайфа – тиражировать то, что говоришь на кухне, обнажаться хотелось публично. Ну, обнажились, ну, переделали страну, что ж вам невесело, господа хорошие?

В кратком послесловии сообщаю, что та женщина со склада сама привезла Николаю несколько крестовин, полюбила литературу, выпрашивала мой адрес. Николай выстоял, семья моя сохранилась.

Вот такие воспоминания из времён, когда картошка стоила десять копеек, а в школе детишек учили любить Родину.

От автора: эта моя работа 1995-го не была замечена. Что делать, я и не обольщаюсь тем, что она могла бы остановить наступление пошлости и разврата на русский театр. А теперь уже и («Тангейзер») кощунства воинствующего безбожия. А ведь все сдвиги в сторону падения начинаются с экспериментов. И ими оправдываются. Что же, нельзя заниматься поисками? Пожалуйста. Но где вы ищете, в каких помойках, в каких публичных домах? Широко разрекламированный конкурс «Золотая маска» стал именно тем разносчиком заразы, которую можно назвать гнойной язвой на теле сегодняшнего театра.

Проза

Александр Чумиков

Чумиков Александр Николаевич. Родился в 1954 году в Москве. Закончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Работал в комсомольских и партийных органах, в средствах массовой информации, ведущих коммерческих структурах, общественных организациях и ВУЗах страны. К 2018 году – генеральный директор коммуникационного агентства «Международный пресс-клуб» (www.pr-club.com), главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, профессор Российского университета дружбы народов. Кандидат философских наук, доктор политических наук, профессор. Автор 35 учебников, учебных пособий, монографий

по проблематике связей с общественностью, медиа, антикризисных коммуникаций; нескольких сотен публицистических материалов в общероссийских, московских, региональных газетах и журналах. В художественно-документальной прозе дебютировал в 2008 году с мемуарной книгой «Записки PR-профессионала» (Издательство «Питер») о собственной деятельности в самых известных российских и международных PR-проектах 1991–2008 годов; в 2016 году в литературно-художественном журнале «Берега» (г. Калининград) опубликовал повесть «Москва-400: едем мы из Жанжибая» о Советской Армии 70-х годов, открытых и ранее секретных страницах собственной службы в армии в СССР и за рубежом. Лауреат премии Союза журналистов России

Кам-са-мол!

Повесть

Москва, 1918-2018

Продолжение. Начало в № 2(26)-2018

О книге

Раз в сто лет случаются существенно значимые события. И это событие случилось. Повесть про Ленина. И про Брежнева. Про Багрицкого. И про Гайдара. Про Евтушенко и Пахмутову. Про драки во дворах. И про пионерлагеря. Про Высоцкого. И про Визбора. Про немецкого гауптмана Грота. И про австрийского горвосходителя Кропфа. Про дедовщину. И про романтику. Про Китай и Болгарию. Про московский пивной завод имени Бадаева. И кавказский альплагерь Узункол. Про пионеров на Мавзолее. И про медали на больших грудях. Про «обычную» школу и необычный райком. Про ту «Метлу». И не про ту ещё «Горбушку». Про то, как вместо обещанного ранее коммунизма объявили Олимпиаду. Про то, как всё начиналось, продолжалось и не закончилось. В общем, про кам-са-мол!

Ой, кто это? Во-о-о-от! А фамилии и события все естественные? Конечно – как и в любом художественном произведении...

100-летию ВЛКСМ – Комсомола и всем тем, кто помнит или хочет узнать о жизни в нашей стране 60-х, 70-х, 80-х годов прошлого века посвящается

ГЛАВА II

«Единственный друг – дорогой Комсомол»

(70-е)

Я в мир удивительный этот пришёл
Отваге и Правде учиться.
Единственный друг – дорогой Комсомол,
Ты можешь на нас положиться!

Мы пройдем сквозь шторм и дым,
Станет небо голубым,
Не расстанусь с Комсомолом,
Буду вечно молодым!...

Н. Добронравов. Не расстанусь с Комсомолом, 1970 г.

Вот приеду я на БАМ...

Дворы – дворами, драки – драками, власти – властями. Но дух-то, дух-то какой! Романтика! С прочно приросшим словом «комсомольская». Вся страна читает, про себя и вслух, поэму Евгения Евтушенко «Братская ГЭС», напечатанную в журнале «Юность» в 1965-м. Там про что, про Братскую ГЭС? Не-е-т! Сначала про египетскую пирамиду. Про рабов и господ. Потом про казнь Стеньки Разина. Про таинственных «петрашевцев». Про Чернышевского, который знал, что делать. Наконец, про Ленина, знавшего, с чего начать. И вот – собственно Братская ГЭС, в виде «Бетона социализма», «Первого эшелона» и др.:

«... Говорят глаза с глазами
И с тайгой невиданною:
«Мы себя «сослали» сами
В ссылку удивительную!
Стань, Сибирь, светлым-светла,
Радуйся и радуй!
Наказаньем ты была,
Сделайся наградой!»

И дальше:

«... Но встанет ГЭС, и свет ударит,
И песня странствовать пойдёт:
«Марчук играет на гитаре,
А море Братское поет...»

Получается вечный «рояль в кустах». Кто-то написал про какого-то Марчука. Евтушенко упомянул. А я теперь за это зацепился. За что за «это»?

Ну, слушайте.

В начале 60-х поэт Николай Добронравов и композитор Александра Пахмутова (в народе «Шурочка» за всегдашнюю изящность, жизнерадостность и маленький рост) побывали на Братской ГЭС и увидели инженера Алексея Марчука. Вспоминали:

«Молодой инженер Алексей Марчук сидел на баке, играл на гитаре и пел; в тёмно-синих спортивных брюках, в расписной косынке на голове, он был очень живописен. И действительно походил на «героя нашего времени».

Со временем Марчук стал крупным специалистом по плотинам, главным инженером Усть-Илимской ГЭС, доктором наук. И шутейно обижался, что известен он больше песней, где «Марчук играет на гитаре».

И Марчук, и прославившие его Добронравов с Пахмутовой, и их товарищ-поэт Гребенников, и Евтушенко, который к месту вспомнил песню в своей поэме, – это они ковали комсомольскую романтику.

Сергей Тимофеевич Гребенников жил со мной в соседнем дворе, в обычной пятиэтажке и двухкомнатной квартире. Был абсолютно компанейский, мог и выпить прямо возле дома с обычными работягами. С его сыном Серёжкой мы учились в параллельных классах, дочь Ирка училась двумя классами старше.

Учителя, пользуясь данным фактором, приглашали «тройку» (Гребенников, Добронравов и Шурочка) на школьные вечера. Они соглашались, и приходили, и начиналось. Шурочка играла на раздолбанном школьном пианино, пела, а поэты подпевали:

«Я уехала в знойные степи,
Ты ушёл на разведку в тайгу,
Надо мною лишь солнце палящее светит,
Над тобою лишь кедры в снегу...»

А путь и далёк, и долог,
И нельзя повернуть назад...
Держись, геолог,
Крепись, геолог!
Ты ветру и солнцу брат!»

И вот это, конечно:

«Главное, ребята, сердцем не стареть,
Песню, что придумали, до конца допеть.
В дальний путь собрались мы,
А в этот край таёжный
Только самолётом можно долететь.

А ты, улетающий вдаль самолёт,
В сердце своём сбереги...
Под крылом самолёта о чём-то поёт
Зелёное море тайги...»

А комсомол-то где? Комсомола «добавил» Иосиф Давыдович Кобзон, который на школьном вечере не присутствовал, однако выдал, а потом десятилетиями душевно и возвышенно исполнял на почве, подготовленной «геологами» и «улетающими самолётами», песню Пахмутовой и Добронравова:

«Я в мир удивительный этот пришёл
Отваге и правде учиться.
Единственный друг, дорогой Комсомол,
Ты можешь на нас положиться!

Мы пройдем сквозь шторм и дым,
Станет небо голубым.
Не расстанусь с Комсомолом,
Буду вечно молодым!...»

Ну, как тут... Ну, как тут не вдохновиться!

Впрочем, продолжим про «Братскую ГЭС» Евгения Евтушенко. Главная, не собирательная, а личностная героиня там – девушка Нюша:

«Я бетонщица, Буртова Нюшка.
Я по двести процентов даю.
Что ты пялишь глаза? Тебе нужно,
Чтобы жизнь рассказала свою?

А однажды в ковбойках и кедах
К нам ввалился народ молодой
И запел о туманах и кедах
Над могучей рекой Ангарой.

Танцевали колёса и рельсы.
Окна ветром таёжным секло.
«А теперь за здоровье Уэллса!» –
Кто-то поднял под хохот ситро.

И очкарик, учёный ужасно,
Объяснил мне тогда, что Уэллс
Был писатель такой буржуазный
И не верил он в Братскую ГЭС.

Я к столу подошла робковато
И спросила, идя напролом:
«А меня не возьмёте, ребята?»
И ребята сказали: «Возьмём!»

И вскоре стала готовиться Нюша стать матерью-одиночкой. Но на выходе из роддома встречает Нюшу вся бригада. Как у Высоцкого: «Пусть останется пока сын полка». Н-да, романтика и есть: возьмём!

Через несколько лет появилась другая стих-песня от диссидентствующего поэта-писателя-барда Юзефа Алешковского:

«Вот приеду я на БАМ (Байкало-Амурская магистраль – авт.)
Первым делом парню дам...
Дам ему задание –
Явиться на свидание.

Он бедовый, он придёт,
Он дымком затянется,
На груди моей заснёт
И в ней навек останется.

Я комунизм (так поёт исполнитель – авт.) строила.
Была на Братской ГЭС,
Но это всё, по-моему,
Казённый интерес.

И «кисы» мы, и «ласточки»
За наш за нежный труд,
Вот только из палаточек
Нас замуж не берут...»

Мы не знали в то время про эту песню. Однако что-то такое не совсем романтическое подкрадывалось потихоньку. Подкрадывалось.

От безобидно-оптимистичного «Там, где раньше тигры с..., мы проложим магистрали».

К намекающему: «Идёт Чебурашка и что-то держит в ладонях. Навстречу крыска Лариска, спрашивает: «Штой-то у тебя там?». Чебурашка раскрывает ладони, а Лариска говорит: «Ой, ящерица!». Чебурашка горестно: «Нет, не ящерица... Это крокодил Гена, с БАМа вернулся...»

И к совсем откровенному: как расшифровывается БАМ? А так: Брежнев. Абманывает. Молодёжь. Подкрадывалось. Но пока не подкралось.

Чук и Гек

Принято считать, что в комсомол, как и в пионеры, принимали всех. Внесём ясность. Не всех сразу: в седьмом классе, когда большинству ребят исполнялось четырнадцать, отбирался передовой отряд, которому высочайшим повелением даровалось право вступить в комсомол первым. Нас в передовом отряде оказалось семеро.

В качестве первого шага в комсомольском направлении требовалась рекомендация пионерской дружины. Мы бы и не пошли туда стоять перед всякими салажатами, но до 15 лет принимают в комсомол только через рекомендацию совета дружины. Сидит шелупонь, вопросы всякие задаёт! Чо надо-то? Я завтра комсомольцем буду, а ты, задаватель вопросов, ещё побегаешь с чубчиком в коротких штанишках или в детской юбочке косички-с-бантиками. И не надо такое умное лицо делать – нос лучше вытри!

Приём на заседании комитета комсомола школы – это уже посерьёзнее, здесь надо не понты кидать, а прикинуться эдаким дисциплинированным и скромным зайчиком – ну, хотя бы на время.

И вот, наконец, запредельная высота – утверждение на бюро Кунцевского райкома комсомола.

Сидят такие большие взрослые дяди-тёти, но вопросы-то задают глуповатые. Примерно, следующие:

«А кто твой любимый писатель?»

Я прикинул, как бы посолиднее ответить и говорю:

«Николай Островский».

«А произведение?»

Усмехнулся про себя: «Какое же ещё?»

И отвечаю:

«Как закалялась сталь».

Хвалят: «Молодец, принимаем тебя в комсомол».

Второй человек пошёл. Опять:

«Кто твой любимый писатель?»

А человек-то уже смекнул, как отвечать, чтобы получить «молодца», и произносит оптимальное:

«Николай Островский»...

Седьмым – он уже давился со смеху – шёл Андрей Шаблаков.

На вопрос, кто твой любимый писатель, он с серьёзным видом ответил:

«Аркадий Гайдар».

«А какое произведение нравится больше всего?»

Андрей сделался ещё серьёзнее и сказал:

«Чук и Гек».

Большие-взрослые, лет по 20-25 каждому, покашливали, кто-то прыснул в кулак, а председательствующий подавил улыбку и как можно солиднее произнёс:

«Ну, ладно».

Поясняю для тех, кто забыл, или никогда не помнил. В 1939-м Гайдар написал добрый рассказ «Чук и Гек». Там вот о чём. В канун Нового года в московскую квартиру приходит письмо. Жену с детьми на Новый год зовёт очень загруженный работой глава семьи. Он работает геологом далеко в Сибири. Но после письма приходит телеграмма. Дети в результате ссоры теряют её, но скрывают потерю от матери.

Приехав в сибирский посёлок, мать с детьми не находят там никого, кроме сторожа. Вся геологическая партия срочно отправилась в тайгу, извещение об этом событии и содержалось в потерянной телеграмме. Сторож оставляет семью у себя и, под предлогом охоты, идёт на лыжах к геологам. Возвращается он с ключом от комнаты и письмом от мужа. Вскоре возвращаются и геологи. Все вместе они встречают Новый год.

Завершение рассказа вполне комсомольско-оптимистичное:

«Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной».

Так почему же большой и взрослый член комсомольского бюро «прыснул в кулак»? Да потому, что рассказ написан для маленьких. Для октябрят. Ну, может, для пионеров. А для комсомольцев – «Как закалялась сталь»...

Что запомнилось. В классе, где все носили пионерские галстуки, ты вдруг снимаешь его и ходишь с комсомольским значком. Очень понтово! Вроде ты уже большой, а все твои одноклассники пока ещё маленькие!

Ровно наоборот, но тоже сильно и стильно – в пионерском лагере. Особую категорию составляют ребята, которые одновременно носят красный галстук и комсомольский значок. И у вожатых так же! Выходит, что ты почти что вожатый. А вы тут, салажня-пионерия, путаетесь, понимаешь, под ногами!

Кстати, пионерлагерь в 1968-м почётном году, когда Комсомолу исполнялось 50 лет, был последним в моей жизни. Зажгли костёр, пекли картошку, пели:

«Вперёд, заре навстречу,
Товарищи в борьбе!
Штыками и картечью
Проложим путь себе.

Смелей вперёд, и твёрже шаг,
И выше юношеский стяг!
Мы – молодая гвардия
Рабочих и крестьян».

* * *

У всех так? В общем, да, но с нюансами. Мой товарищ Миша Бочаров учился в спецшколе с углублённым изучением немецкого языка. Школа состояла членом общества германо-советской дружбы, ей присвоили имя Германа Матерна, члена Политбюро ЦК Социалистической единой партии Германской Демократической республики (ГДР) – это вроде как наши коммунисты. Школьной пионерской дружине дали имя Генриха Грайфа, немецкого актёра-антифашиста, который во время войны работал в советской редакции Немецкого радио. Вдова Грайфа, вполне русская и советская женщина Галина Золотарева, постоянно приезжала в школу с рассказами о своем безвременно ушедшем героическом муже.

Перед вступлением в комсомол претендентам прямо говорили, что нужно выучить ответы на следующие вопросы:

- Кто Генеральный секретарь ЦК КПСС?
- Кто первый секретарь ЦК ВЛКСМ?
- А кто первый секретарь ЦК комсомола братской ГДР?
- Ваш любимый герой-комсомолец?
- Сколько орденов у ВЛКСМ?
- Что такое «демократический централизм»?

В идеале требовалось почитать Устав ВЛКСМ – но это на любителя.

После приёма в ряды Миша стал комсоргом класса и председателем общешкольного штаба «Без знаний нет коммунизма». Штаб каждую неделю собирал «колючки» о неуспевающих и нарушителях дисциплины для общешкольного стенда, заседал, а утром в пятницу об итогах заседания Бочаров докладывал по школьному радио.

Сохранились стихи из сатирических листков:

«Книжник, Жукова и Герман,
Евсеева и Толмачев,
За Deutsch (немецкий) пора сильнее взяться,
Fuenf (пять) иметь без лишних слов».

Остались в памяти и стихи, которые сочинялись не для официоза:

«Среди белых облаков
Стоит школа дураков,
Школа та проклятая,
Спецсемидесятая.

Есть у нас математичка –
Обыкновенная психиатричка,
На урок свой не приходит,
Только панику наводит,
Ниже всех нас ростом,
Ну, рахитка просто...»

Так выражалась «народная реакция» на учительницу математики: она и вправду выглядела как лилипут и даже ставила табурет, чтобы писать на доске.

* * *

Став членами Всесоюзного Ленинского, мы продолжали детские шалости. Среди распространённых в то время – «постукалочка». На одно из окон первого этажа жилого дома крепится кусочек пластилина, к нему прилепляется нитка, сантиметров в 10–15-ти от пластилина привязывается гаечка. Второй конец нитки держит пацан-организатор розыгрыша, который стоит далеко от окна. Дёрг за конец нитки – стук-стук по окну. Дёрг – стук-стук. Жилец смотрит в окошко и... никого и ничего не видит, особенно тёмным вечером. Смехота!

Как-то старушки, сидящие у подъезда, меня остановили и корят:

«Какими делами занимаешься, а ещё комсомольский секретарь! Стыдно!»

Меня тоже, как и Мишу, избрали к тому времени секретарём маленькой классной ВЛКСМовской ячейки. И действительно стало стыдно за критику от старушек. Что-то менялось в жизни.

Нет прекрасней и родней тех Кутузовских Филей

Шестьдесят седьмая. Вы не знаете 67-ю? Тогда я плакал!

В восьмом половина класса у нас была из интеллигентных семей. А вторая половина – шпана-хулиганы. Ожидался неизбежный распад. Вторая половина собиралась в ПТУ – профтехучилища. Первая половина «намыливалась» в какие-то другие школы, что покруче и помасштабнее. Уж не помню кто, а подсказал: есть на Кутузовском проспекте, рядом с панорамой «Бородинская битва», очень интересная школа номер 67.

Разузнал. Школа огромнейшая – шесть девятых и шесть десятых классов: «А», «Б», «В», «Г», «Д» и даже «Е». «А» – математический, «Б» – химический, «В» – гуманитарный, остальные назывались производственными. Про «А» и «Б» понятно: углублённое изучение соответствующих дисциплин. «В» – упор на литературу и английский язык. Поскольку физику с химией и математикой я ненавижу лютой ненавистью, а сочинения как-то неплохо кропал, то остановился на «В». Собеседования и всё такое, и вот сижу за партой новой школы.

Ещё одно существенное отличие между «буквами». «Математики» на уроках труда ходили на соседствующий со школой Первый московский приборостроительный завод и что-то там делали на огромных агрегатах, называемых ЭВМ. «Химики» следовали на карандашно-ручечный завод имени отважных итальянских революционеров Сакко и Ванцетти, погибших от рук капиталистических палачей. «Производственники» точили молотки из больших стальных болванок.

А я – вместе с пятью пацанами класса в тридцать два человека – учился... на машинистку. Не паровозом, конечно, управлять учился, а стучать на пишущей машинке. В 70-е машинистка котировалась очень высоко. У меня в выпускном удостоверении написано: «Слепой способ. 145 ударов в минуту». В любой конторе с руками оторвут! А болванки точить – увольте!

Что такое комсомол made in 67? Да это не комсомол с его заповедями-проповедями, это просто жизнь. С КВНами, собственными (фирменными!) праздниками, турслётами. Не просто турслётами. Не считалось «комильфо» (так Лев Толстой в повести «Юность» обозначил французское слово *comme il faut*: благовоспитанность, следование определённому комплексу внешних правил) ходить в поход днём. «Комильфо» считалось ходить ночью. Высадиться на какой-то станции в полночь, пройти километров тридцать, а на утренней электричке домой. Это комсомол! А дневные переходы с привалами и бутербродами через каждые полчаса – не комсомол, а так, «матрачный» спорт.

Заседания комитета комсомола случались очень прикольные. Скажем, в те годы курение в школьных туалетах воспринималось как большая проблема. Что делать?

«Давайте расскажем о вреде курения», – говорит милая правильная комсомолка из химического класса.

«Ага, что капля никотина убивает лошадь!» – реагирует менее правильный пацан из математического.

И, наконец, в разговор вступает гуманитарий: «Давайте сочиним песню и запустим её утром по школьной радиостанции».

Песня вскоре сочинена – на мотив всем известной «Первым делом самолёты». Утром в динамиках раздаётся сатирическое:

«Первым делом, первым делом – сигареты. А учебники? Учебники потом!».

А все вместе «комитетчики» сошлись на мысли, что из самых заядлых курильщиков надо организовать школьный оперотряд для... борьбы с курением в туалетах.

Да... Вот так заседаешь, креативишь, и на время забываешь, что и у самого-то в кармане пачка сигарет. И покурить уже пора... Да неудобно, свои же застыдят, скажут: «редиска» – тут одно, там другое. Ладно, подождём до послешколы...

Что касается поддержания идеологической бдительности, борьбы с «отщепенцами», следования линии ЦК... Да не, не помню, не было этого.

А! Про Кутузовку и Фили! Школа располагалась, как бы это поточнее выразиться, в «пригра-

ничной» зоне. С одной стороны – элитный Кутузовский проспект, где в доме номер 26 живёт сам генеральный секретарь ЦК КПСС дорогой Леонид Ильич Брежнев. Ну, здесь давайте чуть поподробнее.

* * *

Дом 26 был сдан в эксплуатацию в 1947-м году. Изначально в нём оборудовались квартиры для члена Политбюро ЦК КПСС Андрея Жданова и члена Оргбюро ЦК Василия Кузнецова; сюда в числе первых въехали секретари ЦК КПСС Аверкий Аристов, Николай Беляев, Николай Игнатов, Михаил Сулов; здесь поселились и не пожелали оставить дом даже после получения статуса генсека партии Леонид Брежнев и Юрий Андропов.

Толстые стены «ондатрового заповедника» (так в 70-х – 80-х в народе назывались цэковские кварталы, поскольку ондатровая шапка считалась острейшим дефицитом) помнят председателя Совмина РСФСР Геннадия Воронова, министра внутренних дел Николая Щёлокова, председателя Гостелерадио Сергея Лапина.

То есть здесь жили только политики? Отнюдь! Можно вспомнить кинорежиссёра Александра Довженко, композиторов Евгения Птичкина и Давида Тухманова, певца Полада Бюль-Бюль-оглы. Простые труженики творческих покоев.

Это всё из истории. А теперь из личного. Бывший комендант дома Виктор Мухин рассказал мне впоследствии, что первоначально на одной лестничной площадке располагались квартиры Леонида Брежнева и секретаря ЦК КПСС Бориса Пономарёва. Когда Леонид Ильич занял кресло номер один, соседу подыскали другое жильё, а квартиры соединили в одну. Позднее, с приездом на Кутузовский дочери Брежнева Галины, сюда присовокупили ещё одну квартиру. Всё вместе это составило около 250 метров... Согласитесь, по нынешним меркам и с учётом статуса лица – довольно скромно.

Продолжаю личные впечатления. Со стороны дома, выходящей на Кутузовский проспект, всегда стояла какая-то машина: сегодня, например, «Скорая помощь», завтра – «Техпомощь», послезавтра – «Школьные завтраки». Однажды я стал свидетелем следующей ситуации: у выезжавшего на проспект «членовоза» (правительственный ЗИЛ) отлетел колпак и покатился по дороге. Рядом проезжал грузовичок, водитель которого притормозил, вышел и взял колпак в руки. Через несколько секунд из «Школьных завтраков» высочили люди и водителя очень быстро и грамотно повязали.

Имел ли отношение дом 26 к моей школьной учёбе, а потом и работе? Конечно! Дело в том, что во дворе здания располагался районный Дом пионеров, где дорогой Леонид Ильич голосовал на выборах. Подбирались и инструктировались учителя, которые выполняли функции встречающих генсека членов избирательной комиссии, а также пионеры для салюта Ильичу.

В дальнейшем анекдотом стало то, что было стопроцентной правдой. Сидевшей на регистрации Зинаиде Митюковой категорически рекомендовалось:

«Когда придёт Леонид Ильич, Вы обязательно попросите у него паспорт для сверки данных. Мол, порядок такой, причём, один для всех».

И вот Брежнев появляется:

«Паспорт, пожалуйста, покажите», – просит Зинаида Гавриловна. И добавляет: «Леонид Ильич».

«Зачем паспорт? А брови на что?» – юморит генсек.

В школе 711, что рядом с домом 26, учились внуки Брежнева – Андрей и Леонид, комсомольцы, естественно. Школьный преподаватель литературы и мой друг Николай Соловьёв рассказывал, как однажды Андрей принёс в школу подарок от деда – дюжину книг «Малая земля» с автографом автора.

Другой сюжет, возможно, более интересен. Старшеклассников вывезли на стрельбы в загородный военный тир. Андрей Брежнев такой же, как все: мальчик как мальчик и без всякой охраны. Однако в спецодежде – в дублёнке и ондатровой шапке. Стрельнул он плохо. И тогда военрук вызвал парня из строя и резанул:

«А ты, Андрюша, скажи деду, чтобы построил нам тир прямо в школе. Тогда и стрелять будешь хорошо!»

Впоследствии Андрей Брежнев на вопрос о том, в какой московской спецшколе он учился, с обидой ответил:

«Я заканчивал обыкновенную советскую школу».

Да-да, простую и обыкновенную! Другое дело, что дети там пребывали сильно талантливые: так, в 1978-м из ста трех выпускников 711-й десять человек поступили в суперблатной Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), в их числе и внучок генсека.

И отношение к «обыкновенным советским школам» было самым добрым. Например, видный деятель ГКЧП Борис Пуго, работавший в начале 70-х секретарём ЦК ВЛКСМ, несколько лет возглавлял родительский комитет 711-й, в которой обучался его сын Вадим. Однажды даже организовал для учителей великолепную поездку в Ригу.

А вот в реальных спецшколах дела обстояли, конечно, иначе.

Другой мой товарищ – Михаил Бочаров – учился как раз в такой школе, с углублённым немецким языком, я её уже упоминал. В десятом классе в школу приехал представитель МГИМО, Миша пошёл с ним на встречу и соблазнился специальностью «Международная журналистика».

Для поступления требовалось получить рекомендацию райкома комсомола. Получил! И подумал, что МГИМО теперь в кармане. Тем более, что пригласили на собеседование с проректором этого престижного ВУЗа, а это в принципе могло дать 0,5 балла дополнительно к экзаменационным оценкам в институте.

«Однако я их не заработал, – вспоминает Миша. Ответив на все вопросы касательно эрудиции, слышу от проректора вопрос:

«А Геннадий Бочаров из «Комсомолки» – не Ваш родственник?»

«Отвечаю, что нет. Это была правда, но ошибка. Я не знал, что в МГИМО после школы принимали главным образом детей дипломатов и международных журналистов. Ну, и там сколько-то рабочих и колхозников по разнарядке.

Вместе со мной сдавал экзамены сын известного политобозревателя Никита – он и поступил.

Его отец, Александр Жолквер, работал корреспондентом Гостелерадио СССР в ГДР. Никита с трёх лет жил в Берлине. В 1981-м закончил МГИМО. С 1987-го года работал журналистом: сначала в московском еженедельнике «Новое время», а с 1992-го – в медиакомпании «Deutsche Welle» в Кельне. Ну и дай Бог!»

Ещё интересный момент из Мишиных воспоминаний:

«На вступительных экзаменах в МГИМО я познакомился с девушкой, которую папа привозил на чёрной «Волге» – это в то время выглядело как сейчас «Майбох» или «Бентли». Увидев меня во второй раз с его дочерью после экзамена, родитель деликатно намекнул, чтобы я больше к ней не подходил, не мешал готовиться к экзаменам, то бишь к будущим подвигам во имя процветания нашей великой страны...»

* * *

Так значит, Кутузовский проспект располагался с одной стороны от 67-й школы. А с другой стороны находился заводской район Фили с гигантскими оборонными и прочими предприятиями. Почему Кутузовский с Филями близнецы-братья? Объясню, почему. Где Кутузов заседал перед Бородинским сражением, помните? В Филях! Вот изба-музей, многократно перестроенная, от этого факта осталась. И знаменитая панорама «Бородинская битва» тут. Отсюда и близлежащий проспект назван именем полководца. Правда, заводов здесь в 1812-м году не наблюдалось, но громкие имена той войны сгруппировались именно вокруг избы и панорамы. Чуть ближе и чуть дальше улицы носили имена генералов Ермолова и Барклая де Толли, бравого гусара и поэта Дениса Давыдова, «народных мстителей» Герасима Курина и Василисы Кожинной. Да, не забыть ещё про метро «Багратионовская».

С одной стороны, малышню в пионеры принимать водим пешком по Кутузовскому проспекту аж на Красную площадь, в крайнем случае – в панораму «Бородинская битва». С другой, – отбиваемся на танцах от прокуренных и пропитых пацанов «с рабочих окраин».

С одной стороны, интеллектуалы с фамилиями типа Грейгауз или Динкин, которые всяких мандельштамов читают наизусть. С другой стороны, – Мишка Кузькин, который на спор в школьном туалете выпивает из горла бутылку водки. Не отрываясь и без закуски...

Однако дворовое пионерское детство как-то мало-помалу испарялось. Прежние дворовые «учителя» теперь служили в армии или поступили в военные училища, немногие – в гражданские институ-

ты. Мои сверстники из одной школы разбрелись по разным. И новая школа постепенно и естественно заменила двор, улицу. И не было прекрасней и родней наших солнечных Кутузовских Филей.

Впрочем, «дворянство», а точнее «дворОвство» иногда о себе напоминало. После девятого класса едем с другом-одноклассником Саней Давыдовым в подмосковный турлагерь «Глобус». Всё хорошо в лагере: и природа, и походы, и танцы по вечерам. Однако преобладали тут ребята вовсе не с Кутузовского проспекта, а как раз с «Кунцева, Сетуни, фабрики Ногина», о которых я уже рассказывал. Мы как-то своей интеллектуальной палаткой из четырёх человек с ними не сильно сошлись: играли уединённо между собой в карты, в домино, пели песни под гитару.

И вот однажды руководители лагеря (не вожатые, а туристские инструкторы) – комсомольцы, понятный вопрос, дают команду отряду собирать в лесу сушняк для кухни. Кому-то из кунцевских не понравилось, как я собираю, он говорит:

«Ты чего сачкуешь?»

«За собой смотри!» – отвечаю.

«Это что, борзость?!»

«Да пошёл ты!»

«Ну, мы ещё поговорим...»

«Поговорим», – и диалог закончился.

После обеда собеседник, его звали Валера, подошёл к палатке и предложил отойти в лесок. Отойти так отойти – я в себе был уверен, да и Валера совсем не Валерий Попенченко – популярный в тот период боксёр. Что касается Арнольда Шварценеггера, Чака Норриса и им подобных, то о них мы в то время слыхом не слыхали, поэтому даже в качестве авторитетного образа для сравнения с Валерой не упоминаю.

Ну вот. В лесок приходим, а там ещё пять человек стоят. Я думал, что наблюдатели, и иду спокойно. Но не успел ни «А», ни «Б» сказать, как получил боковой от одного «наблюдателя», потом от другого. И пустили по кругу: руками, ногами били... Хотелось бы, конечно, рассказать про собственную крутизну, как мужественно отбивался. Да куда там... До палатки еле доплёлся.

Вечером, во время прощального костра, «наблюдатели» пришли к нашей палатке и теперь вломили остальным моим «сокоечникам». За компанию. Не усталый и довольный, как писали в школьных сочинениях, а посрамлённый и подавленный вернулся я домой: без гитары, но с большим фингалом.

Кстати, утром перед отъездом комсомолец-инструктор добродушно спросил:

«А чего это у тебя фингал-то?»

«Упал».

«Понимаю! В яму с кулаками. Быв-ва-а-ат», – заключил молодой «педагог» (токарь с кунцевского завода) и жизнерадостно заржал.

Впрочем, история на этом не закончилась. Месяца два спустя, иду я по кунцевской улице, а на встречу пьяненький Валера:

«Какие люди! Помнишь меня? Пойдём, я тебя с ребятами познакомлю».

«Уже знакомил. Опять ссышь один на один, опять за других спрятаться хочешь?»

«Кто сыт? Пошли!»

Переходим через дорогу, там какие-то гаражи. Вижу боковым зрением, что Валера готовится ударить исподтишка – и вот ожидаемый вымах. Уклоняюсь, его кулак лишь слегка проходит по моему лицу, но я, используя инерцию, бью и попадаю нормально, Валера падает на землю. Дорабатываю ногой и шустренько ухожу в сторону дома, пока «друзья-наблюдатели» не подоспели.

Это о напомнимшем о себе «дворОвстве». А теперь вернёмся в пространство 67-й.

Не состоять в комсомоле здесь считалось неудобным, поскольку это «нестояние», пардон, «несостояние», лишало тебя многих весьма интересных страниц школьной жизни. К концу десятого класса «несостоявших» оставалось единицы.

Надо сказать ещё и о том, что к романтике текущих 60-х, которая нас «зацепила» в предыдущей школе, здесь добавились отблески даже и 20-х годов. Что такое «отблески»? Ну, скажем, ветераны комсомола. Те, кто стал комсомольцем прямо в год рождения молодёжной организации, в 1918-м, были в начале 70-х не только живы, но даже бодры и проникнуты энтузиазмом. В то время этот старческий энтузиазм казался мне смешноватым.

Ветераны приходили к нам на собрания и зажигательно вспоминали революционные годы. Слушать надоело, и мы начинали после каждого очередного пассажи бурно аплодировать. Ветераны думали, что это делается искренне...

Позже, присмотревшись к «комсомольцам двадцатого года», я стал улавливать какие-то новые, неизвестные, несмешные или даже совсем грустные нотки.

* * *

Агнесса Ефимовна Вайнштейн и в 70, и в 75, и в 80 лет, когда я её знал, оставалась пламенной комсомолкой. Рассказывала нам, как родилась в семье парикмахера в белорусском городе Бобруйске. Как революция дала ей всё: перебралась в Москву, возглавила Хамовнический райком комсомола, затем стала заведующей отделом политпросвета Московского городского комитета ВЛКСМ, была делегатом комсомольских съездов; далее – советская и партийная работа.

И вот как они с ребятами-комсомольцами...

«1922 год. В старых Хамовниках было очень много прекрасных дворянских и помещичьих особняков, – рассказывает Агнесса Ефимовна. – Все они находились на учёте в Бюробин (бюро по обслуживанию иностранцев) при Наркоминделе. Мы решили добиться, чтобы один из особняков передали райкому комсомола для клуба. Находим подходящий особняк помещицы Якунчиковой в переулке Островского, дом 10 (бывший Мёртвый). Помещица там ещё живёт. Как его получить?»

Идём в РК партии, потом в Моссовет – везде находим понимание. Но последнее слово, оказывается, за Совнаркомом. Пишем туда письмо, и в октябре приглашают в Кремль. Райком партии поручил мне быть представителем района по этому вопросу.

Наш вопрос шёл под большим номером, чуть ли не 180-м. Наконец, вызывают. Скинув тулуп, волнуясь, вхожу в зал заседаний Малого Совнаркома. Первым говорит представитель Бюробин, доказывая, что особняк нужен им. Вдруг голос председательствующего:

«Слово молодёжи».

Я просто выпалила:

«Дорогие товарищи! Вы видели на улицах наш лозунг: «Долой разврат бульваров и улиц, да здравствуют школы и клубы рабочей молодёжи. Дайте нам это помещение, и мы этот лозунг преворим в жизнь».

Раздаётся голос председательствующего:

«Кто за молодёжь? Кажется, все».

Через несколько дней получаем ордер и отправляемся в особняк. Якунчикова ещё не выехала. Но сдержат ребят уже невозможно. Алюминиевыми тарелками и ложками, песнями, свистом устраиваем «кошачий концерт». Якунчикова на следующий день уходит из особняка...

Вскоре у входа в клуб появился портрет Карла Либкнехта и его слова:

«Сегодня раздаётся подземный гул вулкана, но завтра этот вулкан разразится и под потоками своей горящей лавы сожжёт врагов пролетариата».

Как это, – это уже я рассуждаю? Сначала дом национализировали – отняли, другим словом, а потом законной хозяйке и выехать спокойно не дают? А, как? Но это вопрос в стилистике сегодняшнего дня. В 70-х годах прошлого века вопросы так не ставились: убирайтесь, проклятые буржуины, дайте дорогу комсомольцам!

А вот воспоминания товарищей Агнессы Ефимовны о другом доме, где в центре внимания фигурировала иная весьма известная персона:

На Смоленском бульваре, в доме 26/9 находился особняк фабрикантов Морозовых, потом Ушаковых. После национализации здесь создавался рабочий Клуб Октябрьской революции. Его открытие намечалось на 10 ноября 1918 года. Многие знали, что на открытие приглашены В.И. Ленин и Н.К. Крупская и с нетерпением их ждали. Но многие... никогда не видели Ленина в лицо и даже на портретах того времени, немногочисленных и не совсем качественных.

Когда у входа в клуб появилась некоторая интеллигентного вида пара, бдительные контролировавшие вход комсомольцы строго спросили:

«Вы кто?»

«Я – Ленин...»

«А документ у Вас есть?»

«Да...» – и показал удостоверение председателя Совета Народных Комиссаров.

Дальше – пошло-поехало.

«Правда» писала, как «неподдельной радостью и энтузиазмом горели лица рабочих при виде своего любимого вождя». Как Владимир Ильич выслушал выступления рабочих, поинтересовался, что думают они делать в своем клубе. Обратив внимание на чудесные барельефы, украшавшие потолок и стены зала, он заметил, что всё это создано трудом народа и теперь принадлежит народу и поэтому надо бережно хранить клуб...».

Агнесса Ефимовна была очень забавна своей комсомольской целеустремлённостью, с которой, как нам казалось, прожила всю жизнь: так и шагала под красным знаменем.

Она совсем не рассказывала о том, как была арестована в 1936-м; как последовательно прошла Лубянскую, Бутырскую, Саратовскую, Владимирскую тюрьмы и Печорскую ссылку; как работала на строительстве железной дороги Печора – Воркута; на шлакоблочном и кирпичном заводах. Как реабилитировали только в 1955-м...

Она сохранила. А мы ещё не приобрели. И захлопывали пламенные речи, и потешались над блаженными комсомольцами двадцатого года. Таких на Кутузовке и в Филях оставалось ещё много.

Игорь Ильинский, Лиля Брик и бедный Барсик

Рядом с комсомольской романтикой соседствовала совсем иная: слава Богу, что в атмосфере 67-й она не противоречила никаким канонам ленинского коммунистического союза молодёжи. Учитель литературы Евгений Семёнович Топалер читал нам на уроках стихи каких-то своеобразных поэтов: вроде бы и не запрещённых, не антисоветских, но при этом не включённых в школьную программу. Книжки их можно было найти лишь на толкучке, да по бешеной цене.

Мы знали про Александра Блока и Сергея Есенина и даже изучали их творчество.

Мы едва слышали про Ивана Бунина, Анну Ахматову, Марину Цветаеву.

Мы не слышали и впервые открывали для себя Игоря Северянина и Андрея Белого.

Мы хорошо знали и учили наизусть Владимира Маяковского. При этом не могли представить себе, что рядом ходят живые «маяковские» персонажи. Но как-то одна эмансипированная девочка из класса – дочка советника посольства СССР в серьёзной европейской стране – показала мне на Кутузовском, прямо на улице, вычурно одетую старушку. Показала и, белея от гнева, прошипела:

«Это она, эта Привела к самоубийству Володю Маяковского».

«Какой он тебе Володя? Он ушёл из жизни задолго до нашего рождения».

«А я всё равно люблю его. Если бы он был жив, я бы ему отдалась».

А пока дала мне... бумажку с машинописным текстом:

«Дым табачный воздух выел,

Комната в кручениховском аде.

Вспомни, за этим окном впервые

Руки твои, исступлённый, гладил...»

«Это Маяковский. Стихотворение «Лиличка» называется. *Этой* посвящено! Она не стоила того».

Так внезапно я узнал о Лиле Брик. О том, что она не просто живёт на Кутузовском, но и здравствует ничего себе.

В школу приезжал Игорь Ильинский, знакомый ещё по немому кино, его изредка транслировали по телевизору и в кинотеатре «Иллюзион» в высотке на Котельнической набережной. А уж «Волга-Волга» и «Карнавальная ночь» пользовались реальной всенародной любовью. Помимо звания «Народный артист СССР» Ильинский объявлялся и как «мастер художественного слова».

У нас он читал рассказы Михаила Зощенко. Не знаю почему, но мне запомнилась «Ёлка». Там мама с папой нарядили новогоднюю ёлку и ожидали гостей, прихорашиваясь в своей комнате. Брат с сестричкой пришли к ёлке, висевшие сладости съели-понадкусывали, а игрушки, предназначенные в подарки гостям, поломали. Гости возмутились и разошлись, а папа в наказание уложил детей спать...

Мы, девяти- и десятиклассники, великоваты для этого рассказа, но искусство декламации потрясло. А когда позже узнали, что артист в 70-е уже сильно слепнул, и по четырёхэтажной школьной лестнице в актёрский зал его вели под руки, впечатлились ещё больше...

В такой атмосфере у комсомольцев гуманитарного класса «В» зарождались дерзкие мысли. Ну, помните, как в фильме Эльдара Рязанова «Берегись автомобиля» режиссёр самодеятельного театра произносит:

«Не пора ли, друзья мои, нам замахнуться на Вильяма, понимаете ли, м-м, нашего Шекспира?»

Труппа театра отвечает:

«И замахнёмся!»

Мы с другом Саней Давыдовым графоманили и в простой восьмилетке. В поэтических изысках «смело рифмовали слова «любовь» и «кровь», а в прозе блистали сочинениями на тему «Как я провёл этим летом». Учителя литературы просили нас зачитать опусы всему классу и ставили неизменные пятёрки. А как-то в пионерлагере журналист поговорил со мной минут пять на тему активного претворения юными ленинцами заветов Ильича в жизнь, потом написал и опубликовал в самой «Пионерской правде» заметку... за моей подписью. Это обеспечило мне всероссийскую славу: шли письма сверстников из далёких деревень, где тоже выполнялись заветы вождя, и прочее.

В общем, мы считали себя талантливыми молодыми поэтами-писателями-журналистами с абсолютно успешным будущим.

Однако... После первого сочинения в 67-й литератор Топалер по прозвищу «Сэм» вывел каждому из нас по красной тройке с минусом и устным добавлением:

«А вообще-то это «два»!

Расстроившись, мы взяли по пиву и пошли курить на пристань Москвы-реки, напротив теперешнего «Сити». И думать, как жить дальше. Может, бросить нахрен эту школу, где таланты не продвигают, а зажимают? Нарочно притом!

Следующие сочинения писали сдержаннее, без прежнего пафоса и стихотворных вкраплений. Так постепенно от «тройки» исчез минус, а потом и сама оценка «удовл» превратилась в приятную «хор». В 67-й такая оценка считалась высшей, и никто и никогда у Сэма «отл» по литературе в четверти и в году не достаивался. В то же время на обладателей «хор», поставленной в 67-й, смотрели с уважением – и в самой школе, и в престижных гуманитарных ВУЗах столицы, и в дальнейшей жизни.

Так вот. Когда начались «хор», Сэм рассказал нам о школьном журнале «ЛИМ» – «Литература и молодёжь». Журнал выходил раз в год, печатался на машинках (мы же машинистки!), экземпляров десять. На обложке самодеятельным школьным художником рисовался профиль великого Ленина, а ниже – три бравых комсомольца: космонавт, естественно, и жизнерадостные юноша с девушкой неузнаваемых, но очень нужных стране профессий.

Попасть с материалом в «ЛИМ» считалось делом о-о-о-чень престижным, а для нас – гуманитариев из класса «В» – вдвойне и втройне. Выпуск журнала «курировал», как тогда говорили, комитет комсомола, а в конкурсную комиссию для отбора и оценки материалов входили члены комитета, другие продвинутые ученики плюс, для контроля, учителя-литераторы.

Заскрипели «золотые» перья, застучали машинки, заработала конкурсная комиссия. Наконец, объявляются результаты. Первое место занимает рассказ Сани Давыдова «Смерть Барсика»:

«Он лежал на своей подстилке, вытянув лапки вперёд, и тяжело дышал. Его бока судорожно подымались и опускались. Когда я вошёл в комнату, он открыл глаза и попытался встать, но не смог. Тогда он издал тонкий жалобный звук, похожий на всхлип ребёнка, и пополз мне навстречу. Я подбежал к нему, взял на руки и прижал к груди. Он обнял меня передними лапками за шею и прижался своим мокрым горячим носом к моей щеке.

Я избегал смотреть ему в глаза, чувствуя себя чем-то виноватым перед ним. Но вот наши взгляды встретились... Сколько страдания было в его больших синих глазах! Как я любил эти глаза – порой грустные, задумчивые, иногда лукавые, с хитринкой, и всегда – прекрасные. Я смотрел в эти глаза, и вся его короткая жизнь мысленно проносилась передо мной...

Утром его не стало. А вечером, в компании друзей, веселящихся по поводу праздника, я не мог быть радостным. И когда все пили шампанское за свои светлые мечты, я поднял бокал за него...».

За лидирующее место в прозе для этого рассказа высказались члены комиссии из числа учителей-литераторов, ценителей психологических тонкостей в бессмертных произведениях классиков «Муму» и «Каштанка» и современников – как раз в самом начале 70-х вышла повесть Гавриила Троепольского «Белый Бим Чёрное Ухо».

Однако первое место дали и мне за рассказы с лучшими из возможных (я был в этом абсолютно уверен!) названиями: «Первый поцелуй» и «Дом, в котором живёт она». И текстами, несомненно, заслуживающими всеобщего признания. Ну, например:

«... Двое молодых людей шли, взявшись за руки. Сергей внезапно перестал говорить, и они пошли молча. Наверное, было хорошо и без слов. Лена чуть заметно улыбнулась про себя. Прощались они обычно весело: Сергей говорил своё короткое «покедова», Лена всегда смеялась и в такт ему отвечала «покеда».

Сейчас оба стояли у подъезда, опустив головы, прощаться не хотелось. Сергей кусал губы и ломал спички в кармане, потом, вдруг решившись, нагнулся и поцеловал. И первый раз увидел по-настоящему её глаза, радостные, светящиеся. Лена смотрела ему в лицо, улыбаясь той детской улыбкой, которая так понравилась Сергею при первой встрече...».

Рассказы вполне графоманские, однако понятия «графомания» ученики – члены комиссии не знали, но про любовь им очень нравилось. Тем более, что они знали, о ком тут идёт речь. Имели возможность понаблюдать и живую, поскольку целовались мы не только у подъезда, но и в школе на переменах. Уважали, в общем.

Вы полагаете, что в «Барсике» и «Поцелуе» мало комсомольского? А мы искренне верили, что это вполне комсомольские и жизнеутверждающие произведения.

Первое место в категории «Стихи» получил тоже наш одноклассник, Саша Федин, за ещё более комсомольское стихотворение «Мой любимый предмет»:

«Меня спросили: «Что ты любишь?
Для чего ты живёшь на свете?»
До чего ж любопытны люди!
Но придётся мне им ответить.

Мой ответ будет прям, как строка.
Не хочу зря бумагу марать.
Так что всё, что напишет рука,
Моё сердце могло бы сказать.

Каждый день предо мной мудрость слов
И железная логики бронь,
И «физический» скрип рычагов,
И реакций химических вонь.

А «история»? – Учит, как жить!
А писатели? Учат, что делать!
Слов поток надоело мне лить.
По земле босиком бы побегать.

Я люблю нюхать пёстрый букет
И восходы с друзьями встречать.
Жизнь – мой самый любимый предмет!
Не устану его изучать».

А что? От Маяковского есть. От Чернышевского даже! Дух довоенных комсомольских поэтов прослеживается! Правда, некомсомольский Есенин затесался...

Вдохновлённый невиданным успехом, я соединил два своих рассказа в один, дополнил их подробностями, назвал произведение повестью «Дом для поцелуев» и понёс в журнал «Юность».

Сильно прокуренная заведующая каким-то отделом журнала неспешно перелистывала мои рукописные страницы, задерживаясь взглядом на отдельных местах, а потом сказала:

«Вы очень складно пишете, молодой человек, но...».

Меня переполнил восторг, душа развернула крылья и взлетела. Не дожидаясь окончания фразы, я спросил:

«Значит, опубликуете?!»

«А вот это нет».

«Почему, я готов доработать?»

«Дорабатывать не надо. Вы знаете, юноша, о чём пишут девяносто процентов ваших сверстников, да и более старших товарищей?»

«Не знаю... О чём же?».

«Про любовь. Поцелуй. Дома, возле которых совершаются поцелуи... Вот поэтому и не публикуем. Попробуйте написать о чём-то другом. И вообще: оставьте временно мысли о писательстве, а начните с журналистики».

«Что это значит?»

«На факультете журналистики МГУ работает ШЮЖ – школа юного журналиста. Запишитесь туда и набирайтесь мастерства».

Шумит, как улей, родной завод

В десятом учиться стало некогда. Ну, в школу-то, конечно, ходили, а вот что касается домашних заданий...

Одноклассник Сергей Чекалин – кандидат в мастера спорта по плаванию. Одна тренировка у него планировалась перед школьными занятиями (которые, напомним, начинались в 8.30 утра), вторая – после занятий. И каждые месяц-два выездные сборы и соревнования. Какие тут уроки – поспать бы немножко.

Лена Филимонова блистала в фигурном катании. Утром она вроде бы не каталась, в остальном то же самое.

Почти в отличниках (я уже рассказывал, что по литературе пятёрку у нас не имел никто) до последнего держались две подружки: Оля – племянница правительственного босса из первых верхних номеров и Валя – просто прилежная девочка и дочь обычных родителей. В конце концов, и вторая плюнула на это дело. Как там говорится в скабрёзной версии «Евгения Онегина»: «Она не долго горевала – такой уж женщины народ. Я не стара ещё, – сказала, – я жить хочу...», ну и так далее. Осталась Оля-отличница в одиночестве.

А мы с Саней Давыдовым... А что мы? Уроков бывало шесть, а случалось семь и восемь – спецкласс как-никак. Часа в три начиналось бурное и горячее заседание комитета комсомола, глядишь – уже пять. Домой? Да щас! На пристань пивка попить с бутербродиком, курнуть – и в ШЮЖ, мастерство оттачивать, как и рекомендовали товарищи из «Юности».

Оттачивание мастерства начиналось в девятнадцать часов и продолжалось до двадцати двух. Преподаватели – третьекурсники журфака МГУ казались нам невероятно взрослыми и талантливыми «монстрами» журналистики. Мы учились у них не совсем журналистике – мы учились полёту! Перешагнуть обыденное, взлететь, воспарить, посмотреть на землю сверху вниз и опуститься... где-нибудь на страницах «Московского комсомольца» – острова запредельной мечты.

Ну, к «МК» я ещё вернусь, а пока – ШЮЖ. Занятия проходили в культовом здании факультета журналистики МГУ на проспекте Маркса. Культ чего здесь культивировался? Да всего! Коммунизма и комсомолизма, либерализма и анархизма, усидчивости и раздолбайства. К кому хочешь, к тому и примыкай. То есть вполне веяло свободой.

Быстро перенимались факультетские привычки – в первую очередь, вредные, как обычно по жизни и происходит. Так, МГУ им. Михайлы Василича Ломоносова венчают два его памятника: один, на Ленинских горах, где он стоит; второй, на проспекте Маркса, где Ломоносов сидит. Первый памятник располагается как-то особняком, и что вокруг него делать – не совсем понятно. А вот второй сидит очень даже удобно: если зайти анфас, то выходящей из дверей журфака профессуре нас не видно. А идущим внизу, за заборчиком по проспекту Маркса людям голову задирают вверх, чтобы на нас полюбоваться, просто незачем.

И что? Да то: выпить можно легко, прямо у факультета. Происходило это следующим образом. В перерыве после первой пары назначенный «гонимый» бежал либо в расположенный поблизости «Военторг» на проспекте Калинина (там винный отдел работал до 21.00), либо в «Елисеевский» на улице Горького (до 22.00) и соответственно, приносил искомое. После завершения второй пары мы, не заходясь, выпивали по стаканчику и разъезжались по домам.

А выходные? В выходные был какой-нибудь спорт, или турпоходы, или театр, или мы просто (тогда такого слова не было) тусовались. Как? Двумя способами. Либо танцевали-выпивали у кого-то на квартире, либо ходили по московским кабакам.

Вообще-то большого выбора не предлагалось. Существовал бар в здании кинотеатра «Октябрь», где всего за 60-70 копеек покупался коктейль, называемый «пуншем». Туда и правда плескали сколько-то пунша, доливали газировкой и бросали ягоду. «Шампань-коблер» котировался покруче: шампанское, потом чуть-чуть того же пунша, далее по тексту. Но это уже переваливало за рубль. Ни в голове, простите, ни в з-це, но посидеть-поболтать под сигаретку можно.

Расскажу всего одну душещипательную историю. В одну из суббот решили шикануть и пошли, человек десять в соотношении девочки-мальчики 7:3, в кафе «Лира». Вам это ни о чём не говорит? Сейчас скажет! Пушкинская площадь – Тверской бульвар, первый «Макдональдс» в Москве. Но это уже в 1990-м году, а я вспоминаю 70-е. Итак, зашли. По коктейльчику? Ага! По закусочке? Натюрлих! Цены в меню не смотрим (нас ведь много, как-нибудь расплатимся), коктейльчики не считаем, сколько у кого денег не интересуемся.

Пришла пора подведения итогов приятного вечера в «Лире», стали доставать из карманов рубли-копейки. Набрали на всех целковых двенадцать-тринадцать. А счёт... на пятьдесят. Сначала немая сцена. Потом препирательство с официантом, включающее угрозы школой и милицией. Далее попытка предложить официанту вместо денег часы или шапку...

Всё разрешилось просто: дочка ракетного академика и дважды Героя Соцтруда Марина позвонила маме, та приехала и выкупила нас...

* * *

Выходит, таким образом мы оттачивали журналистское мастерство? Ну, зачем же? Программой обучения в Школе юного журналиста обязательно предусматривалось прохождение практики в каком-нибудь издании. Когда об этом объявили, настроение существенно приподнялось: вот она, началась, настоящая журналистика! Видимо, в «МК». А может, подымай выше – «Московская правда»? Или (хоть курьером или даже полы мыть) – «Правда», «Известия»?

Да... Если «Комсомолец», то что напишем? Так про свою школу: как там здорово поставлена комсомольская работа; как проводим КВНы и турслёты, как зажигательно проходят заседания комитета комсомола; как занимаемся с теми, кто отлынивает от общественной работы. Про «ЛИМ» можно с литературными изысками.

А если «Московская правда»? Тогда как раз про бар в «Октябре» да про «Лиру». Мол, куда молодому человеку податься в Москве при таких-то ценах?! В подворотнях выпивать? И случай тот самый разукрасить! Впрочем, школьникам выпивать-то не того... Так мы и не будем называться школьниками: корреспондент такой-то и всё.

Маловероятно, что в главную партийную газету пошлют, но гораздо интереснее, конечно, «Правда». Там можно про Владимира Ильича Ленина поговорить, тем более его 100-летие только что отметили. Все в стране задолбались соревноваться друг с другом и на бумаге перевыполнять всё, что можно, и во много раз. От чего колбасы в магазинах как минимум не появлялось, а как максимум не прибавлялось. Но Ленин тут ни при чём! Ленин шёл правильным путём. Ленин понял бесперспективность военного коммунизма, когда у крестьян забирали весь хлеб, и они проявляли законное недовольство. Ленин написал статью «О продовольственном налоге», и продразвёрстку заменили продналогом. А также статью «О кооперации», которая помогла возродиться деревне. И начался НЭП, позволивший вытянуть страну из нищеты.

Даже Сэм вместе с другими школьными литераторами-вольнодумцами не посягал на Ленина и громким басом, с выражением, по собственной инициативе читал на уроках «Разговор с товарищем Лениным»:

«Товарищ Ленин, я вам докладываю
Не по службе, а по душе.
Товарищ Ленин, работа адювая
Будет сделана и делается уже...»

А уж что касается школьных поэтических конкурсов, то ни один из них не обошелся без поэмы «Владимир Ильич Ленин», где:

«Коммунизма призрак по Европе рыскал,
Уходил и вновь маячил в отдалении...
По всему поэтому в глуши Симбирска
Родился обыкновенный мальчик Ленин...»

Это уж потом строчки «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше», особенно пассаж после запятой, стали похмельной поговоркой, а тогда нет – высокий штиль!

Бюрократизм – да, был и есть, взять стих того же Маяковского «Прозаседавшиеся». Но Ленин боролся с бюрократизмом.

Ещё он «Письмо к съезду» написал, где предупреждал:

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью».

Предупрежда-а-ал! Съезд не послушался и оставил Иосифа Виссарионовича на посту генсека Коммунистической партии. А он вон чего натворил. Людей в колхозы насильно сгонял, за что потом упрекал других в статье «Головокружение от успехов», о ней мы узнали из «Поднятой целины» нобелевского лауреата Михаила Шолохова. Откуда же ещё? Произведений Сталина в начале 70-х было не достать.

Людей репрессировал. Да как-то в начале 70-х об этом поутихло. Но нашим комсомольцам палец в рот не клади: один голосистый паренёк извлёк из какой-то папки вырезку из «Правды» 1962-го года и прочитал со сцены «Наследников Сталина»:

«Безмолвствовал мрамор. Безмолвно мерцало стекло.
Безмолвно стоял караул, на ветру бронзовея.
А гроб чуть дымился. Дыханье сквозь щели текло,
Когда выносили его из дверей Мавзолея.

Гроб медленно плыл, задевая краями штыки.
Он тоже безмолвным был – тоже! Но – грозно безмолвным.
Урюмо сжимая набальзамированные кулаки,
В нём к щели приник человек, притворившийся мёртвым.

Хотел он запомнить всех тех, кто его выносил -
Рязанских и курских молоденьких новобранцев,
Чтоб как-нибудь после набраться для вылазки сил,
И встать из земли, и до них, неразумных, добраться...»

Почему же теперь «Правда» молчит? Надо обязательно поставить этот вопрос!

И про XXI съезд партии, он только что прошёл, стоит написать. Где нынешний генсек КПСС Леонид Ильич Брежнев чётко сказал: главная особенность момента состоит в том, что в СССР построено развитое социалистическое общество.

Хотя тут выявилась заковырка: как правильно произносить – рАзвитое или развитОе? Старшие товарищи разъясняли: рАзвитым может быть ребёнок, а социализм – только развитЫм! А я прикидываю: в чём разница-то?

Рядом возникал следующий вопрос. Руководители партии давно говорят, что социализм у нас в стране построен окончательно. А раньше был построен полностью. То есть раньше полностью, но не окончательно? А вдруг теперь окончательно, но не полностью? Как тут разобраться...

И снова соцсоревнованиями достали: сначала навстречу съезду, потом «решения съезда в жизнь», потом в честь каждого года очередной пятилетки с каким-то судьбоносным названием.

Чуть позже родился анекдот:

«Знаешь, что есть проект переименовать дни недели в соответствии с темпом социалистического соревнования? Понедельник будет «начинальник», вторник – «продолжалъник», среда – «решальник», четверг – «определяльник», а пятница – «завершалъник»!

«А с субботой и воскресеньем как?»

«Им оставят старые названия: «субботник» и «воскресник»!»

В общем, оставалось положить с прибором на этот съезд, или запутаешься, или проколешься!

Ну, а если до «Известий» дело дойдёт, там надо обязательно высказаться о международном положении. Мне ближе всего, конечно, китайская тема, поскольку она с самого рождения шла по жизни рядом. Совсем маленьким пацаном помню, как по радио звучала песня:

«Русский с китайцем братья навек.
Крепнет единство народов и рас.
Плечи расправил простой человек,
С песней шагает простой человек,
Сталин и Мао слушают вас.

Москва – Пекин.
Москва – Пекин.
Идут, идут вперёд народы.
За светлый путь, за прочный мир
Под знаменем свободы...»

Сомневаетесь? По радио звучать не могло, поскольку Сталина уже развенчали? Именно из-за этого коммунисты страны Советов с Китаем поссорились и стали «ревизионистами». Ну, тогда на пластинках.

Но китайские кеды марки «Два мяча», ракетки и воланы для бадминтона, термосы с красивым рисунком букета цветов, махровые полотенца – точно не развенчали, они по-прежнему продавались в магазинах и пользовались большой популярностью.

И вот на тебе – в Китае «Большой скачок». Типа: воробьёв всех уничтожить, чтобы зерно на полях не склёвывали, а заодно крыс, мух и комаров – и урожаи повысятся. Кустарно-дворовую выплавку металла наладить, чтобы догнать и перегнать по этому показателю Америку. Коммуны организовали, да такие, что Сталину и не снились. «Культурная революция» – так это вообще упасть и не встать...

Но как понять: в 1950-м – договор о дружбе навек; а через 10 лет – разрыв дипотношений и нарастание напряженности? В 60-х по телевизору показывают, как китайцы осаждают посольство СССР в Пекине, как переворачивают наши автомобили, как выкидывают лозунг «СССР – наш смертельный враг»...

В 1964-м Высоцкий написал песню «Письмо рабочих тамбовского завода китайским руководителям»:

«В Пекине очень мрачная погода,
У нас в Тамбове на заводе перекур, –
Мы пишем вам с тамбовского завода,
Любители опасных авантюр...

А если зуд – без дела не страдайте, –
У вас ещё достаточно делов:
Давите мух, рождаемость снижайте,
Уничтожайте ваших воробьёв.

И не интересуйтесь нашим бытом –
Мы сами знаем, где у нас чего.
Так наш ЦК писал в письме открытом, –
Мы одобряем линию его!»

Через пару лет – ещё одну, «Возле города Пекина»:

«Возле города Пекина
Ходят-бродят хунвейбины,
И старинные картины
Ищут-рыщут хунвейбины

И не то чтоб хунвейбины
Любят статуи, картины:
Вместо статуй будут урны
«Революции культурной»

И ведь главное, знаю отлично я,
Как они произносятся,—
Но что-то весьма неприличное
На язык ко мне просится:
Х..-вей-бин»

Китайская тематика уже к 66-му так всех достала, что Высоцкий написал и третью песню на болезную тему. Вот как он сам рассказывал об этом на одном из концертов:

«И я тоже увлекаюсь фантастикой... Я прочитал такую книжку «Эврика». И в этой книге написано, что... существует такая звезда Тау Кита. И с неё радиотелескоп в Англии поймал сигналы. И кажется, это упорядоченные сигналы. Может быть, там есть разумные существа. Вот я и написал такую песню. Называется она «В далёком созвездии Тау Кита»:

«В далёком созвездии Тау Кита»
Всё стало для нас непонятно, —
Сигнал посылаем: «Вы что это там?» —
А нас посылают обратно...

На Тау Кита
Чегой-то не так —
Там таукитайская братия
Свихнулась, по нашим понятиям...»

Короче говоря, соответствующее настроение и отношение к Китаю постепенно нагнеталось. И достигло своего апогея понятно когда: во время советско-китайских боёв за остров Даманский в 1969-м. Они напали – советские воины дали достойный отпор: сначала отбивались автоматами и БТРами, а потом пожгли их «Градами». Событие стало на долгое время новостью дня номер один.

А мы-то, столичные ребята, что? Там Даманский, а тут Москва! Так-то оно так...

Что-то мы общественно правильное делали на Мичуринском проспекте и зашли в магазин канцелярских принадлежностей. Продавец сразу спрашивает?

«Вам чернил?»

«Зачем?»

«Так вы пройдите чуть дальше по проспекту и посмотрите».

Мы пошли и посмотрели. Оказалось, что рядом находится китайское посольство. И люди кидают в него пузырьки с чернилами. Мы вернулись в магазин и купили чернил. Диспозиция выглядела следующим образом. Посольство располагается за забором, между забором и зданием – довольно большая поляна. Одно здание на переднем плане, два – на заднем. До них никак пузырёк не докинешь, а вот до переднего здания можно попытаться, успех зависит, так сказать, от спортивной формы кидавшего. И стояло здание в подтёках чернил и с разбитыми стёклами. То же самое происходило, впрочем, и с нашим посольством в Пекине.

В начале 70-х, о которых я рассказываю, противоречия между странами не смягчились, но дипломатические отношения были восстановлены, и «чернильные атаки» прекратились. Так и надо в «Известиях» ситуацию проанализировать!

Жаль, про то, что «Битлы» распались, писать некуда – кто ж такое напечатает...

* * *

Имея в виду подобные творческие планы как перспективные, я получил направление на практику и зашёл в проходную... не совсем «МК», «Правды» или «Известий», я вступал в проходную Московского шёлково-ткацкого комбината имени зарубежной героини-революционерки Розы Люксембург «Красная Роза». Здесь предстояло узнать, во-первых, что такое многотиражная газета. Это с очень большим тиражом, что ли? Ну да, то есть с таким тиражом, который существенно выше тиража стенной газеты.

Во-вторых, почему газета называется «Челнок»? Я даже пытался пошутить на тему о том, что вроде моря не видно. В ответ отшутились: моря и вправду нет, а вот у тебя орган есть? Да... И у ткацкого станка есть самый рабочий орган – челнок. Он прокладывает уточную (поперечную) нить между нитями основы при выработке ткани. Ферштейн? Да как тут не понять!

«Парня встретила дружная заводская семья...». Ну, почти так. Меня встретил редактор «Челнока», молодой мужичок лет на десять меня постарше.

«Здравствуйте, а можно познакомиться с трудовым коллективом?»

«Знакомься, это я, Наум Аронович. А сам с собой ты, наверное, хорошо знаком».

«Это вся редакция?».

«А кто тебе ещё нужен?».

Начались трудовые газетные будни. Про Ленина писать не нужно, про съезд партии тоже, не говоря уже о международном положении. Писать требовалось про Героя Социалистического Труда Валентину Ивановну Бобкову, которая с 12 ткацких станков по норме перешла постепенно на 72. А также про алкоголика Алексея Ильича Курюмкина, который постоянно нарушал трудовую дисциплину и неоднократно попадал в вытрезвитель. Про механический цех, где готовят детали для набивного и теплотехнического цехов. Про ткацкий цех, который выдаёт очень нужные стране шёлковые ткани. Про заводской зимний пионерлагерь «Тополёк», куда мы поехали по морозцу и после обхода палат и мероприятий проголодались и плотно пообедали в лагерной столовой. Наум даже тихонько плеснул по рюмке. Заводская жизнь была ключом. Буквально.

* * *

А до «Московского комсомольца» я всё же дошёл. В школьном отделе увидел и познакомился... Да только представьте себе обитателей святилища! Саша Аронов, мужик далеко за сорок – это тот, у кого:

«Если у вас нету дома, пожары ему не страшны,

И жена не уйдёт к другому,

Если у вас, если у вас, если у вас нет жены,

Не-е-ету жены!»

Аронов давно работал в штате «МК». Небожитель!

Юра Щекочихин. Ну... тот самый Юра Щекочихин. Тогда студент, состоявший в «МК» на полставки. Полубог! Не слышали про такого? Тогда ладно.

Паша Гутионтов, в том настоящем тоже студент, а в будущем – золотое перо страны Советов, а дальше и постсоветской России...

Собственные амбиции куда-то скрылись, я почувствовал себя маленьким неоперившимся птенчиком.

С Пашей и Юрой мы пересекались потом в «Алом парусе» – такую школьную страницу придумали в «Комсомольской правде», да и много где ещё.

А пока монстры журналистики обошлись со мной милостиво, помогли написать и опубликовать «птенчиковые» материалы. Ну да, про школу, про комсомольскую работу. Это требовалось, поскольку «МК» в то время был действительно комсомольской газетой...

Через рубежи

Вот и последний звонок. Вот и аттестат, 1972-й – первый год, когда при поступлении в институт стал учитываться средний балл. Он округлялся до 0,5 единицы. И я как-то понял, что при поступлении на журфак МГУ следовало натянуть четыре с половиной, даже с возможностью округления надо набрать не ниже 4,25. С чего округлять? Гляжу в дневник. По астрономии, например, все оценки – двойка и снова двойка. Зато учитель – старичок Константин Миронович Липкин, очень добрый.

«Константин Мироныч, я «четыре» хочу».

«Похвально, молодой человек. Вы подготовьтесь, и мы встретимся, обещаю быть объективным».

Полистал я учебник. Какой там встретимся, если в учебнике-то страницы слиплись, поскольку не открывались... Встретились, я чего-то совсем невнятное лепетал, но получил «трояк».

«Пока не вырисовывается «четвёрка», мой юный друг. Но будем бороться!»

И назначил следующую встречу, стеснительно сказав:

«Выучите хоть что-нибудь...»

Уж не помню как, но натолкнулся на главу «Фазы Луны». Настолько обогатился астрономическим знаниями, что они не выветрились до сих пор. Осознал: если лунный серп в небе похож на букву «С», то это – Луна «Стареющая» или «Сходящая». Если же он повернут в обратную сторону, то, мысленно приставив к нему палочку, можно получить букву «Р» – Луна «Растущая». Растущий месяц обычно наблюдается вечером, а стареющий – утром. Вон как!

«Ну-с, молодой человек, что будем нынче отвечать?»

«Что? Фазы Луны...»

«Очень любопытно! Приступайте».

Рассказывал я с большим энтузиазмом и с уважением к приобретённым знаниям. Константин Мироныч остался доволен:

«За это «пятёрка», любезный. Что у нас получается? «Два», «Два», «Три», «Пять»... Ладно, «четырёхёрку» выведем. Поздравляю с успехом!».

Ну, я кум королю. Четыре с половиной в аттестате уже гарантированы. А тут и «математичка» прорезалась:

«Саша, вот в вашем классе все лингвисты, но алгебру не любят. А вы вполне могли бы иметь «четыре», а выходит «тройка». Будете пересдавать?».

Больше всего мне не нравилось слово «лингвисты» в училкиной интерпретации. Никакие мы не лингвисты. Но математичка значение слова, видно, плохо понимала и повторяла на каждом уроке:

«Вот вы лингвисты».

Хотелось громко возразить:

«Да нам по барабану лингвистика, поскольку мы – «литераторы» и «англичане», раз на то пошло. Впрочем, алгебра с геометрией по барабану гораздо больше!»

Воздержался. Заветные 4,5 так и так выходили, стало быть, пересдавать алгебру нет смысла. Закрасовался в аттестате единственный «тройку». Да и ладно, не имеет значения. С ним и буду подавать на журфак документы. Но сначала выпускной.

Директриса – заслуженный учитель школ Российской Федерации и кавалер ордена Трудового Красного Знамени Роня Михайловна Бескина проводит у себя в кабинете сугубо мужской разговор с выпускниками сильного пола: с кем – группами, а с кем индивидуально.

«Я тебя (если один), вас (если группа) очень люблю. Так привыкла к тебе (к вам) за эти годы. Жаль расставаться. Уверена, что у тебя (у вас) всё будет хорошо, поступишь (поступите) в ВУЗ и сможешь (сможете) в полной мере реализовать свои творческие планы.

Но чтобы не случилось обратного...»

В этом месте голос директрисы крепчал и становился строже:

«...на выпускном – никаких поползновений! Иначе...»

«А каких поползновений? – робко спрашивали собеседники.- Куда ползти-то? (хи-хи). Мы чо? Мы ничо».

«Не надо хи-хи! К бутылке не надо ползти – вот куда! Всех проверим прямо на входе! Идите... дети!»

Пытливый ум выпускника начал усиленно работать. Мысль о том, чтобы не ползти к бутылке, отметалась немедленно. Как не ползти? Надо пытаться. Выпускной бывает раз в жизни. Другой вопрос, каким образом ползти.

Решили так. Несмотря на то, что в конце июня жарко, наденем пиджаки. Белые! Снимем и повесим их в классе, а в боковой карман положим по фляжечке коньяку, она же плоская и останется незамеченной, в процессе вечера будем прикладываться помаленьку.

В общем-то здравая мысль. Ну, а на сам вечер что, «на сухую» идти? Давайте-ка возьмём «шампусика», заскочим перед выпускным на Поклонную гору и чуть-чуть разомнёмся. Так и сделали. Взяли втроём – я, Давыдов и Мишка Кузькин – бутылку шампанского и коробку сливочной помадки. Пришли на Поклонную, хватились – а стаканов нет. Попробовали хлебнуть из горлышка, а оно как даст газами! Брызнули соплями, слюни; пиджак и брюки – всё в шампанском. Сначала опешили и огорчились, а потом ржали как кони – еле отсмеялись. После смекнули: а давайте крышечку картонную с помадки под стакан приладим и будем из неё пить. Получилось!

Выпускной прошёл великолепно: братание с учителями; танцы, откровения, признания в нерушимой дружбе и вечной любви. С Красной площадью, Ленинскими горами. Надо бы утром домой, но почему-то опять заскочили в школу. Увидели учителя физкультуры Владимира Васильича: на стратегическом дежурстве сидит, скучный какой-то. Спрашиваем его:

«Дайте нам мячик, пожалуйста», – кровь юношеская будоражила, хотелось реально размяться.

Тот отвечает:

«Стаканчик? Так вон на шкафчике стоит».

Оставили в покое мячик, достали и употребили оставшийся коньяк. Васильич уснул, а мы надели на него хоккейный шлем, дали в руки клюшку и сфотографировались на память. Выпускной – что надо выпускной!

А дальше вступительные экзамены на факультет журналистики МГУ. Сочинение – «четыре», английский – «пять», история – «четыре», русский устный – «четыре». Последний экзамен принимал, Бог ты мой, целый Розенталь Дитмар Эльяшевич, по которому вся страна русский язык сверяла. Милый и совсем не страшный дедушка.

Итого 17 баллов. Плюс четыре с половиной аттестат – получается 21 балл с половиной. Успех? Как бы не так: надо 23 с половиной, поскольку 12 человек на место... Выходит, что жизнь меня, такого успешного и талантливого, жестоко обманула. И откуда-то из космоса прилетели слова солдатской песни: «Не плачь, девчо-о-о-онка, пройдут дожди...»

Чё делать-то? Да работать надо устраиваться, а с рабочей справкой, может, «на вечерний» с теми же баллами возьмут.

Где работать? В «Челноке»? Там одна штатная единица, а на ней Наум Аронович сидит. В «МК» без высшего образования, даже и незаконченного, точно соваться нечего.

Кумекаем с Саней Давыдовым и находим любопытную идею. Московская область чем плоха? Сел в пригородную электричку на станции Кунцево и через пятнадцать минут приехал на станцию Одинцово. Это хоть и маленький, но город, районный центр притом. Там наверняка районная газета есть. Сели и поехали.

На всякий случай. Сейчас Одинцово – серьёзный город, а Одинцовский район, вероятно, самый богатый в Подмосковье. Это там, где современная Рублёвка, где самые высокие в Европе цены на огурцы и помидоры. И где живут почти все те, кого мы имеем в виду. А тогда был так себе городишко. Вдоль Рублёвки находились заурядные деревни. От станции Фили, ближайшей к 67-й школе, до станции Ромашково (это почти что Рублёвка), всего четыре остановки на электричке. Но ребят, ездивших оттуда в школу, мы называли деревенскими...

Есть газета! «Новые рубежи» называется. Орган городского комитета КПСС и городского совета депутатов трудящихся. Заведующий отделом «Рубежей» и выпускник столичного журфака Вася Курин встретил нас приветливо:

«Образование какое?»

«Десять классов».

«Не густо. А опыт журналистской работы есть?»

«Конечно», – и мы стали трясти публикациями из «Челнока» и «Московского комсомольца».

«Оказывается, производство знаете? Великолепно! Самое время познакомиться с сельским хозяйством. Правда, штатное расписание в газете заполнено, но можем взять внештатниками, на гонорар. Согласны?»

А куда деваться. Вскоре резкие звуки станков «Красной Розы» заменились мелодичным мычанием коров, хрюканьем свиней и кудахтаньем курей; вместо спёртого шёлково-металлического запаха заводских помещений мы внимали, как бы это получше выразиться – ну, пусть будет пряный – запах продуктов жизнедеятельности поточно выводимых домашних животных. Вместо бетонного пола под ногами колосились изрядно заросшие сорняками поля.

О чём писали? Обо всём. Например, о кукурузе:

«... Высокой зелёной стеной встала кукуруза. Механизаторы пожинают плоды своего напряжённого труда. С каждого гектара получают по 550 центнеров зелёной массы. Отменный урожай! Таким он стал возможен только при возросшей культуре земледелия, дифференцированном внесении минеральных и органических удобрений и, конечно же, обильном своевременном орошении. И во всём этом проявились характер, мастерство земледельцев...»

О том, как почти из дерьма производится «конфетка» для скота:

«...В кормоцех на обработку поступает солома. Сначала она подвергается измельчению, затем по воздуховодам подаётся в кормозапарники, где смешивается с паром, определённым количеством соли и известковой воды. Из них выходит уже готовый питательный корм, позволяющий увеличить продуктивность скота на 20-30 процентов...»

«Да, ребята, – подытоживал Вася Куприн первый месяц наших глубоко творческих поездок по хозяйствам района. – В проблематику входите вы умеете. Особенно удачно получилось про «возросшую культуру земледелия», «мастерство земледельцев» и «продуктивность скота». Но пора сосредоточиться на чём-то конкретном и в нём совершенствоваться.

За тобой мы хотим закрепить две темы. Ты ведь в недавнем прошлом комсомольский вожак, не так ли? Вот и возьми рубрику «Молодёжь (а это как раз комсомол!) остаётся в селе». А вдобавок – «Пьянству – бой». Здесь героями станут, вероятно, не только комсомольцы, но и люди более старшего возраста. Однако дело важное и благородное».

За первую тему я взялся с энтузиазмом. Надеялся увидеть горящие глаза, комсомольский задор и услышать рассказ о том, как молодой парень или юная девушка хотят сделать своё село лучшим в мире, СССР или хотя бы в Московской области. Ну, чтобы как Ньюшу из «Братской ГЭС». Таких в принципе не нашёл, хотя обнаружил обилие совершенно иных, совершенно не романтических мотиваций: родители старенькие, надо за ними ухаживать, поэтому никуда не уезжаю; на птицеферме для своих работников курочки дешёвые, и яичек можно домой прихватить; зарплата более-менее подходящая.

Что касается оптимизма и веры в будущее, то они практически повсеместно выражались в стремлении молодых комсомольцев из деревни слинять, и чем быстрее, тем лучше.

Но я честно искал и выявил! Толя Куницын после восьмилетки и ПТУ поехал на комсомольскую стройку химкомбината в Воскресенск Московской области. Там и получил свой комсомольский билет, а за ударный труд – серьёзную награду, о которой скромно умалчивал: транзисторный радиоприёмник.

Потом вернулся в родное село и стал трактористом. К моменту нашей встречи Анатолия перевели на экскаватор.

«Ну, как?»

«Это, конечно, хуже, чем на тракторе, – вздохнул Толя, – но, как говорится, если надо, значит, надо».

Спросил ударника и о планах на будущее:

«Осенью пойду в вечернюю школу. Потом в техникум. В общем, учиться буду обязательно...»

На Голицынской птицефабрике познакомился с Надей Казанчевой. Потом написал:

«Профессия, которая увлекла и захватила Надю, нашлась – она стала птичницей. Трудится в бригаде коммунистического труда, взяла на себя высокие социалистические обязательства: получить в год от каждой курицы-несушки по 150 штук яиц, а валовой их сбор довести до одного миллиона 500 тысяч штук...»

В комсомол Надя вступила ещё в школе, а сейчас готовится стать кандидатом в члены партии. Тщательно просматривает газеты, знакомится с Уставом КПСС. Коммунисты цеха, который борется за присвоение звания цеха коммунистического труда, планируют принять Надежду в кандидаты к 50-летию образования СССР...»

Формально излагаю? В стиле отчёта о проделанной работе? Да я понимаю, что формально и в стиле. И хочется из Нади живое слово достать – и так, и сяк подхожу, только что на танцы не приглашаю. Как, мол, удаётся, таких показателей достигать? В конце концов, комсомолка Надя раскрывается:

«За несушками нужен очень внимательный уход».

«Ну?!»

«Вот, например, смотрите: корм лежит в кормушках неровно. Нужно его разровнять, чтобы всем досталось одинаковое количество».

«Так-так?!»

«И это необходимо делать как можно чаще...»

«*Это?* Чаше? Конечно!» – впрочем, про *это* уже про себя...

После знакомства с секретами земледелия, ското- и птицеводства тема борьбы с пьянством оказалась не слишком интересной: ну, заклеимил-пристыдил в газете двоих-троих алкашей; ну, написал о вреде бухла, а поговорить?

«Поговорить – это очень даже интересно! – ухватился за мысль завотделом Вася. – Ты знаешь, такая актуальная фенька есть: журналист меняет профессию. То есть становится на время, например, официантом, или таксистом, или проводником поезда. И познаёт жизнь изнутри. Вот что предлагаю: давай сделаем, будто ты алкаш и попал в вытрезвитель, и действительно тебя туда, по договоренности с милицией, отправим. Напиваться при этом не обязательно: скажешь там, что несправедливо замели. Постояльцы заведения тебя, разумеется, поддержат. Ну, слово за слово, и за жизнь с ними потолкуешь. Золотой материал получится! Как, нормально?»

«Вроде да, попробуем».

Идею вытрезвительским ментам озвучивал лично главный редактор «Новых рубежей». Те удивлялись, упирались, а потом махнули рукой:

«Ладно, мы тебя в «санаторной покой» определим. Там алкаши уже обработанные, помытые, не буйные. Правда, злые очень с похмелья, кто не спит. Ну, если что, кричи или стучи – услышим и заберём».

В «покое» на койках, в простынях сидело-лежало четверо. Двое спали, один тупо смотрел в неизвестную точку, а четвёртый, увидев меня, сильно обрадовался, видно, скучал до этого.

«О, пацан, привет, а тебя за что?»

«Да ребята выпивали, а я рядом стоял, даже не пил, а тут менты. Ребята разбежались, а я и не бежал: чего бежать, раз не пьяный. А они меня сюда...»

Собеседник, молодой парень лет двадцати пяти затараторил:

«Вот, б...ь, они, б...ь, так всегда, б...ь: кого надо, б...ь, не видят, б...ь, а кого не надо, б...ь, забирают, б...ь».

Думаю, что тональность речи понятна, поэтому дальше обойдусь без связывающих вставок-междометий, хотя их было больше, чем остальной речи.

«А тебя за что?» – спрашиваю.

«Да ни за что! Выпили у приятеля, иду домой, по дороге присел на ступеньку покурить и уснул, а они тут как тут».

«И что теперь тебе будет?»

«На работу хотят написать и штраф слупить. А я говорю, не работаю».

«Значит, учишься?»

«Не, говорю, техникум только что закончил и трудоустраиваюсь. На самом-то деле я работаю, и даже судебным исполнителем. Да что я, дурак, про работу рассказывать, меня ж выгонят. Да... Документ начинают требовать. А я, не будь дурак, даю им комсомольский билет. Стали грозиться в райком написать. Пусть пишут – кто там будет разбираться!»

Разговор за жизнь особо не клеился. Повисла пауза. Человек, ранее смотревший в одну точку, поднял голову и произнёс: «Во-о-о-от!». Я заскучал. Где-то через час открылась дверь, и вошедший мент скомандовал:

«Эй, ты, комсомолец, передовой отряд, на выход».

И, подмигивая, мне:

«А ты очухался, всё понял?»

«Ага».

Мы вышли на улицу. Когда немного отошли от искомого места, «комсомолец» предложил:

«Слушай, парень, шланги горят, давай по чуть-чуть, мне деньги-то менты вернули».

«Да не, я это...»

«Ладно, кончай, подожди здесь», – комсомолец мигом обернулся до магазина и обратно и вернулся с пузырьком портвейна. Мгновенно присосался к горлышку, и тут... откуда ни возьмись появились менты:

«Здравствуйте, молодые люди, сейчас в вытрезвитель поедем».

«Да вы что! – чуть не в ноги бросился «комсомолец». – Да я только вышел! Да у меня справка!».

И действительно вынул из кармана полученную в заведении полчаса назад бумажку.

«Пацаны, у вас десять минут, если после этого времени где-нибудь вас увидим – пеняйте на себя...»

В редакции Вася спросил:

«Ну, как, получилось заглянуть в душу алкоголика?»

«Нет, не получилось, чужая душа – потёмки...»

* * *

Свою журналистскую школу проходил и Миша Бочаров. После «пролёта» в МГИМО и до армии начал сотрудничать с газетой ЗИЛа «Московский автозаводец». Первый очерк написал о кузнеце – тот в свободное от работы время вёл кружок авиадельтапланеристов. В творческом прорыве Миша выдавал находку: сравнивал точный удар кузнечного пресса с удачно посаженной моделью грузового самолета...

Бочаров увлекался сценой, написал много рецензий на спектакли театра-студии им. Сергея Штейна, где начинали свою карьеру народные артисты Татьяна Шмыга, Василий Лановой, Владимир Земляникин. Здесь на конкурсах чтецов побеждал и Мишин отец Пётр Бочаров.

Молодому журналисту запомнилась фраза ответственного секретаря «Автозаводца» Владимира Новичкова: «Слово не воробей, поймают – вылетишь». Не раз редакция и он сам страдали от перепутанных надписей под фото в номере газеты, особенно праздничном. В советское время это грозило выговором или увольнением.

А ты, любовь, учти, отличные значки...

Да-да, которые теснятся на груди, блин.

В Советскую армию загредел по полной программе. Попал в часть оперативно-тактических ракет. На груди отличные значки пока не теснились, а свободно, без тесноты и давки, наличествовал только один – комсомольский.

Прослужив 1 (один) месяц в батарее, где я был 1 (один) молодой, а «дедов» состояло 10 (десять), получил вызов к командиру батареи капитану Чекушкину.

«Вот у вас, рядовой, в личном деле написано, что вы были секретарём комитета комсомола школы».

«Так точно».

«А что, если мы выберем вас секретарём комсомольской организации батареи?».

Я пока недопонимал всей абсурдности такого предложения и ответил:

«Ну, если комсомольцы доверят...»

Чуть позже случайно услышал разговор Чекушкина и старшины батареи прапорщика Сидоренко:

«Товарищ капитан, Мутилкина надо ставить комсомольским секретарём, тогда и порядок будет».

«Середняк» (это после года службы) Мутилкин представлял собой обколотого татуировками мордворота из Крыма: то ли вор в прошлом, то ли бандит, случайно избежавший тюрьмы.

«Нет, – сказал Чекушкин, – будет Иванов».

Комсомольцы «доверили», и я стал присматриваться к армейскому комсомолу. Поначалу всё складывалось хорошо, даже чудесно. Ну, разве не чудо, когда меня, одного из ракетной бригады в 800 человек, посылают из Новоград-Волынского Житомирской области (там базировалась наша часть) во Львов, на окружную комсомольскую конференцию. В сопровождении офицера, который мне особенно не мешал.

Город Львов куда интересней, чем Новоград-Волынский. Несколько часов хожу по улицам, рассматриваю достопримечательности. Великолепный оперный театр, похожий на одесский, красивый цирк, католические костёлы вместо привычных церквей, Лычаковское кладбище – колоритный исторический памятник.

На конференции более пятисот делегатов, явка нормальная. «Сливки» армейского комсомола. В президиуме полковники, генералы, а рядом солдаты, сержанты, прапорщики для демократичности. Приехал и выступил даже командующий Прикарпатским военным округом генерал-полковник Георгий Обатуров (через несколько месяцев его сменит генерал армии и Герой Советского Союза

Валентин Варенников). Аудитория слушала всех выступающих с огромным вниманием и замиранием сердца. Лишь иногда, когда начинали «лечить» дисциплиной слишком настойчиво, с задних рядов раздавалось непредусмотренное сценарием: «Дембель давай!»

Должен был выступать и я, готовился, написал речь размером почти в тетрадку. Но прения досрочно прекратились, и меня на трибуну не позвали.

Переживаю: выходит, зря я текст писал? Куда его теперь девать? И тут сопровождающий «старлей» надоумил: есть у нас окружная газета «Слава Родины» – очень солидная, формата «Правды», на журналистском языке он значится как А-2. Вот и пошли своё творение туда.

Без особой надежды, но послал. Напечатали! Правда, с нюансами. Первый нюанс заключался в том, что сократили раз в десять. Второй – что мой не слишком оригинальный заголовок «Как тебе служится» заменили на куда более «креативный»: «На них равняемся!». Третий нюанс: речь в заметке шла о молодых коммунистах, которых не очень хорошо знал, да и сам молодым коммунистом не был. Четвертый... Я обнаружил одну фразу, принадлежавшую точно мне: «Все наши воины-комсомольцы включились в соревнование за отличное знание и содержание боевой техники и оружия, мастерское владение ими».

И письмо из редакции пришло! Со словами «Писать Вы умеете. Ждём от Вас полезных, содержательных материалов». И подписью целого редакционного подполковника. К письму прилагалась памятка военкору. В ней говорилось, что «военкор – это передовой воин. Он выразитель и проводник общественного мнения. Своим участием в газете он помогает командиру, партийной и комсомольской организациям бороться за высокое качество боевой и политической подготовки, за рост рядов отличников, за укрепление дисциплины, организованности и боевой готовности подразделения».

Что «правдивость – важнейший принцип коммунистической печати». И что «солдатская газета – это трибуна передового опыта. Важно поэтому, чтобы военкор глубже изучал опыт лучших людей своего расчёта и передавал этот опыт через газету...»

Как произошла такая удача? Я напряг мозги и смекнул, что у них, вероятно, существует план по публикациям военкоров из солдат-срочников. А откуда эти публикации возьмутся: в нашей бригаде, например, я, такой пишущий, всего один? Вот потому и поставили материал за моей подписью.

Так здорово! И начал я конвейерным методом производить для «Славы Родины» истории. О спортивных соревнованиях, на которых отличились комсомольцы рядовой Петров, ефрейтор Кузнецов, сержант Харитошкин под руководством, естественно, коммуниста капитана Чекушкина. О политзанятиях, где отличились комсомольцы... (прилагал, на всякий случай полный список отличившихся, чтобы у редакции имелся выбор); комсомольских собраниях, на которых выступили... (список выступивших). Газета такие материалы с удовольствием публиковала. Не совсем зажигательно? Зато, как рекомендовала «памятка военкору», правдивость, содержательность и полезность присутствуют! И гонорар платят почтовым переводом!

Касательно зажигательности содержания, случилось одно приятное исключение. Иду на пост, на вышку. Знаю, что будет скучно, на вышке даже не походишь, поэтому беру с собой листок бумаги и ручку, засовываю в сапог. Обыскивать не обыскивают, но смотрят пристально, чтобы посторонние предметы на пост не проносились. Но в сапог, конечно, не полезут. Пришёл, обосновался, огляделся, достаю писчебумажные принадлежности и думаю, о чём бы поведать.

Ага, а если про москвичей, что призывались вместе со мной? Кто как служит, чего достиг, как смотрит на армейскую жизнь. Пишу, посматривая периодически по сторонам: не крадёт ли где враг? Или, что хуже, проверяющий. Не, всё спокойно! За два часа получается очерк под названием «А мы из Москвы!», простой и откровенный, без списков отличившихся комсомольцев и перечисления побед. Напечатали! И перевод пришёл на шесть рублей 69 копеек.

Продолжу о гонорарах. Представьте себе: рядовому, коим я являлся, полагалось денежное довольствие в размере трёх рублей 80 копеек. Сержанту – в районе десятки. Сигареты без фильтра стоили порядка двадцати копеек, поход в солдатскую чайную обходился копеек в пятьдесят. А мне за одну публикацию пять, семь и даже, бывало, десять рублей «натикивало».

Замполит дивизиона, как-то беседа с молодыми бойцами о доблестях, о подвигах, о славе посоветовал: «Ты матери деньгами помогай». Я усмехнулся про себя: мать работала учительницей в школе, у отца – полковника в центральном аппарате Минобороны зарплата приличная, так что никакой нужды не наблюдалось, гонорарные деньги без проблем можно тратить. А мне и шикануть особенно

негде. «Пропивал» гонорар так: шёл в чайную, выливал в стакан банку сгущённого молока, брал штук пять пирожков с повидлом, таким образом компенсируя нехватку сахара, жиров и углеводов.

«Родина» мне понравилась. Слава ей!

На этом рассказ о комсомольских радостях будем считать исчерпанным. Почему? Да потому, что комсомола в армии не было и нет. И партии не было и нет, даже Коммунистической.

А что есть? Есть формальная, световая иерархия: начальники – подчинённые, а есть неформальная, теневая: деды – салабоны. Комсомол и партия являлись в армии некими бутафорскими образованиями.

Так, комсомольские собрания проводились исключительно по команде, в повестке дня, как правило, борьба с нарушителями дисциплины – пьянки, самоволки; либо уклонение от политподготовки и, как следствие, политическая неграмотность. Командир сразу предлагал решение: тому-то на вид поставить, а вот этому выговор объявить.

В батарею служили и некомсомольцы, или несоюзная молодежь, по терминологии комсомольских органов. Они спрашивали:

«Нам надо на собрание идти?».

«А как же, – отвечали командиры, – у нас открытое комсомольское собрание, на которое явка добровольна, но обязательна».

Получалось: что комсомольское собрание, что общее собрание личного состава батареи – всё фиолетово. Просто на обычном собрании говорили «рядовой такой-то», «сержант этакий», а на комсомольском – «комсомолец рядовой Володин», «комсомолец сержант Дунаев» – вот и вся разница.

На одном из собраний по инициативе капитана Чекушкина предполагалось объявить выговор комсомольцу рядовому Яниву за какой-то так себе проступок.

Деды, собираясь в ленинской комнате, подходили ко мне и стращали:

«Попробуй-ка, салабон, объяви выговор, мы тебе такое объявим!».

Потом появились офицеры, отчасти коммунисты, отчасти комсомольцы. Я предложил-таки объявить выговор, а деды под строгими взорами начальников за это единогласно голосовали...

На следующий день, возвращаясь со строевой подготовки, захожу в казарму, а прямо у входа стоит «дед»-сержант:

«Иванов, почему у тебя сапоги пыльные?»

«Так я только что со строевой, как раз иду в бытовку, чтобы почистить».

«А меня не е..т! Один наряд на работу».

Ночью пашу со шваброй, а мимо проходит заступивший на дежурство капитан Чекушкин:

«Иванов, Вы – комсомольский секретарь, а сами нарушаете дисциплину, так не годится».

«Каким образом нарушаю?» – и начинаю объясняться.

«Значит, надо быстрее добежать до казармы», – резюмирует капитан.

А я думаю про себя:

«Ну ё-моё, ты, капитан, или в самом деле дурак, или конкретно дураком прикидываешься!»...

Прошло полтора года. Я теперь сам «дед», сержант и заместитель командира отдельного взвода – замкомвзвод по-армейски. И по-прежнему комсомольский секретарь. На «губе» посидеть успел, а вместе с тем на Доске Почёта части повисеть – в общем, со всех сторон в авторитете. Значков на груди уже нормально, и комсомольскому среди них теперь и вправду тесно.

Через три месяца дембель, и все мысли у меня и у других «стариков» только о нём. Готовимся. Кто пряжку драит, чтобы блестела; кто аксельбанты, которых у солдат отродясь не бывало, конструирует, кто пластмассовые вставки под погоны дембельского мундира (и под тот же комсомольский значок!) прилаживает.

В этой эйфорической атмосфере подходит ко мне молодой боец и жалуется, что «дед» Копанов вытряхнул у него вещмешок и забрал себе новую электробритву. А у другого бойца «скомуниздил» из тумбочки красивый бритвенный набор в кожаном футляре. Я подошёл к Копанову:

«Ты зачем украл у молодых вещи?»

«Чего? Мне на дембель надо, а им ещё служить и служить. А тебя вообще колышет? Иди и занимайся своими делами, а то нашёлся тут!»

«Не отдашь по-хорошему?»

«Не отдам. А ты что, командирам пойдёшь своих друзей-«дедов» закладывать?»

«К командирам не пойду, а собрание комсомольское организую и исключим тебя к е...м из комсомола за воровство».

«Да мне пох!»

Назначаю собрание, информирую об этом командира взвода – иное просто невозможно, не подпольно же его проводить. Старлей комвзвод тащит на собрание комсомольского секретаря части, капитана.

Объявляю повестку дня: «О воровстве рядового Копанова». Офицеры поправляют:

«Давайте так: о поведении рядового Копанова».

Все «за».

Начинаем разбираться. Я прямо спрашиваю:

«Ты зачем украл?»

А тот отвечает:

«Не украл, а взял».

И так кругов пять на разные лады: не украл, а взял.

Молодые, потупясь, поясняют, что Копанов *взял* у них бритву и прибор.

В конце концов, вношу предложение исключить Копанова из комсомола за воровство. Надеюсь, что молодые и «средняки» – это те, кто прослужил от года до полутора (всех вместе больше, чем «стариков») предложение поддержат. Но тут вновь вступают офицеры:

«Зачем парню жизнь портить? Он одумается, исправится. Уж больно строг ты к товарищам, комсомолец сержант Иванов. Предлагаем ограничиться строгим выговором».

Я стою на своём и ставлю вопрос на голосование. *Все* смотрят на офицеров и на «дедов». Увидев их поднятые руки, голосуют за строгий выговор. Остаюсь в одиночестве.

* * *

Но всё-таки я служил, как потом выяснилось, в нормальной воинской части, к тому же и за рубежами Родины. А вот в других-то частях...

Миша Бочаров служил в военно-строительных войсках в городе Серпухове Московской области. Хотя часть и нестроевая, но строевой подготовкой замучили. Сложились стихи:

«В руках дымящийся АК,
Дым от сапог под облака.
А под подошвами земля дрожит,
А под подошвами – колосья ржи,
А под подошвами – цветы в пыли,
И солнце знойное палит.
А если надо умереть,
То с песней он пойдет на смерть,
И чтобы не было войны,
Солдаты громче петь должны...»

Первые полгода пришлось Мише поработать на земснаряде, в карьере, где добывали песок. Поздней осенью и зимой отбивали от земснаряда лёд ломками в техническом пруду. При этом важно не упустить тяжеленный лом на глубину.

Песок грузили на вагонетки, и когда они ехали по путям, песчинки просыпались и смешивались со снегом и льдом. Смесь налипала на рельсы, и её отколупывали от рельсов. Не одну пара трехпалых рукавиц уничтожили ломками на этой тяжёлой работе.

А в обеденный перерыв Миша, будучи неплохим художником, занимался... оформлением дембельских альбомов старослужащих.

Дедовщина процветала во всей тогдашней армии махровым цветом, а про стройбат и говорить нечего. Десяток москвичей распределили по двум ротам, где служили кокандские «дашнаки», крымские татары, чуваша, мордва, таджики, казахи, русские сибиряки. Большинство, само собой, формально были комсомольцами. А неформально господствовали неуставные отношения.

Что это такое? Ну, например:

– подъем старослужащими молодых после отбоя для мытья туалета, коптёрки и даже плаца для разводов зубными щетками;

– команда «борзым» молодым выть на лампочку;

– перекладывание на молодых своей работы (например, на строительном объекте надо носить на этажи раствор в носилках; молодые носят его, а старослужащие ускоряют процесс пинками;

– «конфискация» старослужащими у молодых «бацилл» (мяса) и рыбы в столовой, а также посылок из дома...

Дедовщина выгодна офицерам: когда они уходили домой, нужен порядок в части ночью, отсюда старослужащие становились «ночными командирами роты».

Дедовщине сопутствовали, мягко говоря, нетоварищеские межнациональные отношения. Именно здесь Миша впервые услышал словечко «чурка» по отношению к выходцам из среднеазиатских республик...

Так что про комсомол? Бочаров, став через полгода с начала службы секретарем комсомольской организации роты, пытался строить реальный комсомол, а именно – что-то делать с дедовщиной.

Как? Через преодоление, извините за выражение, стереотипов. Чтобы человек понял и признал:

«Да, меня мучили, но, когда стану старослужащим, я этого делать не буду».

Этому стереотипу противостоял другой:

«Меня сегодня избил, но я не скажу, кто. А когда стану дедом, отомщу и избыю какого-нибудь русского» (это если мучителем был русский или, напротив, нацмена, если раньше мучил таковой).

Приходилось иметь дело и с наркотиками: с санкции командиров вскрывать письма и посылки служащих из среднеазиатских республик, в которых прятались наркотики...

Вот такой он, армейский комсомол. Тут вам не там!

Проза

Вячеслав Нефёдов

Нефёдов Вячеслав Викторович родился 2 июня 1969 года в селе Александровка Бековского района Пензенской области. В 1994 г. закончил Пензенский пединститут. С 1994 г. проживает в Москве, часто бывает в родных краях, где черпает вдохновение для своего творчества. В 2004 г. стал кандидатом исторических наук. В настоящее время сфера научных интересов – культура ГДР. С 2008 г. – вице-президент Фонда содействия развитию русской культуры. Член Союза журналистов РФ. Посетил 35 стран мира и 70 из 85 регионов РФ

Как стать богатым

Рассказ

Что город – то норы, что человек – то и обычай

Русская пословица

Мне давно минул пятый десяток. Нельзя меня назвать ни олигархом, ни богачом, но, по крайней мере, я к этому стремлюсь. Плачу абсолютно все налоги, которые с меня спрашивают, чтобы потом спать спокойно. А те налоги, которые с моей фирмы не спрашивают, я и не плачу. На качество сна, поверьте мне, это абсолютно не влияет.

Нет, мой культ – не деньги и не их количество, просто так само по себе сложилось. Я же помню умную мысль московского предпринимателя 19-го века, А. М. Эрлангера, что каждый человек до 30 лет должен быть умён, то есть образован, до 40 лет – женат и с детьми (дамы читают: замужем и с детьми), а до 50 – богат.

Верховая езда, парашютный спорт, поедание мяса пони (кстати, это понятина или понина?) и черепаший суп, подводное плавание, поездки в Монако и в Нью-Йорк, антарктический круиз и негрятка в постели – было всякое. Но когда всё есть и многое остальное ты можешь себе позволить... Ну, если не всё, то почти всё, жизнь при этом незаметно становится пресновато-скудной. Вспомнил, мясо пони – это конина! Ведь пони – тоже кони!

И вот однажды я, Александр Крутяков, по доброй воле, добросовестно перечитав странствия Максима Горького «по Руси», решил официально для своих сотрудников уйти в отпуск и провести его, пусть это звучит банально, в братской Чехии, в маленьком городке под Прагой. Есть толковый заместитель, не вор, доверяю ему, как себе. Всем громко объявил, что «мобилку» с собой не беру. Трудитесь; если что срочно, то пишите на электронную почту. Но не факт, что я в отпуске буду её открывать.

Фу, как они мне надоели. А на самом деле я хочу провести время в Москве, а потом без перерыва и время в Пензе, провести его среди типичных русских не то, чтобы нищих или «бомжей», а людей с достатком ниже моего или ниже плинтуса, что для меня будет тоже полезно.

Эта жизнь далась мне не так просто, как мне представлялось с начала «эксперимента». Не один раз мне пришлось украсть еду из супермаркетов, носки, трусы и прочую одежду. Обувь выносить труднее, но с напарником, по одному ботинку, тоже оказалось просто. Вот тогда я правильно понял, что значит поговорка «один в поле – не воин».

Понадобились в магазине детской одежды и зимние колготки с начёсом, чтобы согреться. Из них вполне может получиться неплохой шарфик и нечто, похожее на варежки. И как много раз меня посылали на три и на пять букв русской азбуки! Хорошо, что по указанным адресам этим я не ходил. Наверное, за всю жизнь я до этого подобного в свой адрес не слышал! Очень полезно в своём блокнотике держать обычное безопасное лезвие, прищипив его обычной скрепкой. Это лезвие легко заменяет и нож, и ножницы! Теперь горжусь, что научился лезвием подстригать ногти и даже бриться лезвием без станка в руке.

Москвичи знают, как Москва утомляет. Ранним утром, в 4.30, оставив ключи сердобольной соседке, совсем умышленно без денег и без банковских карточек, с пустой спортивной сумкой через плечо, я вышел из подъезда. Паспорт, конечно же, с собой.

Вспомнил, что метро открывается вроде как в 5.30 рано. Чтоб не перешагивать через турникет в трамвае, решил пробежаться две остановки до метро. Заодно и фигура стройнее будет.

У дверей входа уже была толпа большого размера. День-то был будний. Поскольку я одет и обут был ещё прилично, принял душ, побрился и полил с утра дома одеколоном «Саша», то на входной билет в подземное царство грохочущих экспрессов я собрал деньги минут за 10.

Это меня взбодрило. Стал собирать родные тугрики про запас, потратил ещё время. По-прежнему говорил, что не хватает на билет на метро. Вот и открылись двери в тёплый подземный мир. Я остался собирать ещё. Но народ уже всю спешил к турникетам, улов стал не тот. Но, слава Богу, на руках у меня уже было 1100 рублей бумажками и мелочь рублей 40.

Спросил в кассе, сколько стоит билет на 1 поездку. Купил. Сразу же скажу, что с тех пор мне доводилось не один раз, уже бесплатно, просачиваться в мир метрополитена. Ведь его турникеты реагируют только на тень человека. А если впереди вас идёт пассажир с билетом, то надо просто внутри турникета сбоку вытянуть руку вперёд с целлофановым пакетом, внутри которого, например, лежит журнал большого формата и спокойно, синхронно, пройти вслед с билетным товарищем. Тень-то мелькнёт одна. Видел я «зайцев», для которых такты полонеза Огинского регулярно звучали из турникетов. Контролёры и полиция на «зайцев» реагируют вяло. Что с них взять, кроме протокола? Ну, разве что свистнут вслед.

Слабо разбираясь в российских ценах для простого народа, в вагоне поезда спросил у бабушки-пассажирки, много ли это или мало 1100 рублей, а то я иностранец, приехал с Чехии, благо по-чешски я знаю не только пару фраз – легенда железная.

Бабушка сказала, что столько она тратит на 3-4 дня. Узнав, что я сам – чех, бабушка немедленно пригласила к себе в гости, потому что её муж служил в Чехословакии году в 1970-м... Ах, ты, как мне повезло – сразу «вписка» есть, можно у них было бы и на ночь остаться. Но вежливо отказался, сказав, что еду в город Пензу, «дела порешать».

Оказавшись за МКАДом, стал голосовать машины сначала в сторону Рязани, чтобы не смущать водителей дальностью поездки, потом – в сторону Пензы. Много рассказывал, с акцентом в голосе, что я из Чехии, еду в Пензу «дела порешать», в дороге поиздержался, заодно и просил денег, а то вы знаете, какая полиция там у них! К утренней сумме прибавилось ещё 4562 рубля. Итого в карманах было около 5662 рублей.

Не успел мяукнуть, сменив всего 7 машин, я оказался у автовокзала на улице Луначарского в городе на Суре. Было ещё засветло. Надо бы продолжить улучшать финансовое положение. За все дни жизни в городе с памятником Первопоселенцу сделал железный вывод. В Москве подают значительно реже, но большие суммы иной раз бывают, даже по 5 тысяч и по 2 тысячи одной бумажкой. По тысячной – реже.

В Пензе... тоже в беде без денег не оставят – подают намного чаще, чем в столице но «средний чек» составляет 10-15 рублей. В итоге день закончился на цифре 6005 рублей. Неплохо, как говорил Остап Бендер, ставка ответственного работника! Обратился к уборщице в кафе недалеко от вокзала, с просьбой, у кого можно переночевать. Пригласила к себе, заломив за ночлег... 300 рублей. Славный город, просто надо срочно Пензу снять для телепрограммы «Орёл и решка». А если бы мне не захотелось поехать в нашу Пензу, то в зимнее время тепло, но не продуктивно, можно проводить время на кольцевой линии метро и на московском центральном кольце длиной 54 километра.

Вновь напомню, что в любом отпуске главное – это регулярно мыться, бриться, не запускать себя, не отчаиваться, не терять себя! Быть без плохих запахов, одеколон «Шипр» вам в помощь, он про-стонародный и демократичный.

Не надо возвращаться часто к местам, где тобою что-то было украдено. Если видите, что доблестные сотрудники полиции не по-доброму смотрят в вашу сторону, идите смело прямо к их компании. Не забудьте грамотно и быстро сформулировать умный вопрос, уместный на Пензе-I: «Ребята, а где здесь комнаты отдыха?». Они увлекутся ответом, а вы спокойно улизнёте дальше по своим делам. Если вы предполагаете, что вас подозревают реально в чём-то нехорошем, то тогда всё же и в самом

деле дойдите до комнаты отдыха и поинтересуйтесь там ценами... Никакая информация лишней не бывает, просто некоторым знаниям ещё время не пришло их применить на практике.

К счастью, секреты выживания в окружающем мире со времён Адама и Евы практически не изменились: 1) Думать о хорошем. 2) Говорить о хорошем. 3) Не озлобляться. 4) Делать хорошее.

По поводу еды. Если вы едете с попутными машинами, то водители могут сами предложить вас накормить. Если не предлагают, то сами просто попросите заказать вам стакан чая. Если даже вы принц или король, то всё равно знайте, что после этого с вас корона не упадёт.

У нас в Москве часто раздают бесплатные газеты с адресами, где есть ночлежки, где есть бесплатная еда. Но не факт, что пока вы туда доедете, еда там уже закончится. Ну, а ночлежки – это не для нас, про корону-то всё же надо помнить. Как помню я слова Белинского со школы, что у каждого человека должно быть чувство собственного достоинства! И ещё, что каждый человек боится только того, чего он сам не знает, а знанием преодолевается любой страх.

Я лично очень рекомендую этот способ существования без денег, среди простого народа, в небольших дозах, года два-три, любому человеку, даже любимому президенту, да и особенно всем тем, кто давно не спускался в метро и позабыл, сколько человек помещаются в пензенской маршрутке.

Всё это очень обогащает внутренне, даёт возможность взглянуть на мир совсем по-другому, наполняет внутренним светом, гармонией и радостью. Если, конечно, сможете выжить – и как личность, и как человек, и как протоплазма.

Оказалось, вот что ведёт к успешному выживанию. У вас должно быть страстное желание выжить, покинуть общество «на дне», выбраться из него любой ценой. Должна быть цель! Должна быть решимость к возврату в прежнюю жизнь. Надо иметь у себя моральную готовность к жертвам. Если полиция просит денег, то надо помнить, что Бог велел делиться. Отдайте им часть нажитого у входа на станцию метро Щёлковская непосильным трудом денег. Не проблема, ваше стремление поделиться с ближним не пропадёт. И это вовсе не буддизм какой-нибудь!

Что лучше: подраться или избежать драки? Порвут сумки и одежду. Иногда проще не ввязываться и убежать. Кому и что доказывать-то? Прежде чем что-то сказать, надо подумать о последствиях сказанного. Именно как раз слова провоцируют начало любой драки. Прежде чем что-то сделать, надо подумать о последствиях сделанного. Всё просто. Господа присяжные заседатели, – говорил Остап Бендер, – жизнь – это конечно, сложная штука, но она открывается просто, как ящик.

Самое святое – это российский паспорт. Никому его не отдавайте! Он нужен для ночлежки и для ментов. Без него ты никто! Должна быть дисциплина – в ночлежке соблюдать правила, в хостеле – тоже. Предприимчивость нужна и «на дне» общества – не надо красть без надобности. Но по необходимости, видимо, можно. И самое главное – это бодрость духа, любой ценой избегать растерянности. Словом, те же все принципы, что и в бизнесе. Слабых бьют.

Вы знаете, что больше всего меня поразило? Это резкий контраст между добрыми и злыми людьми. Чаще всего мне подавали женщины и нищие, особенно пьяницы. Но вот «офисный планктон» всегда смотрел на меня с пренебрежительной брезгливостью. Может, они думали о себе, что они – боги? И, вообще, как я осмелился к ним обратиться, холоп? Или смерд?

После нескольких недель, проведённых мною на краю пропасти, мне просто захотелось вернуть всё то добро тем людям, с которыми я познакомился за период своей никчемно-беззаботной и бездомной отпускной жизни. Я отписал две квартиры скромно-нуждающимся семьям под Рязанью, у кого по их приглашению был в гостях. Это были без преувеличения, счастливые дни!

Помог и ночному приюту для бездомных около дворца в Кирицах. И ещё выдал потом по сто тысяч каждому из тех бедняков, которым посчитал нужным помочь. Списывался с постороннего адреса электронной почты с магазинами, слегка пострадавшими ранее от встреч со мной. Спрашивал, не украли ли у них что-нибудь в период с такого-то по такое-то время. Если отвечали правду, то переводил деньги с посторонней карточки им на счёт. Предполагаю, что не всем эти мои благодеяния пошли на пользу. Да, с непривычки деньги – это конечно, зло.

Я, Саша Крутяков, так вам скажу. После такого погружения «на дно» реальной жизни, пусть и по моему желанию, моя жизнь больше никогда не станет похожей на прежнюю. Конечно же, законы бизнеса часто бывают несправедливы и жестоки. Но законы выживания ещё более злы и несправедливы. Жалко, конечно, что не все помогавшие мне в ту памятную пору отозвались с похвалой на мои обратные им воздаяния. К примеру, с неимущей семьёй Дарькиных из общежития, которой я

подарил трёхкомнатную квартиру и полмиллиона рублей, теперь их родня больше их не замечает и не общается с ними. А виноват я!

Продолжу воспоминания. Извините, если буду повторяться, но повторение – мать учения, а отец учения – опыт. Из более или менее пригодно-полезных на дороге жизни вещей я выбираю три – мозги (как умение соображать и думать), паспорт (для полиции) и спортивная сумка через плечо, средних размеров. Полезна бутылка с питьевой водой, не сильно мягкие, широкие бумажные салфетки, семечки погрызть, журнал со сканвордами, ручки, карандаши, блокнотик для записей, целлофановые пакеты про запас. Одежды с собой из Москвы я не взял, поэтому посетил Центральный рынок в другом городе. Улыбка на лице открывает просто все двери и души продавщиц, а разговорчивые болтливые продавцы – прямой путь к бесплатной футболке или трусам.

Когда же я хочу поехать в очередной раз в такое разбитное приключение, то надеюсь, что я не буду особенно тревожиться ни о наличии вещей в сумке, ни тем более об их комплектности или комбинаторности.

Ясное дело, что летом в России выживать, не сказать: бродяжничать, и странствовать намного проще. Тем более, что все ненужные вещи вы так или иначе потеряете, отдадите кому-то в дар или просто выкинете... Ну, а если же какая-то вещь на пути вашей жизни вам действительно будет необходима, то опять-таки вы её... украдёте, купите, найдёте в мусорном ящике или вам её подарят! Мир велик и добр, а у Бога всего много! Через месяц минимум в вашей сумке будет самый правильный набор вещей, собранный самой Жизнью, или как там у старика Дарвина, путём естественного и самого правильного отбора!

И в крутом бизнесе, и в обычной жизни никакое оружие нам не нужно. Как говорил путешественник Антон Кротов, «лучшее оружие – это правильное поведение». Люди, давайте жить хорошо и дружно, и тогда никакие электрошокеры, никакие газовые баллончики, пулемёты и пистолеты, автоматы Калашникова, эскорт мотоциклистов и другие игрушки озлобленных людей вам не пригодятся.

Насчёт денег, помните, что красть – грешно. Лучше их попросить у добрых людей. Давно отвыкший от цен на хлеб и кефир, я никак не мог привыкнуть, сколько же мне запланировать денег, чтобы одинаково тратить каждый день. Решил для себя: пусть это будет 500 рублей и меньше!

Обычно человек выезжает куда-то из дома с определённым количеством денег, в процессе жизни его тратит и под конец переходит в безденежный режим. Это непродуктивно, нерационально и даже вредно. Для себя я решил, что безденежного времени у меня никогда не будет! Его и не было. Сила мысли преодолевает любое безденежье! Вот Вы, например, любите деньги? Ответ: скорее всего, нет, не любите. Вы любите разговоры о деньгах.

Вовсе не следует беречь деньги на «чёрный день». Когда все ваши рубли пойдут в поддержку продавцов Центрального рынка (закон сохранения энергии), и у вас не будет ничего, даже кошелька, то вы неожиданно для себя попадёте в идеальное коммунистическое общество, которое не строят даже в Северной Корее. То, что вы всю жизнь так долго и добросовестно покупали, вам будет идти в руки бесплатно. Вовсе незнакомые вам соотечественники будут дарить вам сигареты, пиво, деньги, билеты в кино, еду, попкорн и шашлык. Даже без вашей на то просьбы или молитвы. Так было и у меня.

К сожалению, масса моего тела во время этого отпуска «как бы в Чехии», несколько не понизилась. Даже размер одежды остался прежним, но узковатым чуток. И поэтому, повторю, что когда же я возвратился домой, то больше стал помнить доброту незнакомых русских людей и негров, мусульман и буддистов, пензяков и киргизов. Всякие встречались.

А избыточность окружающего мира меня просто привела в изумление. Хочешь бесплатно, например, читать газеты и журналы, то надо договориться с газетчицей – перед выбросом старой прессы в мусорный ящик она даст тебе время выбрать самому себе почитать что-то интересное. И нет проблем. Это и есть, если хотите, рай на земле, самодостаточность мира и всемирное братство людей, безотносительно к любой религии или к сектам.

Со словом «вписка», то есть расположением своего брэнного тела в ночное время на отдых вы сегодня уже познакомились. Адрес доброй уборщицы из кафе у вокзала Пенза-I я вам не дам. Она такая в Пензе не одна, поверьте. Ищите добрых людей сами.

Однажды ещё в советские годы меня занесло в какую-то слишком глухоманистую глухомань в

Архангельской области, притом вечером. Постучал в один дом – не открыли. В другой – послали на БАМ. В третьей – не помню, что. В результате, постучавшись в 14-й по счёту дом, меня впустили, накормили, напоили, спать уложили, денег не взяли, а загрузили вдобавок мою сумку едой на дорогу. Помните, что стучащему всегда откроют, а просящему всегда дадут.

Не ленитесь списываться через соцсети с друзьями и знакомыми знакомых. Ищите группы по интересам и турклубы, тусовки и монастыри, общежития... Помнится, в ленинском селе Шушенском, уже в постсоветский период, цены в гостинице были заточены под интуристов. В общежитии с душем во время летних каникул я переночевал без проблем за 10 рублей и дружеское чаепитие с дежурной бабушкой.

Старайтесь вести себя у временных ваших хозяев с достоинством и спокойно. Не надо никого поднимать среди ночи из хозяев квартиры или дома. Сами принесите еды и сготовьте на всех вкусный ужин, по-нашему, по-русски!

Помните, корона с вас не упадёт, если в гостях вы перемоеете всю-всю посуду и отдраите, как в армии, все полы. В сухом остатке: едва знакомая вам тётя Маша из Тамбова позвонит своей сестре в Саратов, чтобы вы у неё там переночевали в домике на берегу Волги. Не забудьте зайти в Саратовский оперный театр и передать привет великому баритону, народному артисту СССР Леониду Сметанникову от меня. Мои спонсорские дела он должен помнить. Вот вам и бесплатный вечер в опере. А может, и на балете? Как знать? Жизнь – она такая непредсказуемо-добрая!

Если же у вас будет в запасе не как у меня было мало времени вольной жизни, а большее количество времени, то вы, как и остальные наши соотечественники, с некоторыми я даже знаком лично, можете вполне не просить деньги или воровать сырки в супермаркете. Вполне можно, вместо бродяжничества и вонючего бомжизма, начать зарабатывать деньги разными способами. Слава Богу, что Божья мать, Мария Акимовна, дала вам целых две руки, две ноги и одну, верю, умную голову.

В любом городе, абсолютно в любой стране ищите своих коллег по работе, по увлечениям, по хобби. Эсперантисты по всему миру охотно помогают эсперантистам. Программисты – программистам. Грузчики – грузчикам. А как сказал мой племянник-охранник Иван, охранники всюду помогают охранникам, без проблем! Продавцы книг охотно помогают книголюбам, а рыбаки – рыбакам. Всего этого я раньше и не знал даже...

Если у вас по жизни закончились деньги, не бежите в банк за кредитом, не ходите занимать к соседям. Во-первых, деньги «вдруг» никогда не кончаются. Во-вторых, если у меня 6000 рублей и мне надо на них прожить 30 дней, то не бери калькулятор и не ходи к гадалке, и так ясно, что на день приходится 200 рублей. Заранее, авансом деньги тратить нельзя.

Но. Если вы сегодня не потратили 200 рублей, то вполне можете потратить за день завтра аж 400 рублей. Надеюсь, что принцип вам ясен? Мои уроки стоят дорого, да и лекции мне читать некогда, поэтому слушайте меня бесплатно, то есть даром. А вообще, почему я всё это вам рассказываю? Даже и сам не знаю, «причуда рыболова» что ли? Вроде так назывался рассказ у Честертона. Хотя там как раз был обратный случай. Все всё знали, но молчали...

Всегда и всюду можно найти местных микро-спонсоров на не хватающие деньги для покупки плацкартного билета. Можно и продать что-то из имущества. Один раз я продавал лишние поездки с метро-билета.

А вот нежелательность тех или иных событий ясно и понятно находится рядом с нами и связана она с нашим отношением к окружающему миру. Кто-то посчитает нежелательным дождик или снежок, ветер или укусы комара, облаивание собакой или мычание коров.

Вспомните, для Штирлица нежелательной была даже встреча с учёной-математиком, которая «в любви – Эйнштейн!» А ведь встреча с роскошной женщиной – всегда радость.

Абсолютно все дурные мысли, из которых потом и появляются неприятности, существуют только в нашей собственной голове. Если же у меня в голове всё нормально, гармония наблюдается, то и вокруг нас всё будет тихо и спокойно тоже. А вот, если же у нас что-то не в порядке в голове, в глупых мыслях, поступках или дурных желаниях, то всё это рано или поздно проявится и вылезет из головы наружу, плохо повлияет на наши отношения с окружающими! И вот тогда, как говорят в братском Минске, вам одна дорога – в Новинки!

Секрет в бизнесе простой. Адекватное поведение и грамотное отношение к людям, – и после этого мы будем в полной безопасности. Словом, живи сам и давай жить другим.

Поскольку из Пензы назад в столицу я так же после приехал на попутных машинах, с остановками на ночлег в разных местах, то скажу, что в машине всегда надо пристёгиваться ремнём безопасности. Не надо ездить с нетрезвыми шоферами, а уж самому в дороге надо пить только лимонад.

Ночью, если я наблюдаю, что шофёр то и дело пытается заснуть за рулём, не надо следовать его примеру. Если вам ночью нравится спать, спите, а не ездите, когда не следует. Если я вижу, что машина, в которой мы едем, куда-то падает или врезается, не надо совершать никаких резких действий, не следует выпрыгивать из машины на ходу.

Голосуя, не надо выбегать на дорогу под колёса машин! Помните, что у вас есть в запасе мозги, как умение думать и соображать. В конце концов, слушайте свою интуицию! Доверяйте ей!

И ещё. Моё любимое государство обо мне, да и о вас тоже, хочет знать просто всё обо всём. При покупке билета на самолёт, на поезд или на автобус всюду спрашивают паспорт. Слугам народа в лице государства интересно, куда и зачем едет или летит завтра бизнесмен Крутяков? Где гарантия, что эти сведения прямо из кассы не попадут к моим конкурентам или нежелательным персонам? Правильный ответ: такой гарантии нет. Вот для незаметных отъездов и остаются всенародно-доступный автостоп, где паспорт не спрашивают, или такси, самолично остановленное на улице в двух остановках трамвая от дома. По телефону его не надо заказывать. И это не паранойя, это разумная предосторожность и гармония с миром.

Вот сейчас кто-то меня спросил, приходилось ли мне нарушать законы? Честный ответ: да.

В результате моей поездки и вольной жизни, далёкой от мира бизнеса, я понял, что вокруг нас изрядно много, не сказать, до фига, законов, правил, инструкций, памяток поведения, часто просто взаимоисключающих друг друга. Они не в ладу даже и с простым здравым смыслом.

В нашей стране простонародье часто нарушает или способствует нарушениям инструкций типа «пассажиров не брать!», в некоторых машинах, локомотивах и прочих видах условно-бесплатного транспорта. Наши люди безбоязненно посещают погранзону и собирают там грибы и ягоды, охотятся и ловят рыбу без всяких лицензий. Таблички и надписи: «частная собственность» – нам не указ. Поступая на работу, не заводят трудовых книжек, уклоняются от налогов, получают зарплату «в конверте». Русские люди фотографируют в музеях без дополнительной оплаты. Тревожат окружающих абсолютно без необходимого разрешения правительства. Иногда спят в парках, часто проезжают без билета в общественном транспорте («да мне только одну остановку!»). Иной раз народ всю купается в реке или озере, несмотря на надпись «купание запрещено».

Мы с вами все – нормальные люди, и поэтому достаточно часто нарушаем всякие законы, инструкции и правила, иной раз, даже не догадываясь об их существовании, но чаще всего мы привыкли дружить со своей совестью и со своим здравым смыслом.

Тем не менее, и бизнесмены, и простолюдины в России, наблюдая за такой, на первый взгляд, кажущейся беспринципностью и безалаберностью россиян, помнят допустимые границы морали и в любом случае не занимаются повальным воровством. Чужды им и убийства, распространение наркотиков, терроризм, захват заложников и похищение детей. Шпионаж, угон транспортных средств и многие другие неблагоприятные делишки тоже нам несвойственны, ведь все знают, что «дела» – только у прокурора. С малых лет мы помним, что жить можно двумя способами – по закону или по понятиям. И каждый выбирает это сам.

Что-то я разговорился сегодня. Старею, по-видимому, опыт, таким образом, вам передаю. А что делать, если попал в «обезьянник» и далее по этапу? Со мной в моём отпуске такое было. Помните, что это вовсе не катастрофа и не трагедия, а всего лишь приобретение нового, не исключено, что и полезного опыта. Даже если вы и невинны, как агнец божий, не забывайте, что ваше главное оружие – это паспорт гражданина РФ и терпение.

Ясное дело, что временные ошибки бывают у всех. Поэтому к краткосрочным лишениям свободы относитесь без паники. Все местные полицейские, если по Конституции РФ брать, – это же наши слуги народа. Какой же вы господин, если боитесь своих слуг-то?

В любом районе Калининграда или Омска, в центре особенно, в нас могут заподозрить террористов, особенно, когда есть, как у меня усы и борода, наёмников, особенно, когда на вас платок или кепка на голове с арабскими буквами. Вы – вылитый шпион, а ваше необычное поведение наводит логически слуг народа, охраняющих порядок, на мысль о его преступности. Не робейте.

Дядя Саша вам правду говорит. Абсолютно 9/10 всех полицейских проблем в мире разрешается в течение 60 минут. А вот почти 1/10 часть из оставшихся проблем остаётся в прошлом в течение 24 часов. Поймите, что задержать-то нас «до выяснения» может любой полицейский, а отпустить – только его непосредственный босс, причём в каждом случае умный босс. Если же задержавший вас полисмен не слишком хорошо учился в школе, то он, обычно из страха, обращается к своему шефу, он – к своему боссу, и пошла писать губерния! Подождём в камере, пока где-то наверху не найдётся умный их шеф, который тут же нас и отпустит с извинениями или без них.

Тем не менее, умные боссы и шефы не всегда сидят на месте. Наши враги – это выходные и праздничные дни, рейды и усиления, перерывы и нерабочие часы... Ещё нас могут возить из одного приёмного «обезьянника» в другой, более или менее комфортный, но в каждом случае в центральный.

Оттуда также начнут слуги народа звонить и слать депеши опять «наверх»... В итоге все подобные дела ползут, не спеша, и воруют наше время. Ребятам-то что? Они на дежурстве. Им всё равно с кем развлекаться, с вами или с участковой кошкой Чернышкой.

В моей бизнес-практике, после 1991 года, уже было более 30-ти случаев задержания от двух часов и более. Уже привык. Знаю, что в среднем один раз в год обязательно задержат. Статистика эта меня, честно говоря, успокаивает. Радует и тот факт, что все эти мои истории закончились хорошо. Иначе кто бы сейчас вам всё это рассказал-то?

Помните, что абсолютно все полицейские проблемы, как и болезни тела и духа, всегда лечатся только временем! А если нас всё-таки задержали: не надо нервничать, не надо обзывать на стражей порядка. Тем более, не следует убежать, не отстреливайтесь, не делайте иных, незнакомых мне глупостей!

Просто дайте полицейским возможность спокойно выполнять свои служебные обязанности. Пусть они их, не торопясь, поисполняют! Не всё же им с дежурной кошкой Маруськой общаться. Пусть нас обыщут, изучат, наденут наручники, составят акт или протокол, позвонят куда-нибудь и... отпустят, таким образом, увеличив на одну единицу свою дохлую статистику «раскрытых преступлений». Наше дело, как у Карлсона с фрекен Бок, спокойствие, только спокойствие! Дело-то житейское!

Опять я ворчу, но вот был автор такой, Анатолий Гостюшин, кстати неплохой специалист по гармонии мира и безопасной жизни в нём. У меня где-то есть и по сей день его «Энциклопедия экстремальных ситуаций». Толик, ныне покойный, к сожалению, буквально рассмотрел все неприятности мира, и даже по алфавиту. Все неприятные случаи, угрожающие человеческой жизни: арест, безденежье, безработица, болезнь, плен, ядерный взрыв, землетрясение, терроризм и даже конец света он предусмотрел и довольно толково написал, что в каком случае надо делать. И что вы думаете? Только Толик написал эту книгу, как сразу же и умер, в 43 года, от рака.

Часто можно услышать море негатива через средства массовой информации. На самом же деле, у нас в России огромное количество мест именно спокойных, чем беспокойных. Подавляющее у нас просто количество хороших людей, чем озорников, насильников и маньяков. Каждый день в России больше людей живёт, чем умирает.

Но вот есть некоторые господа журналисты, которые стараются заработать кучу денег, и сразу! Они хотят повысить рейтинг своих СМИ. Они, специально что ли, облазивают и обнюхивают каждый квадратный метр России, чтобы найти такие мерзкие и гадкие события и факты, которые для нас нетипичны, которые происходят о-очень редко, и, мерзавцы, говорят, показывают и пишут только о них. Типично делают из мухи слона.

«Дональд Трамп заявил Северной Корее ультиматум... В Сенегале произошёл путч... На Халтуринской улице ДТП с участием 7 машин... В Сирии разбился военный вертолёт... Под Иркутском – метеоритный дождь. В Белинском – оранжевый уровень опасности... В Киеве – майдан... Над Кубой бушует ураган «Инесса»... В Монако обнаружили женщину, заболевшую свиным гриппом... В Лихтенштейне взорвали княжеский замок...» И так далее, в режиме нон-стоп.

Вот такие новости мы слушаем, смотрим и читаем. Но вовсе не отдаём себе отчёта, что это весьма тенденциозно подобранные редкие, не сказать, уникальные, события из миллионов обычных фактов, о которых все знают, но умалчивают, не говорят вслух всей правды.

А вся правда такова: «Сегодня в 205 государствах планеты, далее – нудно-долгий список стран, не произошло государственных переворотов, не было путчей, наводнений, извержений, землетря-

сений, неизвестно куда пропал ураган «Инесса»... На улицах Екатеринбурга не случилось 68.231 ДТП, надо далее перечислить список и марки машин, которые не попали в ДТП в уральской столице... Оранжевый уровень опасности просто негде объявлять... МЧС РФ не разослало 48 456 012 «эсэмэсок» об усилении ветра... В районе 645 городов России, идёт список городов, не упало 4782 самолёта. Далее – общее число пассажиров, членов экипажа, их фамилии, всех благополучно долетевших из пункта А в пункт Б... Причины неупадения выясняются, создано 4782 правительственных комиссии. Они работают. Вот некоторые выводы этих 4782 комиссий о причинах таких просто безысходных и безаварийных полётов... В школах Перми и Улан-Удэ никто не бегаёт с топором»...

Об этом рассказывал ещё Михаил Задорнов. Ведь если бы какой-нибудь телеканал хотя бы один раз сделал подобный выпуск новостей и рассказал бы всю эту реальную правду о нашей тихой заводи по имени «Россия», он бы тут же разорился! Но, видимо, так уж устроен человек, что ему постоянно хочется узнавать о чём-то необычном и нескучном.

Так вот, эти корреспонденты, искатели сенсаций, просто обыскивают всю нашу планету, в прямом смысле – метр за метром. А как только найдут какую-нибудь диковинную гадость, исключение из привычно-правильного ритма жизни, тут же, как мухи на мёд налетают и... пошли докладывать и кричать об этом по всем телеканалам! И ведь даже здравомыслящие люди, когда смотрят всё это, то также верят и ужасаются, как все.

Поэтому и нет у нас больше кинофильмов на «производственную тему». Теперь – кругом боевики, блокбастеры, приключения, триллеры. А вы знайте правду, что наша жизнь, в целом-то, размеренна и тиха, а новости о том, что с каждым днём на нашей планете становится всё больше агрессии, криминала, свиного и птичьего гриппа, цунами, наводнений, террористов и военных действий, сильно не тревожьтесь об этом.

На самом же деле это означает только одно: с каждым днём на нашей планете профессия журналиста становится всё более высокооплачиваемой, и они размножаются в самой быстрой прогрессии.

Не бойтесь окружающего мира. Нет ничего постыдного в том, чтобы проехать где-нибудь с билетом в кармане. Лгать и обманывать, красть без причины – грешно и невыгодно. В общем, платить или не платить где-то или за что-то – это дело совести каждого.

Конечно же, лучше объяснить своё желание бесплатно доехать до Минска водителю до поездки, чем потом огорчать его и себя. Если с меня спрашивает в нижегородском автобусе кондуктор деньги за проезд, то надо обязательно заплатить. Зачем же нарушать гармонию мира? А если кондуктор занята обилечиванием других нижегородцев, то зачем ей мешать это делать и привлекать внимание к своей безбилетной персоне?

Повторюсь, что корона с меня не упадёт ни в том случае, когда я с билетом – это меня не разорит, ни в том случае, когда у меня растут невидимые заячьи ушки. Как вы правильно меня понимаете, смысл жизни состоит не в этом! Смысл жизни – жить в гармонии с миром.

Наличие каких-либо скандалов на эту тему только подчёркивает глупость отдельного человека, не сумевшего понятно, доступно, правильно и вовремя объяснить суть своей личности.

Никто из встреченных нами людей, что в бизнесе, что прохожие на улице, никто нам ничего не должен и не обязан. Люди не обязаны писать на себе: «Я – добрый» или «Я – злой».

Далее. Находясь «на дне» общества, не надо становиться отбросами общества. В целях гигиены, удовольствия, получаемого от мытья и профилактики педикулёза, я, как отпускной бродяга, умудрялся регулярно мыться! Прогнали с одного места, зайдите в другую котельную – душ там всегда есть.

А когда нас приглашают к себе на ночлег местные жители, не обязательно «деклассированные элементы», мы можем помыться у них. Однажды, перед тем как помыться самому, часа два пришлось отмывать саму ванну, настолько она выглядела непривлекательно, стояла без эстетики! Также в тёплое время года вполне можно помыться на природе, попроситься бесплатно в баню. (Помнится, в Сердобске меня пустили помыться даже в банный выходной день!)

Есть и фонтаны, или помыться даже можно в гостинице, без заселения в неё. Зайдите в городской «hotel» (не самый «крутой», там, где звёзд поменьше), расскажите о себе позитивную историю, почаще улыбайтесь. И будет вам бесплатный душ.

А уж при сноровке и опытности, при малом количестве тёплой воды, или воды вообще, надо

помнить, что на помывку и стирку белья на одного человека может уйти всего-то шесть тире десять литров воды!

Попрошайничество – не наш стиль жизни. Но в некоторых ситуациях его нельзя исключать из своей биографии. «От тюрьмы да от сумы не отрекайся», – учит нас русская мудрость.

Если есть деньги, еду можно покупать; если нет денег, вас, естественно, угостят те люди, с которыми вы общаетесь или куда-то едете, или у которых ночуете. Чтобы вы не стеснялись, поступайте у себя дома в Твери так же: если к вам придёт голодный человек, то накормите его. Если сами обедаете, то поделитесь с соседом или дружески пригласите его к трапезе. Круговорот излишками продукции, как и круговорот воды в природе – это самый настоящий признак настоящей жизни.

В этот раз я много странствовал, жалко, что только между столицей и Пензой. Но не похудел: где-то попросил хлеба, в ином месте попросил несколько луковиц, попросил купить мне кефира. Словом, всё было вполне сытно и бесплатно. Горячую пищу организм получал ежедневно.

Когда же вы и я сами находимся дома, в Москве или Питере, при деньгах, и к нам придёт человек, имеющий проблемы со впиской, или голодный, или узбек, не дожидаясь его просьбы, надо поделиться с ним избытком окружающего мира, вспоминая себя и остальных, кто был или попадёт в подобную ситуацию. Ну, а добрых людей от мошенников сами учитесь отличать. Как? Да очень просто. Вот, к себе в друзья я дополняю всех и каждого, как в оранжевой, так и в синей соцсети. Но до определённого момента. Если незнакомые друзья мне начинают слать рекламу, предлагают поиграть в игру и подобные глупости, то я их сразу из друзей удаляю.

Какие качества в бизнесе у своих коллег я считаю основными? Всё просто. Позитив и внешнее, хотя бы, спокойствие. Обязательно отсутствие вредных привычек в виде пьянства и курения. Нелишними будут предприимчивость и быстрые сборы, пунктуальность и обязательность, способность тратить деньги разумно, уметь действовать рационально. Неплохо уметь идти на уступки до разумного предела. Должны быть неприхотливость и необидчивость, слава Богу, много народу служило в армии и знает, что это. Имейте талант думать и слушать. Поддерживайте вкус к жизни, серьёзно к ней относитесь. Вот, вроде, и всё.

Помните; в принципе, можно всё, но законы лучше при этом не нарушать. Это же ваша вольная и свободная жизнь, а не опыты и эксперименты на выживание, или упражнение на аскетизм, или напротив – пытка богатством. Тем более, не делайте даже и попыток поставить рекорд экономии денег или попыток заработать их как можно больше. С точки зрения моих домашних кошек, беспородного типа, конечно, деньги – это невкусная нарезанная бумага.

Вспомните, во что у нас превратились в начале 90-х годов надёжные банкноты с Лениным образца 1961 года? В невкусную резаную бумагу. До сих пор жалею, что на излёте социализма за 1000 рублей я не съездил в круиз на теплоходе вокруг Европы. Сейчас уже не до него.

Чтобы встряхнуть себя, не зачерстветь сердцем, я и прожил вдали от своего бизнеса эти забываемые дни. Этим и отличается путешествие от бродяжничества. Чем? Конечно же, наличием цели.

Не может ли страсть к деньгам превратиться в наркоманию? Может. Так же как может превратиться в наркоманию, например, трудового, алкоголизма, лень или любовь к еде, к телевизору, привязанность к вещам вообще. Я же хочу радоваться отсутствию привязанностей, радоваться счёту в банке, карточке и наличным деньгам в кармане, но как учила меня моя учительница Татьяна Андреевна, «без фанатизма».

Не стали ли этот мой отпуск как бы в Чехии бегством от реальной жизни? Нет, скорее, мною был сделан смелый шаг навстречу реальной жизни. Я планирую свою жизнь вперёд на три-четыре года. Что же я буду делать, когда состарюсь? Пока не знаю. Это не задача завтрашнего дня. Если и доживу до старости, то хочу вступить в Союз журналистов, Союз писателей, Союз кинематографистов. Значит, будет и о чём писать, вспоминать, снимать кино, помогать деньгами. Значит, буду творческой личностью. Вот вам и ответ, как стать богатым? Самому помогать бедным!

Проза

Ада Бабич

Моя жизнь началась за 9 месяцев до Великой Отечественной Войны. Ходить научилась в эвакуации, в телячьем вагоне. Отца, тылового военнослужащего, часто переводили с места на место. Окончив Калининградский политехникум, работала в строящемся Братском лесопромышленном комплексе инженером-экономистом. Заочно получила высшее экономическое образование. Сочиняю, пишу и рисую с детства. Лауреат журнала «Берега» в номинации «Проза», 2017. Издана книга «Окошки детства»

Ртищевские зарисовки

Открытка

По старой традиции, в канун 2001 года, Евдокия Евгеньевна стремилась доставить заранее заготовленную поздравительную открытку своим старым друзьям. Пройти до калитки Сенцовых – всего-то один дом, но страшный гололёд пугал, – упадешь, костей не соберёшь. Опустить открытку незаметно в почтовый ящик не получалось. Она позвонила по телефону:

– Алло! Сенцовы? Митяй, ты, что ли? Выходи на улицу!

Осторожно, держась за забор, она медленно стала перемещаться. До своей калитки еле дошла. Её муж, Михаил, удивился, разглядев в окно свою любимую. Последовал за ней. Куда это уходит его половина? Не хватало ещё, разобьётся.

Не замечая мужа, Евдокия Евгеньевна продвигается, придерживаясь за штакетины своего забора. Забор закончился. Как преодолеть разделяющие дома двадцать метров невозможно скользкой, неровной дороги?

С противоположной стороны её маршрута, от калитки Сенцовых, также держась за забор, слегка отделяется сухая, длинная фигура Дмитрия Захаровича:

– Евдокия! Чаво звола?!

Держась за последний кол забора, Евгеньевна:

– А вот подойди, что отдам!

– Э-э, сама иди!

Михаил Владимирович, стоя у своей калитки, кричит:

– Чаво к человеку привязалась?

Передразнивая мужа:

– Чаво, чаво? Знаю почему!

Обращается к Сенцову:

– Да, иди же, говорю!

– Нет, сама иди!

– Тоже мне рыцарь. Я женщина!

Ладно, давай навстречу друг к другу двигаться!

Стараясь удержаться, очень аккуратно, они стали сближаться. Наконец Елизавета Григорьевна выдохнула:

– Фу... Вот я вас поздравляю. А как – там написано.

Протягивает поздравление.

Дмитрий Захарович, а попросту – Митяй, говорит:

– Наверно надоть поцеловаться?

Евдокия:

– Да мы же упадём и рассыпимся.

Старик, в два раза выше Евдокии, сумел её обнять, а поцелуй состоялся в замедленном «полёте». Падали по-стариковски медленно, как замороженные тараканы, двигая поочередно руками и ногами. Из положения лёжа встали на карачки и молча, не оглядываясь, поползли по направлению к своим домам. Михаил Владимирович из-за больной ноги дальше своей калитки выйти не мог. Он просто вопил во весь голос:

– Люди добрые! Чаво эт они на глазах законного мужа делают!? Видал, – расплзаться стали! Ползи, ползи, я с тобой дома поговорю. Да не вставай на ноги, упадёшь! ...

P.S. Сенцову Дмитрию Захаровичу восемьдесят шесть лет, Евдокии Евгеньевне – семьдесят пять.

Дуэт

Тридцать первое декабря к финишу, а жена не позволяет и рюмки выпить. Загрустил Михаил Владимирович. Поглядывая на его печальные глаза, Евдокия Евгеньевна говорит:

– Давай в этот раз по-человечески. Начнём с шампанского, но только в последний час.

– Как это? Перед смертью, что ль?

– Не болтай. Сегодня после телевизионного поздравления президента.

Сидит Михаил, молчит. Евдокия Евгеньевна:

– Мииш! Что губы развесил? Обиделся видать? Нас Сенцовы в гости ждут, собирайся!

Не узнать мужа: глаза засветились, руки в пиджак с медалями на груди попасть не могут. Берёт балалайку:

– Любовь моя! Твою гитару браать?

– Брать, брать. Всё, что полегче, – тебе брать, а мне донести бы пироги и бутылки.

Перемещение в темноте, да по обледенелой дороге прошло благополучно.

Едва открыв двери дома Марии и Митяя Сенцовых – Михаил запел:

– Ах ты, ноченька, ночка тёмная ..., – удивляя друзей своим мощным голосом. Следом частушки, припевки:

– Что было, то было. Забудь не жалеи! Чтоб нос не чесался, мне водки налей! – А ну-ка, Мария! Давай! За тебя и за страну по большому стакану! ...

2001 год, новое столетие в двери входит!

Пожилые соседи умели веселиться. Своя музыка, спаянный пятидесятилетней совместной жизнью дуэт гитары и балалайки, да сопрано с тенором – сбоя не дают!

Дядя Миша

«Марыся! Ты ж кого тягнеш? Це ж москаль!»

И молоденькая Маруся оставляет раненого и контуженного младшего лейтенанта на пыльной дороге, ведущей в Харьков.

Полк, где служил мой дядя, был окружён. 1942 год. Где-то в штабе, понимая безвыходность ситуации, отправляют на самолёте штабиста Хрущева. Хрущёв забирает командира полка, флаг, документы, и улетает, оставив солдат и офицеров без руководства. Полк построили, и заместитель командира полка по политической части с горечью объявил:

– Ребята! Спасайтесь, кто как может.

Предоставленные сами себе, вышли к реке. С высокого берега увидели баржу, на которой, как они подумали, им на выручку направили «матросиков». Их не забыли, выручка идёт! Бомбёжка прекратилась. На берег высадились люди в чёрном, которые сходу стали расстреливать наших беззащитных ребят. Контуженный и раненый, плохо соображая, девятнадцатилетний мальчишка, истекая кровью, пополз к деревне, где жила украинка Маруся.

Немцы взяли его в плен. До 1945 года Михаил находился в лагере для военнопленных в Германии. Он видел, как о пленных французах, англичанах, заботилась международная организация «Красный крест». Наши же пленные умирали с голоду. В немецком лагере Миша подружился с французским парнишкой, который подкармливал его продуктами, а при расставании подарил хорошие швейцарские часы.

Дядя Миша мне рассказал об одном случае, когда их привели на баржу для разгрузки замороженной картошки. Группой руководил австрийский мастер из пленных. Он всегда жалел Мишу, подсказывал, как себя вести. Когда изголодавшиеся пленные набросились на картошку, мастер сдержал его, сказав: «Забыл? Сейчас охрана расстреливать начнёт». Так и случилось. Но одного скелетообразного мужчину не тронули, позволив съесть целое ведро картошки. Охранники остановили разгрузку, согнали всех посмотреть на итог... Издевательски смеясь, ногами добивали умирающего от страшной боли пленного.

Лагерь освободили американцы. Людям предоставили право выбора, куда ехать. Без всяких раздумий дядя Миша сказал:

– Только домой.

Мастер стал ему объяснять, что на родине Сталин отправит всех, бывших в плену, в советские лагеря. Здесь не умер, там умрёшь. Оставайся, помогу устроиться.

Возвратившихся из плена привезли в Подмоскowie – на «сортировку». Прошёл слух, что их погонят в Сибирь. Тройка НКВД рассматривала дела бывших военнопленных. Когда подошла очередь дяди Миши, за столом сидел только один майор. Сходу, пользуясь отсутствием двоих «судей», Михаил обратился к майору с просьбой направить его домой и протянул часы. Неизвестно, что повлияло на решение майора. Подарок или замученный вид парнишки?

Вернулся Миша на Родину, в Саратовскую область. Немного поправился, но от головных болей до конца своей жизни не избавился. Спать, как все нормальные люди, он не мог. Ляжет лицом в подушку, руками сжимая голову, поджав под себя колени, стонет – мучается. Боль не даёт ему заснуть. А тут ещё вызывают в соответствующие органы, (что там написал этот майор?) поручают ему доносить, о чём разговаривают в бригаде. Не видя выхода, он решил запить, чтобы поняли, что он – ненадёжный алкоголик. Чтобы от него отстали.

Отстали. ... Но зато он стал выпивать. К тому же, выпив, не чувствовал боли.

Дядя Миша, незадолго до смерти, впервые в жизни рассказал об этом мне.

Светлана

«Далёко, далёко за морем...» – доносится из усадьбы бабушки Панкратовой. Интересно, кто это поёт?

Коля и Маша – внуки Марфы Панкратовой, у которых родители погибли на фронте, никогда не пели. 1949 год. Голодно. Однажды я видела, как двенадцатилетний Коля снимал с яблони гусениц и жадно их поедал. А тут кто-то тонким девичьим голоском выводит мелодию незнакомой мне песенки. В голосе столько печали...

Не выдержав, я вбежала во двор. На порожке пристройки сидела незнакомая девочка. Она чистила картошку. Не замечая меня, в слезах продолжала петь. Я не смогла себя сдержать и, когда зазвучали последние слова песни:

«Прекрасны там горы и воды, и реки там все широки,
все дети там учатся в школах, и славно живут старики...
На реку пойдёшь ли, на север, на запад, восток или юг,
– везде человек человеку там верный товарищ и друг.
Прощайте! Мы едем за море, в далёкий и радостный путь,
в страну, где не ведают горя, где сможем и мы отдохнуть!»

я уже всхлипывала вместе с ней.

Девочку звали Светланой. Худенькая, немного повыше меня, девочка лет десяти смутилась, утирая слёзы, глядя на меня огромными, серыми, скорбными глазами. И как только они помещались на её бледном лице?

Мы подружились.

Света жила в семье дяди, снимающего угол у бабушки Марфы Панкратовой. Дядя и его жена уходили, чуть свет, на работу, а все домашние дела и семимесячный малыш ложились на её детские плечи. В конце дня появлялась всем недовольная тётя Тамара. Невольно захочется: «далёко за море».

Из разговоров старших я узнала, что родители Светы служили в полевом госпитале и погибли вместе. Как-то раз мы с ней побежали встречать моего дедушку с работы. Столяр в железнодорожном депо, он всегда приносил домой мешок со стружками, чурочками – протапливать печку.

Вот появилась слегка сгорбленная фигура Григория Ивановича с мешком за плечами. Дедушка увидел нас, поправил свои знаменитые будёновские усы, заулыбался и из кармана залатанной фуфайки достал две «пуговички» – конфетки из молочного сахара! Редкий подарок по тем временам. Он погладил Светлану по голове, взял за руку и мы пошли дальше. Я удивлённо смотрела на них. Почему вдруг Свете оказана такая честь? Я не помню, чтобы меня хоть раз в жизни погладили, или рядышком, взяв за руку, прошли. В лучшем случае в конце дня меня ругали, в худшем – пороли за хулиганство.

Шагая рядом с дедом, я осознала, что по-другому было нельзя.

Света заулыбалась, видя искреннее участие и теплоту моего дедушки.

Под новый год папа из Румынии прислал нам две посылки. В одной были конфеты, шоколадки, копчёный окорок. Во второй – невиданной красоты ткани. В маленьком домике дедушки, где проживало тогда десять человек, неожиданная радость перешла в праздник. Ликование пятерых детей разгладило лица моих родных. Насытившись, взяв две больших шоколадки, я побежала к своей подруге. Пусть и у неё будет праздник! Дверь в пристройку оказалась запертой на висячий замок. Смеркалось. Было холодно. Я попросила бабушку Марфу передать мой подарок Свете, когда она появится.

Прошло несколько дней. Когда, наконец, мы со Светой встретились, я, вся счастливая, спрашиваю её:

– Бабушка передала тебе шоколадки?

В ответ Света болезненно отвернулась:

– Зачем ты мне обглоданные, обгрызенные шоколадки принесла?

Боже мой! Стало бесконечно стыдно за свою бестолковость. В моей голове ведь и мысли не возникло, что бабушкины Коля и Маша – такие же сироты...

Ранней весной Светлану отдали в детский дом. Она прибежала к нам проститься, меня не было дома. Дедушка на дорожку вложил ей в руки кусок чёрного хлеба, натёртый чесноком, смазанный подсолнечным маслом и посыпанный солью, крепко обнял, сказав: «Деточка, тебе там будет легче, милая! Оденут, сытая будешь, знания дадут».

Не забывается Светлана. Её подарок на мой день рождения – дорогая для неё открытка из кинофильма «Тарзан». Где Тарзан, Джейн и обезьянка Чита дружно сидят на бревне.

Как сложилась Светина судьба?

Летом моего папу отозвали из Румынии.

Он забрал нас: «Прощайте! Мы едем на запад, в далёкий неведомый край...» – к Балтийскому морю, в освобождённый от немцев разбитый Кёнигсберг-Калининград.

Руки

Зажгла я малую свечу и ладони стала греть. Приятное тепло растеклось по ладоням, пальцам. Невольно руки, лежащие на столе, и как бы обнимающие свечу, раздвинулись.

Меня поразил вид, освещаемый свечой. Пальцы рук, подушечки, ладони – так рельефно смотрелись... Рассматривала и удивлялась, как давно я в руки свои не заглядывала...

Огарочек свечи. Зачем мне захотелось погреться у него? Он горит и греет, освещает... Я вижу все складочки, бугорки, морщинки, возникшие неизвестно когда звёздочки, дорожки и тропинки.

Боже праведный! Какой же путь мною пройден!? Сколько нужных и глупых переживаний оставили на руках следы...

Похоже, уже свободного места на них не осталось. Смотрю и вижу: кроме продольных, появились перечёркивающие их поперечные линии.

Мои рассказы – это моя исповедь и осознание жизненного пути. Может быть, руки отражают и прощение? Поэтому неверные поступки зачёркиваются?

Пальцы рук расслабленно соединены. Между несомкнутых ладоней горит свеча. Промежуток между пальцами и ладонями создаёт контур. Я в нем узнаю... форму церковных куполов...

Меня посещает «открытие»!

Господи! Так может быть формы «луковиц» или богатырского «шлема» на церквях изначально взяты от этих неплотно соединённых ладоней вокруг святого огня?

Немного согни пальчики – форма сердца-«луковицы», чуть выпрями вверх – и вот тебе контур богатырского шлема.

Огонь греет тело. Свеча отогревает душу в храме.

Поэзия

Лидия Довыденко

*3 июля 2018 года поэт, публицист, переводчик,
главный редактор журнала «Новая Немига литературная» Анатолий Аврутин,
принадлежащий к лучшим творческим людям современности,
отмечает 70-летний юбилей*

*Глубокоуважаемый, дорогой Анатолий Юрьевич!
Редакция журнала «Берега», читатели и авторы, мы все сердечно Вас поздравляем!
Примите наши искренние пожелания новых книг, новых творческих проектов,
успехов и читательского признания! Великолепного, отменного здоровья
и самочувствия, будьте всегда в прекрасной форме!
Любви, понимания, благополучия и процветания!*

Интервью с поэтом Анатолием Аврутиным

Предлагаем вниманию читателя размышления Анатолия Аврутина о русской поэзии, о том, что есть сегодня поэт, его творческая лаборатория. Вопросы задавала главный редактор журнала «Берега» Лидия Довыденко

Л.Д. Анатолий Юрьевич! Вы являетесь русским поэтом каждой строчкой Вашей поэзии, каждым словом. Каковы истоки этой любви к русской поэзии, русскому языку?

А.А. Понимаю – Ваш вопрос вызван тем, что я родился и живу всю жизнь в Беларуси. Но родился я в то время, когда у всех нас была одна общая Родина – Советский Союз. И по-русски в Минске, как, кстати, и сейчас, говорило подавляющее большинство населения. У нас дома, сколько себя помню, была библиотечка русской классики, любовно собранная отцом – Пушкин, Чехов, Толстой, Лермонтов, Куприн, Некрасов... Эти имена вошли в мою плоть с молоком матери. Именно мама сидела со мной дома, когда я был совсем маленьким, и в каждую, свободную от домашних хлопот минуту, читала мне книжки, хранившиеся на этажерке. В детстве у меня была очень хорошая память – почти любое прочитанное стихотворение или сказку я полностью запоминал с первого раза. И все пушкинские сказки уже в неполных четыре года декламировал наизусть... Поэтому было бы странным, начни я писать стихи на каком-нибудь другом языке. Кстати, в белорусской литературе легко прослеживается такая тенденция: уроженцы города пишут на русском, уроженцы села, где белорусские национальные традиции выражены куда сильнее, на белорусском...

Л.Д. Когда Вы поняли, что Вы поэт, что это главный Ваш талант и предназначение?

А.А. Стихи я начал сочинять куда раньше, чем научился писать – мои первые творения бережно записывала в тетрадку мама. И даже сберегла четверостишие, которое можно считать моим первым стихотворением. Я ведь дитя репродуктора, который в нашем доме не выключался никогда. И параллельно с пушкинскими сказками в моё сознание входили имена генеральных секретарей компартий, столицы стран мира, оперные арии, футбольные репортажи Вадима Синявского. Я, кстати, и первые уроки белорусского языка получил из передач местного радио... И вот, наслушавшись победных сводок о достижениях тружеников советского села, я выдал своеобразную оду трактору:

Трактор, трактор, ты пойдёшь
По полям станицы.
Много хлеба привезёшь
Жителям столицы.

Согласитесь, форма стиха выдержана безукоризненно, что для четырехлетнего карапуза огромное достижение. Форму я всегда чувствовал интуитивно. А вот ни хлебного поля, ни пашущих его

тракторов, ни тем более станицы тогда ещё и в глаза не видал... А вот серьёзно я стал относиться к поэтическому слову куда позднее, когда впервые по-настоящему влюбился. В замужнюю женщину с двумя детьми, которая была намного старше меня. Потерял голову и несколько общих тетрадей исписал стихотворными строчками о несчастной любви – дама моего сердца благосклонно складывала стихи в особую папочку, но взаимностью мне не платила... Потом юношеская пылкая влюбленность сменилась на куда более сильное чувство, но именно тогда я понял, что поэтическое слово несёт в себе заряд огромной силы, способный не только вмешиваться в судьбы людей, но и порой кардинально их изменять...

Л.Д. Хотелось бы заглянуть в Вашу творческую лабораторию. Как рождаются стихи? Всё-таки не «из сора». Мне кажется, Анна Ахматова немного кокетничала, когда так написала.

А.А. Полагаю, что думаете Вы правильно. Причем здесь сор? Лично на меня стихи как бы снисходят, чаще всего в самое неподходящее для этого время. Например, ночью. Успеешь подхватиться, заставить себя встать и записать – повезло. Если нет, пиши пропало – стихи уйдут безвозвратно. Самое мучительное состояние – между двумя озарениями. Живешь и мучаешься – а вдруг оно больше не придёт? За десятилетия творчества выработался своего рода «график» – в месяц пишутся два-пять стихотворений. Не больше, но и, слава Всевышнему, не меньше. Года за полтора-два собирается на новый сборник...

Л.Д. Кругом подмены, симулякры, ложная информация. Как Вам удаётся оставаться самодостаточным и органичным?

Но ведь это от нас зависит, как мы реагируем на ту или иную информацию, как себя ведём, чем интересуемся. Кто нам мешает отмечать те даты, которые дороги именно нам, а не назначены в качестве праздников в неолиберальном календаре? Слава Богу, черпать интересующую тебя информацию есть где. Почти не смотрю телевизор, поскольку мне не нравятся нынешние аналитические, а тем более – развлекательные программы. Помню, в одну из новогодних ночей, когда мы с женой одни встречали праздник, вместо телевизора отыскали в интернете запись большого концерта Муслима Магомаева и с наслаждением послушали вначале его, а потом ещё и песни в исполнении Майи Кристалинской... Получили огромное наслаждение. То же самое и в литературе. Не признаю никакого постмодерна, никаких витиеватых километровых верлибров... То есть, пусть они себе существуют, но меня это не касается. И русской литературы, на мой взгляд, тоже... Сколько бы их авторы ни примазывались к русской словесности...

Л.Д. Вы несомненно больше всего любите Пушкина. Почему, откуда истоки этого предпочтения?

А.А. Я бы не стал утверждать, что Александр Сергеевич – мой единственный любимый поэт. Просто это тот человек, который, по существу, создал современную русскую литературу, та глыба, без которой не было бы вообще ничего. Можно превзойти Пушкина в каких-то элементах творчества (скажем, в техническом отношении Александр Блок заметно сильнее). Так в спорте наши современники с легкостью бьют рекорды великих чемпионов – прыгают выше, поднимают больше, метают дальше... Но это только в каких-то единицах, поддающихся измерению. Величие же пушкинской личности, его роль в становлении отечественной словесности превзойти вообще невозможно.

Вот я сейчас назову несколько имён, а те, кого не упомянул, непременно обидятся... Поэты – люди ранимые. И говорить им слова признательности нужно при жизни, чтобы они их услышали. Тем не менее, осмелюсь все же перечислить несколько фамилий – Светлана Сырнева, Екатерина Полянская, Наталья Егорова, Надежда Мирошниченко, Людмила Щипахина, Валентина Ефимовская... Как видим, все это женщины-поэтессы. Добавлю к ним ещё имена и своих землячек – Валентины Поликаниной, Елены Крикливец, Татьяны Жилинской, Елены Агиной, Татьяны Лейко, Елизаветы Полеес, неувыдаемой Светланы Евсеевой... Мне кажется, именно женщины на сегодняшний момент взвалили на свои плечи основную тяжесть спасения русского поэтического слова. Хотя и мужчины-поэты, такие, как Виктор Кирюшин, Андрей Шацков, Николай Рачков, Владимир Шемшученко, Владимир Бояринов, Валерий Хатюшин тоже являют своим творчеством пример благородного служения отечественной словесности.

Л.Д. Переводческая деятельность... Из какой потребности она родилась? От античности до современных авторов. Что открылось Вам при переводе какого-то писателя или поэта, кого Вы особенно почувствовали и глубоко поняли во время работы над переводом?

А.А. Меня всегда интересовала античность. Ведь, если вдуматься, кого мы знаем из тех, кто жил пять-шесть тысяч лет назад? Несколько самых кровожадных императоров и... поэтов. Вергилия, Горация, Овидия, Катулла, Сапфо... Почему так получилось, что именно их имена сохранила история? Да потому, что человечество на каком-то подсознательном, генном уровне осознаёт – именно присутствие поэзии в общественной сфере позволяет *гомо сапиенсу* оставаться человеком, а не превратиться в тупиковую ветвь развития обезьяны...

Другое дело, что бессмертные творения античных классиков долгое время казались скучны для рядового читателя. А всё потому, что классики русской литературы к переводам относились весьма поверхностно, передавая исключительно содержание стихотворения без малейшего намёка на форму. В результате вместо Катулла мы читали ажурный пушкинский стих. В советские времена за дело взялись академические переводчики, которые, наоборот, первейшее значение придавали форме, но сами были поэтами в основном посредственными. А потому читать то, что выходило из-под их перьев было интересно разве что единицам. Я же попытался в работе с текстами античных мастеров сохранить и форму, и поэтическое изящество. Не мне судить о том, что получилось, но специалисты, да и рядовые читатели отзываются о моих усилиях весьма положительно.

Постепенно захотелось попробовать донести до современного русского читателя и творчество поэтов Эпохи Возрождения, гениальных французских, немецких мастеров. И, разумеется, всю жизнь с удовольствием перевожу своих коллег, пишущих по-белорусски. У меня в книге избранного «Просветление», которая была удостоена Национальной литературной премии Беларуси, очень большой раздел занимают переводы именно с белорусского. Михась Поздняков, Микола Метлицкий, Михась Башлаков, Владимир Мозго, Владимир Скоринкин, Микола Шабович – замечательные белорусские поэты, творчество которых заслуживает того, чтобы стать известным далеко за пределами Беларуси.

Л.Д. Что Вам даёт редакторская работа в журнале «Новая литературная Немига»?

А.А. В первую очередь – возможность открывать новые литературные дарования, помогать им становиться на ноги. И, разумеется, укреплять творческие контакты с коллегами из других стран – в первую очередь, из России. Вот и с «Берегами» мы уже давно, как говорится, «дружим семьями». Наши авторы – частые гости на страницах вашего журнала, ваши – у нас... И так – со многими изданиями: «Нашим современником», «Молодой гвардией», «Невским альманахом», «Подъёмом», «Вертикалью»... В наше время, когда связи между писателями бывшего СССР основательно разрушены, именно такие творческие контакты помогают вдохнуть в творческий процесс искорки жизни... Но этим «Немига...» не ограничивается. Творческие связи налажены со многими русскими изданиями, выходящими в дальнем зарубежье – «Литературным европейцем» и «Мостами» (Германия), «Новым журналом» и «Альманахом поэзии» (США), «Витражами» (Австралия)... Так что наших авторов знают и на других континентах.

Л.Д. Есть ли у Вас история с каким-то автором, какой-то книгой, стихотворением?

А.А. Могу говорить только о том, как люди реагируют на моё собственное творчество. В наше время поэзией увлекаются далеко не все. Но те, кто понимает её значение и предназначение, порою врачуют собственные души именно стихами. В моей жизни встречалось несколько человек, судьбы которых меняли мои стихи... Не буду вдаваться в подробности... Просто живу с чувством гордости от того, что кого-то мои скромные строчки удержали на краю пропасти...

Л.Д. Расскажите о Вашей музе. Это внезапно появляющаяся «гостья с дудочкой в руках» или какой-то другой образ?

А.А. Чтобы писать стихи, поэт просто обязан быть влюбленным. Иначе ничего не получится. Убежден, что любовь одна, и дается человеку на всю жизнь, но на протяжении этой самой жизни порой переходит на разные объекты. Точнее, на разных женщин, способных на какое-то время вдохновить, озарить, осчастливить... Я человек влюбчивый, и таких Муз на моем жизненном пути встречалось немало – достаточно посмотреть на количество посвящений с женскими инициалами в

моих книгах... Хотя всю жизнь за их меняющимися образами стоит образ главной Женщины моей жизни – жены Зои, с которой мы вместе уже свыше сорока лет, и которая своей самоотверженностью всегда придавала мне жизненные силы и стойкость.

Л.Д. Есть ли у Вас в жизни, в творчестве какие-то судьбоносные события?

А.А. Смотря что называть судьбоносным... Некогда, совсем еще «зелёным» автором, познакомился с народным поэтом Беларуси Пименом Емельяновичем Панченко, который очень поддержал меня, высоко оценив рукопись первого сборника. Помочь выпустить его в свет он, несмотря на все усилия, не смог, но тёплый рукописный отзыв на книгу народного поэта я храню до сих пор. Потом судьба свела меня с другим замечательным писателем – Михасём Стрельцовым, уникальнейшего таланта и эрудиции человеком. Мы на какое-то время очень тесно сдружились, Михась порой жил неделями в нашем доме... Именно он помог мне выпустить в свет первый сборник... Не могу не вспомнить и замечательного прозаика Ивана Сабилу, с которым мы родились и росли в Минске на одном крохотном Автодоровском переулке. Тогда дружбы между нами быть не могло – мне было шесть, а Ивану четырнадцать. Но впоследствии, когда Иван Иванович уже жил в Петербурге, где много лет возглавлял областную писательскую организацию, мы отыскиали друг друга и подружились уже навсегда. Именно Ивану Сабилу я обязан тем, что меня стали замечать и печатать редакторы многих российских литературных изданий...

Л.Д. Как случилось, что Вашим именем названа звезда? Чувствуете ли Вы её влияние? Или это просто лестный эпизод в Вашей жизни?

А.А. Думаю, что последний вариант наиболее правильный... Звёздочка крохотная, пятнадцатой величины, ни в какой телескоп её не рассмотришь. Но приятно, не скрою... И какую-то дополнительную ответственность за уровень написанного подспудно испытываю...

Л.Д. Как Вы стали членом различных академий? Насколько это важно для Вас?

А.А. Для меня важно не само членство в этих авторитетных сообществах, а то, насколько это может мне помочь в работе по пропаганде русской словесности Беларуси за пределами нашей страны. Дело в том, что десятилетиями созданное в Беларуси на русском языке почему-то считалось чем-то заведомо второсортным – не белорусской литературой, и не русской. Так, русскоязычной, что вообще-то сродни ругательству. Это при том, что русское слово в Беларуси имеет свои могучие корни, берущие начало от великого Симеона Полоцкого и продолжившиеся в творчестве многих известных писателей. Я могу на эту тему долго рассуждать... Скажу только, что факт признания того, что в Беларуси есть известный русский поэт – а членство в Академиях разных стран тому подтверждение – автоматически придаёт веса и всей русской литературе Беларуси, заставляя взирать на неё более внимательно и доброжелательно. Кстати, сравнительно недавно пришло известие из Болгарии, что меня избрали действительным членом Международной Славянской Академии. Значит, впереди новые горизонты...

Л.Д. Расскажите о Ваших любимых: поэт, художник, композитор, фильм, сказка, место на земле, женский образ.

А.А. Если коротко, по ночам перечитываю Блока и Рубцова, люблю картины художников Эпохи Возрождения, а также Репина, Шишкина, Левитана, русских передвижников, добрые советские кинофильмы, вроде «Иронии судьбы», «Кавказской пленницы», «Вокзала на двоих» и «Москва слезам не верит...», верю в то, что любая царевна-лягушка при определённых условиях может обратиться в Василису Прекрасную – нужно только её сильно полюбить... Одним словом, верю в Любовь, которая и есть высшее чудо на земле.

Л.Д. Благодарю Вас, Анатолий Юрьевич, примите мои наилучшие пожелания.

Анатолий Аврутин

Анатолий Юрьевич Аврутин родился 3 июля 1948 года живёт в Минске. Окончил БГУ. Автор более двадцати поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, двухтомника избранного «Времена», книги избранных произведений «Просветление». Лауреат Национальной литературной премии Беларуси и многих международных литературных премий, в т. ч. им. Э. Хемингуэя (Канада), «Литературный европеец» (Германия), им. К. Бальмонта (Австралия), им. А.-С. Экзюпери (Франция-Германия), им. С. Есенина, им. И. Анненского, им. Б. Корнилова, им. А. Чехова, им. Н. Лескова, им. В. Пикуля, «Серебряный голубь России-2017» (все – Россия), им. Н. Гоголя «Триумф» и им. Г. Сковороды «Сад божественных песен» (Украина) и др. Академик Международной Славянской Академии (Варна, Болгария), действительный член Академии российской литературы, член-корреспондент Российской Академии поэзии и Петровской Академии наук и искусств, академик международной литературно-художественной Академии (Украина). Член Общественной Палаты Союзного Государства России и Беларуси.

Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Избирался первым секретарем Правления Союза писателей Беларуси. Почётный член Союза писателей Беларуси и Союза русскоязычных писателей Болгарии.

Указом Президента Беларуси награжден медалью Франциска Скорины. Удостоен также многих общественных наград – орденов М. Лермонтова, В. Маяковского, С. Есенина (дважды), «За благородство помыслов и дел», «Культурное наследие», «Золотой Есенинской медали», медали им. Ивана Ильина «За развитие русской мысли», медали им. Фёдора Тютчева, медали им. генерала М. Скобелева «За верность идеалам служения Отечеству», медали им. Александра Довженко, Знаков «Отличник печати Беларуси», «За вклад в развитие культуры Беларуси» и др. Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака

* * *

* * *

Несовременно?.. Вот и пусть!
С собою в спорах,
Учу травинку наизусть,
Колосьев шорох.
Не по рассказам, не из книг,
Душою мучась,
Навзрыд учу лебяжий крик,
Листвы летучесть.
Который день, который год,
Почти построчно,
Учу, как зреет умолот
В колосьях сочных.
Учу росинку, василёк,
Зарю над пожней.
И свет лучится между строк,
Мой свет тревожный...

Валерию Хатюшину

Мы пришли в этот мир
Из холодных квартир,
Где под примус скворчала картошка,
Где за стенкою жил отставной конвоир,
Всё приученный слушать сторожку.
Где динамик хрипел от темна до темна
И нигде его не выключали –
Вдруг внезапно объявят, что снова война
И по радио выступит Сталин?..
Этот круглый динамик меня одарил
Знаньем опер, столиц и героев.
Душу «Валенки» грели,
«Орлёнок» парил,
И танкистов-друзей было трое...
А Утёсов хрипел нам про шар голубой,
Но мы знали – объявят тревогу,

И пойдём «на последний, решительный бой»,
 Так что, «смело, товарищи, в ногу...»
 А теперь ни динамиков нет, ни святынь...
 И давно нет в быту керосина.
 Телевизор посмотришь: «Нечистая, сгинь...»
 Где был дух, там одна Хиросима.
 Слышу старых друзей голоса из-под плит –
 Им так больно, что мир разворован!
 И отрада одна – белый аист летит
 Всё же выше, чем каркает ворон...

* * *

Ни ветерка... Молчит кукушка...
 Простор безмолвствует, крича:
 «Отчизна – это Русь и Пушкин...
 Да белый ангел у плеча».
 И чудится, что ангел белый
 Перо над крышей обронил.
 Пушинки кружатся несмело...
 Пу-шин-ки... Пушкин подарил...
 Пушиночка скользнёт по брови,
 И дальше – тихо, не шурша.
 И станет менее суровой
 Давно остывшая душа.
 И всё, что сплыло без возврата,
 Уже не страшно, не черно.
 И нет сестры, и нету брата,
 А есть дыхание одно.

* * *

Время метаний...
 Основа основ.
 Пусто и голо.
 Вроде Микола стоит Лупсяков...
*Як ты, Микола?*¹

Переступлю через снежный сумёт,
 Прошлое – рядом.
 Толя Гречаников руку пожмет:
 «Што з перакладам?...»²

От недовольных супружниц тайком,
 Ближе к вечерне,
 С Мишей Стрельцовым пойдем с коньяком
 К Хведару Черне.

Гришка Евсеев, Володя Марук:
 «Вып'ем і годзе...»³
 По корректуре размашисто: «*Ў друк!*»⁴
 Павлов Володя.

¹ Как ты, Микола?
² Что с переводом?
³ Выпьем и хватит
⁴ В печать!

Небо нахмурилось, тени струя.
 Стёжечка в жите.
 Где вы?.. В какие уплыли края?
*Хлопцы, гукніце!*⁵

А с поднебесья: «Ушедших – не тронь!..» --
 Грозно и строго.
*Толькі валошка казыча далонь...*⁶
Цёмна... Нікога...

ПРОЩАНИЕ С АВГУСТОМ

Позднее светает... Уносят тепло
 Смущённые аисты.
 Пока что не осень, но время пришло
 Прощания с августом.
 Молоденькой прелью пропахший овраг
 Грустит в одиночестве.
 Приходит к нему только Ванька-дурак...
 Растрёпа... Без отчества...
 Чадит костерок.
 – Подходи, посидим –
 Вот здесь, под берёзою...
 Но Ванька питается духом грибным
 И дымкою розовой.
 – Эй, Ванька, чего это в душах свербит,
 Вот ёлки зеленые!
 Он лишь отмахнётся и что-то бубнит
 Свое, забубённое.
 О чём ни спроси, Ванька врать не мастак:
 «Не знаю... Не ведаю...»
 Прощается с августом Ванька-дурак,
 А мы тут с беседою.
 Тридцатое августа... Голос далёк.
 Редее дубравушка.
 А истину знают лишь ванькин киёк
 Да вдовый журавушка.

* * *

Не смогли, не вышли, не дотопали,
 Не посмели лишнего посметь.
 И стоят-скрипят два чахлах тополя
 В том ряду, где Родина и смерть.
 Им ещё скрипеть под непогодиной,
 На ветру лечить радикулит,
 Снова безответно бредить Родиной –
 Той, что под корою и болит.
 Так болит, что кипень белопенную
 Впору им совсем не замечать,
 А привычной дрожью подколенную

⁵ Хлопцы, отзовитесь!
⁶ Только василек щекочет ладонь...
 Темно... Никого...

Липкий страх советует молчать.
Не кивать на долю незавидную,
Не кивать ни ныне и ни впредь.
И скрипят стволы радикулитные
Да листва торопится слететь.

* * *

Чуть курчавится дым от воткнутой в салат папиросы,
Не идет разговор... И не пьётся... И мысли не в лад.
Все ответы даны... Остаются всё те же вопросы:
«Что же делать теперь?...» И, конечно же: «Кто виноват?»
Да, характер таков у смурного от жизни народа,
Всё: «Авось, перебьёмся... Авось, доживём до поры...»
Будут мёд добывать, а себе не останется мёда,
Воздвигают палаты, а хаты кривы и стары.
Угорая в чаду, что дарит позабытая вьюшка,
Всё боятся чего-то и вечен тот давящий страх.
Но наутро из хаты – чуть свет! – выбегает девчужка,
И сама, как росинка, и солнце несёт в волосах.
И её узнают и деревья, и рыбы, и птахи,
И листок золочёный всё тщится в ладошку слететь...
Крикнет: «Папа, гляди!..» И отцы забывают про страхи,
И шеломистый купол на Храме спешит золотеть.
Засочится смола вдоль недавно ошкуренных брёвен,
Мужики пожалеют, что вечером слабо пилошь...
– Кто виновен? – спроси. И ответят: «Никто не виновен...»
– А что делать-то нужно? – Так выживем, людцы... Авось...

* * *

«...что русский исход тяжелей, чем еврейский исход...»

Надежда Мирошниченко

А время кричало в пустом и безветренном поле,
Что русский исход тяжелей, чем еврейский исход.
И аист кружил... Он в полёте не думал о воле –
Не думает вовсе о воле свободный народ!..
И что-то мешало идти и не думать о брэнном,
И что-то велело укрыться в своё забытьё.
А это Россия торопко струилась по венам,
В висках выбивая росистое имя своё.
И что-то гудело в далёкой, не хоженной чаше,
Да так, что казалось – вот-вот и уже бурелом...
Но аист летящий, но аист о чём-то кричащий,
Взрезал беспросветность своим осторожным крылом.
И вроде светлело... Всё больше являлось народу –
Следили за птицей, чубы к поднебесью задрав.
И вброд перешли они стылую чёрную воду,
Что в скользких обломках несла очертанья держав.
И даль содрогнулась... И что-то вдали заалело.
И плечи не гнулись под вечное: «Мать-перемать...»
А тело болело... Да в венах Россия гудела,
И в тромб собиралась, готовая сердце взорвать...

Поэзия

Григорий Блехман

Григорий Исаакович Блехман – поэт, прозаик, публицист, литературовед. Родился 11 августа 1945 г. на Кубани в станице Бесскорбная. В 1955 году отца перевели на работу в Москву, куда переехала и вся семья. С тех пор живёт в Москве. По профессии физиолог и биохимик. Доктор биологических наук, профессор. Стихи, художественная проза, эссе и публицистика опубликованы в отечественных и зарубежных журналах и альманахах. На десять стихотворений композитором Раисой Агаджанян написаны романсы.

Некоторые произведения переведены на персидский, литовский, армянский, болгарский, немецкий и английский языки. Автор девяти сборников – стихотворений, прозы и очерков, вышедших в издательстве «Российский писатель». Член редколлегии журналов «Берега» и «Литературная Феодосия». Секретарь Союза писателей России, лауреат Всероссийских литературных премий им. Н. Гумилёва, им. А.Т. Твардовского, им. М. Ю. Лермонтова, премии МГО СПР «Лучшая книга 2012–2014» в номинации «Эссе» за книгу «Когда строку диктует чувство», премии «Лучшая книга 2014–2016» в номинации «Поэзия» за книгу «У памяти нет срока давности» и Всероссийской премии СПР «Слово – 2017» за стихи и прозу о Великой Отечественной войне и книгу очерков о поэзии знаковых поэтов Серебряного века, Великой Отечественной войны и современных

У ПРОЗЫ ЖИЗНИ ЕСТЬ СВОЙ ПОЧЕРК ...

* * *

У прозы жизни есть свой почерк,
И каждый силится понять,
В каких строках и междустрочьи
Высокий смысл отыскать.
Найти поэзии начало,
Её возвышенный исток,
Чтоб в твой мирской отрезок малый
Вошёл и вечности поток.

* * *

Можно быть интересным себе,
Но другим ты тогда интересен,
Когда главный мотив твоих песен
Станет песней о каждой судьбе.

* * *

Хотя в сегодняшней России
Поэт не «больше, чем поэт»,
Поэзия всегда вносила
В духовное пространство свет.
И там, не ведая пределов,
Струится он из века в век,
Чтоб никогда не оскудело
Для нас понятие – «Человек».

* * *

Чтоб выросли крылья, нам много не надо –
Достаточно слова, достаточно взгляда.
А, чтобы они перестали расти,
Достаточно слова и... взгляд отвести.

* * *

Каждый из нас состоит из поступков –
В них наша суть. Потому и молва
Только поступки хранит неуступно.
А остальное – пустые слова.

* * *

Мы часто в грудь себя стучим,
Изображая патриотов.
Но и рукав не засучим,
Чтобы исправить здесь хоть что-то.

* * *

В любые годы и погоды
Соломинке слагаем оды –
Её протянутой руке,
Как знаку – здесь, невдалеке
Всегда есть, что тебе поможет.
Тогда тупик не так уж сложен...
Вредна лишь мысль о тупике.

* * *

Не рождается истина в споре, –
Спор нередко приводит и к ссоре,
А для истины есть диалог,
Где удобно услышать друг друга,
Где не дышат ни буря, ни вьюга, –
Только слово...
И что ты в нём смог.

* * *

Мы, видимо, не знаем меры,
Отсюда и такой итог,
Что, либо всё берём на веру,
Либо не верим ни во что.
Так уже было: «или-или» ...
Поэтому опять у нас:
«Как хорошо мы «плохо» жили,
Как плохо мы живём сейчас».

* * *

У каждой строчки есть подстрочник,
Он неуклюж и простоват,
Поскольку там ещё неточно
Располагаются слова.
Расставишь – получаешь строчку,
Потом забудешь, что сперва
Её принёс тебе подстрочник
И подарил свои слова.

* * *

Мы в придуманном мире придумали песни,
В этих песнях разрознены часто слова,
Но, когда они правильно сходятся вместе,
Их в любое пространство доносит молва...

* * *

«Поэт всегда должник вселенной»,
Но многое, что говорил,
Живёт во времени нетленным –
Единственным из всех мерил.

* * *

Стихотворение – стихийно,
Но требует оно слова,
Где точно выльется стихия,
В тебя вошедшая едва.
Сумеешь, – будет в твоих строчках,
Как и в пространстве между строк,
Её неповторимый почерк,
Который ощутить ты смог.

* * *

Часто с теми, кто дружит со словом,
Робок день и приветлива ночь,
Где ночные прозрения снова
Могут день оценить и помочь
Выбрать верную строчку и фразу
Или в тон тишине помолчать...
*Только это приходит не сразу,
И не всё попадает в печать.*

* * *

Иной раз топчешься на месте
И поступить не знаешь, как,
Но вдруг неожиданное известие
Выводит вмиг из тупика
В такую простоту и ясность,
Где будто молвит поворот:
«Твои старанья не напрасны» ...
Бывает и наоборот.

* * *

У пышной фразы есть изнанка,
А у простой – изнанки нет.
Она приходит спозаранку,
В ней прост вопрос. И прост ответ,
Что только самое простое
Вместить способно глубину.
И потому... искать не стоит
В себе хоть чью-нибудь вину.

* * *

Проходит время – всё проходит,
Хоть и надеешься, и ждёшь,
Идёшь – теряешь и находишь...
Когда-нибудь и ты «пройдёшь».
Но сделай что-либо благое,
И обозначится твой путь,
Где с ним вас будет уже двое...
Когда-нибудь, когда-нибудь.

* * *

Я живу в современном мире,
Он ко мне равнодушен и пуст,
Как к жильцу в опустевшей квартире
Отстающих обоев хруст.
И во многом живу тем, что слышу
Голоса моих давних дней,
От которых теперь завишу
С каждым днём всё сильнее и сильнее...

* * *

В гражданской войне победителей нет,
В ней есть лишь один неизменный сюжет –
Жесток его лик и бессмыслен.
Но так ничему он нас не научил,
Рождаясь всегда из корыстных причин
Под лозунгом праведных мыслей...
*Как видно, история нам не указ,
Отсюда и всё повторяется в нас.*

* * *

Уходят люди за заборы,
Сужая сами свой простор,
А от сужения простора
Сужается и кругозор.
И в этом – явная примета,
Что новый – двадцать первый век
Оставил поиски ответа:
«Чего он хочет!...» Человек.

* * *

Себя не вынешь из контекста,
И потому любой твой шаг –
Плоды генетики. И с детства
Они диктуют, – что и как.
А там, где ты не понимаешь,
Придётся к чему-то или нет,
Видно, генетика одна лишь
Способна внятный дать ответ.

ПАРАДОКСЫ

1.

Мудрость с возрастом приходит
В обрамлении седин.
Но, порой, в таком походе
Видишь возраст лишь один.

2.

Горизонтальна вертикаль,
Когда она уходит вдаль
Настолько, чтоб в такой дали
Её и видеть не могли.

3.

Письмо уже – большая редкость:
Всё больше пишем СМС,
Где мысль бедней, и в эту бедность
Ведёт нас нынешний прогресс.
Уже настолько «прогрессивны»,
Что и в посланиях своих
Всё больше тратим наши силы,
Чтоб меньше мысли было в них.

4.

В нас с каждым днём он прибывает
Богатством запоздалых дум, –
Его в народе называют
Двумя словами: «задний ум».

* * *

Гуляла ночь, к утру раскинувшись
Ушли в рассвет её черты,
И день оставил только символы
Слов, что сказали я и ты
Совсем простых, но и достаточных,
Других таких в природе нет,
И потому из всех оставшихся
Лишь те слова несут нам свет.

* * *

Трав золотые волосы,
Всё ожило и вспомнилось –
Палые листья кружевом,
Заморозки заблудшие,
Где-то мы, взявшись за руки
Бродим задолго затемно,
Где, забывши заповедь...
Кадром наплывшим замерло.

* * *

Побелела, забылась вода,
Два дыханья сплетались и гасли...
Не отдай никогда, никогда
Этой сказочной сказки из сказки.
Лента будней, годами – года,
Расстоянья и весточки наспех...
Всё равно, никогда, никогда
Не отдай этой сказки из сказки.

* * *

Я узнал тебя по первой строчке
Твоего из юных лет письма,
Потому что мы не ставим точки,
Где не ставит фраза их сама –
В ней мы те, какими были прежде,
Видно, стрелка не замкнула круг,
Где живут из давних дней надежды,
И тепло твоих озябших рук.

* * *

Из года в год мы слышим: «Сложно...»
Хоть ничего давно не ждём:
«В одну телегу впрячь не можно...»
Так без телеги и идём.

* * *

На войне не бывает измен –
Только встречи и только разлуки,
Потому что сплетённые руки
Так легко превращаются в плен.
Оттого нет любовных интриг,
А приходит туда только данность,
Переходит она в благодарность –
Будто в вечность уносит тот миг.

* * *

Если ты и «споткнулся о камень»,
Может, этим тебе повезло,
Потому что «добром с кулаками»
Иногда прикрывается зло.
И когда ты идёшь с кулаками,
Или снимешь с гвоздя свою плеть,
Может, то, что споткнёшься о камень,
Не позволит потом сожалеть.

* * *

Ничего придумывать не надо –
Всё уже придумано до нас,
И лишь свойство памяти – преграда
Знать, *что* надо, в нужный день и час.
Потому и каждый день как новый
Мы встречаем, – радуясь, скорбя...
*Только верно сказанное слово
Позволяет нам узнать себя.*

* * *

Нежный вкус уходящего лета, –
То ли возраста в этом примета,
То ли знак, чтобы жил не спеша,
Потому что всё в мире проходит, –
Постепенно к другим переходит,
А с тобой остаётся душа.

МОИМ ДОЧЕНЬКАМ

Вы – это всё, что от меня
Когда-нибудь останется.
Вы и, может быть, ещё
Горсточка стихов.
И хочу я, чтоб, когда
Без меня останетесь,
Вам осталась не печаль,
А моя любовь.

РЕПЛИКА СНИЗУ

Сейчас вы – власть. Собой гордитесь.
В плену у собственных прикрас,
Вам изначально не до нас,
И потому нас не стыдитесь,
Тем самым приближая час,
Когда «друзья, как ни садитесь»,
Посадят многих и из вас.

МЕСТО И КРЕСЛО

Стоит на видном месте кресло,
А в кресле том – пустое место.
Пустое место заявляет,
Что вместе с креслом управляет.
Вот только чем, – никто не знает,
И каждый вслух уже гадает.

* * *

Сегодня время бездуховности,
Исчезли многие условности, –
Всё поддается упрощению
В сплошном потоке замещения...
Даже «любить», прошу прощения,
Теперь – лишь «строить отношения».

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО

Настало время «деловых людей»,
Они почти заполнили пространство
С одной идеей в виде постоянства:
«Купи – продай». И больше нет идей.
Торгуем всем, – в продаже даже «пар»,
Теперь «проектом» стало и искусство...
*В таком «искусстве» потому и пусто,
Что «образ мира» превращён в товар.*

ИСКУССТВО САМОВЫРАЖЕНИЯ

Когда в нас самовыраженье
Уже не ведает границ,
Одно неверное движенье,
И твой полёт уходит вниз.
Как видно, есть всему пределы,
И если ими пренебречь,
Всё, что сумел ты прежде сделать,
Легко утратит свою речь.

Поэзия

Владимир Шугля

Член Союза писателей Союзного государства России и Беларуси, Союза писателей Беларуси, Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. Автор поэтических сборников на русском и белорусском языках. Публиковался в журналах «Наши современник», «Молодая гвардия», «Великорось», «Невский альманах» (Россия), «Нёман», «Белая Вежа» (Беларусь) и других изданиях. Лауреат республиканской премии «Лучшая книга года» (2013, Беларусь), ряда других литературных премий Российской Федерации. Почетный Генеральный консул Республики Беларусь в Тюмени. Награжден медалью и орденом Франциска Скорины. Живет в Тюмени и Минске

* * *

О Русь! О, Родина моя,
Моя израненная нежность.
Всегда в душе ты для меня
Как сон, как утренняя свежесть.
Как полыхание огня,
И как восхода неизбежность,
И радость солнечного дня,
И неба вечная мятежность.
Как моря тайна, глубина,
Всегда безбрежная, как вечность
Как сердца звонкая струна
И как дорога в бесконечность.

* * *

Какая сила Русь нам сотворила? –
Её я в каждой чувствую версте.
Высоких душ божественная сила
В её сибирской, дикой красоте!
Объять её бы мне не понарошку,
Поля и доли, синий оком...
Вот промелькнула за окном сторожка –
И снова лес, таёжный лес кругом...
Летит навстречу рельсам полустанок.
Стоит с флажком в руке Сибирь-краса.
Её зовут, быть может, Марья, Анна...
И дальше вновь леса, леса, леса...

* * *

Я – русь-кий, я вольною Русью рождён.
В ней белый, и красный, и синий цвета...
У дома родного колышется клён,
Полярная светит над крышей звезда.
Открыта калитка в зелёный рассвет,

И яблонь цветенье, как будто в раю,
Всё это, как счастье на тысячи лет,
Сплелось воедино в родимом краю...
Я к дому шагаю отцовской тропой,
Из детства тропинкою звонкой и узкой?
И светлые звёзды парят надо мной,
И небо, как пропасть...
Я – дома... Я – русь-кий.

* * *

Мне Русь – как божия судьба,
Как свет зари лучистый,
Надежд небесная тропа
И веры путь тернистый.
Я с нею связан навсегда
Сыновьей пуповиной.
И лишь её страшусь суда –
Мы сердцем с ней едины...
И исчезает колея
За далью прошлых буден,
А в них песчинкою и я,
И миллионы судеб...

* * *

Раскидистых дубов густые кроны,
Как руки – ветви тянутся к воде,
И слышен шелест-говор оживлённый
Листвы в лимонно-жёлтой красоте.
Прозрачные речной воды глубины –
По ним, как парус, облака плывут,
И в небе звёзды, словно субмарины,
Всплывая, серебрятся там и тут...
А на земле молитвенные звоны...
Где расплескался яркий солнцепад,

Там, словно Божьи образа-иконы,
На синей дымке облака висят...
О, Беларусь моя... Моя мессия!
Звучит в душе небесная струна...
Во мне ты вместе навсегда с Россией.
Отчизна...
Русь...
Единая...
Одна...

* * *

Отец нам строил дом,
Мне было восемь.
Всё сам... Своим трудом –
Семь зим и вёсен.
Дом рос... А с ним и я
Из сини в просинь.
Ложилась колея
На дни-колосья.
И белых яблонь сад
Вёл в поднебесье...
Цветочный аромат
Струился песней.
И правдою поил
Родник деревню.
Душе давали сил
Поля... Деревья...
... За поворотом – брод,
Лес в птичьих гнёздах.
И мама в дом зовёт,
И небо в звёздах...

* * *

Кричали: «Жаждем перемен»...
И вот уж нет запретных тем.
Но больше прежнего грешим,
Тепло сердец уходит в дым.
И Бог оставлен на потом
В земной погоне за рублём:
Быстрее, быстрее набить суму...
О путь! Без разума во тьму...
...Возводим дом, а в нём нет стен,
Бурьян на пашнях, свалок тлен.
Святыни – в дым, и в душах – дым.
Туманит время злом земным...
А жизнь-то, в сущности, проста:
В ней детский смех – она... чиста!

* * *

Душа неотрывна от Минска...
Кореличи... В небе межа...
Скреплённая кровным единством,
Парит над Отчизной душа.
...Небесные русские вежи!
Рассвет, как тропинка родства,
Влечёт в зазеркалье замежья –
Туда, где небес синева...
Край отчий весь в душах плывущих,
В горячих слезах матерей,
В Сибирь отпускает идущих
За странной судьбиной своей.
Крест веры нательный – подковкой –
Жизнь сложит в тайге вековой,
И в срок – в сорок первом с винтовкой –
Мой Минск защитит под Москвой¹.
...В слезах закалялись надежды...
Небесным полетом стрижа
Летала в сибирском замежье, –
Кружила в Сибири душа...

* * *

Вновь и вновь проезжаю я мимо
Вечной стати полей и лесов,
Деревенек, что «сраму не имут»,
Прожигающих жизнь городов.
Выхожу на перроны вокзалов,
Полустанков встречаю салют,
Жизнь, как будто картины Шагала, –
И гротеск, и без днища сосуд,
Разухабисто далями льётся
От пиров до похмелья в крови,
Позовёт, оттолкнёт, засмеётся,
Заключая в объятья свои...
Я в рассветах найду остановку
Там, где аист кружит над жнивьём,
И повешу из сердца подковку
На дорогу, ведущую в дом...

* * *

Не потускнела мамина звезда, –
Как несказанный свет всегда горит!
И пусть давно нет отчего гнезда,
Но им пропитан разум мой и быт.
Не властно время – яростно свет любви
Тех босоногих светло-синих дней,
Невидимо пульсируя в крови –

¹ В Сибирских дивизиях было немало белорусов, ставших сибиряками.

Чем старше я, тем чаще и сильнее.
Судьбе свет этот – ветер свежий в грудь
На грусть её и беды как ответ.
И в буднях виден в завтра вещий путь...
...Надежды есть – отчаяния нет.

* * *

Не первый в мире ты... Не первый!
Галактик вечен звёздный час.
Листочки распускают вербы –
Не в первый раз, не в первый раз.
Какой бы не пошёл тропой –
Уже на ней есть чей-то след
С ушедшей в прошлое судьбою
В кругу эпох, веков и лет.
По ним жизнь мчится, как по меткам,
Готовя дням апрельский сход...
Рождает в новых листьях ветки
Весенний, бурный ледоход...
...И в этом есть твоё бессмертье –
И каждый день, как Млечный Путь!
...Я жду весеннее усердие –
В нём соль земли... В нём жизни суть.

* * *

На моём пути часовня,
И алтарь, и в бликах крест.
Он – маяк небес безмолвный,
Что в лучах зари воскрес.
К ним душой пройду дорогу,
Сбросив мрак, ушедший в ночь.
Обращусь с молитвой к Богу,
Всем, кто слаб, прошу помочь.
Успокоить ум мятежный,
Раздружить навек с тоской,
Чтоб зацвёл надежд подснежник
Зимней скудной порой.
Чтоб согрело небо землю
И вернулись времена,
Где душа, подобно стеблю,
Высью вновь была б пьяна...

* * *

Без тревог... сердцу душно.
Снова куда-то бегу,
Снова что-то мне нужно,
Снова у жизни в долгу.
Годы время терзает –
В них за теплом стыни пядь.
Нам на жизнь одеваает
Боль серебристую гладь.
...Часа нет занедужить –
Годы, как кровь на снегу...
Сердце рвётся наружу...
Я с ним у жизни в долгу.

* * *

Старайтесь делать добрые дела –
Они душе питательные соки.
Беззвучно жизнь звонит в колокола,
Когда добро земные пишет строки.
Старайтесь делать добрые дела –
Огнём улыбок грейте души, лица...
Жизнь бьёт порой под дых из-за угла...
И доброта тогда, как фельдшерица!
Старайтесь делать добрые дела -
Тем дайте, кто в беде... добром напиться.
...Пускай забот не сосчитать числа,
Но всё ж нельзя душою нам лениться.

* * *

Сколько тропинок исхожено,
Пройдено сколько дорог...
Болью сердечной проложена
Тропка в небесный чертог.
Кажется мне паутинкою,
В росах находит звезду,
Маминой светит слезинкою
В искрах надежд на лету.
Вёрсты мелькают минутами,
Память кричит: подожди...
Время тропиночки путает –
Вновь я в начале пути.

Елена Александренко

поэт Елена Александренко

Родилась в г. Донецке, Украина. Автор десяти поэтических книг: изданных в г. Владивостоке, Приморский край. Две книги стихов в переводах итальянского писателя, переводчика русской классики В. Бертацони «Голоса времён года и сердца» (2001 г.) и «Краски Сибирского пейзажа» (2014 г.) были изданы в Италии (г. Мантуя). Член СПР, член международного Союза писателей 21 века. Приморскими композиторами написано немало песен и романсов на её стихи. Участник первого Всероссийского совещания молодых писателей в г. Ярославле. (1996 г.) Публиковалась в краевых, столичных и зарубежных литературных изданиях. В журналах «Дальний Восток» (Хабаровск), «Подъём» (г. Воронеж), альманахах «Литературный Владивосток», «Воскресенье» (Екатеринбург), «Планета друзей» (г. Ялта), «Стихи мира» (г. Нью-Йорк) Постоянный член жюри фестиваля авторской песни и поэзии «Аккорды лета» в Спасском районе Приморского края. Лауреат нескольких литературных премий При-

морья, лит. журнала «Дальний Восток», третьего Международного конкурса детской и юношеской литературы им. А.Н. Толстого в Москве. Член Товарищества детских и юношеских писателей (2010 г., Москва), лауреат фестиваля поэзии «ЯЛОС» в г. Ялта (2015 г.) Живёт в Приморском крае. Посвятила себя врачебной деятельности и поэзии

ПОКА ГОРИТ ОГОНЬ

Мне чудится: звенит лесной ручей,
Пробившийся сквозь зимнее стекло.
Нет непроглядных ветреных ночей.
От мыслей о тебе всегда тепло.
Под чутким небом
Дышит снежный сад...
И снег весь словно ландышем пропах.
И тонкий привкус ветки на губах
Мне чудится сквозь вешний аромат.
Искрится день,
весь мир – в его слезах,
Что светятся на простынях полей,
Живу, пока горит огонь в глазах,
Покуда греет свет любви моей.

ПОСЛЕ КОНЦЕРТА ОРГАННОЙ МУЗЫКИ

Звон колокольный... в Ликах день воскрес,
И разбудил весеннее пространство.
И зазвучал орган, как божья весть,
И стало тесно в кирхе Лютеранской.
Явился Бах торжественно, светло,
Души развевая горестные тучи.
И кроткое молчанье ожило
В его густом дыхании могучем.

И закачались люстры солнцем свеч,
И озарились слушателей лица.
А ток, по телу скатываясь с плеч,
Пронзил насквозь, позволив всем забыться.
Там, среди них была моя душа,
В едином воспарившая полёте.
Слетелись Души все в огромный шар,
И он повис шатром живых полотен.
Невидимых, конечно, никому,
Но ощутимых многими и каждым...
Так вдохновенен сердцу и уму
Свет музыки пронзивший нас однажды.
Лишь со стихиями сравним орган:
С грозой и морем, с небывалым ветром.
Он глубиною мысли всем нам дан,
И на вопросы вечные ответом.
И, кажется, всё то, о чём молил,
Всё в этих звуках крепнет силой духа.
И вот уже пробилась пара крыл,
И шум их за спиной коснулся слуха.
Вибрации тепла и доброты
Объединяют нас похожих, разных...
И где-то там, под сферой красоты
Свет наших душ расцвёл крестообразно.
Остановилось время на часах,
Пленит орган нас волшебством хоралов!
Разверзлись потолок и небеса,

Слились с листвою деревьев стены зала.
А там, в саду Букстехуде и Бах,
И Мендельсон, и Франк Сезар, и Видор.
Они живут на нотных островах,
Мы слышим век их вечность: вдох и выдох.

ДВОРНИКУ

Листою осенней коронован,
Он самый главный при дворе.
Он самый первый утром новым,
Величественней всех царей.
Быть может, он – поэт-затворник,
Его мечты, как даль светлы.
С ним дружит ветер-беспризорник.
Танцует с ним крыло метлы.
И сразу оживает дворик,
И он в нём первый «дворянин».
Великий, неприметный дворник,
Простой мужик и божий сын.
Наград не ждёт, побед не ищет.
Метёт, метёт, метёт метла...
И дворик чист,
И город чище,
И улица Мечты светла.
А чистый мир – душе отрада.
Прочерчен солнцем путь добра.
И мысль бела, и ангел рядом...
Доволен дворник до утра.

ВЫПИТА ОСЕНЬ

Ветром расхристана, сердцем воспета,
Выпита осень коньячного цвета...
Выпита прошлого терпкая чаша,
Выпита жизнь бестолковая наша, —

Но продолжается: любо не любо...
Стойкости мне одолжить бы у дуба
И не свалиться ледышкой-птицей...
Крепко корнями за жизнь зацепиться.

Я ТЕБЕ ПОЗВОНЮ

Я тебе позвоню
Колокольчиком синим,
Тёплым ландышем белым
В далёкую высь.
Я дождём прошепчу
По траве твоё имя,

Только ты,
На минутку хотя бы,
Вернись!

БЕССОННИЦА

Мну подушки, мысли, плечи,
И вращаюсь, как волчок:
Чёрный-белый, чёт и нечет,
Умник или дурачок...
Время любит и калечит,
Но об этом я – молчок.
Тают люди, словно свечи,
Замолкает их сверчок.
День по-прежнему щебечет,
Начиная свой урок:
Чёрный-белый, чёт и нечет,
Умник или дурачок.
Верую, что Добрый вечен,
Даже, если одинок,
Не всегда людьми привечен,
Он, как Божий голубок!
И любви моей предтеча,
И глубины между строк,
Человечный Человеке,
А для многих – дурачок.

В ПОКРОВСКОМ ПАРКЕ

...А мороз сердитый не на шутку
И, бывает, до смерти глубок.
А хозяйские собаки в шубках,
Мёрзнет лишь ничейный голубок.
Сиротливо под февральским небом
В ледящем воздухе парить...
– Гули, гули, принесла вам хлеба.
Прилетайте, гули, надо жить.
Словно тяжелея от мороза,
Все туда, где хлебом пахнет снег,
Камнем птицы ударились оземь,
И так близок был к ним человек.
Я смотрела, и сжималось сердце.
Коченела, хлеб кроша, ладонь.
Пред морозом все мы, как пред смертью –
Ищем свой спасительный огонь.
И меня они не замечали,
Суетясь почти у самых ног.
Не толкались и не ворковали,
Мирно крохи тёплые клевали,
И, казалось, согревал нас Бог.

Берега памяти

Антонина Пикуль и Ольга Соколова

Тысяча жизней Валентина Пикуля

К 90-летию писателя

Валентину Пикулью 13 июля исполнилось бы 90 лет.

В России, где родился прославленный романист, и в Латвии, где закончился его земной путь, да и во многих других странах, где опубликованы его произведения, сегодня чтут и вспоминают известного русского писателя.

Родившийся в Ленинграде в 1928 году и переживший блокаду, окончивший Соловецкую школу юнг и в 16 лет ставший командиром боевого поста на корабле Северного флота, прошедший войну без единой царапины, Валентин Пикуль считал себя везучим человеком. Ему повезло и с талантом, и трудолюбием. За 40 лет литературной деятельности Валентин Пикуль создал 22 романа, 4 повести и полторы сотни исторических миниатюр. Общий тираж его книг достиг полумиллиарда.

Дискуссия о его творчестве и взглядах на историю России продолжается и спустя 28 лет после смерти писателя. И конечно, интересно узнать мнение по этим вопросам берегини и музы романиста, его вдовы, члена Союза писателей России, почетного члена Международной ассоциации писателей **Антонины Ильиничны Пикуль**, которая подготовила восемь книг о жизни и творчестве. Одна из них увидела свет в серии ЖЗЛ накануне юбилея.

Ольга Соколова побывала в рижской квартире писателя. В неприкосновенности сохранён его письменный стол, сколоченный отцом писателя из обыкновенных досок, весь в чернильных пятнах, который писатель ни за что не хотел менять и который повсюду следовал за писателем.

Книжные стеллажи от пола до потолка заставлены раритетными изданиями, которыми автор пользовался при работе над очередным произведением. «Покойницкая» – как шутливо называл Валентин Саввич богатейшую литературную картотеку и художественную галерею, где собраны портреты и другие произведения исторической ценности. Здесь явно ощущается дух Пикуля, и, кажется, что писатель лишь ненадолго вышел из кабинета. Штурвал с пожеланием счастливого плаванья, картина с изображением Пикуля в тельняшке и кандалами на стене, надо думать, – аллегория нелёгкого писательского труда.

Вот так, рядом с Пикулем, и повела Ольга Соколова разговор с Антониной Ильиничной – о жизни и творчестве прославленного писателя.

— *Книги Пикуля – это настоящее путешествие во времени и пространстве, с большим количеством персонажей и сюжетных линий. Во времена отсутствия интернета как Валентин Саввич собирал материал? Откуда черпал богатую историческую фактуру? Как создавалась эта грандиозная библиотека?*

— Кабинет Пикуля был для его творчества «благоприятным», потому что почти каждый год у него выходила новая книга. Свою библиотеку писатель начал собирать ещё в Ленинграде, где после войны можно было купить практически всё, но денег тогда не было. Основной «костяк» библиотеки переехал в Ригу, а здесь он уже её пополнял. Бывало, заказывал книги и морякам, уходившим в рейс, и те привозили ему нужную литературу, искал у букинистов, покупал у спекулянтов.

Валентин Саввич очень дорожил своей коллекцией книг. В ней насчитывается 10 тысяч томов. Библиотека и была основным источником при создании его произведений. Остальное при необходимости писатель собирал по библиотекам. Я работала тогда заведующей библиотекой рижского окружного Дома офицеров и заказывала необходимую ему литературу не только в Советском Союзе, но и за рубежом – в Англии, Финляндии, Германии и др. Пикуль всегда стремился знать, что думали о том или ином историческом событии, персонаже люди с другой точкой зрения. Ведь у каждого из нас субъективное мнение, и Пикуль полагал, что правда находится где-то «посередине».

— Пикуля часто упрекали в отсутствии профессионального образования. Его критики пеняли ему на неаккуратное обращение с историческими документами и простой язык, но при этом признавали увлекательную манеру повествования, популяризацию исторических событий в интересной и доступной широкому читателю форме.

— Пикуль никогда не искажал событий и работал очень скрупулезно. Все сведения были почерпнуты им из исторических источников. В его библиотеке имеется богатейшее собрание журналов прошлых лет – «Русский архив», «Исторический вестник», «Русская старина», «Старые годы», «Русский библиофил», «Красный архив» и многие другие, которыми он пользовался при создании своих произведений, так же, как и теми, что приходили с Запада.

Некоторые привозные источники были на русском языке, те, что на иностранных, отдавали на перевод. К примеру, план последнего романа «Барбаросса» он вынашивал очень долго и не мог приступить к нему до тех пор, пока не ознакомился с мемуарами Паулюса «Я стою здесь по приказу», подготовленными германским историком Вальтером фон Герлицем, которые ему прислали на немецком языке. Мне пришлось переводить этот труд.

Главное – если Валентин Саввич вырабатывал свой взгляд на то или иное историческое событие, лицо, то всегда твёрдо придерживался своего мнения, не изменяя своей позиции, что бы ни говорили критики. Пикуль никогда не перерабатывал свои книги, а если критики не соглашались с ним, то спорные места он вычеркивал – для того, чтобы книга всё-таки вышла.

Чаще всего это были какие-то мелочи, хотя и детали, конечно, важны. Описывая чаепитие в XVIII веке, вполне можно было ошибиться в том, из каких чашек его пили, что подавали к чаю и т. д. Или, как написал Пикуль один астроном, в одной из сцен «Фаворита» была описана ясная круглая луна, а сие было невозможно в конкретную пору.

Или описание того, как Екатерина ела салат, заправленный подсолнечным маслом. Критик указал, что для того времени правильно было бы сказать «растительным маслом». Но думается, что для читателя всё-таки важнее другое.

Пикуль написал очень много для исторического романиста – 26 книг и четыре романа остались незаконченными. Работа была сутью его природы, он не мог без работы, у него сразу портилось настроение. Пикуль настолько отлично изучил историю, что свободно «перемещался» по ней от эпохи Ивана Грозного до Второй мировой войны и в других направлениях, отлично знал генеалогию. К нему часто приезжали именитые историки, сверяли подлинность тех или иных событий и когда уезжали, они расставались друзьями с Валентином Саввичем, оставаясь ими и потом. Кругозор и начитанность у Пикуля были поистине феноменальными. Я, всю жизнь работая в библиотеке и вращаясь около литературы, чувствовала себя ученицей рядом с ним.

— Какой была история Ваших отношений с Пикулем?

— Знакома я была с ним давно, но как с автором – только по книгам. Мой первый муж, латыш по национальности, офицер-подводник Ян Антонович служил на Севере. Мы поженились в 1962 году, и после того, как я окончила Ленинградский библиотечный институт, некоторое время жили по месту его службы. Потом он получил новое назначение – в Приморский край, посёлок Ракушка, где мы прожили 6,5 лет.

Я работала тогда зав. библиотекой матросского клуба, и при её комплектовании обратила внимание на книгу В. Пикуля «Океанский патруль», посоветовав взять её с собой в поход командиру подводной лодки. Он пообещал устроить «громкие чтения» в походе, а по возвращении обсудить за круглым столом. Так и произошло. Затем мы вернулись в Ригу, на родину мужа, я стала работать в библиотеке окружного Дома офицеров.

И вот однажды увидела здесь Пикуля с его женой Вероникой Феликсовной. Пикуль тогда уже был широко известным, популярным писателем, и мне казалось чудом такое знакомство. Он регулярно заказывал книги из фондов. Мы подружились, я бывала у них дома, больше общаясь с его супругой – Пикуль всегда был далёк от бытовых дел.

Всегда рядом

Когда Вероника Феликсовна умерла, книги Валентин Саввич стал забирать сам. Выглядел он тогда не лучшим образом, был в депрессии, сильно похудел. Как-то заказал редкое издание о Карле XII. Когда заказ прибыл, он попросил привезти его ему домой. В свой обеденный перерыв я и отправилась к нему.

Валентин Саввич пригласил меня к столу – бутерброды с икрой, шампанское, макароны по-флотски (его любимое блюдо), конфеты, цветы. Говорит: «Давайте вместе – я позавтракаю, вы пообедаете». Я стала отказываться, сказала, что нужно ехать на республиканский слет книголюбов, а он уговаривает: «Прошу Вас! Мне не с кем поговорить по душам!» И начал свой долгий монолог.

Надо сказать, что Пикуль был галантным кавалером: всегда такси закажет, цветы подарит, в общем, любил ухаживать. А тут вдруг, без всякой романтики и каких-то объяснений, делает мне предложение. Я говорю: нас в библиотеке 8 женщин, мы возьмём над Вами коллективное шефство, будем помогать. А он: «Хочу, чтобы были только Вы одна. Будьте моей женой!»

Я обомлела и потеряла дар речи. Сажу и молчу, а он курит одну за другой сигареты и ждет. Начинаю объяснять: у меня идет процесс развода с мужем (по возвращению в Ригу он начал злоупотреблять спиртным и не смог справиться с этим), двое детей – дочке было 16 лет, сыну – 14, работа.

А сама ещё думаю: кто я и кто он? В это время Пикуль был на пике славы. Смогу ли я осуществить то, что он мне предлагает? Ведь быть «литературной женой» не так и легко. В голове – мысли вихрем. А Валентин Саввич говорит: «С мужем разведётесь, детям всё объясните, и если они признают меня, забирайте их и приезжайте ко мне. Берём такси, едем сейчас». Он умел быть настойчивым.

Подъехали к моему дому, он и говорит: «Жду полчаса. Но хочу, чтобы Вы вышли через 15—20 минут... Ничего с собой не берите. Мы начнем жизнь с чистого листа».

Я объяснила детям ситуацию, они Пикуля знали, видели в библиотеке, где я работала с 1968-го по 1979 год. Дети всё приняли. Со мной сразу не поехали, пообещали приехать на выходные. Взяла с собой трехтомник Есенина и шеститомник Блока, села в машину и всю дорогу проплакала. Пикуль испугался, успокаивал: «Я не отбираю у Вас детей. Ваши дети будут моими».

Приехали, подошли к столу, он заварил чаёк и говорит: «Ну, а теперь давайте познакомимся поближе и перейдем на «ты»».

Я рассказала, что по происхождению крестьянская дочь, родом с Вологодчины, училась в институте в Ленинграде. Нас обоих поразил ряд совпадений в наших судьбах. После войны я жила у брата в Северодвинске (тогда Молотовске) на Республиканской улице, 36. И он в этом доме жил до войны, на этой улице стояла и школа, где учился Пикуль. В Ленинграде во время учёбы жила в общежитии в Доме Плеханова на 4-й Красноармейской. И он жил на 4-й Красноармейской, а на углу у Дома Плеханова, вспомнил, был пивной ларёк, завсегдатаем которого в то время был Пикуль. В 1962-м мы одновременно приехали в Ригу: он с супругой – жить на новом месте, и я с мужем.

Невероятным показалось и то, что с Вероникой они поженились 23 марта 1958 года. 23 марта у меня день рождения, отмечала я его в тот год всё на той же 4-й Красноармейской. А своё предложение Валентин Саввич сделал мне 25 марта – мне только что исполнилось 42 года. Вот так жизнь сплела хитроумную «косичку», разгадать которую сложно, но я думаю всё же, что это была наша судьба. Встретиться мы могли и раньше, а произошло это в Риге, в библиотеке. Нас познакомила книга, так с книгой и прошли по жизни.

Полгода я обращалась к Валентину Саввичу на «Вы». Поначалу было нелегко. Ведь у нас не было никакого периода ухаживаний, мы не знали характеров друг друга. А потом – привыкли. Он стал для меня Валюшей. Я его старалась поддержать, вдохновить. Всегда знала, над чем он работает, помогала ему. На мне были разговоры с рецензентами, встречи с читателями, вычитка гранок, подбор источников. Я была первым читателем, первым редактором и первым критиком рукописей мужа. Он называл меня музой-берегиней.

— *Как проходил у Пикуля творческий процесс? Легко ли ему писалось?*

— Когда я впервые пришла к Пикулью, мне тоже было это очень интересно. Однажды я поинтересовалась, как к нему приходит вдохновение. Иногда он успевал написать 4 страницы за ночь, иногда – 14. Спрашиваю – почему такая разница? Он ответил: «Знаешь, вот я сижу и обдумываю очередную фразу или абзац, и вдруг... чувствую запах духов, шелест платья, вижу сцену объяснения в любви, сцену фехтования. Или, к примеру, становлюсь «свидетелем» сражения. И тут же стремлюсь перене-

сти всё это на бумагу. Вот тогда я чувствую – ночь получилась. Всё идет быстро и легко. И читатель потом от этих страниц оторваться не может. Но бывает это редко».

В одну из ночей вдруг услышала, что в его кабинете кто-то разговаривает. На часах – четвертый час. Муж никогда не подходил к двери, никому не открывал – это входило в мои обязанности. Прислушалась: говорит Пикуль, но разными интонациями. Что-то приказывает, с кем-то здоровается, кому-то нотацию читает. Я заглянула в комнату. Гляжу: Пикуль вскакивает и кому-то отдаёт честь, потом с кем-то прощается, даёт напутствие. Тогда я перепугалась – это сколько же людей перебывало в этом кабинете?! Потом он мне объяснил: «Тося, ты не считай меня сумасшедшим. Когда я пишу, всё проигрываю вслух. Но всё происходит только в моей голове».

После его ухода я приглашала священников, здесь часто бывал батюшка Феофан. И меня успокаивали, говорили – у вас хороший дом! Всё здесь чисто и спокойно, потому что Пикуль писал о своих героях с любовью.

– *Любил ли Валентин Саввич праздновать свой день рождения?*

— Не любил категорически. Для него это был страшный день. Обычно люди радуются предстоящему торжеству, находят на эмоциональном подъеме. А Пикуль в приближении дня рождения становился взвинченным, встревоженным, не в духе.

В юности Пикуль не был пай-мальчиком. В Ленинграде у него сложилась тёплая писательская компания – Конецкий, Курочкин и Пикуль – их звали три мушкетёра. Переезд в Ригу во многом инициировала Вероника Феликсовна. С возрастом в компании писателя уже не тянуло. С 83-го года Валентин Саввич не взял в рот ни капли спиртного. А вот курил до последнего.

Умер Пикуль от острой сердечной недостаточности. На боли никогда не жаловался, лечиться не любил, лекарств не принимал. 12 июля ему сделали кардиограмму – всё было нормально, а 16-го Валентина Саввича не стало. Я успела вернуться с дачи, дала ему нитроглицерин, но спасти Пикуля не успели. Долгое время не могла войти в его кабинет – привыкла видеть его за рабочим столом.

Позже в архиве Пикуля я нашла потрёпанную книгу – «Общий журнал» о раскольниках, которую он приобрёл, когда начал писать свой первый исторический роман «Баязет», вышедший в 1961 году. Открыв, обомлела – на внутренней стороне обложки кроваво-красным карандашом было написано: «Когда я умру – эта книга достанется кому-нибудь, и он подумает, зачем я интересовался подобными предметами? В том-то и дело, что, благодаря разносторонности интересов, я и стал писателем. Хотя при жизни я так никогда не называл себя, предпочитая более скромное слово – «литератор». Я имел образов[ание] всего 5 кл[ассов], а воевал с 14 лет жизни, и всё, что я приобрёл впоследствии, я приобрёл от страстной, почти фантастической любви к познаниям. Сейчас мне 31 год, у меня сделаны два романа, задумано ещё четыре. Писал это Пикуль Валентин Саввич, русский, родился 13 июля 1928 года, умер 13 июля 19...»

Это было написано в 1959 году, в 31 год, ровно посередине жизни, на второй год после женитьбы с Вероникой.

Был ли Пикуль суеверным? Валентин Саввич никогда не начинал новый роман в понедельник. Не любил этот день. Он верил в рок. Он верил в предсказания. Он сам загадал себе судьбу. И ошибся... Всего на три дня. Может быть, ошибся он, а может быть... судьба.

Когда у дочери Марины родился внук, его назвали Валентином. Поначалу Валентин Саввич с опаской посматривал на маленькое существо, но потом души в нём не чаял, балуя внука игрушками, а более всего – обожаемыми им машинками, которые дозволено было парковать везде и даже в рабочем кабинете писателя.

— *18 октября 2014 года в Риге на улице Тербатас, 93/95, где с 1962-го по 1978 год жил и работал Валентин Саввич, в присутствии министра культуры РФ Владимира Мединского и посла в Латвии Александра Вешнякова была открыта памятная доска. В 2016 году Рижская дума приняла решение назвать аллею и тропу в Даугавгриве в Риге в честь Пикуля. С чем связано решение дать имя писателя улицам именно в этом районе?*

— Этот вопрос встал ещё в 2007 году, в преддверии 80-летия писателя. И вот сейчас это решение принято. Я просила, чтобы это была улица в приморском районе Риги – в Усть-Двинске или Болдерае, где жили моряки. Здесь, в Буляях, была база отдыха моряков, которые возвращались из «автономки», здесь с 1963 года Пикуль снимал дачу, много работал, гулял к морю. Здесь, на улице Слимницас, находился военно-морской госпиталь, где он часто бывал, где лечилась его жена Вероника Феликсовна.

И теперь имя Валентина Пикуля будет носить участок улицы Бирзес от Дзинтара до Лепью, а тропой имени писателя будет названа благоустроенная пешеходная дорожка, начинающаяся на участке между улицами Парадес и Лепью, ведущая к морю, и конечная остановка автобуса. Протяжённость аллеи Валентина Пикуля составит около 600 метров, а тропы – 1,2 километра. Так что почти два километра латвийской земли будут связаны с именем Пикуля.

— *Открывая памятную доску в Риге, министр культуры России Владимир Мединский подчеркнул, что произведения Валентина Саввича могут быть опасны и не нужны только тем, кто не хочет знать своей истории, отрывается от неё и боится. Как увековечено имя писателя на его родине? Кто оказывает помощь в этом?*

— Думаю, что Мединский сказал это, в первую очередь, как председатель Российского военно-исторического общества. Он дважды бывал у нас, и я очень благодарна такому вниманию. Владимир Ростиславович осмотрел библиотеку, архив и, будучи историком, очень проникся, отметив, какое это богатство. Он интересовался судьбой библиотеки и наследия Валентина Пикуля. Было несколько попыток подобрать подходящее помещение в Москве для открытия мемориального музея или библиотеки Пикуля, однако эти помещения надо было снимать, и вопрос этот пока достаточно трудноразрешимый.

Я никогда ничего не прошу у властей. Помогают друзья, и в первую очередь – моряки. Самую большую и действенную помощь оказывает Общероссийское движение поддержки флота. По увековечиванию памяти сделано уже немало. Хороший пример подал калининградский Балтийск. Здесь уже в 1990 году библиотеке Дома офицеров флота было присвоено имя Валентна Пикуля. Позже его именем была названа и улица Балтийска.

Улицы Валентина Пикуля есть в Мурманске и Североморске. В Североморске открыта мемориальная доска о том, что улица названа в честь выдающегося русского писателя В. Пикуля. В 2008-м году в Мурманске на аллее писателей был установлен бюст В.С. Пикуля, а в 2013-м, к 85-летию со дня рождения Пикуля, у школы №1 был торжественно открыт памятник писателю.

Морские просторы бороздят сухогруз «Валентин Пикуль» (порт приписки Санкт-Петербург), тральщик Черноморского флота «Валентин Пикуль» (порт приписки Новороссийск), пограничный сторожевой корабль «Валентин Пикуль» (порт приписки Каспийск, Дагестан).

В 1998 году, на доме № 16 по 4-й Красноармейской улице Петербурга, где Пикуль жил с 1947 по 1961 гг., была открыта памятная доска в честь писателя, правда, на мои средства. Правда, мне немного обидно, что при этом было изменено содержание: слово «выдающийся» писатель было заменено на «известный», а слово «русский» вообще исчезло, хотя Пикуль был исконно русским человеком, его мать Мария Константиновна Каренина была из псковских крестьян, одно время Валентин Саввич даже хотел взять псевдоним Каренин.

В 1996 году В. Пикуля посмертно избрали действительным членом Петровской академии наук и искусств, а в 1998 г. (к 70-летию со дня рождения) по обращению бывшего начальника Центрального военно-морского музея капитана 1 ранга Е. Н. Корчагина имя Пикуля было занесено в листы памяти Золотой Книги Санкт-Петербурга. В далёких космических мирах летает планета Пикулия, открытая в 1982 году. Так что пусть в другом облиции, но Валентин Саввич живёт с нами.

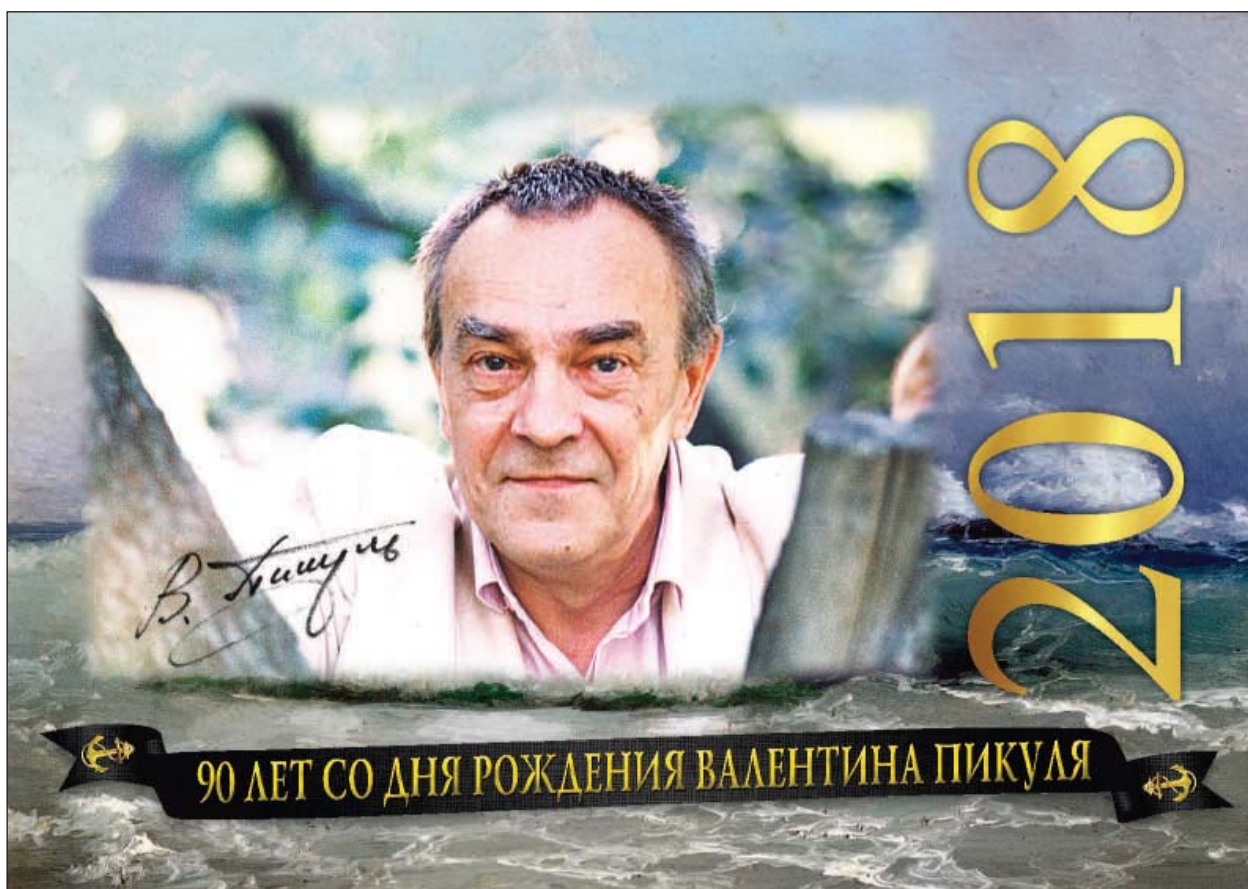
Немало сделано в ходе подготовки к 90-летию Валентина Пикуля. В издательстве «Молодая гвардия» в серии ЖЗЛ вышла в свет биография писателя. Талантливый Николай Губенко поставил на Таганке грандиозный спектакль по роману Валентина Пикуля «Нечистая сила». По инициативе депутата латвийского Сейма Игоря Зуева издан юбилейный календарь, посвященный писателю. Его по достоинству уже оценили в Риге, Москве, Санкт-Петербурге, Владивостоке и других городах Латвии и России. В Балтийской международной академии открыт Мемориальный зал памяти и славы Валентина Пикуля.

Ещё больше намечено сделать. Так, в плане рижского Оргкомитета по подготовке и празднованию 90-летия – выпуск юбилейной марки, подготовка сборника воспоминаний «Валентин Пикуль в Риге», проведение международной научной конференции, юбилейного вечера, Пикулевских чтений, благоустройство аллеи Пикуля, разработка туристического маршрута по местам, связанным с жизнью и творчеством писателя.

— *Как относился Пикуль к историческим параллелям? На Ваш взгляд, считал ли он, что история чему-то учит?*

Антонина Пикуль в кабинете Валентина Пикуля

Обложка юбилейного календаря

— Конечно. Пикуль всегда говорил, что история любит повторяться. И жестоко мстить тем, кто истории не знает! Только поэтому мы должны изучать её, знать, а на каком-то участке времени – знать досконально. Пикуля неоднократно просили написать учебник по истории, предлагали ему свою помощь. Но он отказывался, говорил, что обязательно захочет высказать своё мнение, а именно это сделать ему не дадут. Как говорил Пикуль, для того чтобы нажить врагов, не надо быть гением. Делай своё дело, говори правду, не подхалимствуй – и этого вполне достаточно.

— *Какой, на Ваш взгляд, была бы его реакция на события, которые разворачиваются в последние годы вокруг России?*

— В отношении событий в наше время – такого он даже не предположил бы. Он всегда любил Россию и верил, что у неё большое будущее. Но что касается последних событий при его жизни, он слышать не мог слова «перестройка», с приходом Горбачёва у него часто портилось настроение. Телевизор он смотрел минимально – выпуск новостей, «Международную панораму», чтобы быть в курсе событий. Слышать болтовню Горбачёва не мог. Говорил: «Я работаю по 16—17 часов в сутки. Как ещё мне надо перестраиваться? Перестраиваться надо не нам, а высшим эшелонам власти».

Практически после каждой его творческой ночи он оставлял мне записки: что нужно купить, что вычитать, куда отправить книги, с кем договориться о встрече. Но кроме решения бытовых вопросов, были записки и общественно-политического значения. Одна из последних такая: «Вся жизнь, отданная изучению истории, привела меня к странной, может быть, нелепой мысли, что я всегда существовал. Да, мне пришлось побывать при осаде Пскова во времена Ивана Грозного, я наблюдал за порядками при дворе Анны Иоанновны и Екатерины Великой... и, наконец, жалкий, смятый и раздавленный, я долго бродил по кочкам болот Пруссии, когда немцы громили армию Самсонова. Да что там одна жизнь? У меня их были тысячи! И каждая в своём времени. Я одевался в разные костюмы, я разговаривал на разных языках. Всегда существовавший, я обязан всегда существовать и в будущем...»

Цитируя записку по памяти, Антонина Ильинична обращает внимание: «Глядите, а Валентин Саввич смотрит на нас. Видите его глаза?» И в самом деле... С доски с абрисом Пикуля писатель внимательно наблюдал за нами, а с ним вместе – и персонажи его романов с расположенных вдоль книжных стеллажей портретов. Эти работы, инкрустированные деревом в стиле интарсия, были созданы другом Пикуля, бывшим помощником военного атташе в Сирии, летчиком-испытателем полковником Ю. Д. Вовком. Этому искусству Юрий Данилович научился как раз в этой арабской стране. В этой манере выполнен и центральный портрет писателя.

Первоначально все эти великолепные работы планировалось разместить в мемориальном музее Пикуля в Санкт-Петербурге, и они уже были подготовлены к отправке. Но не сложилось – здание было передано Центральному военно-морскому музею. Так портреты и остались здесь, в кабинете Пикуля. Увы, во многом Россия относится к Пикулью, как мачеха.

— *Госпремию РСФСР имени М. Горького 1988 года за роман «Крейсера» Валентин Саввич передал пострадавшим от землетрясения в Армении, а Литературную премию Министерства обороны СССР (1988) за роман «Из тупика» – рижскому госпиталю, где лечились воины-«афганцы». Пикуль был бессребреником?*

— Именно так. Он говорил мне: «Я всё равно не знаю разницы между тысячей и миллионом. Мне хватает денег на книги – это главное». Когда пришло время – выйти на пенсию, он отказался и от неё. Он говорил: «В какое время русский писатель получал от царя-батюшки гроши?!» И, получая премию за роман «Из тупика» в Золотом зале Дома офицеров в Риге, во всеуслышание об этом заявил. Он передавал все премии. Когда ему после второго переиздания романа «Фаворит» в 1985 году позвонили и сказали, что дадут премию, но половину гонорара надо будет перечислить в Фонд защиты мира, он возмутился и сказал: «Если я дарю, то дарю по своему собственному желанию, а не по приказу!» Он страшно разгорячился, а я ему сказала: «Валюшка, отдай всё!»

Позже председатель латвийского отделения Фонда защиты мира латышский поэт Андрис Веянс пригласил его к себе и вручил памятную медаль Фонда. Показывая затем эту медаль друзьям, он говорил полушутя-полусерьезно: «Мне предложили – я купил».

— *Пикуль «дружил» с юмором?*

— У Валентина Саввича было отличное чувство юмора. Он был остроумным человеком, знал множество исторических анекдотов. Но очень не любил пошлости, сальных анекдотов, сразу пресекал это.

— *Вашему перу принадлежат книги о В. С. Пикуле: «Валентин Пикуль. Из первых уст», «Уважаемый Валентин Саввич!», «Валентин Пикуль. Я мерил жизнь томами книг», «Живёт страна Пикулия», фотоальбом «Жизнь и творчество Валентина Пикуля в фотографиях и документах». Вы – член Союза писателей России. Какие произведения Валентина Саввича наиболее близки именно Вам и почему?*

— Конечно, «Три возраста Окини-сан», поскольку мне как никогда приходилось входить в свою обычную роль – я была первым читателем, первым редактором, критиком. На мне он проверял отношение к тому или иному литературному персонажу, событию.

Но вначале мне стоило больших трудов усадить его после ухода из жизни Вероники Феликсовны снова за рабочий стол – тогда он отошёл от всего, год не работал. Пикуля очень интересовала история Дальнего Востока. К тому времени роман «Богатство» уже был написан, и Валентин Саввич был в поиске нового сюжета. Я старалась заинтересовать его различными новинками, комплектовала его библиотеку.

В самом начале этой работы мне приходилось читать очень много литературы по Японии. Много он отметал, но однажды в букинистическом магазине я увидела три книги по истории Японии: «История Японии» Гиро изд. 1936 г., «Японские вечера» Н. Г. Шебуева и исторический сборник по истории Японии. Принесла домой, Пикуль буквально схватил книги, закрылся в кабинете, спустя два часа выходит и говорит: «Поздравь меня, я сажусь за роман «Гейша»! Таким было первое название книги.

— *По произведениям Пикуля были сняты фильмы: «Юнга Северного флота», «Моонзунд», «Бульварный роман»; сериалы: «Баязет», «Богатство», «Конвой PQ-17», «Фаворит», «Пером и шпагой». Не обращаются ли к Вам с просьбами об экранизации других его произведений?*

— Обращаются. Сейчас есть договор на съемки по роману «Честь имею», но когда он выйдет, не знаю. У Пикуля очень много сюжетных линий и исторических персонажей, снимать по его произведениям непросто. Я всегда советую обратить внимание на исторические миниатюры Пикуля – это настоящий клад для кинематографа, он написал 151 миниатюру. Это небольшие законченные произведения, достойные быть перенесенными на экран.

— *Романами и историческими миниатюрами Пикуля зачитывались несколько поколений, его произведения продолжают пользоваться большим спросом. Переиздаются ли сейчас книги Пикуля?*

— Сейчас выходит 17-е по счёту собрание произведений Пикуля, изданных после его смерти. Общий тираж книг достиг полумиллиарда. Ещё стоят в очереди следующие переиздания. Правда, тиражи небольшие, но, слава богу, я могу заплатить за квартиру и выучить внуков.

— *В юбилейный год что, на Ваш взгляд, могло бы стать лучшим подарком для увековечивания памяти писателя? Конечно, памятник Валентину Пикулю в Санкт-Петербурге, в котором он родился и прожил половину своей жизни. Ведь сумели это сделать власти Мурманска. Но это остаётся пока мечтой, как и десять лет назад, хотя сторонников этой идеи становится всё больше. Это – в России, а в Латвии давно пора придать статус музея квартире, в которой жил и трудился Валентин Саввич.*

– Думаю, большим подарком для Пикуля было бы, если бы я опубликовала его портретную галерею и картотеку. Он вложил в их создание гигантский труд и большую часть души. Вот смотрите – это Бирон, Аракчеев, граф Орлов, вот ставка Кутузова, вот этот красавец – Григорий Потемкин, вот образец того, как надо было подавать прошение, вот образец почерка Петра III, вот портрет Распутина из голых женщин... Картотека снабжена детальными заметками о герое или пейзаже, художнике, времени и обстоятельствах написания, об истории написания писем и записок, об их авторах.

Исторические персонажи были любимцами Пикуля! Когда он начинал работать над своими книгами, он влюблялся в героев. Конечно, у него был и так называемый свой герой. В «Крейсерах» – это мичман Панафидин. В «Фаворите» – и Потёмкин, и Екатерина. Когда мы были на могиле Потёмкина возле Ясс, Валентин Саввич сидел возле неё и плакал. Плакал ли по Распутину? Не видела, но не думаю. Хотя роман «Нечистая сила», который печатался в 1979 году в журнале «Наш современник» под названием «У последней черты», и за который Пикуля сильно критиковали власти, Пикуль считал главной удачей в своей литературной биографии. Затем история всё расставила по местам, и в 1993 году, уже посмертно, Пикуль был удостоен Шолоховской премии именно за «Нечистую силу».

Как утверждал Бальзак, писатель существует только тогда, когда тверды его убеждения. Пикуль – великий патриот России, был человеком с твёрдыми убеждениями. Он говорил: «Лучше быть, чем казаться!» Валентин Пикуль был, есть и будет великим русским писателем.

Берега памяти

Валентин Курбатов

Валентин Яковлевич Курбатов – писатель, литературный критик, член правления Союза писателей России. Окончил Всесоюзный государственный институт кинематографии.

Член Академии современной русской словесности, член Международного объединения кинематографистов славянских и православных народов.

Лауреат Всероссийских литературных премий им. Толстого, Горького, новой Пушкинской премии за 2011 год, Патриаршей премии 2014. Член Президентского Совета по культуре. Живет в Пскове

Несвоевременный современник

К 150-летию А.М. Горького

«У нас интеллигенция в тот самый день, когда родилось это слово, уже была рассечена надвое: одни любили Бланки, другие – Бальмонта. И если вы любили Бланки, вы не могли ни любить, ни уважать Бальмонта. Вы могли любить Курочкина, или, вернее, Беранже в переводах Курочкина, а если вы любили Влад. Соловьёва, то, значит, вы были равнодушны к конституции и впереди у вас была только одна дорога: мракобесие». Это из Н.Берберовой. Её «Курсива». Что тут скажешь? Только вздохнёшь и захлопнешь книгу с досадой, словно это она виновата, что десятилетия идут, а мы всё по-детски выбираем «бочку с салом или казака с кинжалом», не умея допустить мысли, что оно бы и то, и другое не помешало. При этом у нас возможны метаморфозы, при которых человек может быть переселён волей общественного мнения из одной «графы» в другую, так что вчера мракобесием было не чтить его, а сегодня... Я говорю не о государственных деятелях России. Они автоматически со смертью проваливаются в какие-то исторические отстойники, откуда неосмеянным выбраться невозможно (храни, Господь, наших детей и близких от вершин власти!). Но ведь мы научились и с культурой так. В особенности в несчастные пореволюционные годы. И тут первое имя и величайшая жертва – Горький. Как застеснялись его в школьных и институтских программах! Те, кто властен над такими программами, с тонкими усмешками вытеснили его из литературы в общественные деятели, брезгливо, даже без особенной заботы об аргументации, оболгали и похоронили в «братской могиле» с РАППовцами (которых он разогнал), с Ягодой, Лениным и Сталиным. Солженицын припечатал его за благословение трудовых лагерей, дружный хор советских писателей, прокормившихся при Союзе без печали до пенсии, – за создание Союза писателей, литературоведы, поднаторевшие в трудах по социалистическому реализму, – за изобретение этого реализма, не взяв труда прочитать хотя бы Ю.Анненкова, который звал это утверждение «клеветой» и уверенно доказывал это в своем «Дневнике».

Кто теперь книжки читает? Достаточно тонкой усмешки при имени. Ох, эти усмешки! Сразу К.Леонтьева вспоминаю, когда он говорит о мастерах такой «гнусной тонкости»: «...теперь, когда я вижу у других эту тонкость, я не бью в морду одним – только потому, что они мне кажутся гораздо сильнее меня, а других, которые не страшны, не бью потому, что не хочу судиться у мирового судьи... Но что я чувствую! О Боже!..» Вот и я в таких случаях давлюсь гневом и умираю от бессилия. И непременно, просто поперёк этих усмешек, в 150-й день рождения хочу благодарно вспомнить Горького. Никого не призываю делить моё мнение (к старости учишься не бояться одиночества суждений), но для себя хочу сохранить это имя в ряду достойных русской традиции. И не об одной литературе хочу вспомнить, а чтобы говорить с противниками на нежелательных им полях, более именно о его «человечестве», которое оказалось взято под подозрение. Литератора в нём корили

все. Многие, как Нина Берберова, – не читая. Она говорила об этом честно. И, может быть, поэтому особенно без помех видела и писала его обиход, его пёструю повседневность, оставляя в «Курсиве» и «Железной женщине» живой, печальный, обаятельный образ человека, который «доверял и любил доверять» и которого поэтому «обманывали многие: от повара итальянца, писавшего невероятные счета, до Ленина, всё обещавшего ему какие-то льготы для писателей, учёных и врачей» и спровадившего его с глаз долой за границу.

Мнение Берберовой тем интересней, что она сама вполне «железна» и всегда умела взвешивать добродетели и пороки своих современников, как будто жила не среди людей, а сквозь них или по касательной, с вечно обернутым наружу зрением, ни разу не впустив их в себя и до слиянности не входя в них сама. И вот этот-то неустанный хищный наблюдатель умел при этом заметить только те слабости, которые были извинительны и в малом человеке, а в большом почти уже не слабости, а способ художественного существования – это желание немножко порисоваться перед незнакомым человеком, обнять его игрою ума, эти частые слёзы при чтении ли Бунина, при известии ли о смерти Чехова, а то и при слушании плохих стихов.

Умные люди умели это понять. Ходасевич вспоминает, что, разобравшись в оплаканном, он часто «сам же его бранил... Его потрясало и умиляло не качество читаемого, а самая наличность его творчества, тот факт, что вот – написано, создано, вымыслено. Маяковский, однажды печатно заявивший, что готов дёшево продать жилет, проплаканный Максимом Горьким, поступил низко, потому что позволил насмеяться над лучшим, чистейшим движением его души». Нынешние господа хулители часто ловят эти низости, чтобы воздвигнуть на них свою пошлую аргументацию. Вот и языков-то Горький ни одного не выучил – экий простофиля! И образование-то у него – несколько недель. А пустяковой мысли в голову прийти не могло, что оттого и не выучил, что времени было жаль на механическую работу, тогда как можно было прочесть столько прекрасного. Виктор Шкловский роняет по поводу этого чтения: «книги, которых он прочёл так много, как только может прочесть самоучка» – и отлично видит его слабости: «Горький обременён количеством так, как старая Россия во время войны была обременена двенадцатимиллионной армией». Но тот же Шкловский нашёл для него замечательный образ в толстовском рассказе про черёмуху – «эту черёмуху рубили и топтали, а она всё выкидывала в сторону побеги и цвела». И итогом своего всепонимания выводил единственное: «Я нежно и верно люблю Горького».

Кажется, это общее чувство, соединяющее все воспоминания, – любовь. Или вот такая, как у Шкловского, Берберовой, Ходасевича, – с чувством дистанции, с полнотой зрячности, «не забывая себя», или как у Анастасии Цветаевой – захлёб, без никакой слабости, не позволяя себе увидеть её, когда книги велики, и нет этого опасливого, не доверяющего себе разделения на писателя и человека: «Алексей Максимович, я Вас ужасно люблю! А говоря языком современности – всё «ориентирую» на Вас: каждый луч на московском бульжнике и человека, которого мне дарит... жизнь». Да ведь если и вообще-то о творчестве: кто бы как ни корил и «буревестников» в строку не ставил, а горьковские воспоминания о Толстом все безусловно считали великими. А «На Дне-то вспомните! А «Детство»! Сам же он как раз цену себе знал, и можно твёрдо сказать, что без всякого кокетства говорил М.Пришвину: «...парнишка я бойкий, а таланта у меня мало». Не одному Пришвину он это говорил, и все остро запомнили (вон и Замятин отметил), – видно, было ново и непривычно слышать. Да и то – кто это из нынешних, даже и копеечного калибра, позволит усомниться в себе? И кто так легко забудет себя для хлопот о другом, совсем чужом, даже и враждебном по эстетике и миропониманию, станет о каких-нибудь юных Лунцах хлопотать или пестовать маяковских, которые завтра выставят твою любовь на посмешище. И кто знает, не потому ли такой уже привычно посрамляемый за рыхлость «Клим Самгин» и остался невыстроенным и неоконченным, что на своё детище времени уже не хватало.

Сколько он написал одних писем! Пуды и пуды! И что за письма! И кому? Р.Роллану, Г.Уэллсу, С.Цвейгу, Б.Шоу, где надо было ни атомом не уступить тонким европейцам, стилистам, мыслителям, которые всякую строчку на свет поглядят и на зуб попробуют. «Все эти иностранцы Ролланы и Барбюсы и раздвижной Анатолий Франс с иронией букиниста не знают, какого великого современника они могли бы иметь» (В.Шкловский). А письма Толстому, Бунину, Шмелёву – это уж и интонация другая, и мысль, и мир, и сердце. А К.Тимирязеву, Ф.Нансену – куда это всё? И как поместить в одну судьбу? Не мудрено, что К.Чуковский никак не может расположить в сознании, откуда у Горького

столько сведений о мировой культуре, что и профессора, спасаемые им во «Всемирной литературе» от голода, «только опускают глаза, как школьники, не выучившие урока». Защищаясь от этого непонимания, Чуковский, наконец, решает, что «эта огромная и поражающая эрудиция» сводится к вере «в заглавие, в реестр, в каталог», но умудряется как-то пропустить мимо сознания, что все эти «заглавия, реестры, каталоги» проштудированы от корки до корки.

Как угодно зови, а, похоже, он действительно «смотрел на жизнь восемью или больше глазами, равномерно расположенными вокруг головы», как писал тот же Шкловский. И как верно это общеотмечаемое виртуозное владение устным рассказом – всегда богаче письменного. Это свойство именно народного дара, из того земного истока, откуда русские песни текут. Поневоле мне часто Виктор Петрович Астафьев вспоминается, как-то сам собой проступает как сквозь промокательную бумагу. Даже и вот эта поражающая воображение память и эта неутомимая страсть знать и ворочать тонны книг. Эти бы подружились или уж разругались – так в пух и перья – как миргородские близнецы. И как дорого и редко нынче это, снисходительно отмечаемое Берберовой, «викторианское чувство стыда» в Горьком за всякую пошлость и непристойность, за «оборотную сторону» жизни, которую по его твёрдому старомодному мнению, надо было скрывать. Не за это ли он, любивший всё, так открыто не любил Достоевского, не за тайны ли, которые должны быть скрыты? На нынешний «свободный» взгляд это дикость и провинциализм. Когда же и выволочь человека в исподнем на свет Божий, как не сейчас, когда же и поглумиться властью над тем, как он жалко устроен и сколько у него стыдных отпращиваний.

Только кажется мне, что чаще это делается сытыми людьми из благополучного быта. А кто этот самый «оборот» повидал во всем беспощадном многообразии, тот как раз лучше знает, что узорчато написанная низость не убавляет зла в мире, а прибавляет его, искушает и провоцирует. Да только до кого сейчас с этим докричишься? И кому втолкуешь, что Горький шире и дальше несчастной фразы: «Если враг не сдаётся, его уничтожают», что спасённое им из ЧК человечество могло заселить небольшую умную державу. А уж когда тирану понадобится лозунг, он найдет его и у святого. У Замятина есть такие дорогие слова: «Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что исправление многих «перегибов» в политике советского правительства и постепенное смягчение режима диктатуры – было результатом этих дружеских бесед (со Сталиным. – В.К.).

Эта роль Горького будет оценена только когда-нибудь впоследствии». Я поглядел на дату замятинского слова – 1936. В этом году Горького не стало. Случайно ли его не стало перед страшным 1937-м? Не потому ли, что год этот уже нужен был деспотии, а писатель мешал. Мешал теперь Сталину, как прежде Ленину. Как Т.Манн когда-то писал, что, будь жив Толстой к началу Первой мировой войны, она бы не началась – стыдно было бы перед этим человеком. Вот и тут стыдно было бы. А Сталин этого «викторианского» чувства не любил. И Горькому пришлось «умереть»... Конечно, была в запасе ещё возможность шельмования. Извлеки Сталин на свет Божий «Несвоевременные мысли» – и вот готовый «враг народа». Но искусству шельмования вождь как следует научиться позднее. И, к сожалению, научит и нас. Ведь это мы сами сократили огромное наследие писателя до романа «Мать» и роковой фразы о «несдающихся врагах», чтобы удобнее было вывести слишком заметную фигуру во второстепенные, сосчитали количество квадратных метров занятого им особняка и оценили стоимость его коллекций. Пошлость опять победила в нас. Мы опять ничему не научились и, как тогда, гнали свою лучшую мысль балтийским пароходом за границу, так теперь со слепой безрассудностью «сплавляем» новые жертвы Летою в небытие. По-прежнему, если любишь Булгакова и Платонова, то любить Горького – значит уже противиться «демократическим реформам» и кончить «мракобесием». Скучно жить на этом свете, господа...

Берега наследия

Юрий Кузнецов

Из огромного наследия Ю.П. Кузнецова особняком стоит его преподавательская деятельность. Кузнецов был не только гениальным Поэтом, но и Учителем, Мастером. Его семинары никого не оставляли равнодушным. Были в них и великолепные импровизации, и глубоко обдуманые, простроенные откровения, был поиск. С ним можно было соглашаться или не соглашаться, но нельзя было отсиживаться. Они заставляли человека самоопределяться. Поэтому из семинара либо сразу уходили, либо шли за ним до конца, заряжаясь его творческой мощью и отвагой. Он заставлял думать, творить. И в то же время все его темы очень много дают для понимания творчества самого Поэта. В том, как он показывает тему, как постепенно раскручивает, затрагивая и фольклор, и мировую поэзию виден индивидуальный творческий метод. Это раздумья Мастера, которыми он умел щедро делиться. Я не вправе ничего менять. Темы идут в том порядке, как давал нам их Юрий Поликарпович. Вечные темы поэзии, темы импровизированные, вызванные нашим творчеством. Мне кажется все они – великое наследие, оставленное нам Учителем. Марина Гах

Безумие – вечная тема поэзии

XIX век силён вечными темами, воплощением их в поэзии. Сейчас нет вечных тем, все политизировано, растаскано по мелочам. Человек – homo sapiens – человек разумный. Тема – безумие. Пословицы: «Каждый сходит с ума по-своему». «Когда Бог хочет наказать человека – лишает его разума».

В Евангелии, в 1-ом Послании святого Павла коринфянам сказано: «Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом». Во 2-ом Послании Павла – очень мудрые вещи.

Кассандра, в греческой мифологии дочь Приама и Якубы, патриотка Трои. Её любви домогался Аполлон, наделил её пророческим видением, а она его обманула. Тогда бог её покарал: люди перестали верить вещим словам. От Кассандры нить к Лермонтовскому пророку – люди ему не верят.

В мировой поэзии два безумца: король Лир – сошёл с ума от неблагодарности дочерей и вероломства зятей. Две старших дочери пели дифирамбы о своей любви к отцу, а Корнелия – «люблю, как велит долг», её посчитал неблагодарной, лишил наследства. А после две старшие выгнали его в ночь, в степь, в грозу. Все монологи Лира – безумие с прозрением одновременно. В конце умирает – потрясение человека неблагодарностью и злобой. Второй безумец – Дон Кихот. Достоевский писал, что если бы от человечества ничего не осталось, остался только «Дон Кихот» Сервантеса, то по этой книге узнали бы всё человечество. По жанру – это пародия на рыцарский роман. Одно из ключевых мест – вторая часть романа, когда Дон Кихота вернули, применив хитрость, околдовав. Он дома, обо всём рассуждает здраво. Разговор с цирюльником и священником, интересна реакция Дон Кихота на рассказ цирюльника о сумасшедшем. Есть в романе место, которое переключается с античностью. При Трое, когда убили Ахилла – спор о доспехах, присудили не Аяксу, а Одиссею. Аякс возмутился и наказан безумием от Афины. Он стал рубить стадо быков, как Дон Кихот – овец.

Разновидности сумасшедших:

Юродивые (блаженные) – храм Василия блаженного, обличал Ивана Грозного. Грозный, боялся прикоснуться, так как у-Богий. (В арабском мире дервиши – в Турции, Персии, Средней Азии, Индии). Часто упоминаются в летописях. Жили при монастырях. Лишены разума (рацио), им открыто интуитивное знание Бога.

Последний пример начала века – «Фома Гордеев». Юрод кричит: «Кибитка потеряла колесо» – пророчество. Этим романом восторгался Джек Лондон, а Чехов написал: «черты провинциализма, надо жить в столице».

Одержимые (бесноватые). Бесы вселились, что сейчас наблюдаем. Евангелие от Марка гл. 8, ст. 28–32 притча об одержимом бесами.

В «Бесах» Достоевского – большая Россия: «Это точь-в-точь, как Россия, бесы выходят из больного и входят в свиней – за века. Мы (бесы), изгнанные из России, бросились со скалы в море. Но больной исцелится, и падет у ног Иисусовых». По-гречески параноя – безумие. У Гойи офорт: «Сон разума порождает чудовищ».

У Пушкина несколько персонажей, которые сходили с ума по сюжету, должны были сойти – это входило в художественную задачу: в «Пиковой даме» – Герман, в «Медном всаднике» – Евгений, последнего «схоронили ради Бога». Пушкин – полнокровный гений, уравновешенный, цельный, но в 1833 году пишет стихотворение «Не дай мне, Бог, сойти с ума».

Тютчев стихотворение «Безумие». В русской литературе всегда безумие слито с природой. «Пророк» Пушкина – гений и безумный, затронуты небо и подземные воды.

Боратынский «На смерть Гете».

Герцен. «Доктор Крупов», выдвинул теорию, что все люди безумны. Самые главные мотивы – мания величия и мания преследования, которые часто смыкаются. (Манией величия поражены 90 процентов писателей в разной степени.) Доктор Крупов об убогом мальчике: когда уходил в лес – оживал, среди людей – безумен.

Гоголь: «Записки сумасшедшего». Гениальность Гоголя: когда Поприщев в конце попал в сумасшедший дом, вспомнил родной дом, матушку – выключен ум, работает чувство.

Лу Синь (20-ые годы) в Китае. Любил Гоголя, в подражание «Запискам сумасшедшего» написал свое произведение «Подлинная история А-Кью»: собака странно глядит, люди странно шепчутся. Все 4 тысячи лет людоедство, люди пожирают друг друга. Трудяга, работает на подземных работах, его избивают, а он о своём мучителе – это мой старший брат, и весёлый идёт в кабак.

Сологуб: «Мелкий бес» – недотыкомка.

Гаршин – XIX век – «красный цветок – всё зло мира». В русской литературе всегда не просто так, а с идеей сумасшествия.

Беранже: «Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой.»

Бодлер: «Семь стариков».

Апухтин: «Сумасшедший» – все оттенки сумасшествия.

Хлебников – поэт-сумасшедший, поэт для поэтов, наряду с безумием изумительно чистые строки. На грани сумасшедшего и юродивого. И притворялся, и на самом деле. Составил математические циклы: Лермонтов погиб в 1841 году, в 1941 – война, что-то ужасное предсказал в 1917 году – революция. Его сумасшествие пытался имитировать Заболоцкий, который был совершенно трезвым. Ничего не получилось. Прошёл три превращения. В конце пришел к чистому слову.

Хармс и обериуты – игра, не сумасшествие. Ницше – выворачивал Евангельские истины – сошел с ума. Декаданс создал «Эстетику безобразного», творчество навыворот.

Тема «Гений и безумие» – сложная тема, в ней есть и социологический аспект, надо рассматривать отношения с обществом.

Крымские берега

Ольга Вечер

Письмо Президенту РФ В. В. Путину

Уважаемый Владимир Владимирович!

Гражданам России широко известно Ваше беспокойство о сохранении историко-культурного и природного наследия России, о развитии музеев и создании в них полноценных условий для доступности гражданам всех категорий.

Хочу привлечь Ваше внимание к вопросу сохранения и развития музея-заповедника «Киммерия М.А. Волошина» в пгт. Коктебель, и рассмотреть перечень нерешённых почти за четыре года существования Республики Крым в правовом поле Российской Федерации вопросов, связанных с сохранением историко-культурного и природного наследия полуострова, оказать содействие в их позитивном разрешении и создать **Рабочую группу по осуществлению общественного контроля за сохранением и использованием культурного наследия Республики Крым и г.Севастополь** Общественной палаты Российской Федерации для их системного разрешения в связи со следующим:

1. Созданная Вашим Распоряжением от 24.09.2015 г. № 291-рп Рабочая группа по сохранению, изучению и популяризации культурного наследия Республики Крым и г.Севастополя – **не работает**.

2. Созданная в сентябре 2015 г. Рабочая группа по организации общественного контроля за сохранением и использованием культурного наследия Республики Крым и г. Севастополь Общественной палаты Российской Федерации – **расформирована**.

3. 16 марта 2016 года, в честь двухлетней годовщины воссоединения Крыма с Россией, Общественная палата РФ провела Круглый стол на тему «Актуальные проблемы интеграции Крыма в общероссийское культурное пространство», выдала рекомендации по сохранению историко-культурного и природного наследия Республики Крым. Рекомендации **не выполняются**.

4. В апреле 2017г. в Республику Крым выезжала комиссия по культуре Общественной палаты Российской Федерации под руководством заместителя председателя комиссии М.Ю.Лермонтова, среди которых были и эксперты созданного М.Ю.Лермонтовым Координационного совета по осуществлению общественного контроля за реализацией основ государственной культурной политики Общественной палаты Российской Федерации (**в настоящее время расформирован**). В Госсовете Республики Крым был проведён Круглый стол на тему «Государственно-частное партнёрство и общественный контроль в сфере сохранения и использования историко-культурного наследия Республики Крым». Вопросы, поднятые на Круглом столе, в частности – воссоздание мемориальной усадьбы М.А.Волошина, придание статуса Федерального памятника Дому-музею М.А. Волошина, постановка на учёт, как ОКН, дома матери М.А.Волошина (корпус № 2 ДТ писателей «Коктебель») и ряда других исторических объектов ДТ писателей «Коктебель», сохранение исторического облика Коктебеля, и, прежде всего, сохранение знакового для русской культуры места – Дома творчества писателей «Коктебель» – исторической среды прошлого века в рамках Музея-заповедника «Киммерия М.А.Волошина», создание исторических поселений, необходимость разработки историко-культурных опорных планов городов Крыма, освобождение парков от незаконной застройки – **не решаются**.

5. По итогам поездки комиссии по культуре М.Ю. Лермонтовым было послано обращение министру культуры Республики Крым В.В. Новосельской (от 16 июня 2017 г. № 50ПК-17/1372) с поддержкой идеи воссоздания мемориальной усадьбы М.А.Волошина на базе сохранившихся исторически ценных объектов – Дома Максимилиана Волошина, дома его матери Елены Оттобальдовны, двух флигелей и её музеефикации в полном объеме; расширения музея – заповедника «Киммерия М.А.Волошина», присоединения к нему могилы М.А.Волошина, парковой территории (пгт. Коктебель, ул.Ленина, д.110) и присвоения им **статуса объектов культурного наследия федерального значения**.

А также – о присвоении статуса исторического поселения пгт.Коктебель, что требует **немедленной разработки соответствующего проекта**.

На данное обращение поступил ответ из Министерства культуры Республики Крым за подписью первого заместителя министра Т.А.Манежиной (от 14 июля 2017 г. № 4617/10-03/1) со всецелой поддержкой идеи. Но в ответе указано, что «...Дом матери поэта – «Дом Пра» и ряд других исторических объектов бывшего Дома творчества писателей «Коктебель», с которыми связаны имена выдающихся деятелей культуры, не относятся к ведению Министерства и входят в территорию разрабатываемого культурно-исторического

и туристического центра «Коктебель-парк». Исполнителями данного инвестиционного проекта являются Министерство экономического развития Республики Крым и автономная организация «Корпорация развития Республики Крым», а также творческая группа под руководством известного деятеля культуры, организатора ряда театральных фестивалей, члена Художественного Союза Эдуарда Боякова и члена правления Союза архитекторов России Алексея Комова».

В представленном общественности проекте «Коктебель-парк» уникальные здания – явные памятники (в течение двух лет мы, волонтеры, подаём заявки в Госкомитет по охране культурного наследия Республики Крым на включение их в выявленные объекты культурного наследия, но получаем либо отписки, либо документы теряют, очевидно-целенаправленно) – планируются под отели.

Вопиющее противоречие всем Вашим тезисам о сохранении культурного наследия, исторической среды и развитии музеев представляет собой предлагаемый проект «Коктебель-парка» – отели и частные резиденции вместо восстановления зелёной зоны парка и расширения задыхающегося в маленьких мемориальных помещениях Музея-заповедника «Киммерия М.А.Волошина», ведущего огромную по масштабам работу даже сегодня, в сложных санкционных условиях умеющего проводить научные и творческие мероприятия с участием представителей дальнего зарубежья, использования сохранившихся объектов исключительно, как общественных зданий, на чём настаивают общественность и Гражданский актив Коктебеля.

Таким образом, проектом **окончательно губится** историческая среда Дома творчества писателей, позиционирующего всю литературную славу Советского Союза и возникшего благодаря усадьбе Максимилиана Волошина, **беспрецедентно пережёвывается** образ начала и середины XX века совершенно не типичной для коктебельской стилистики архитектурой.

В парке и так уже исчез легендарный летний кинотеатр Дома творчества, где выступали знаковые литераторы, музыканты, кинематографисты, на его месте – Арт-отель, который спорит по высоте с мемориальным Домом-музеем М.А.Волошина и захватывает парковую территорию и интересные с точки зрения истории и культуры объекты.

Мемориальный Дом-музей М.А.Волошина так и остается зажатым между гостиницами и рынком, лишённый подъездных путей и стоянки туристических автобусов, которой в Коктебеле вообще нет, отчего страдает посещаемость этого уникального объекта и нивелируется туристическая составляющая развития.

Так что решение о передаче исторических объектов из ведения Министерства культуры Республики Крым в Министерство экономического развития Республики Крым можно смело назвать **культурной диверсией**.

Это то же самое, как если бы «Музей-заповедник В.Д.Поленова» или «Музей-усадьба Л.Н.Толстого «Ясная поляна» были названы «Поленово-парк», «Ясная поляна-парк», переданы в Министерство экономического развития и начали бы застраиваться гостиницами и резиденциями инвесторов.

При Украине четверть века культурная общественность боролась против наступления гостиничной зоны – за «Дом Пра», за воссоздание мемориальной Усадьбы М.А. Волошина, за восстановление парковой зоны и статуса Дома творчества писателей, расширение территории музея-заповедника «Киммерия М.А.Волошина». В те времена удалось добиться только того, что «Дом Пра» был включён в единую охранную зону с Домом поэта с жёстким режимом использования, что сегодня вовсе не учитывается.

Это не делает чести сегодняшним управленцам и даже дискредитирует Российскую Федерацию, позволяя жестко критиковать со стороны международного сообщества такое обращение с историко-культурным наследием во имя частных бизнес-интересов.

Наша общая задача – восстановить историко-культурную территорию, целенаправленно разрушаемую последние 25 лет, это дело чести нашего общества и государства, так как уничтожение такого известного в мире объекта приведет к широкому негативному резонансу.

Прошу Вас, Владимир Владимирович, решить эти вопросы на благо и во славу России и создать постоянно действующую Рабочую группу по осуществлению общественного контроля за сохранением и использованием культурного наследия Республики Крым и г. Севастополь Общественной палаты Российской Федерации, дать поручение провести Круглый стол с участием экспертов – специалистов по ландшафтно-архитектурным комплексам и историко-культурным заповедникам, **для обсуждения проекта «Коктебель-парк».**

С уважением Ольга Николаевна Вечер, руководитель Крымского отделения АНО «ЭКОН» (Центра экспертизы и контроля объектов наследия и культурных ценностей). 27.11.2017 г.

*Прошу Вас направить ответ на мою электронную почту: olya.vecher@gmail.com
Тел: +7 978 042 96 35 (Республика Крым), +7 915 303 94 11 (г. Москва), +375 29 664 34 55 (г. Минск)*

Крымские берега

Алла Ермилова

Алла Ермилова родилась в Гомельской области. Окончила Симферопольский университет (филологический факультет), работала журналистом в феодосийской городской газете «Кафа», в информагентстве «Контекст-медиа» (Крым). В настоящее время – старший научный сотрудник Феодосийского литературно-мемориального музея А. С. Грина. Публиковалась в «Литературной газете», газете «Голас Радзімы» (Минск), журнале Клуба фантастов Крыма «Фанданго».

Предлагаемое вниманию читателей журнала «Берега» оригинальное произведение – доклад, сделанный автором на Международной научно-практической конференции «Духовный суверенитет русско-славянского мира» в городе Минск в апреле этого года, подготовленный в необычной и несколько забавной форме

Слово о земле Крымской и жителях её – славянах

Здравствуйте, добрые люди! Вітаю, шанюўныя! Добрыдзень! ¹

Спасибо, что позволили слово молвить, согласились выслушать речь сердечную.

Как призвали меня к вам, как услышала я, о чём нужно поведать – так и закутились в головушке словеса такие, как «славянский топос» да «новейший крымский дискурс». Уж и села я доклад писать, приготовив платье строгое. Да после ещё сказали мне, что хорошо бы наряд мой белорусский народный надеть, в котором песни пою. Согласилась я – что хорошо бы. Тут встала перед мысленным взором моим картина, как в этом наряде изрекаю я словеса те мудреные. Весело мне стало, люди добрые!²)))

Тогда решила: не доклад, не сообщение сухое. Не та нагода. Пусть будет... вроде сказ. Не совсем тот, что в прежние, давние те времена – как можно? Но пусть будет речь моя простой, мелодичной и немного украшенной древним узором, чудным колером. А ежели что не так – простите великодушно.

Славянская ветка – прекрасная весенняя ветвь яблоневая, сегодня она цветёт здесь пышным цветом. Три народности – три сестры родные. Три языка, каждый из которых знаю и люблю. Беларуская – рОдная мова³. Великий и могучий – такой же родной. I украинською побалакати іноді... люблю.

В Крыму живу более 20 лет и зим. Место это особенное, удивительное во многих смыслах, на диво пёстрое и по насельникам своим. Уж не знаю, есть ли на белом свете такая земля, где бы столько проживало разных народов. Много веков на полуостров они приходили, уходили и возвращались, воевали и строили. И каждый приносил своё. Сегодня Крымский полуостров населяют представители 175 национальностей. Непросто это порою. Но по закону Природы это очень хорошо: большой у неё выбор. А уж выбирать самое наилучшее Природа умеет. Никакому учёному, никакой машине так не смочь. На всех уровнях – от того сокровенного, что тело наше хранит, до тончайшего, духовного. И что бы ни происходило в мире, неисповедимыми путями движутся её тайные гонцы, неумоимо трудятся невидимые зодчие – от начала мира, из первозданного хаоса творят Совершенство. Этому можно помешать – но невозможно остановить. Человеку не подчинить Природу, как недавно ещё наивно он мнил. Мал пока, как песчинка против Земли. Расти и расти. А вот помочь ей мы можем, за это щедро она нас отблагодарит...

Если говорить ещё о народе Тавриды – непременно сказать нужно, что эта земля, как говорится во многих легендах, обладает необыкновенной силой. Потому и притягивает она к себе – да только оставляет не всех. Не каждый выдерживает эту силу. Яблоко раздора, которое, однако, трудно удерживать в руках. Но уж кто удержал!!!...)))

¹ Приветствие на трех славянских языках – русском, белорусском и украинском; последнее – украинская форма, произносимая одним словом, с ударением на звук «ы», в тексте передана при помощи транслитерации (буквами русского алфавита) с целью передать фонетические особенности данной словоформы украинского языка.

² Здесь: при помощи круглых скобок переданы смысловые особенности фразы: усиление значения, несколько юмористический тон (в устной передаче – посредством мимики).

³ Предложение написано на белорусском языке, ударение – на выделенном звуке.

Много в Крыму людей-творцов. В них-то силушка большая – хоть часто, глядя на них, сразу и не скажешь))) . Особенно нравится им у Карадага, который, говорят, одно из сильнейших мест в мире, где близка глубинная материнская сила Земли.

Именно Крым стал причиной, что весь мир-то перетряхнуло))) И силу свою он дал России. Вышла сразу на поверхность, откликнулась её медвежья сила!))) *Отсюда* пошло уже всё в мире по-другому.

А вот теперь посмотрим на народы, в чьих крепких руках сегодня древняя земля тавров. Из каждой сотни крымчан – 70 русских, 15 украинцев и один белорус. Да что ещё добавить к этому?..

Как распался Союз, в каждом городе Крыма образовались национальные общества. Русские, белорусские, украинские и другие общины всегда были связаны друг с другом – праздниками и повседневной жизнью. Цари разделяли и властвовали, но что-то всегда сближало, держало славян вместе. Мы – один народ. Да, в наших жилах течёт немало других кровей – но это сделало нас только сильнее.

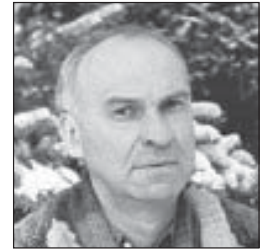
Украина – боль наша сегодня. Рвётся она по живому: чужая кровь, влившаяся когда-то, стремится назад, родное – держится за нас. Держись, сестра...

С 2006 года в Севастополе работает культурный центр «Дом Москвы». В 2014-ом в Симферополе отворил двери «Дом дружбы народов». Помимо общин, есть у нас «Ассамблея славянских народов Республики Крым». Я, член общины белорусской, больше поведаю о нас: существует 12 местных отделений; ко Дню единения народов России и Беларуси проводится фестиваль-конкурс славянской культуры; весной проходит телемост Симферополь – Минск – Москва; летом, ко Дню Республики Беларусь – фестиваль славянской культуры, в прошлом году в поселке Приморский под Феодосией он проходил, и подписали там соглашение о сотрудничестве Русская, Белорусская и Украинская общины. Много проходит мероприятий. В Ялте русско-славянский центр – историко-литературный музей, есть там экспозиции, посвященные и Лесе Украинке, и Максиму Богдановичу. Богданович – имя для белорусов Крыма особое, поэт жил и нашёл последний приют в Крымской земле. В минувшем году в Ялте торжественно почтили память поэта – минул век, как он покинул этот мир. А три года тому, в 2015-ом, в Феодосийском музее Александра Грина проходила выставка, посвященная 100-летию посещения Богдановичем города Феодосии, легендарного поселка Коктебель – мекки поэтов и художников Серебряного века, и города Старый Крым, что близ Феодосии, когда-то бывшего столицей Крымского ханства и имеющего богатые культурные традиции; в местном литературно-краеведческом музее также есть небольшая экспозиция, посвящённая поэту. «Лебедь над Киммерией» – называлась выставка, где подобраны были картины, показавшие места те и времена, что описал Богданович в своих очерках. Часто проходят у нас, да и по всему Крыму, вечера литературные, концерты, посвящённые поэтическому гению, подаренному миру землёй белорусской. Да ещё выставки – мастеров-умельцев народных.

Должна, конечно, сказать я о Грине, и о его музее. Не всем известно, но создатель «Алых парусов», можно сказать, наполовину белорусом был: его отец, потомственный дворянин, из Дисненского уезда Виленской губернии происходил (ныне это Глубокский район Витебской области). Сказать вернее, был он польским шляхтичем, и была тогда эта земля польской. За участие в мятеже сослали Стефана Гриневского в Сибирь, где, в городе Вятке, и появился в положенное время на свет будущий писатель. Белорусские гриноведы считают отца, да и самого Грина, своим, а польские – своим. Музеев Грина всего четыре: кроме Феодосийского, есть ещё Вятский, Старокрымский и Севастопольский (музейная комната). Может быть и пятый, если в Беларуси решат восстановить родовое имение Гриневских – Якубёнки. Музей писателя в Феодосии – активный культурный центр, где много случается самых разных культурных событий – от выставок до фестивалей. И белорусское слово звучит у нас, и украинская песня. Раз в два года проходит Международная конференция «Гриновские чтения», на которую учёные-гриноведы съезжаются со всего мира. В числе коих и белорусы, и украинцы. Последние, порою не глядя на разногласия политические, – Грина не предали. И, конечно же, в наш музей, как в храм, со всего мира стремятся паломники. Всего прежде – мира славянского. Музей объединяет нас. Несмотря на границы, которые временами передвигаются, на «царей», которые ссорятся, мы, русские, славяне – не порываем нитей, нас связующих. Крепкие они, ниточки шелковые. Крепко сшиты ими умы и сердца. Приезжайте в Крым! В музей приходите! На сайт заходите! Цвети, ветвь яблоневая, да принеси нам золотые яблоки – здоровья и долголетия. Спасибо, люди добрые, что были так ласковы, слово моё выслушали о земле Крымской и жителях её – славянах.

Берега Приднестровья

Сергей Чернолев

Щит Господень

...И, как же радостно, как светло становится на душе от прикосновения к строкам живой, дышащей поэтики Сергея Чернолева. Его стихи – это не буйство трескучих фраз, а фиксация чувств выстрадавших, искренних и глубоких. Они мудры, наполнены оттенками, переходами настроения, внутренней взаимосвязью и развитием интонации. Сергей понимает ценность и значимость каждого слова, чувствует ответственность за сказанное не столько перед своей внутренней природой поэта, сколько пред Всевышним. Пространство его стихов обладает объёмом, а также истиной, знающей меру, вкус и такт, свободой. Ничего не омрачает светлую внутреннюю вольность и естественность поэтики.

Его стихи хочется перечитывать. Почему? Возможно, потому, что такова она – настоящая поэзия. Во всеобщем бесконечно-болтающем, поверхностно-думающем, обыденном шоу по имени жизнь, только ОНА, блаженно качаясь, что-то бормоча и всматриваясь в реальность, остаётся единственно трезвой и понимающей наш мир. И пусть вещей голос поэта не громок, но это он говорит, что «...идущему к свету милосерден Господь». И снова вздрагиваешь от осознания того, как хрупок мост над пропастью бездушия. И вспоминается: «имеющий уши, да услышит» (Евангелие от Матфея гл. 11, ст. 15).

Марина Сычёва, поэт, член СП ПМР

От Господа – щит наш...

Псалтырь, 88,19

Я говорю себе – пора.
Но в темноте не слышно слова.
И ледяная глубь двора
Родней оставленного крова.
Я говорю, и мне в ответ –
Небесных сфер звенящий трепет.
И слабый отдалённый свет,
Как паводок, растёт и крепнет.
День только начат, но уже
Я повернуть назад не вправе.
Стою на смертном рубеже,
Готовый к подвигу и славе.
И гнёт сомнений не томит.
Внимаю Божьему реченью.
Ничто меня не утрашит
И не повергнет к отрешенью.
Вдали светлеет небосклон.
Стою, открыт и непреклонен.
За мной – сияние знамён,
И перед грудью – щит Господень.

* * *

Звезда – для знаменья,
Для злака – земля.
И это незыблемо – ныне и присно.

Пусть вечно вершится под кровлей жилья
Рождение жизни и скорбная тризна.
Есть разум во всём, и слепому зерну
Дано – пусть однажды – взойти из-под спуда.
Господь милосерд – в подтвержденья сему
Не стоит выпрашивать вещего чуда.
И следует жить, доверяясь судьбе,
И, взглядом касаясь рассветного неба,
Не требовать больше, чем нужно тебе.
Ни блага мирского, ни влаги, ни хлеба.
Лишь свет приглушённый и плоскость стола.
Подступят слова в тишине нелюдимой.
И Божьего слуха достигнет хвала
За миг на земле, мимолётный, единый.

* * *

В четвертую же стражу ночи
пошёл к ним Иисус, идя по морю.

Матфей 14, 25

...Он пересёк пространство вод.
Когда волну сковала стужа,
На глади льда остался слепок
Его стопы; я подошёл,
Смирненно на колени пал

И осторожными руками
Стал синеватый лёд крошить,
Боясь задеть священный след;
И, наконец, его извлёк,
И поднял над собой, как чашу,
И вдруг заметил с удивленьем,
Что пальцы сбиты до крови.
Когда осколок ледяной
Я нёс, как раненую птицу,
Смеялись люди надо мной,
И руки обжигала соль.

БЛОК

Идущий за гробом младенца
Достоин святого венца.
В глухой затаённой обиде
Он руку вознёс на Отца.
В порывах кровавой метели
Заветы любви не слышны...
Да будет оплакан *идущий*
За гробом великой страны.

СМЕРТЬ СТАЛИНА

Андрею Облогу

Мы живём, не помня зла,
И, скорбя от чёрной вести.
Сколок мутного стекла
Вдовим ситцем занавесим.
Мы живём, не помня зла...
Станем долго голосить,
Словно вьюга в поле диком.
Напоследок возносить
До небес вождя-владыку.
Станем долго голосить...
Все четыре горьких дня
Будем пить лихую брагу
И, людей живых давя,
Как безумцы – рваться к праху.
Все четыре горьких дня...
Век свой прожили в нужде.
Хлеб растили за гроши мы...
Но везде –
В любой избе –
Лик сиял непогрешимый.
Век свой прожили в нужде...
Наш удел один – терпеть.
Не тревожить всуе память.
Как нам жить, ответьте, впредь -
Ликовать, смеяться, плакать?
Наш удел один – терпеть...

Твёрже власть
Да тяжче кладь –
Вот и все твои законы.
Так кому, скажите, класть
Раболепные поклоны...
Так кому поклоны класть?

ХЛЕБНИКОВ

хотелось странствий
а не тирании
холщовой сумы
и вещей стихов

* * *

Поражает зычным слогом,
Только многим невдомёк,
Что не терпит опресноков
Новоявленный пророк.
Не влекут его нимало,
Высшей воли вопреки,
Ни зазубренные скалы,
Ни зыбучие пески.
Исключительно во гневе
Обличая всех и вся,
Он желает быть на гребне.
Такова его стезя.
Те же страстные погрёки,
Неустанная борьба...
Но сокрыты в подоплёке –
Только злоба и алчба.
Хищным оком лицемера
Обведёт галдящий люд.
Иступлённые химеры
Душный воздух разорвут.
Что он знает, смутновидец?
С очумелой головой,
Словоблудств не насытятся,
Вновь возникнет над толпой.
И, должно быть, нет исхода
Череди безумных дней...
Толпы зряшного народа,
Свора алчущих вождей.

* * *

Ночь начинается с боли,
Так что придется терпеть.
Боль, словно снежное поле.
Стужа, заносы и смерть.
Нужно затеплить отважно
Слабый слепой огонёк...
Как это всё-таки страшно,
Если в ночи одинок.

Берега Приднестровья

Александр Лобанов

Родился 7 октября 1954 года. В 1978 году окончил военно-медицинский факультет, служил в Советской Армии военным врачом по 1991 год. Получил квартиру в Молдове, однако после распада СССР территория перешла под юрисдикцию Приднестровья. Служил начмедом гвардейского батальона. После окончания военного конфликта с Молдовой из-за тяжёлого материального положения вынужден был переехать с семьёй в Сыктывкар к родственникам. С 2000 по 2015 годы проходил службу в уголовно-исполнительной системе. Ныне – полковник внутренней службы в отставке. Как литератор начинал со стихов, публиковался в Приднестровских печатных органах, в 1976 году вступил в Союз приднестровских писателей. В Республике Коми увлёкся прозой, выпустил сборник рассказов и повестей «Последний бой», «Небесные колокольчики», публиковался в «Нашем современнике», «Российском писателе», московском издательстве «Подвиг», а также республиканском альманахе «Белый бор». С 2012 года член Союза писателей России

Ореховое варенье

1

Погода в Левобережье, впрочем, как и во всей православно-католической Молдове, своенравна, характер у неё взбалмошный, непредсказуемый, точь-в-точь как у населяющих регион народов и народностей. Определённую часть времён года она, словно жерло вулкана, бурлит кровью, внезапными приступами неадекватности, алогизмами поступков, необузданностью эмоций, граничащей порой с откровенной неврастенической яростью. Но гораздо чаще, отчего в принципе регион и существует по сей день, преобладает совершенно противоположное: поэтическая лиричность, необыкновенная, с романским темпераментом нежность и щедрая ласковость южанки. Особенно в ясные лунные ночи, когда в прибрежных зарослях сходят с ума соловьи, а в заболоченных затоках концертируют лягушачьи оркестры. Днестр в такие минуты становится волшебником, художником, литератором, гипнотизёром. Не гляди на воду долго, таким же сделаешься. Как оно и стало с живущими на обоих берегах. И так из года в год, из десятилетия в десятилетие, веками.

Но вот однажды в слоях сферы, что повыше, за ненасытными скоплениями облаков, вдруг случаются метеорологические и психологические перверсии, сталкиваются лбами циклоны, антициклоны, разнополярные идеологии, врождённая глупость и человеконенавистничество шовинизма с твёрдым, как гранит, героизмом филантропов и патриотов. Какие происходят баталии! По небу между грандиозных завалов, покрытых жирной копотью, мечутся слепящие зигзаги, изрыгающие такой грохот, что в окнах вылетают стёкла. Птицы падают в истерических судорогах, очумев от обиды и страха. Зверьё рефлексивно прячется в норах, пещерах, зарослях камыша и раkitника. Хищники теряют генетический облик, замирают в обнимку с травоядными и, как проклятые, дрожат в предчувствии Апокалипсиса, считая, что во всём виноваты греховные инстинкты, заложенные в них, бедных и несчастных, теми же небесами.

У людей, конечно, кармическая физика гораздо сложнее. В их непогодах участвует космос, из непонятого вещества которого изваяны древние мифологические божества, современные суеверия и наоборот мудрые прозрения талантов. Увы, примирительный консенсус не всегда доступен разумности и реальному времяисчислению, поскольку у каждого сообщества имеется свой цивилизационный код, иногда без труда стираемый трансгенными мутациями. Бывает, вселенную, галактики, Зодиак и прочую космическую канцелярию так переклинивает, что околоземная ноосфера начинает стенать от нехватки квантового запаса, необходимого для воссоздания разумного начала, в питатель-

ном субстрате которого развивается цивилизация гомо сапиенса. Как результат, взгляды на мир у целых народов и даже некоторых стран в значительной степени перекашиваются, и в каком-нибудь из обречённых королевств кривых зеркал начинается цепная реакция интеллектуального помешательства, расшатывания устоев нравственности с последующим грехопадением и, как роковая неизбежность, пролитием крови, единственно приемлемой валюты на рынке обречённого человечества.

Рыбница, уютный, ухоженный городок на левом берегу Днестра, наслаждалась июльской синевой, пронизанной лучистой щедростью южного солнца, которое с превеликим удовольствием ныряло в глубину, до самого илистого дна с притаившимися там судаками, сазанами, сомами, чтобы освежиться, подзаправиться речным прохладным перламутром и после передать бодрое настроение в наследство днестровскому ветру, который разнесёт его по милому для сердца горожан древнему казачьему мегаполису. Рыбничане светились естественными по происхождению улыбками, рождёнными трудолюбием, традиционной жизнерадостностью, весёлыми народными традициями, местными обычаями, обрядами. Но главным на их лицах просматривалось счастливое ощущение уверенности в мирном будущем, так желанном и ставшим почти привычным после двадцати с лишним лет без войны. Дикой, не всеми понятой, кровопролитной, справедливой и одновременно несправедливой. Какая ж тут справедливость, когда убивают не только мужчин, но и женщин, детей, стариков. В угоду дефективному монстру, поселившемуся в недалёких умах, которых по всевозможным, до конца не выясненным причинам покинула отеческая мудрость.

Приднестровцы с достойной решимостью отстаивали своё право на человечность. А это свобода, равенство, братство. Знакомые, иногда кажущиеся избитыми, но всегда святые слова. Кривое зазеркалье так и не смогло перекинуться ни туловом, ни щупальцами через водораздел между разумным и помрачённым. Границу, на протяжении веков обозначенную сверкающей лентой древнего Тираса, всеми любимого в нашем времени Днестра. Так получается, что никому в истории ещё не удавалось завоевать, покорить всё то, что исторически устоялось на левом берегу. Может, секрет в необыкновенной энергосистеме параллели, по которой течёт легендарная река, чьи берега помнят не менее легендарных, явивших именно в этих свободолобивых просторах себя миру гениев.

Вообще, касаясь сорок восьмой параллели, земляне вполне могут рассчитывать на утешительный исход своего психического недуга, при котором доминирующим симптомом фигурирует навязчивое желание уничтожать себе подобных. Молдова, Приднестровье, Запорожье, Донецк и Луганск, французский Орлеан и так далее. Одна параллель. Исторические архивы хорошо помнят прославленную в легендах Орлеанскую деву, Жанну Д'Арк. А при одном только упоминании грозного имени Ивана Серко, незабвенного атамана Запорожской Сечи, некоторые ляхи по сей день покрываются липким потом и молят Всевышнего о пощаде. И, конечно же, днестровские берега помнят того, кто основал города Тирасполь и Бендеры, эти великие крепости, ставшие западным форпостом России, плацдармом на Балканском стратегическом направлении. Кто прославил русское оружие подвигами своих солдат, офицеров именно здесь, в Дикой Степи. Александр Васильевич, граф Рымникский Суворов, гениальный полководец, отеческая наша гордость. Его наука побеждать – это священный канон, это наша слава. Ура генералиссимусу Суворову!!!

И ещё на минуточку... Друзья Людмила и Руслана, знаете ли вы, где был зачат господин Онегин? Некоторые ретроградные историки утверждают, что Пушкина туда сослали за якобы прегрешения перед российским престолом. «Проклятый город Кишинёв»... Невинная, хоть и объективная шутка гения, послужившая в смутное время девяностых поводом для ненависти реакционного Народного Фронта и последовавшим свержением созданного на пожертвования благодарных жителей Молдавии скромного памятника. Надо справедливости ради сказать, что в данном вопросе современные варвары на каком-то этапе нравственного отупения слегка озаарились либо трусили перед Господом. Во всяком случае, провидение вмешалось. Памятник не снесли, а перенесли. С главной улицы в тенистую глубь аллеи писателей. Александр Сергеевич вряд ли обиделся на современных кишинёвских русофобов, ему под сенью платанов знаменитой аллеи, среди собратьев теперь гораздо комфортнее. Не правда ли, домнул Михай Эминеску¹?

Так вот, именно на сорок восьмой, под порывами могучих ветров Буджакской степи, в гениальной курчавой голове сложились первые строки бессмертного романа. Там же написаны «Чёрная

¹ Михай Эминеску (Эминович) – молдавский и румынский поэт-классик, 1850 – 1889. Домнул (молдавск.) – господин. Получилось, что памятники ему и Пушкину теперь стоят рядом.

шаль», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», сочинено более двухсот стихотворений, проведено бесчисленное множество дуэлей, на которых никто не был убит или ранен, зато выпито целое море животворящего молдавского вина в братских объятиях тех же дуэлянтов и, естественно, красивейших в мире женщин, созданных космосом будто специально для него, нашего Пушкина.

Нострадамус предсказывал, что отсюда, от сорок восьмой параллели, начнёт своё шествие к северу святой дух...

2

Да, тогда было начало июля. Алексей, живо представив цветущие каштаны, орешины с завязавшимися молодыми сладкими орехами, распустившуюся до томления души сирень, сумел выбить отпуск, летом это считалось невероятной удачей, и великодушным позволением супруги, с огромным багажом радостных предчувствий помчался в Рыбницу. Самолётом до Москвы, оттуда уже прямым рейсом в Кишинёв, где в нетерпении фланировал по мраморным плитам просторного, выстроенного в европейских стандартах здания верный товарищ и друг Подольский Иван Олегович. Дядя Ваня, как в шутку окрестил его при знакомстве Алексей, будучи сам старше на одиннадцать лет. Иван по врождённой потребности всегда перестраховывался: не семь, а сто раз отмерит прежде, чем чикнуть ножницами. В аэропорт примчался на своей, относительно молодой, «десяточке» за два часа до прибытия московского рейса. Бывало, Алексей не понимал такой щепетильной предусмотрительности, поскольку сам часто действовал по велению интуитивного порыва, по принципу «кто не рискует, тот не пьёт шампанского». По прошествии времени понял, что Ивана сам Бог ему послал, дабы обуздывать такие порывы. Что в результате позволило обоим не раз выкрутиться из казалось бы безнадежных ситуаций.

Тискали друг друга в объятиях минут десять, наверно. Под любопытными взглядами пассажиров и полицейских, подозрительно косившихся, но не решавшихся подойти с проверкой документов. Из Москвы всегда прибывали господа с придурью, некоторые могли устроить такой скандал, что мало не покажется. Не девятые годы. Это тогда молдаване считали себя потомками великих римлян, румынами, сверхчеловеками. Пока не получили сполна. В историю, как сказал классик из Одессы, трудно войти, но легко вляпаться...

– Ну, узнаешь город?

– Да вроде всё, как и прежде.

– Не скажи, Лёха. Европейская столица. Как тебе аэропорт, впечатлил?

– Есть немного. Так ведь по сравнению с Шереметьевым, конь рядом не валялся. Не те масштабы.

– Зато блесит всё. А какой, пардон, туалет. Автоматика сплошная. Прямо-таки счастье из розового мрамора.

– Ой, я тебя умоляю. Счастье – это не значит просто увидеть розовый туалет, но и успеть до него добежать. Однажды довелось через Хитроу лететь. Вот там аэропорт. Вот там туалет – сплошные нанотехнологии, мысли читают и желания предугадывают. И что характерно, никакого запаха.

– Не понял, ты что, в Лондоне был?

– Говорю же, проездом. В Даллас, к дочери в гости летел.

– А-а-а... Понял. Жена не заревновала? Отпустила?

– Так не молодые уже, чего пустым чувствам волю давать. Да и сам зять настаивал на моём приезде. Он знаешь кто? Профессор! В местном университете преподаёт. А папа его – генерал в отставке. Двухэтажный особняк, две машины, газонокосилка.

– Сколько ж вы с дочерью не виделись?

– Много, дядя Ваня, очень много. Двадцать с лишним лет прошло, как с её мамашей развелись. Дочка – молодец. Ни разу словом не обмолвилась. Кто прав был, кто виноват. Хотела отца увидеть, вот и увидела.

– И как там, в Америке?

– Хе, супер-пупер! Больше всего зоопарк понравился. У них к животным относятся лучше, чем к людям. Мои кошку завели в доме, так сразу на учёт её, зачипировали, не дай Бог сигнал пропадёт, тут же полиция примчится. А если выяснится, что издеваются над бедняжкой, то и посадят. Каждые полгода инспекция приходит с проверкой. Типа, в каких условиях животное проживает. Чуть что не так – под суд.

– Тьфу! Идиотизм какой-то. Помнишь, у меня перед свадьбой, пиратское нападение котов? Мамка с бабулей что-то приготовят, на секунду отвернутся, тут же слямят и сожрут. Восемнадцать диких тварей. Летнюю кухню чуть не разворотили.

– Ну, ты же их тогда накормил...

– А что было делать? Пришлось к знакомому в отдел дезинфекции обращаться. Помог... Выходит, меня на электрический стул?

– Стул не стул, а пожизненное запросто. Ещё понравилось по Техасу на зятевой машине гонять, между прочим «Лексус». Дороги, доложу тебе, надёжные, разметка неубиваемая, ночью светящаяся, удобные съезды, развязки. Водители вежливые, совсем не то, что у нас. Не подрезают, на хвост не садятся, уступают право проезда, каждый раз при этом улыбаются во весь имеющийся в наличии рот. Я умилялся недели две. Потом обрыдло, чуть ли не до изжоги.

– Чего так?

– Представь, идёшь по улице, например, с внучкой, а она капризная, орёт по делу и не по делу, дочь её избаловала нежностями телячьими, бедный зять, замучился воспитывать их обеих, да где там... Так вот, гуляешь себе, по обыкновению психуешь, а навстречу очередной техасец, и скалится этак на все тридцать два зуба, будто родственника дорогого увидел, в завещание их впишу, миллиона на два наследства. «Хэлло! Хау ду ю ду? О, бэби, бьютифэл бэби». А бэби надрывается, без матери долго не привыкла, в дугу изгибается в коляске. Никаких нервов, тут ещё эти сердобольные, бэби, бэби... Прямо послал бы куда подальше. И всё так вылизано, ни соринки. Плюнуть некуда.

– Ну, а, допустим, приспичило тебе?

– Типа почирикать? Вообще никаких проблем. И не за угол, как у нас, а в любую кафешку, ресторан, магазин, во всё, что открыто. Повсюду найдёшь вывеску «Рэст Румм». Заходите, будьте так добры, слова никто не скажет.

– Какой такой «Рэст Румм»?

– Какой, какой... мужской и женский. Американцы в данном вопросе достигли совершенства, и это вызывает уважение. Никакого неудобства, ни физического, ни эмоционального. По науке, изысканно, эстетично, даже завидно.

– Магазины, наверное, роскошные?

– О-о-о... Торговое дело поставлено вообще на недостижимую высоту.

– Так чего же тебе на душу не пришлось?

– Не покидало, понимаешь ли, ощущение ненатуральности какой-то. Улыбаются, а себе на уме. Однажды пригласил зятёк университетских друзей, профессоров, Ричарда и его супругу Нэнси. На меня что ли поглазеть. Я им борщ сварил, наш, настоящий, со всеми нюансами. А это, как писал ещё один уважаемый одессит, господин Грабовский, уже регата, флотилия в одной тарелке. «Дымящиеся ледоколы картошки взрезают толстые плямы жира. Капустные яхточки гоняются друг за другом, огибая помидорные буйки. Помешивание ложкой вызывает трагедии и кораблекрушение». Им в диковинку, уплетают за обе щеки, расхваливают. Ричард после бокала вина разоткровенничался, поведал, что у Нэнси через несколько дней операция. Я по простоте душевной, вундеркинд с «Приво́за», решил проявить участие, начал расспрашивать про самочувствие, когда и отчего заболела, может слишком часть мыла шею? Она вдруг сузила на меня, как на городского сумасшедшего, глазки, резко убрала с лица улыбку. Как будто её переехал велосипед, который топчет асфальт. С какой, говорит, целью интересуетесь? А из-под ресниц так и брызнуло чем-то неприятным, вроде неконтролируемой ксенофобии.

– Да ты что! Вот же ж... В таких случаях батька мой чётко поучает: бойся козла спереди, коня сзади, дурака – со всех сторон.

– Дочка разъяснила, в Америке не принято о здоровье откровенничать. Типа, это неприлично. Они даже «Мурзилку» не выписывают, представляешь? И во всём остальном у них... Глухой слышал, как немой рассказывал, что слепой видел, как хромой быстро-быстро бежал. Ездили в гости к очередным друзьям, Хэнсону и Патриции. Она дура душой, мечтаю, говорит, совершить путешествие по вашей транссибирской магистрали. Давай, совершай, коли жизнь не дорога. Неделю по пустой тайге и без вооружённой охраны. Говорю дочке, отсоветуй. А то ведь и вправду пойдёт. Хэнсон только головкой седой покачивает и улыбается. Забитый, тихий рохла, но душевный мужик, всё обнимался со мной, когда бурбона выпили. А закуски на столе практически никакой. Орешки там всякие, сыр, пластинами нарезанный, безвкусный. Такая же индюшати́на, будто пластмасса. Я зевать начал. Не понимаю ни

шиша. Они в свою очередь тараторят без умолку, меня словно и нет. Пытался внести разнообразие, пошутил, анекдот рассказал, дочь перевела. Смотрят, глазёнками лупают, никакой реакции. О-о-о, думаю, Задорнов-то прав, тупые они все. Дальше – больше. Оказывается, и соседи со странностями, мелькают тенями, как привидения, сквозь щели в заборе просачиваются, чтоб вовремя разоблачить и полицию вызвать. Дочкины подружки только о деньгах, другое мало что интересует. Да и дочь сама... Как-то американизировалась. Скучно мне там стало до смерти. Домой летел с радостью.

– А мне Кишинёв очень нравится. Макдональдсы открыли. Мы с сыном всякий раз, когда приезжаем, заходим.

– Ну, раз Макдональдсы...

– Смеёшься, да? Над своим же товарищем...

– Да уж лучше пусть над тобой смеются, чем плачут.

– В Рыбнице же такого нет. Культурное обслуживание...

– Надеюсь, и не будет. Фастфуд – отравка. Хотя и вкусная, и культурная. Сплошной холестерин, причём американского происхождения. Или ты слишком быстро водишь машину, чтобы переживать из-за холестерина?

– Не знаю... Нам с Андрюшей так очень нравится.

– Кстати, где сынуля сейчас? Наверное, уже ростом с папу?

– С папу... Папа на него смотрит снизу-вверх, а мама вообще подмышкой умещается. На каникулах он, в Питере у Ленкиной тётушки.

– Думает поступать?

– А как же. Он в компьютерах силён. Программистом хочет стать.

– Дай-то Бог...

– Через полчаса будем в Дубоссарах.

– Молодец, что цветы купил.

– Там останемся. На кругу, где Юрка Цуркан погиб.

– И Сашка Патергин... И Володя Щербатый... Грекулу Серёге повезло тогда, дубоссарские хирурги утром заштопали, на службу потом вернулся, всё за бок держась ходил. Сколько же лет прошло?

– Двадцать три вроде? Ну да... А словно вчера.

– Как он сейчас, работает?

– Грекул? Та с бандитами связался, сволочь.

3

Не было никакой нужды бороться со сном. Не шёл пока сон. Крыша «гаишной» будки за день, хоть и на осеннем, зато южном солнце, основательно прогрелась. Несмотря на то, что хозяйничал уже декабрь, погода до сих пор оставалась относительно тёплой. Солнце баловало приднестровцев поздними сюрпризами, как будто заранее пыталось умаслить, мол, в чём я-то виновато. Даже не верилось, что через пару недель можно уже готовить новогодний стол.

Тёплая-то тёплая, однако, со спины прихватывало. Пулемёт, если б не поглаживал время от времени ладошкой, наверняка бы уже покрылся инеем. А в будке тепло, спят, бродяги. И ладно. Мужики умаялись, честно отдыхают. Сколько через КПП прошло за день транспорта? Не счесть! Всех ведь надо ошмонать, причём с усердием, проверить скрупулёзно документы, проникновенно в глаза посмотреть, подвергнуть, если потребуется, всевозможным нудностям по профилактике правонарушений. Потрясти, как следует, кого-нибудь умного и доброго. Хотя бы насчёт сигарет.

Курить хочется, прямо уши пухнут. Но чего нема, того нема... Курево по каким-то политико-экономическим причинам стало страшным дефицитом. Исчезло из продажи напрочь и сейчас вот закончилось. Многие, конечно, жадничали, что вполне объяснимо: тотальный дефицит чувствительно ударил по всем категориям граждан. Зато некоторые, прямо вот так взял бы, да и расцеловал, презентовали по целой пачке, а то и по две. Люди, что с нашего, левого берега, исторически уже понимали, кто для них брат, кто сват.

Чего только в их глазах ни читалось. Растерянность, тревога... Надежда на нас, гвардейцев. У иных угадывалось желание стать рядом, с оружием, в едином строю. От кое-кого другого невольно хотелось прикрыться бронежилетом, если б он был, конечно. Бронежилеты – роскошь. Может, во всей гвардии

и есть один, два. Но про то не слышал. Скорей, что нет. Автоматов не хватает, не то, что бронников. Шкурами собственными будем прикрываться. Они у нас уже толстые, пуленепробиваемые.

В большинстве своём население имело позицию, понятно, правильную, приднестровскую. Не фиг тут румынам ловить. Торговать, наведываться туристами – пожалуйста, всегда вам рады. Но не со своим же этническим уставом. С какого перепугу я, конкретный русский пацан, должен вдруг зваться румыном, да ещё их латино-бычий учить язык? И не молдавский, куда ни шло, а «румынеште», мать его так-пере-так!

КПП – он и есть КПП. Пропустят – не пропустят. Наркотики, оружие... Какая крыша не любит быстрой езды? Цирковое шоу. Ни разу ещё никого не поймали. Разве что имбецил или вообще идиот потащит это через гвардейский пост? Обойди целиной метров триста в сторону и тащи, чего хочешь. По запустевшим полям и на «Жигулях» спокойно проскочить можно. Да и ездят, наверно. Так что пограничный наш контроль больше для проформы. Тут дело принципа. Граница необходима хотя бы уже для того, чтобы обозначить собственную несгибаемую волю. Они ведь, с понтом под зонтом, считают здесь всё своей территорией.

С той стороны моста никакого КПП или хотя бы простого шлагбаума молдаване оборудовать не собираются. Тоже показательно. Для чего, мол, в собственном государстве территории метить, тут, как на правом, так и на левом берегах единая и неделимая Румыния. Рождённый ползать везде пролезет. Замполит говорил, вообще до Уральских гор планируют фортеля выкидывать. Бред! Хотя на прошлой неделе разведчики рассказывали, что в непосредственной близости от Днестра, вдоль берега целый укрепрайон. И народу нагнали войскового – уйму. В каждом, поди, селе по батальону чалятся. Того и жди, полезут, халамидники. Ничего, у нас у самих батальоны, мы теперича не то, что давеча...

Он вытянулся, улёгшись на спину, закинул под голову руки, уставился в небо. И вдруг улыбнулся. Сегодня тринадцатое декабря, день рождения, двадцать один год, абсолютное календарное совершеннолетие. Даже возгордилось на минутку. На боевом посту, с пулемётом, на самом стратегически важном рубеже обороны. Кто ещё, скажите на милость, таким вот образом чувствует собственную зрелость и возмужалость? Хоть комбат и обещал шкуру спустить, даже за маломальскую «спотыкачку», но как стаканчик не опрокинуть по такому вселенскому случаю? Грех это.

Ребята, конечно, дрыхнут, без задних ног, даже не вспомнил никто. Да и откуда им знать, я же не говорил... А и не только стаканчиком обойдётся. Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве. Можно будет посидеть основательней. День рождения же. Вино не водка. Оно целительное. Кто не знает? Все знают. Посидим, конечно. А там с дежурства сменят, отпраздную дома по-настоящему. Может и ещё один день рождения нарисуетя? Не сегодня-завтра супруженька родить должна. Вот так вот! Человеческую жизнь продлевает только человеческая жизнь. А у нас даже махорки нет...

По небосклону ползало нечто внушительное, периодически скрывая в чёрном тулове предрасветный месяц, который начал уже стареть и выглядел точь-в-точь как советский серп. Острые концы его задевали лохматое нутро, и оно, то, что ползало вверх, недовольно вываливало месяц обратно. Окрестность при этом покрывалась бледно-жёлтым мерцанием. Каждая былинка, каждый упавший лист, будучи глазурованы заморозком, принимались отсвечивать хоть и бледные, но весьма чувственные лунные лучики. Им вторили звёзды, что прорывались в прогалины. Прямо волшебство. Того и гляди, из Днестра русалки повылезают, начнут вдоль берега хороводить, заманивать зазевавшихся мужичков. Хотя откуда им тут взяться в такой час, мужичкам-то? Русалкам, скорее всего, обломится. Разве что к нам на пост прихороводят? Чешуёй, как жар горя... Впрочем, убоятся комбата. Однажды наш Степаныч так орал, что никаких нештатных баб не потерпит, в самом глубоком омуте слышать было. Но хорошо-то как, братцы, вокруг!

Эхо донесло отзвуки автоматных очередей и несильных каких-то разрывов. Машинально глянув на часы – было около пяти – Сашка некоторое время вертел головой по сторонам. Ничего особенного. Что такое, интересно, громыхнуло, и где? Словно петарды. К Новому году народ готовится что ли? Вроде тишина опять. А стрельба... Показалось наверно. По воде туман потянулся, вообще все звуки скрадывать начнёт. Или наоборот. Делать неузнаваемо громкими, жуткими, загадочными. Может всё же это русалки плавниками по волнам шлёпают?

Опять месяц показался. Яркий-то какой. Вокруг ореол светящийся. Вот красотища! Нет, определённо, сегодня что-то произойдёт. И что, я вас немножечко спрашиваю? А вот что: у меня кто-то родится. Дочка или сын. Точно, сегодня. Надо будет с утра прозвониться в Рыбницу. Как там дела, в

самом-то деле. Вот радости-то мамке привалит. Давно уже про внуков уши прожужжала. Особенно про внучку. Девочку ей хочется. А мне сына! Наследника, ёлки-палки лес густой!

Сашка мечтательно прикрыл веки. А когда раскрыл, не на шутку встревожился из-за сполохов, что выплясывали в туманной дымке на том берегу. Предчувствие, как полковой горнист, заиграло тревогу. Хотя по-прежнему в смутном подлунном пространстве хозяйничала тишина. Кто там у шлагбаума сейчас, Серёга Грекул? Вона, тенью туда-сюда маячит. Замёрз, конечно. Шёл бы в будку, погрелся. Тут же ощутил, как самому прихватило подошвы, сапоги ведь кирзовые, на рыбьем меху. Бр-р-р, самый колотун перед утром. Встал, поприседал, помахал руками, подрыгал ногами. Немного разогрелся, кровь по молодым жилам побежала быстрее, запульсировала на висках.

Наконец приободрился, да и веселее сделалось. А то ведь так некстати принялась донимать сонливость. Весь день не спишь, всю ночь не ешь – конечно, устаёшь. Присел на корточки. Поставил пулемёт на сошки, вытащил из вещмешка запасные коробки со снаряжёнными лентами по двести патронов в каждой. Делал машинально, не включая мышление. Организм сам уже начинал изготавливаться к бою. Первому и последнему бою приднестровского гвардейца Александра Патергина, так и не успевшего отметить своё взрослое совершеннолетие и рождение сына.

Они выскочили из тумана уже на половине моста и вскоре подкатывали к Серёге, который прикрывался рукой, поскольку слепило глаза. Автобусы шли с непотушенными, на дальнем свете фары. Чтобы это всё? Александр припал к пулемёту. Он уже внутренним чутьём понимал, что означает происходящее у засечной черты Серёжки Грекула. А мысли вертелись совершенно не там, где надо бы им в данную минуту. Возникали пустопорожние рассуждения о разгильдяйстве шоферюг, которые не выполняют требования, обязательные при следовании через пограничный пост, и что надо будет записать номера этих нахальных автобусов, доложить комбату, чтобы тот в ГАИ добился наказания, вплоть до лишения прав и компота за обедом. И вообще, у меня сегодня жена рождает, может вот сейчас, в данную минуту. Фары они не выключают... Совсем наглость потеряли, как любит подковырнуть, где надо, где не надо, незабвенный комбат Титаренко Павел Степанович, особенно когда планирует кому-то сделать беременной голову.

Также, совершенно машинально, взял в прицел оба автобуса, передёрнул затвор. Серёга машет им, чтоб остановились, и даёт понять, мол, потушите дальние фары. Подкатывают вплотную. По-прежнему со светом. Это уже не шуточки, граждане нарушающие. Извините, но вас здесь не стояло. Придётся вам делать бледный вид...

Сашка привычно, как на стрельбище, кладёт палец на спусковой крючок. Надо разбудить капитана и милиционера. С ними на посту дежурил из Рыбницкого РОВД Юрка Цуркан, молдаванин. Тут у нас мешанина в национальностях, самая что ни на есть приднестровская символика. Я, по фамилии Патергин, Сашка-Александр, до мозга костей русский. Володя Щербатый – до такого же мозга украинец, хохол стопроцентный. Юрка вон, чистокровный красавчик-молдаванчик. Приднестровье во все своей красе. Узаконено и на государственном флаге размалёвано, а как же. Мы ж все братья! Надо их срочно будить...

Он стал кричать и колотить по крыше каблуками с подковками. Из автобусов, не спеша, уже спускались по сходням крепкие парни в «афганской» форме. Ну, слава богу! А я-то уж было подумал... Это свои, гвардейцы, наша форма. Откуда их чёрт принёс в такое время? И что за стрельба недавно слышалась со стороны Вадулуйского поста? Хотел было крикнуть, чтоб не дурковали и потушили, в конце концов, эти долбанные фары. Но не успел, так как в это время один из офицеров с блеснувшими на плечах звездочками, то ли капитана, то ли «старлея», подошёл к Грекулу вплотную, неожиданно выхватил из кармана пистолет и трижды выстрелил в живот. Серёга упал.

– Етить твою налево! Ах, вы бычьё румынское! Ну, бежите скорее к гинекологу, он вам покажет, чьё ухо болит.

Первым делом Сашке хотелось загасить свет, он стал бить длинными очередями по фарам и радиаторам. Потом перенёс огонь на суетно метавшихся, уродливо вытянутых теней. Успел заметить, как один из нападавших упал. Послышались визги, стоны, матерная на русском языке ругань. Подумалось, от чего же они все, и молдаване, и всякие там узбеки, таджики, кто ещё... туркмены, ругаются исключительно нашим, любо слышать, матом. Свой не понимает так душевно, как русский? Получайте, быки! Недоделанные, самонадеянные потомки легионеров дикой империи с высшим юридическим правом, собственным акведуком и термами. Сейчас я вас пропарю...

Сменил коробку, передёрнул затвор, дал очередь. И снова под его пулями рухнул кто-то. Это было ещё заметно, поскольку одна фара у автобуса оставалась цела. Снизу послышался пулемёт Щербатого. Ну, теперь порядок, весело выкрикнул молодой гвардеец Сашка Патергин, хана вам, и прицелился, чтобы подлить свинца в сторону пытавшихся обойти их будку с флангов внушительной кучей румын. То, что по ним самим лихорадочно бьют из всего имевшегося арсенала нападавшие, он как-то и не слышал. Свой пулемёт, работая на повышенных тонах, глушил остальные звуки. Приклад чувствительно толкал в плечо, порох, сгорая, обволакивал крышу приятным на запах сизым дымом. Окружают, дурачье. На свою же погибель. И ещё очередь по скоплению противника. Не нравится? Заорал кто-то. Получил, чего хотел. Володька молодец, во как отсекает, аж искры во все стороны. Побежали, уроды? Поможем, чем сможем. Не совсем видно, чёрт, обидно, сейчас приподнимусь. Я бесконечно уважаю чудовищный выбор вашего народа, но вот вам, подарочки к моему дню рождения.

Потом стрельба стихла, и ему показалось, что отчётливо слышится крик ребёнка. Бог мой, так это сынишка голос подал. Родился-таки, дорогой. Ура-а-а!!! Ура-а-а!!! У меня сын ро-ди-и-ляя!!! «Взвейтесь кострами, си-и-ни-и-е ночи, мы пионе-е-еры, дети рабочих» ... Ре-бя-а-а-та-а-а! Небо-то какое, а? У меня родился сын!!!

Щербатый, когда смолк Сашкин пулемёт, был уже дважды ранен, но отнюдь не смертельно, по-сему пылал яростью и палил, почти не целясь. Юра Цуркан лежал с пробитой грудью недвижимо, и было так чётко ясно, что он убит, что оставалось одно – как можно дороже продать собственную шкуру. По всей вероятности, и Сашок уже... В будку кинули гранату со слезоточивым. Плевать! Он не реагировал. Оставалось ещё немного патронов. Если успею расстрелять, то буду прикладом или вон, топором крошить. Кстати, где топор?

Оглянулся, кинул взглядом вдоль стены, под кровать. Ага, вот он, за тумбочкой. Ну и славненько. Подкрался к проёму окна, чтобы на мгновение высунуться, дать очередь. Услышал топот добротных армейских подмётков, уже где-то совсем близко. Экипировка-то у них отменная. Достал гранату, сдёрнул кольцо. Когда за окном оглушительно громынуло, вскинулся стрелять, и тут же успел разглядеть, как один из уцелевших от взрыва старательно этак целится ему в грудь. Хотелось опередить, расстрелять самому прежде, чем...

Бой на «кругу»¹ длился сорок минут. Оборонявшиеся были в принципе обречены, так как прежде, чем на них напасть, молдавский ОПОН², несмотря на имевшуюся на то время договорённость о разведении сторон и прекращении каких-либо боевых действий, среди ночи совершил рейд, подкрался по садам, закидал слезоточивыми гранатами пост у Вадул-луй-Водэ³, обстрелял дежуривших там гвардейцев, убив одного, восьмерых ранив. Двадцать два человека тогда попали в плен. Какие пытки, издевательства им предстояло вынести! Многие не смогли после освобождения встать на ноги из-за полученных увечий, многие умерли спустя несколько лет.

Одетые в «афганку» советского образца румыны – а румынами тогда называли всех, кто воевал за правый берег, даже русских, состоявших на службе в армии Молдовы – действовали стремительно, по заранее отработанному плану. Гвардейцы же в силу слабой подготовленности – а как и когда им было готовиться, форму получили, и вперёд – боевое охранение не выставили, боевой расчёт произведен не был на обоих постах. Подразделение капитана Владимира Щербатого действовало в тесном, не позволявшем вести интенсивный огонь, помещении поста ГАИ. Если бы не мужество Александра Патергина, в то злосчастное утро уже двадцати одного года от роду, соединившимся с остальными аналогичными группами румынам удалось бы безнаказанно проникнуть в центр Дубоссар, захватить врасплох гвардейские казармы, уничтожить личный состав, отвоевать, таким образом, оперативный простор. Да и мало ли чего могли изуверы тогда натворить!

Сорокаминутный бой на «кругу» всполошил Дубоссарский батальон, дал ему время сгруппироваться и нанести ответный удар. Натолкнувшись на сопротивление гвардейцев, «опоновцы», потеряв на «кругу» убитыми четверых и более десятка ранеными, после затяжного боестолкновения на городских окраинах убралась восвояси.

Сейчас при въезде в Дубоссары на знаменитом посту ГАИ, по старой привычке так и называемом «кругу», установлена Стела, на гранитной плите выбиты имена: Патергин Александр Нико-

¹ Круг – транспортная развязка перед Дубоссарами.

² ОПОН – отдел полиции особого назначения.

³ Вадул-луй-Водэ – пограничный с ПМР город-курорт Молдовы на правом берегу Днестра, в 23 км от Кишинёва.

лаевич, Щербатый Владимир Васильевич, Цуркан Юрий Иванович. Русский, украинец и молдаванин. Им постоянно приносят букетики. А когда подходят памятные даты – заваливают венками и цветочными гирляндами.

У наблюдателя рядового гвардии Патергина тринадцатого декабря, в день его собственного рождения и гибели, родился сын. Спустя годы, когда устанавливали Стелу, Александр-младший, скажет корреспонденту:

– Я всегда гордился, сейчас горжусь, и навечно буду гордиться своим отцом, что грудью встал навстречу врагу. Мы с ним, к сожалению, ни разу не встретились и не виделись никогда. Понятно же... Но я его так люблю! И мама. Она и замуж не вышла. Потому что у них с отцом была необыкновенной силы и красоты любовь! А их, нацистов, мы всё-таки победили!

4

– Мне больше всех Сашку жалко, – промолвил в задумчивости Иван. – Надо же, какая судьба: в один день и погиб, и отцом стал. Он такой классный паренёк был. В школе отличник, на заводе в передовиках. Планировал поступать в университет. После войны... А знаешь, в школе, где Сашок учился, дети о нём сегодня сочинения пишут. Так-то...

Когда они подъехали к той самой милицмейской будке, вышел молодой совсем лейтенант, отдал честь и почти суровым тенорком поинтересовался:

– Кто такие, товарищи? Попрошу предъявить документы. И Вас, товарищ водитель, и Вас, – он перевёл взгляд на Алексея, на мгновение ступешался, почувствовав во взгляде незнакомца что-то родственное, и, чтобы сгладить ситуацию, добавил, – прошу меня простить, формальность обзывает.

– Ну что Вы, коллега, разве ж мы не понимаем, пожалуйста, – Алексей развернул служебное удостоверение.

– Виноват, товарищ полковник... Здравия желаю! – Лейтенант совсем засмушался и начал было переминаться с ноги на ногу, как вдруг лицо его просияло, он улыбнулся, обнажив ровные белые зубы. – Так Вы из Рыбницкого батальона? Мне сразу Ваши глаза показались знакомыми. У нас дома фотография старая на стене висит, Вы там с моим отцом. Дядя Алексей, верно?

– Постой-постой... Отца как, Денисом звали? Точно, казак, ординарец самого Буракова. Вы же с отцом как две капли... Тебя-то как величать?

– Александром. А Вы, я гляжу, к своим ребятам?

– Ну да... Дядя Ваня, давай цветы. Юра Цуркан его другом был. А мы с отцом твоим, лейтенант, добре повоевали в своё время. Он рассказывал, как освобождали российскую войсковую часть в Кочиерах?

– И не один раз, – лейтенант растрогано наблюдал, как Иван Олегович вернулся к машине, открыл заднюю дверцу, взял букет. – Мне иногда кажется, что Александром называли по настоящему отца, в честь этого парня, Патергина.

В букете было десять гвоздик, они так и засияли в прямых полуденных лучах, отчего на полированной поверхности гранитной таблички с фамилиями погибших гвардейцев заиграли алые и бордовые отсветы, придав общению стоявших у мемориальной Стелы офицеров некоторую возвышенность и даже помпезность, что было весьма кстати в тот момент. Некоторые проезжавшие «Москвичики», «Жигулята», даже сверкающие цветным лаком иномарки сигналили, выказывая тем самым сопричастность к происходящему, одобрение и сочувствие.

Иван достал из кармана пачку «Примы», распечатал, сигареты рассыпал рядом же с букетом. Лейтенант вопросительно поднял на него глаза, но потом кивнул, что понял. От отца слышал об этом нехитром обряде. В окопах ведь так хотелось, даже некурящим, посмолить табачку, который сделался страшным дефицитом. С ума сходили, растирали сухие листья, делали примитивные самокрутки, давились дымом, слёзы лили копчёные, кашляли будто астматики. Которые до войны не злоупотребляли, вообще заядлыми делались. Что за магия такая? Индейцы, вон, также курили всякие зелья, трубки войны и прочая. Духов что ли таким образом призывали? Чтобы помогали в боях. Теперь в дань погибшим обязательно приносили к подножью памятников табачные изделия, кто чего, с фильтром и без, кто-то оставил даже сигару. Но самой популярной считалась «Прима».

– Отец твой, Саня, тоже был героем, – Алексей положил руку лейтенанту на плечо. – Настоящий казак, храбрый, рассудительный, действовал молниеносно, умно. Бил без промаха. Мы с ним тогда столько бычьих уделали, кто б знал. Считать некогда было, но не меньше полусотни.

– Он рассказывал.

– М-да... Ты не забывай, Сашок, и сам рассказывать детям про это. Для них та правда важнее, даже чем нам с тобой. Чтобы росли и знали, небо над головами не само по себе светлое. Мирным его люди делают, такие, как Денис, отец твой, Сашка Патергин, ты, я, дядя Ваня. Как все приднестровцы, россияне, все здравомыслящие люди. Женат-то сам?

– Молод ещё, дядя Алексей. Хотя мамка требует, чтоб о свадьбе задумывался. Девушка есть, она замечательная. Студентка, на дневном в Тирасполе учится, а я, кстати, на заочном, в том же университете. Ей два года осталось, мне три. Вот закончим...

– Но ведь любите друг друга, я же чувствую. Не по-гвардейски как-то, Сашок. Если оно возникло, это чувство святое, надо закреплять всеми средствами. Хрупкое очень, и завистников поди вокруг полно. Чужое счастье коробит некоторых, слабых духом. Могут и напакостить, просто так, из зависти. Так что хватай суженую свою и в ЗАГС. Чем раньше, тем лучше. Матери, небось, внуков хочется?

– Наверное, так и поступлю.

– Кстати, батя где сейчас? Если дома, то мы заедем... – Алексей вдруг осёкся, заметив, как потемнело лицо парня.

– Схоронили в прошлом году. Сердце...

5

Утром 2 марта 1992 года Войсковой атаман Черноморского Казачьего Войска полковник А.В. Кучер «молнией» отправил обращение «Всемир! Всемир! Всемир!»:

«...Верные долгу казачьи воинские формирования, предназначенные для защиты границ нашей Родины и находящиеся на территории ПМР, выступают на защиту народа Приднестровья.

Предупреждаем руководство Молдовы: командование Черноморского Казачьего Войска незамедлительно обратится ко всем казачьим войскам страны с призывом встать на защиту Приднестровской казачьей земли и народа Приднестровья.

Заявляем о том, что вся ответственность за возможные непредсказуемые последствия в этом случае целиком и полностью ляжет на руководство Молдовы».

Был отдан приказ по ЧКВ, и в тот же день по «сполоху» большая группа казаков во главе со своим Атаманом выехала в район города Дубоссары. В составе этой «тревожной» группы под охраной казака Всекубанского казачьего войска М. Вараввы (он будет ранен в тот день) находился и тележурналист российского Центрального Телевидения. Под вечер второго марта, после тяжелого, почти четырёхчасового боя защитники Дубоссар выбили просочившиеся на окраины города подразделения полицейского спецназа – видимо, пришли отбить своих пленных и покарать непокорных «манкуртов». Бой был заснят на видео. Но в программе новостей российские телезрители об этом увидели лишь коротюсенький репортажик: так, мол, очередная свара в очередной «горячей точке».

Именно казаки и приднестровские гвардейцы сыграют решающую роль и в разрешении одного из самых позорнейших эпизодов в истории 14-й российской армии.

Второе марта. Лёд на реке по-прежнему крепок. Мороз отступать пока не собирался. Ветры носились по руслу табунами, как дикие мустанги. На Дубоссарском водохранилище для них такая воля предоставлялась, что сметали со льда всё до зеркального блеска. Можно было наблюдать, как рыба ходит. До самого дна просматривалось, особенно в ясные дни. Дядя Ваня, спустя годы, как-то спросил Алексея, что за погода тогда стояла? Не вспомнили. Был мороз, это да. Ветрище. А что на небе, никак не удалось по памяти воспроизвести. То ли хмурило с утра, то ли вперемежку с солнышком. Да и не до погоды им было. По городу, особенно в окраинных районах, шли перестрелки.

После убийства начальника Дубоссарской милиции майора Сипченко Молдова перестала стесняться. Да и не имело уже смысла маскироваться под порядочных. И так стало всё ясно. Быть войне. А наступать они начнут именно здесь, на Дубоссарском направлении. Разведанные подтверждали. Все правобережные сёла и санатории забиты молдавским войском, готовым напасть, раскроить республику на две части и потом без особого труда подмять эти половинки под себя.

За водохранилищем Днестр вдруг извивается ужом, захватывая петлёй несколько сёл, в том числе Кочиеры и Кошницу. Этаким мешок, стянутый бечевой. Солидных размеров выпячивание в молдавскую территорию. Как полип. Сколько крови здесь пролито во вторую мировую и вот теперь! Одни старались удержать плацдарм, другие пытались им овладеть. А ведь в Кичиерах стоял целый полк, на территории которого базировался ещё и отдельный армейский узел связи. Если бы со стороны армейцев было хотя бы шевеление какое-то, хоть один бы зубик показали супостату. Но как будто очумели командующие и их подчинённые, оглохли, ослепли, или может, на них напал понос на всех.

Командир полка зачем-то запретил выдавать на руки оружие дежурным сменам и внутреннему наряду. Караульные также вооружены были только штык-ножами. Якобы согласно приказу командарма и главнокомандующего Бориса Ельцина. Чтобы исключить завладение оружием неформальными военизированными формированиями ПМР. Отчего-то большое количество офицеров находилось в командировках, отпусках. Наиболее боеспособные подразделения за пределами военного городка. Их распихали за какими-то мелочными надобностями по колхозам, учебным центрам, да вообще куда угодно, лишь бы подальше. Офицеры между собой поговаривали, что командир давно пляшет под румынскую дудку, выполняя указания Народного Фронта, полицейского руководства и военного командования Молдовы. Очень уж ревностно исполнял приказ о нейтралитете российской армии товарищ подполковник Бацура. Предатель? Наверное, нет. Скорее, искренне поверил в то, что русские – это оккупанты, уничтожившие пасторальную родину, отнявшие иллюзию на европейский достаток и чуть было не лишившие радости капиталистического бытия и будущности в составе великой Румынии. А держава, которой присягал, уже была разбазарена бывшими коммунистами.

Конечно, спровоцировать российскую армию на ответные военные действия означало дать зелёный свет для вторжения румынских вооружённых сил на молдавскую территорию. Но не до такого же цинизма, чтобы втихаря сдать целый полк. В обеденное время, когда основной офицерский состав пребывал вне части. Верили офицеры своему командиру. Не смотря на то, что вокруг да около шныряли всевозможных мастей провокаторы. Сёла были обработаны народнофронтистами идеологически так, что только поднеси спичку, вспыхнут, как порох. Ко всему прочему и Кошницу и Кочиеры наштапиговали волонтерами и агитаторами с бандитскими рожами, которые вырисовывали перед селянами розовые полотна всеобщего изобилия в случае избавления от русскоязычного оккупантства, ставили конкретные цели и задачи. Вот вам войсковая часть, полк, в нём столько имущества и вооружения. Всё надо национализировать. Разграбить, то есть.

Разве об этом войсковая часть 65161 не знала? Бедна была «особистами», разведкой, информаторами? Знала! Всё знала. И, тем не менее, верили офицеры, прапорщики, солдаты своему военачальнику. Воспитаны были так. И не могли свыкнуться с мыслью, что Советского Союза больше нет, Родины, которой служили верой и правдой. Что можно и новому хозяину поклониться, оставив идеалы непобедимой и легендарной, в боях познавшей радость побед, на растерзание мелкопоместной шуввали.

После трёх часов дня по войсковой части 65161 был открыт огонь из пулемётов и автоматов. Националисты, используя удачный момент, переправились по льду водохранилища. Забор в нескольких местах лихо протаранили тракторами. Двести бойцов отряда «Фулжер» ворвались на территорию, имея целью захват вооружения и заложников. Вслед за ОПОНовцами на территорию части вошли около шестисот волонтеров-националистов и активистов Народного Фронта из местных жителей, а также «добровольцев», набранных в ИТУ¹ Молдовы «зэков», за ту «операцию» была обещана амнистия – это установлено. Взломали «оружейки», склады. Было захвачено большое количество автоматов, пистолетов, боевой техники, боеприпасов и спецсредств – срочно всё это вывозилось на ОПОНовском КамАЗе. Началось массовое разграбление имущества части, домов офицерского состава. Несколько военнослужащих, а также членов семей офицеров и прапорщиков были избиты, взяты в заложники.

Большая половина попросту разбежалась. Даже забыли про Знамя. Про Знамя!!! За эту полковую святыню в войну солдаты не щадили жизни своих. Полк разбит врызг, ни одного бойца в живых, но если сохранилось Знамя, войсковую часть формировали вновь. И наоборот, когда личный состав цел, боеспособен, а вот Знамя не уберегли, полк расформировывался. Ибо для русского солдата худшего позора, чем утерять полкового Знамени, нет.

¹ ИТУ – исправительно-трудовые учреждения, в простонародье – зоны.

Но Знамя войсковой части 65161 сберець всё же удалось. Это сделали жёны офицеров. Сами спрятались от обстрела в подвале штаба, а заодно и Знамя схоронили. Низкий поклон вам, сударыни. Оказались достойными священного звания: Жена Русского Офицера.

6

Приднестровцы в спокойствие давно не верили, их обманывали уже не раз. Готовили позиции, стаскивали железобетонные блоки на дороги, бросали ковши для розлива стали – своеобразные бронеколпаки – на обочины, обшивали металлическими щитами с бойницами инженерные машины, называя самодельные броневики «Аврора», «Кит», «Медведь». Надеялись успеть подготовить оборону на случай наступления с правого берега, в чём мало сомневались. Хотя приднестровские и молдавские политики постоянно вели переговоры, но все соглашения почему-то заканчивались ультиматумами и обострением обстановки.

Алексей, тогда ещё только капитан, со своими бойцами прибыл в Дубоссары вскоре после взятия полицейскими и волонтёрами войсковой части в Кочиерах. Он живо себе представил там происходящее. Растаскивают всё, что под силу вынести, громят склады, вскрывают комнаты для хранения оружия. Однако пикантность ситуации заключалась в том, что бандиты малость просчитались. Они забыли про армейский узел связи, который располагался на территории полка.

Когда началась пальба, работающие на узле связи люди, в том числе женщины-военнослужащие, очень быстро сообразили, что к чему и как надо поступать. Связисты – народ особый. А их там было ни много, ни мало, целый отдельный батальон. Правда, на ту пору от батальона осталась хорошо, если рота. Да и в роте насчитывалось всего-то шесть офицеров, десятков солдат и несколько связисток. Тем не менее, это были высокообразованные, великолепно подкованные в строевом отношении, приученные к беспрекословному исполнению требований воинской дисциплины и Присяги люди. Привыкшие к работе с секретными документами, в связи с чем неоднократно ранее проверенные соответствующими службами, особыми отделами. Короче, народ не простой. Вышколенный. В том числе и по вопросам, как действовать в случае нападения на узел.

Мгновенно были перекрыты входы-выходы. Подключены все средства инженерно-технического обеспечения охраны. В наиболее ослабленных местах периметр тщательно минировали. Стены зданий имели соответственно толщину вдвое, а то и втрое большую, чем в казарме. Не всякой пушкой пробьёшь.

Сотрудникам сразу же было выдано личное оружие, с которым все великолепно умели обращаться. Девушки в том числе. Дежурная радистка немедленно связалась с дежурным офицером четырнадцатой армии, сообщила о налёте. Был доклад командующему. Генерал Неткачев, не долго морща лоб, приказал не вмешиваться. Девчонка-радистка вначале подумала, что ослышалась. Просила подтвердить. Ей подтвердили. Она заплакала. Чувство обиды захлестнуло юную душу, перевернуло в какие-то доли секунды с ног на голову мировоззрение, в коем основной прерогативой присутствовало чувство долга перед Родиной, офицерская честь и верность Присяге. Человек, перед которым трепетали, как перед всевышним, их славный генерал, вдруг оказался предателем и трусом.

Она сквозь слёзы стала вызывать Дубоссары. И там услышали отчаянный призыв о помощи. В те смутные времена многие генералы подражали московским политикам, этим продажным марионеткам, которые дружно, в один голос приветствовали развал страны. Язык не поворачивается называть их русскими генералами. Дешёвое номенклатурное дрянцо. Но казаки и приднестровская гвардия безучастными не остались. Именно там, в Приднестровье, жило и боролось с врагом самое на ту пору русское. Доблесть и отвага, смелость в принятии решений, «ум, честь и совесть нашей эпохи», как на советских плакатах разъясняли про коммунистов. Что ж, некоторые и в самом деле были коммунистами. Только настоящими, такими, что в бой идут в первых рядах.

К военному городку подъехали часов – около шестнадцати. Имелось некоторое тактическое преимущество. Нападавшие пребывали в эйфории безнаказанного грабежа. Таскали и таскали. Всё, что под руку. Простыни, наволочки, одеяла, тумбочки. Кто-то вынес несколько солдатских кроватей из казармы, в хозяйстве всё сгодится. Тут же громоздились набитые под завязку баулы и мешки. Охапками, словно дрова, пёрли автоматы. Поэтому приднестровцев не сразу заметили.

Помимо казарменного, растаскивали имущество проживавших в городке семей, которые были согнаны в штаб полка, где содержались под дулами автоматов как заложники.

Алексей со своими людьми, гвардейцы разведвзвода дубоссарского батальона под командованием лейтенанта Гавриша и казаки следовали за российским прапорщиком, у которого в полку оставались подчинённые. Прапорщики всё знают, самые потайные лазейки. Этот вёл гвардейцев уверенно, даже слишком. Приходилось сдерживать, чтоб заранее не светиться. В пустынном малоприметном месте перемахнули через забор. Попали на небольшую аллею. И гуськом-гуськом по ней до одной из казарм, которую бандиты не успели ещё распотрошить.

Волонтёр, стоявший у входа, видимо, часовым, получил прикладом по лбу. Другого, что караулил у дверей Ленинской комнаты, просто связали, предварительно подсветив ему фиолетовыми полутонами фотокарточку. В просторном помещении, где замполитами обрабатывались мозговые ткани советских рекрутов, понуро сидели, размышляя о бренности жизни, около двадцати рядовых, прапорщик, майор-медик и несколько младших офицеров.

Вскрыли склад НЗ и «оружейку». Слава Богу, огнестрельного добра и к нему боеприпасов много. Просто завались. Эти трофеи, господа армейцы, извините, наши. Да и те, что сейчас растаскивают мерзавцы в фуфайках, волонтёры так называемые, тоже постараемся отбить. Помимо «калашей» в оружейной комнате нашли несколько десятков ручных гранатомётов, мин, а также пару ящиков с аппетитными «лимонками»¹.

Алексей и с ним двое гвардейцев совершили вылазку к штабу. Охрану сняли без шума. Заложников, это в основном были жёны, дети, вывели через тыльную дверь и вдоль забора незаметными вернулись в казарму. Решено было женщин с детьми укрыть в подвальном помещении, где имелась просторная комната, оборудованная под НЗ, в которой был и туалет, и умывальник.

Быстро распределились по этажам, заняли позиции у окон. Вход в казарму заминировали. Один из волонтёров всё же заметил в окне казака и принялся истошно верещать. Наконец орда всполошилась. Кинулись через плац взбесившимся табунком. Разве что искр из-под копыт не летело, асфальт был в снегу. На что, интересно, рассчитывали? Взять с ходу? За просто так? Совсем спятили от дармовой наживы.

– Воши! – презрительно прошепелявил дубоссарец, притаившийся рядом с Алексеем. Он прицелился и собрался нажать спусковой крючок. «Батя», так величали казаки своего атамана, опередил всех. Показалось, что его автомат не просто бьёт длинными очередями, а очень громко, просто нечеловечески громко, материт весь белый свет. Бойцы тут же присоединились. Поднялся грохот, от которого посыпалась штукатурка. ОПОНовцы вскоре опомнились, открыли ответную стрельбу. Потом волонтёры, благо оружия и патронов у них также было не занимать. Расстреливали казарму, будто поливали из пожарных брандспойтов.

Алексей крикнул дубоссарцу, чтоб не торчал на одном месте, маневрировал от одного окна к другому. Сам носился по этажу, как угорелый. То же вытворял и «батя». Дубоссарец больше прятался за выступы стены, палил реже, но непременно с попаданием, не забывая при этом громко вести своеобразный кинологический подсчёт:

– Есть, сука, один! Есть, сука, второй...

От выстрелов помещение густо заволакивало пороховым дымом, который, впрочем, не задерживался. Гулял сквозняк, ни одного ведь целого стекла не осталось. И стены посеколо, и потолки. Даже по лысине Михаилу Сергеевичу попало. Горбачёв, как и на всех своих официальных портретах, загадочно, с улыбкой Джоконды, строил глазки. Правда, на лысине не видно было фиолетового пятна. Художник по прихоти партийной цензуры лишил первого президента СССР репрезентативной подлинности. Зато её восстановили ОПНовцы. А может, волонтёрский автомат оказался более метким. На месте, где в жизни у Михаила Сергеевича это самое пятно располагается, отчего старушки возвеличили его Михаилом-меченным, зияло несколько пулевых отверстий. И тут же на холсте крупными буквами: «Перестройка для нашей страны и для всего мира!»

Алексей мельком взглянул и в сердцах сплюнул. Подумал, кто из них большая сволочь – те, что внизу атакуют, или же этот, с дырявой лысиной. Атака захлебнулась. Украдкой выглянул. Двадцать, не меньше, кто в фуфайках, кто в камуфляже, отчётливо были видны на снегу, не смотря на спускавшиеся с хмурого небосклона сумерки. Напряжение росло. Если станут бить гранатомётами, то... Впрочем, тогда уже и не будет никакого «то». Однако ни одного выстрела из гранатомёта не было произведено. В тех казармах, что захватили враги, не оказалось этого грозного оружия.

¹ «Лимонка» – жаргонное название осколочной гранаты Ф-1

– Ага, паскудники, – подал голос атаман, – окружают. Прямо как плесень грибковая. Ну-ну... Поглядим, чего оно им дасть. Денис, вроде телефон?

Действительно, из ротной канцелярии, словно благовест, раздалась трель. Потом ещё. Полицейские милостиво предложили сдать. Хотя бы российским военным покинуть часть. Даже обещали их вывезти. Какой-то старший лейтенант, Алексей потом не мог вспомнить имени, построил солдат, как положено, скомандовал: «Равняйся. Смирно!». Обратился с краткой речью, в двух словах охарактеризовав момент, и предложил:

– Кто желает покинуть полк, выходи из строя. Кто желает принять бой, остается со мной.

Дубоссарец тронул Алексея за руку:

– Видал? Наш парень. Интересно, кто выйдет? Шли бы все, пацаны ведь.

– А ты сам-то? Давно старый?

– Давно. Как наш пост на круговой развязке расстреляли. Фёдор...

– Алексей. Вот и познакомились. М-да... Смотри-ка шестеро вышли.

– Думаешь, выпустят?

– Выпустят. Не до такой же степени наглости дошли, чтобы армейцев гасить.

– Пёс их знает. Взяли же детей и беззащитных женщин в заложники.

Осталось восемнадцать солдат, два прапорщика и майор медицинской службы. Покинуло полк только шесть человек. После их ухода обстрелы казармы возобновились. Осаждённые метко отвечали. ОПОНовцы пытались прорваться к входным дверям. Тренированные, ничего не скажешь. И смельчаки среди них были отчаянные. Пришлось половине бойцов спуститься на первый этаж, отсекал самых нахальных, что лезли в оконные проёмы.

Постреляв напоследок с высоты длинными очередями, подался на низ, и «батьа» с рослым, жилистым Дениской. Вскоре этаж заполнился сочными междометиями, сдобренными оригинальными инвективами¹ донского посла.

Иногда стрельба прекращалась на некоторое время. В любой драке нужна передышка, пусть хоть малюсенькая. Хотя бы раненых перевязать.

– Э-э-эй, казачки! – Послышалось из-за плаца. – Не хотите сдаваться, не надо. Всё равно вам деваться некуда. Пустите до нас доктора. Знаем, что там он. Э-э-эй, товарищ майор! А, товарищ майор? У нас много раненых.

– Пойду я, – военврач подполз к Буракову. – Мой долг...

– Долг? Ну что ж, коли долг, то давай, – атаман с сомнением покачал головой. – Раненых у них действительно должно быть на целый санбат.

Майор-медик решительно поднялся, приблизился к проёму окна:

– Я начальник медицинской службы полка. Сколько раненых?

– Приходи, майор, сам увидишь, – в голосе, что отвечал, не чувствовалось ни сарказма, ни враждебности.

– Хорошо, а медикаменты есть?

– Индивидуальные аптечки только. Ну, и перевязочные пакеты.

– Выхожу. Не стреляйте.

– Мы-то не будем. Бандиты приднестровские не начали бы.

– Кончайте херево пороть, придурки! – рявкнул в сторону неприятеля «батьа». – А то будет вам и доктор, и кофе, и какава с чаем. У нас тоже раненые имеются.

Военврач копался с медицинской укладкой ещё несколько минут, пока обе стороны вели «переговоры на дружеских тонах». Потом встал и пошёл себе через окно. Дверь-то заминировали.

А ещё минут через десять опять стрельба, возобновились атаки. Обстановка продолжала накаляться. Закопчённые гильзы устлали казарменные полы сплошным приглушённо латунным буртом. Бойцы отгребали их сапогами, ругались. И стреляли, стреляли. Ротный боекомплект позволял не экономить.

Ведя огонь по вспышкам выстрелов в противоположных казармах, Алексей заметил, как сбоку метнулась группа ОПОНовцев. Или волонтёров. Сразу было не разобрать. Как раз к тем окнам, где никого не было.

– Фёдор! Прикрой окно. Есть граната? Да быстрее же!

¹ Инвектива – обличительная речь, брань

Дубоссарец опрометью кинулся к дальнему окну, на ходу вытаскивая из-за пазухи Ф-1. Несколько гвардейцев и казаков поползли туда же. «Батя», рискуя поймать свинец, высовывался и бил длинными очередями. Фёдор уже сдёрнул чеку, замахнулся. Всё происходило в доли секунды. Кто-то из нападавших, словно предугадав замысел гвардейца, дал длинную очередь в проём. Пуля раздробила гвардейцу предплечье, рука повисла. Хотел бросить гранату на пол за угол. Но там уже лежали и стреляли бойцы. Рядом стоял подскочивший на подмогу атаман. Фёдор поджал руку под себя, навалился телом...

В каптёрке нашли мешки. В один из мешков с почерневший лицом Дениска складывал фрагменты тела Феда. Другими мешками прикрыли забрызганные кровью подоконники и пол. «Батя» некоторое время стоял оглушённый, без всякого движения. Стрельба усилилась. Их опять атаквали. Казаки швыряли в проёмы гранаты. От дыма сделалось темно.

– Спас меня....

Услышав голос атамана, Денис обернулся:

– Чего, батя?

– Я бы... Я бы...

И вдруг сорвался с места и пропал куда-то. Но тут же вернулся, таща за шкуру волонтёра в фуфайке. Поставил на ноги, да как саданёт промеж глаз. Волонтёр схватился за голову, затрясся. Батя снова его за шкуру:

– А ну глянь сюда, пакоствник. Мешок видишь?

Дениска в этот миг бережно укладывал оторванную, изуродованную взрывом голову погибшего дубоссарца. Было заметно, как у волонтёра задёргалась нижняя губа.

– Видишь, мил человек?

– Д-д-да, вижу.

– Там лежит герой, понимаешь?

– Понимаю.

– А вот из тебя героя не будет уже, мил человек.

Дениска, увидев у «бати» каким-то образом оказавшийся в руке окровавленный мешок, может с подоконника сдёрнул, кинулся на перехват:

– «Батя», не надо, ты что! Зачем это ты?

– Уйди, не посмотрю, что ты мне друг, – глаза у Буракова налились кровью.

Казаки хорошо знали подобные симптомы. В такие минуты лучше близко не подходить. Мешков ещё много вон. Хватит на всех сердобольных.

7

Сумерки переросли в темень. Такую плотную по консистенции, что казалось, даже пули не пробьют. Ни огонька, ни вспышки. Никто не решался закурить. Ни с этой, ни с той стороны. Страшно. Темень и тишь. Послышались шаги, хруст битого стекла.

– Мужики, спокойно, это я, доктор. У нас раненые есть?

– Убитый имеется. Двое, один не наш. А раненых нет, – прошептал Денис. – А как там?

– У них похуже. Тяжёлых несколько. Объясняю, в больницу бы их. Боятся. Подождём, говорят, утра.

– А, понятно, – логически размыслил Алексей, – до утра, значит, нам передышка.

– Правильно морокуешь, гвардия, – отозвался, словно волкодав прорычал, Бураков. – Значится так, господа казаки-гвардейцы. По периметру выставить посты, лестничные проёмы до этажа тоже заминировать. Остальным закутаться в собственные кишки и спать. Как настроение, парни?

– Да так, ничего, батя...

– Доктор, спирт есть?

– Га-га-га...

В шесть утра гроыхнуло. Кто-то с перепугу да спросонья швырнул за окно гранату. Видать угодила, раздались душераздирающие крики. Потом гроыхнуло уже в казарме, стало расплзаться удушье. Люди принялись чихать, кашлять, сопливеть, не говоря о слёзах, что потекли градом.

– Атаман, это гранаты со слезоточивым, – пытался перекричать начавшуюся трескотню Алексей, – в роте должны быть противогазы.

– Есть! Есть противогазы, – радостно вопил из оружейной комнаты сообразительный Дениска, растирая лоб, которым приложился сослепу в сварную арматуру входной решётки.

Через несколько минут обороняющиеся превратились в «слоников». Противогаз от слезоточивого газа – защита надёжная. Нападавшие ошиблись в своих гениальных планах и расплатились ещё десятком трупов. Приднестровцы сдавать казарму не собирались. Расхищение имущества полка и мародёрство прекратилось, так как все подступы к складам и ДОС¹защитниками простреливались.

Одному из гвардейцев пуля угодила в ногу, ниже колена, изорвав икроножные мышцы. Врач наложил жгут, перевязал.

– В больницу бы его, – обратился он к атаману, – оперировать, иначе никак. Жгут долго держать невозможно. Снимать – кровью истечёт. Да и хирурги, если затянуть с этим делом, ногу не спасут. Что-то необходимо придумать.

– Та есть мысль. Говоришь, они тебе зелёный свет обещали? Ходи, мол, куда хочешь, лишь бы помощь оказывал?

– Ну, в принципе, да.

– Так вот, надо переодеть. Ну, хотя бы, вон, в того прапорщика. Они же не будут препятствовать вывозу российского раненого.

– Это идея. Схожу-ка, поговорю. Переодевайте.

Размахивая белым флагом, доктор перемахнул через подоконник и направился к полицейским. Минут через пятнадцать вернулся.

– Они как раз раненых отправляют. Берут и «прапорщика».

– Не говорили, куда?

– Не в Дубоссары, это точно. Между собой шушукались про Новые Анены.

– Ладно, не помирать же здесь. Когда наши подкрепление подкинут, точно неизвестно. Если вообще подкинут. Ну, шо там? – «Батя» повернул голову в сторону охов и вздохов. Процедура переодевания оказалась для бедолаги настоящим испытанием, ибо малейшее движение вызывало адскую боль. Под глазами тёмные круги, волосы взмокли от пота, лицо, как полотно, белое. – Слышь, «эскулап», у тебя точно спирта не осталось? Сил глядеть нету, как страдает.

– Ладно, найдём. У меня шприцы в спирте.

Он извлёк из врачебной сумки футляр-стерилизатор. Половину жидкого содержимого слил в мерный стаканчик. Сказал, чтоб принесли воды запить. Через пять минут раненый уже пытался шутить. Ему дали закурить. Решали, как быть с удостоверением личности. Прапорщик несколько отличался обликом. Если начнут сличать фотокарточку с оригиналом, могут заподозрить. Тогда точно вместо больницы на пилораму отправят. Решили слегка припачкать кровью. Вроде получилось правдоподобно. Ну и с Богом, подытожил атаман и обнял обоих: раненого и доктора.

Спустя месяц или где-то больше, Алексей с этим гвардейцем встретится в Дубоссарах. Действительно, их вывезли санитарной машиной в Новоаненскую больницу, в которой был развёрнут самый настоящий госпиталь. Раненых везли десятками, а в какие дни и сотнями. Хирургические отделения и морги работали с перегрузкой. Гвардейца прооперировали в тот же день. Хирург оказался весьма доброжелательным, внешне симпатичным, лет сорока. Аккуратные усы, военная причёска с короткой стрижкой и ровной окантовкой. Ногу штопал под местным наркозом. Всё шутил. Под конец наклонился к уху, прошептал:

– Что-то ты на русского прапорщика не очень похож. Смотри, в палате не болтай, там всяких разных наложили.

И ещё гвардеец рассказал, что к хирургу тому обращались «домнул колонел-локотенент²». Спустя несколько лет Алексей с этим подполковником встретится на Севере, в той же конторе, в какой служил сам. Они подружатся и о многом будут часами разговаривать, вспоминая. Потом оба станут полковниками, будут верой и правдой служить матушке России, воевать за неё на Северном Кавказе, рисковать, как положено, здоровьем, порой и жизнью во имя офицерского долга, а также неоднократно выручать друг друга в любой опасности или неприятности.

¹ ДОС – дом офицерского состава.

² «Господин подполковник» (молдавск.)

Видя своё поражение, противник предпринял информационную диверсию. После доклада командира БПСН¹ подполковника Гомурарь, из Кишинёва в Москву полетело срочное сообщение о том, что полк ГО захватили и разграбили гвардейцы. Это сообщение было растиражировано «независимыми» газетами и пущено в эфир – «демократическая общественность России» была просто возмущена «наглостью и коварством приднестровских сепаратистов»... Вот только после этого командарм Неткачев и проявил достойную императора Нерона активность – потребовал от командования республиканской гвардии прекратить бесчинства, вернуть похищенное оружие, военное имущество, и вывести свои подразделения с территории части!!! Командир разведвзвода после минутного душевного смятения пробубнил под нос: «Жлоб», и не без ехидства в голосе доложил, что не может, дабы отвести провокационное обвинение, выйти из городка из-за постоянных на него атак, что его бойцы блокированы ОПОНОм, и что в случае его прорыва через боевые заслоны «полицаяев» он точно уже не сможет обеспечить прикрытие семей военнослужащих, которые сейчас у него под защитой.

Прибывших на место «ЧП» для разбирательства начальника штаба 14-й армии генерал-майора В. Ситникова и двух полковников оперотдела хитроумный ОПОН встретил предупредительным огнём и продержал на земле под обстрелом почти полтора часа. Переговоры были сорваны. Ситуация позже вроде бы и прояснилась. Но Неткачев пообещал, что как только гвардейцы выйдут из городка, он тут же возьмёт воинскую часть под свой контроль.

Командование республиканской гвардии ПМР в этих условиях, видя бездействие и преступное равнодушие российского командарма, решило для оказания помощи окруженным гвардейцам срочно направить в Кочиеры подразделения 1-го батальона гвардии с задачей обеспечить их деблокирование, вывести из городка всех российских граждан. Около 14 часов третьего марта к полку ГО прорвались и казаки, прибывшие на двух автобусах. Поставленная задача была выполнена. Прикрывая собой, гвардейцы и казаки под огнём выводили женщин, детей, безоружных российских солдат и офицеров в безопасную зону. По уже уходящим автобусам с семьями военнослужащих благородные ОПОНовцы открыли огонь. Были ранены три женщины, одна маленькая девочка и корреспондент украинской газеты; одна из женщин вскоре вследствие полученных ранений скончалась. В ходе боя погибли командир 1-го батальона республиканской гвардии майор В. Воронков, прапорщик Л. Толстенко, сержант С. Титовский и рядовой С. Шинков, раненых – двенадцать. Увидев смерть командира, дубоссарские и тираспольские гвардейцы расвирепели, пришли в ярость и, не имея на то приказа, атаковали нацистов в Кочиерах, ворвались в село, расстреляли всех, кого нашли с оружием в руках. Сколько – никто не знает...

Когда к грабежу военного городка присоединились одуревшие от «халявы» и безнаказанности жители местного колхоза «Виктория», под руководством его председателя С. Попа, то не прошло и часа, как городок был опустошён напрочь. Утащили всё, вплоть до оконных рам.

Потом в полк на вертолёте прилетал заместитель командующего 14-й армией, и ему полицаи жали руку. Благодарили за подарок – сдачу полка. Почему одну пилюлю за другой проглатывали российские генералы? Недоставало им казацкого и приднестровского духа.

Захватив территорию военного городка, и село Кочиеры, вооружённые формирования Молдовы начали накапливать силы и при поддержке артиллерии, а также бронетранспортеров расширили плацдарм. Ими была налажена паромная переправа через Днестр у сёл Кочиеры и Новая Моловата. Кроме того, у села Голерканы могли напрямую спокойно переходить по льду замерзшего водохранилища. Чем однажды приднестровцы и воспользовались – договорились с энергетиками, часть воды из водохранилища была спущена, её уровень понизился, лёд треснул как раз в тот момент, когда по нему переходили ОПОНовцы, где-то около роты. В общем, все утонули.

Несмотря на свою мощь, далеко продвинуться «румыны» так и не смогли, чем обрекли левобережные села Кочиеры и Роги, покинутые жителями, на полное разрушение. Постоянно подпитываемый с правого берега техникой и «живой силой», Кочиерский плацдарм бельмом повис над Дубоссарами. Но здесь же военные и полицейские Молдовы, оторванные от своего берега, в безуспешных и до тупости отчаянных атаках, несли просто чудовищные потери!

¹ БПСН – батальон полиции специального назначения

Вообще-то, после кровопролитных весенних боёв ополченцам, казакам и, закалившейся в боях республиканской гвардии, не составило бы труда сбросить «румын» в Днестр и взять те села под свой контроль. Тем более после проведённой серии атак и перегруппировки подразделений, когда были заняты наиболее выгодные позиции таким образом, что «нависли» над противником и оказались хозяевами положения, особенно в районе Кочиер, и были заминированы подходы к позициям. Но выбрасывать «румын» с левого берега не стали, предпочитая «перемалывать» молдавскую армию и полицию частями, вынуждая направлять на те плацдармы все новое и новое «мясо».

Третьего марта 1992 года руководство ПМР объявило в регионе чрезвычайное положение. Каждое утро Приднестровье стало просыпаться под звуки песни «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой», которую передавали по республиканскому радио вместо гимна!

Взять Дубоссары сразу «в лоб» у «румын» не получилось, окружить, ударив севернее и южнее – тоже. Тогда на Голерканской горе, что напротив Дубоссар, была установлена артиллерия, она ударила по городским кварталам. Обстрелы левобережного стратегического шоссе также усилили, но они не дали желаемого результата. Война за эту дорогу, соединяющую Тирасполь с блокированными с двух сторон Дубоссарами, велась с начала весны. Артиллерия и снайперы с правого берега отстреливали на шоссе не только автомобили, но и отдельных пешеходов, велосипедистов.

Но Кишинёву этого было недостаточно. И тогда четырнадцатого марта на левый берег из Вадуллуй-Водэ, переправившись по Пытырскому мосту через Днестр, в район сёл Кошница, Пытыра и Дороцкое двинулись крупные силы ОПОНа Молдовы – свыше трёх тысяч бойцов. Малочисленные подразделения казаков и гвардейцев в ходе боя понесли потери и были оттеснены на восток, закрепились на рубеже, проходящему по шоссе Тирасполь-Рыбница. Сёла Кошница и Пырыта были захвачены ОПОНам. Само понятие «Кошница» с тех пор имеет для казаков особый смысл. Оно стало символом стойкости, отваги и славы казачьих подразделений.

Село Кошница расположено в середине длинного и узкого «полуострова» (или «языка»), омываемого излучиной Днестра. Ближе к основанию «языка» находятся сёла Дороцкое, Погребя, Держинское. Оборонять «язык» по всему периметру не было ни сил, ни средств. Кроме того, «язык» мог насквозь простреливаться со всех сторон правобережьем, что повлекло бы большие потери в случае сосредоточения там большого количества войск.

Вообще-то, приднестровское командование решило показать агрессору боевые возможности своих вооружённых формирований – что в любое время могут выбить ОПОНовцев из Кошницы, сбросить их в Днестр. Такой приказ поступил шестнадцатого марта. Задача была выполнена – ротой гвардейцев и двумя казачьими сотнями Кошница была отбита, но по известным уже причинам семнадцатого марта был отдан приказ оставить её. Казаки, не зная о планах командования, были очень недовольны, искренне жалели об уходе.

В сложившейся ситуации военное командование ПМР учло опыт боевых действий, проходивших здесь в 1941 году. Чтобы вновь не попасть в «кошницкий мешок», было принято решение закрепиться на рубеже «шоссе Тирасполь-Рыбница». Это предотвращало нанесение удара по Дубоссарам слева и Григориополю справа. Так на «Приднестровском фронте» появился ещё один Кошницкий плацдарм. Полиция и молдавская армия с особым упорством и ожесточением перешли к прямым непрекращающимся атакам южнее и севернее Дубоссар, во что бы то ни стало, пытаясь перерезать дорогу и сомкнуть кольцо вокруг города. Шли ожесточённые бои, потери приднестровцев росли с каждым днём. В те дни люди к ведению боя ещё не были достаточно подготовлены, у кого-то не было даже стрелкового оружия, не говоря уже о противотанковых средствах. О бронетехнике и не знали. Усугубляли ситуацию отсутствие средств связи, разнородность подразделений и неслаженность их действий.

Приднестровцы, тем не менее, упорно сражались. Жертвовали собой, совершали чудеса храбрости, стойкости, мужества. Побеждали. Зачастую одной силой духа. Если же удавалось вооружиться, как следует, гнали и преследовали врагов лихо, с помпой и шумом. Алексей постоянно навещал раненых, с каждым успевал побеседовать, вникнуть, так сказать, в суть их настроения, определить, что у кого на душе. Запомнился гвардеец, которому ампутировали голень. Невысокий крепыш, с усиками, кучерявый. По национальности молдаван-русский-украинец. Всех в родне набралось. Лежал он тогда не в

госпитале, а в какой-то больничке Тирасполя. Алексей ездил в столицу по неотложной надобности, до того неотложной, что сейчас и не вспомнить. В те дни все дела можно было считать неотложными.

Чем обратил на себя внимание раненый? Конечно же, не тем, что ампутирована голень. Мало ли таких насмотрелся. Нет. У гвардейца в лице светилось нечто доселе не встречавшееся, отчего Алексей уверовал не только в победу Приднестровья, а и в высший смысл вообще существования этого маленького государства. Кто-то, помнится, спрашивал:

– И как ты теперь? Без ноги-то. Что дала тебе эта война и эта твоя возможная победа? Не отрастёт ведь.

Молодой совсем. Лет в районе тридцати. Конечно, небезразлична ему была такая непоправимая потеря, кто поспорит. Но гвардеец не то, чтобы горевал, а наоборот, как-то, пусть даже не совсем уместно оно прозвучит, радовался, даже горд был. Посему и ответил с высоким в интонации голоса достоинством:

– Война есть война, что ж вы хотели.

Это его «что ж вы хотели» запомнилось особенно. Да, они такие, приднестровцы. Южные, горячие, негибачаемые, гордые, себялюбивые, вспыльчивые, драчливые, иногда даже хамоватые, но необыкновенно жизнерадостные и неподкупные в чувствах. А уж в любви-то... Отдельные романы и повести – любовь приднестровца.

Спустя годы, правительство ПМР не забудет своих защитников. Инвалидам войны предоставят квартиры, на одну из юбилейных дат каждый пострадавший от агрессии Молдовы в подарок получит автомобиль. Подрастёт новое поколение, в нравственном отношении заметно отличающееся. В лучшую, естественно, сторону. Ибо приднестровские дети растут и развиваются в условиях иной энергетики, освящённой историческим подвигом отцов, матерей, дедов. Подвигом и достоинством победителей.

10

«Нужно больше расстреливать. При самом незначительном сопротивлении со стороны населения – расстреливать на месте. Фамилии казнённых обязательно публиковать. Пусть все знают, что мы играем всерьёз и по-крупному. Население Бессарабии нужно подвергнуть тщательной проверке. Подозрительных и тех, которые выступают против нас, нужно уничтожить... Ни один еврей не должен оставаться в сёлах и городах, их следует интернировать в лагеря... Особо опасных – расстреливать... Превыше всего – интересы румынского государства! И эти интересы требуют выкачивать из Транснистрии как можно больше для покрытия экономических нужд войны и, особенно для проведения будущих операций, чтобы мы могли прокормиться за её счёт!» (*Маршал Антонеску. Центральный Архив Республики Молдова*).

Поэтесса Леонида Лари, она же Любовь Йорга, в 1989 году тоже стала народным депутатом СССР. Во время предвыборной кампании провозгласила: «Пусть у меня будут руки по локти в крови, но я вышвырну оккупантов, пришельцев и манкуртов за Днестр из Транснистрии. И вы – румыны – настоящие хозяева этой многострадальной земли, получите их дома, их квартиры вместе с их мебелью. Мы их заставим говорить по-румынски, уважать наш язык, нашу культуру». Именно с этой программой она пришла в Верховный Совет.

Писатель Бершин описывает одно реальное событие – событие откровенно шизофреническое, словно вынырнувшее из оккультных времён средневековой Германии: «Перед памятником совершается обряд бракосочетания. Им руководил православный священник. Уже не совсем юная невеста красовалась в роскошном белом платье под фатой. Рукава некоторых из окружавших её людей были украшены расшитыми национальным орнаментом полотенцами. И только жених не был ничем украшен. Он стоял с сумрачным и неприступным видом, видимо не до конца понимая, что происходит.

А происходило вот что. Молдавская поэтесса Леонида Лари, заявив, что возрождение нации дороже собственных детей, развелась со своим русским мужем, с которым нажила двоих ребятшек, и решила выйти замуж за памятник Стефану Великому. Толпа всё воспринимала всерьёз. Священник (как позже выяснилось, это был не просто священник, а ещё и депутат Верховного Совета СССР по фамилии Бубуруз) постучал обручальным кольцом по постаменту, затем надел это кольцо на палец Леониде и объявил «молодых» мужем и женой. Толпа радостно приветствовала новую семью. Оркестр исполнил свадебную молдавскую мелодию. Я не выдержал и засмеялся. И в ту же секунду ощутил страшный удар в лицо. Даже не успел сообразить, кто его нанёс. В глазах потемнело»...

«Те, кому не дано было свидетельствовать, свидетельствовали. Те, кому Господь не дал таланта, равного таланту Гёте или Толстого, сами назначали себя гениями. А тот, кто попытался усомниться в их гениальности, стал врагом. Народный Фронт, скроенный по образу и подобию КПСС, исповедующий животный национализм, возглавили, как это ни печально, писатели и журналисты – И. Хадырке, Г. Виеру, Д. Матковский, А. Цуркану, В. Нэстраре, Л. Лари. Участвовал в пропагандистских акциях, к моему великому сожалению, и Ион Друцэ.

И это они, писатели, придумали и напечатали в газете «Цара» «Десять заповедей бессарабского румына», словно переписав у идеологов фашистской Германии. В этих заповедях проповедь национальной исключительности приобретает уже гротескные формы. Одна из самых забавных гласит: «Не торопись связывать свою судьбу с человеком другой нации. Скрещивание улучшает лишь породу животных. А людскому роду вред наносит».

«Многолетняя политика искусственного выращивания национальных литератур наконец-то дала плоды. Те, кому внушили, что они должны писать, написали. Стихи и проза большинству из них не принесли всемирной славы. А ведь так хотелось. Впрочем, хотелось, видимо, не изнурительного литературного труда. Хотелось стать глашатаями народной воли. А слово здесь, конечно же, лучший помощник».

«Вот, скажем, актер Михай Волонтир, звезда маскульта советских времён – фильма «Цыган», особенно любимого советскими женщинами-мещанками. В молдавском парламенте с буквально перекошенным от злобы лицом он не мог говорить ни о чём, кроме «проклятых русских оккупантов». Провинциальные приднестровцы смотрели на него во все глаза, не позволяя себе поверить, что их кумир – их враг.

Упорное замалчивание российской «демократической прессой» и российскими официальными СМИ событий в Молдавии очень помогло, как выяснилось, этому фашиствовавшему актёру: поразившему в своё время приднестровских депутатов гневными речами о русских оккупантах. Михай Волонтир по-прежнему живёт в Бельцах. Фильм «Цыган» продолжают показывать по российским телеканалам, и... улыбка Волонтира всё так же чарует россиян. Совсем недавно актер серьёзно заболел, ему нужна была срочная операция. Но, конечно же, не было денег. И вся Россия – не Молдавия и не Румыния – вся Россия собирала деньги на операцию любимому актеру. И собрала. И операцию сделали в Петербурге».

Евгений Дога, известный в России молдавский композитор¹, писал: «Интернационалисты, приехавшие сюда, сами не зная откуда, пытаются разлучить нас с родителями, сёстрами и братьями, с могилами наших предков... А кто же они, эти иваны, не помнящие родства, так называемые русскоязычные? Единственное, что у них осталось – это исковерканный язык... Вы же, лидеры Приднестровья, занявшие руководящие посты путём лжи и обмана, с помощью угроз в адрес честных людей... что вы защищаете, чего вам не хватает, что вы ещё хотите от нашего бедного крестьянина... Вы вошли в построенные им дома... Сегодня вы лишаете его света, угля, пенсии, если он не согласен быть предателем своего народа и поднять руку на так называемую приднестровскую (именно с маленькой буквы) республику, созданную по вашим неосталинистским воле и желанию...»

«Мирча Друк, Леонида Лари, Григоре Виеру и Ион Косташ² нашли пристанище в Румынии. По крайней мере, в Молдавии их не видят. Не приезжают. Может быть, боятся, что кто-то призовет их к ответственности. Хотя зря боятся. Народу не до них. Молдавский народ слоняется по миру в поисках заработка, потому что в самой Молдавии всё разрушено, западные кредиты проедены и разворованы, долгов – два миллиарда долларов, и что делать дальше – никто не знает... Композитор Евгений Дога больше никаких обращений не пишет. Иногда сочиняет музыку и жалуется на жизнь. Ион Друцэ тоже живёт негромко. Время от времени в московских журналах появляется его новая проза, написанная в Москве на Ломоносовском проспекте, где он живёт уже много лет. Сюда же вернулся и Эмиль Лотяну³. Узнав несколько лет назад, что киностудия «Молдова-фильм» превращена в мастерскую по изготовлению гробов и памятников, он покинул Кишинёв, патетически воскликнув: «Здесь ещё долго не будет расти трава!»

¹ Евгений Дмитриевич Дога, автор музыки открытия и закрытия олимпиады 1980 года в Москве, к фильмам «Мария Мирабелла», «Мой ласковый и нежный зверь», «Табор уходит в небо» и др.

² Ион Косташ – в 1992 году министр обороны Молдовы.

³ Эмиль Владимирович Лотяну – молдавский советский режиссёр. Фильмы: «Анна Павлова», «Мой ласковый и нежный зверь», «Табор уходит в небо».

Бершин напишет своему другу в Германию:

«Я вот теперь приезжаю в родную редакцию «Литературной газеты» прямо из приднестровских окопов и стараюсь честно писать то, что увидел. И что ты думаешь? Люди, которые не покидали своих кабинетов, лучше знают, как там, на фронте обстоят дела. И рассказывают мне, как надо правильно писать. Если я не соглашаюсь, они для меня находят интересные мифологические прозвища. Спервоначально, честно тебе, Мартин, скажу – обижался. Горячился. Никак не мог понять, почему мои коллеги считают недавнего первого секретаря ЦК Компартии Молдавии Мирчу Снегура демократом, а недавнего директора завода, исключённого тем же Снегуром из партии Игоря Смирнова¹ – отъявленным коммунистом. Я не мог понять, почему Народный Фронт Молдавии, переписавший свою программу у Антонеску и Геббельса, они считают демократическим, а рабочих, не пожелавших по этой программе жить – сплошь коммунистами. Не мог понять. И был не прав.

Действительно, чего уж тут непонятного. Иуды пайку отработывали. Им поступило «сверху» указание: придумать объяснение, как и почему воровать и приватизировать – хорошо и экономически целесообразно. А всё, что воплощению в жизнь этого указания мешало, надо было либо оплевать, либо замолчать. Поэтому, естественно, коллективное письмо столичных журналистов, находившихся в Приднестровье, о том, что же на самом деле в Молдавии и Приднестровье происходит – письмо, сочиненное украинцем, армянином, азербайджанцем, поляком, евреем и двумя русскими, форменный Интернационал! – не было напечатано ни одной московской газетой – включая «Литературку», «Московский комсомолец», «Московские новости» и «Собеседник», чьи корреспонденты подписались под этим письмом.

Зато вовсю публиковались в «демократических СМИ» профашистские измышления тех журналистов, кто приезжали с готовыми формулами в голове. Они и на передовой-то не появлялись. Писали, не выходя из Тираспольской гостиницы. Формулы противостояния, по их мнению, были простыми. С одной стороны (молдавской) – сплошь демократы, с другой – сплошь коммунисты. С одной стороны – борцы за свободу, с другой – страшные щупальца империи. Доходило до смешного. К одному из лидеров Дубоссарской обороны, отвечавшему за информацию и работу с прессой, Виктору Дюкареву приходили журналисты и первым делом строго спрашивали, почему он до сих пор не вышел из КПСС. Им и в голову не приходило, что он в ней никогда не состоял. Но почему в тот момент их интересовало именно это? Не безвинно убитые люди, не разрушенные дома, не снаряды, упавшие на детские сады и школы? А на страницах издававшейся тогда на деньги ЦРУ парижской «Русской мысли», которая каким-то чудом попала в приднестровские окопы, я прочёл уж совсем уникальную статью о приднестровской войне: известный историк Александр Некрич освещал её, не выезжая из Бостона. Разумеется, всё по той же схеме».

«У наших интеллектуалов теперь новое развлечение. Во всех газетах и журналах спорят о том, выпали ли мы из цивилизации, а если выпали, то куда и как надолго. Все сходятся на том, что всё-таки выпали, и надо туда вернуться. Скажу честно, ничего в этих спорах не понимаю. Я не понимаю, куда и откуда выпал.

Моя цивилизация – это Пушкин и Мандельштам, Блок и Ахматова. Моя цивилизация – Чехов и Толстой, Левитан и Шагал. Моя цивилизация – это добро и зло нараспашку, слитые воедино, как и быть должно. Это щемящая музыка – от молдавской и еврейской до грузинской и русской. Это февральский снег. Это побагровевшая на свежих утренниках рябина. Это Невский проспект и Арбат, Дерибасовская и Тираспольские набережные. Это Волга и Днестр. И я из этой цивилизации никуда не выпадал. А современные телефоны, автомобили, отели, биржи, унитазы – это не цивилизация. Современное оружие – с лазерным наведением, сплошь компьютерное – не цивилизация. Видели бы вы, как «цивилизованно» оно стирает с лица земли целые города. Это не цивилизация. Это – безумие.

Наш мир, Мартин, стал циничным до неприличия. Ну, о каких правах человека вы там рассуждаете? О каком гуманизме? Поздно говорить о правах человека, когда человека уже убили. Его нет, понимаете? Нет *Homosapiens*. Есть Человек воюющий. А у войны другая этика, другая мораль, другие законы. Война живёт инстинктами. А инстинкт повелевает стрелять первым, потому что хочется выжить. Надо выжить.

¹ Смирнов Игорь Николаевич – первый президент Приднестровской Молдавской Республики с 2 сентября 1990 года по 30 декабря 2011 года.

Воевать милосердно в наше время нельзя. Война – это массовое преступление, перешагивание через запреты, в результате чего погибают все – победители и побеждённые, живые и мертвые... мир вроде бы не воюющий и мир воюющий живут по одним и тем же законам. Война – сконцентрированное выражение мира, его правил и его инстинктов. Война, Мартин, даже чище, потому что все человеческие пороки и достоинства в ней обнажены, неприкрыты. Мир невоюющий точно так же убивает, но только другими средствами. Мир невоюющий прикрывает свои убийства им самим выдуманной моралью и пропагандой. Мир невоюющий постоянно находится в состоянии войны, потому что им... правит беспринципная выгода и основанная на ней политика. Поэтому мир невоюющий беспрестанно подталкивает к кровопролитию невинных и неразумных сих.

Вывод прост... Все мы живём уже в постчеловеческую эру».

11

Алексей, когда отъехали от круга и свернули на объездную, затих. Молчал и дядя Ваня. Проезжали места боёв, земля словно ждала их, дышала по-особенному. Это чувствовалось. Дубоссары остались позади. Через пару километров Иван свернул на обочину.

– Пройдёмся? Смотри, орехи уже сформировались. Надо будет съездить, набрать. Ленка к твоему отъезду варенье сварит.

– Из орехов?

– Впервые что ли слышишь? Всю жизнь варим.

– Ну и как, вкусное?

– На любителя. Едим с удовольствием.

– Обязательно съездим, помогу, как смогу. Самому интересно.

– Лёш, смотри-смотри... Окопчик! Да вон, под орешинами. Зарос-то как, не виден почти.

– Дубоссарцы стояли? Или наши... А вон ещё, и ещё, – Алексей чуть ли не бегом двинулся вдоль придорожной ореховой посадки. – Вань, «эскарп»¹ вроде.

– Точно. Танк был врыт. Да, это наши тут оборону держали.

– Откуда танк-то взялся?

– Э... Почём я знаю? Где-то здесь Витьку Черницина снайперской пулей убило. Говорили же, не высовывайся...

– Тогда ведь этого снайпера, насколько помню, и накрыли?

– Не снайпера, снайпершу. С напарником в пшеничном поле замаскированная колосьями залегла, кобра гадючья, жертву выслеживала. Командир, когда у Витьки мозги по стенкам окопа разлетелись, затрясся, приказал всеми имеющимися огневыми средствами ту пшеницу прополоть. Угадал-таки...

– Сами едва под арналёт не попали. Как зайцы, улепётывали. К ним накануне вечером молдавничик приходил с той стороны, вина канистру принёс. Напустил елею, собака. Чего мы тут делим, ребята, мы же братья, давайте прекращать эту бессмысленную бойню, сирот и вдов плодить. Бла-бла-бла... На следующий только день дошло: арткорректировщик то был, ориентиры запоминал. Наши за чистую монету приняли, расслабились.

– Чего уж говорить-то. Хлопали ушами, было такое. Ты вспомни, как они во время объявленного перемирия администрацию обстреляли...

Это было шестого июля. Дежуривший в тот день по горисполкому Борис Иванович Марченко, генеральный директор Рыбницкого цементно-шиферного комбината, выслушав сообщение по телефону, трясущимися руками долго будет пытаться налить стакан воды. Потом сделает короткую запись в журнале, в половине шестого вечера. Беда, как известно, не ходит одна. В половине двенадцатого он в том же журнале запишет ещё одно сообщение, об обстреле реактивной артиллерией мирного села Цыбулёвка. Много убитых, раненых из числа гражданского населения. То отдельная повесть. В краеведческом музее Рыбницы собраны экспонаты, от которых волосы дыбом встают. Годами из памяти увиденное не уходит... Установками залпового огня по женщинам и детям... Весёлый, песенный народ... Откуда же такая варварская кровожадность?

¹ В действительности эскарп представляет собой противотанковое земляное или инженерное сооружение. Приднестровцы применяли этот термин жаргонно для специального окопа под танк, БМП или БТР.

Шестого июля в 1992 года в здании Дубоссарского горсовета собрались на совещание руководители городских предприятий. Настроение было приподнятое, потому что накануне заключили соглашение об очередном прекращении огня. Опять поверили. И стали обсуждать вопросы восстановления городской экономики и коммунального хозяйства. Обсудили. Двинулись к выходу. Когда всей группой вышли на крыльцо, в него угодил снаряд. Мёртвых руководителей по частям раскидало по земле, по деревьям и кустарникам. Восемь человек. Или всего восемь. У войны своя арифметика. Потом собирали по частям директора завода по ремонту и обслуживанию техники Степана Покоило, начальника стройорганизации МСО-2 Вячеслава Додула, председателя райпотребсоюза Наталью Луполову, директора агротранса Геннадия Кузнецова, начальника коммунального хозяйства ПУЖХ Рафаэла Гареева, директора райзаготконторы Василия Радовского, директора горторга Илью Гуриценко и директора хлебозавода Галину Марченко. Собрали и похоронили. Вместе с планами экономического возрождения Дубоссар.

Всего лишь одним гаубичным снарядом обезглавить городское руководство! Заслуженных, опытейших, не один год положивших на общее дело людей. Великолепно сработала вражья разведка, блестяще провёл корректировку стрельбы один из лазутчиков. А разве трудно? Никто никого не хватал. В застенки не упрятывал. Не смотря на военное положение. Какой-то особой охраны у горсовета не было. Подходи, пожалуйста, корректируй. Хочешь, миномётом, хочешь гаубицей миллиметров этак сто двадцать два, чтоб сразу, одним махом. Что и сделали. Под прикрытием соглашения о прекращении огня.

И это после трагедии, случившейся девятнадцатого июня и повергшей в шок не только Приднестровье. По отработанной схеме, под прикрытием «Соглашения о прекращении огня и разведении сторон». Пока наши добросовестно оголяли участки соприкосновения, вводили из городских кварталов батальоны гвардии и ополчения, молдавские военные концентрировались на подходах к городу, особенно в Гербовицком лесу. Интересно, что многие молдаване с семьями за день до вторжения покинули дома и смылись.

Бронетехника ворвалась в Бендеры практически безнаказанно. Боевые формирования, как обычно, состояли из всякого сброда, в том числе уголовников, асоциальных элементов, решившихся на участие в войсковой операции с целью обогащения, то есть грабить. В подбитых бэтээрах гвардейцы обнаруживали похищенную со складов продукцию трикотажной и обувной фабрик, имущество из разграбленных домов.

Стреляли во всё, что имело признаки жизни. Даже в кошек и собак. Не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей. Это была циничная месть Снегура и Косташа за мартовские сумасшедшие потери под Дубоссарами. Девятнадцатого июня в школах проводились выпускные вечера. В одну из школ ворвались вооружённые косташевцы с перекошенными лицами и по всему уже вкусившие безвинной крови. Убили всех, учителей, мальчишек, пытавшихся защищать одноклассниц, которых тут же хладнокровно изнасиловали, после чего без малейшей жалости перестреляли. На городской площади молдавский «бэтээр» открыл огонь по пришедшим сюда для празднования выпускникам. Из крупнокалиберного пулемёта. Белые платья в вечерней полумгле смотрелись, как разбросанные хризантемы. Тут же лежали родители, в лужах крови отблёскивали огни выстрелов и первые звёзды подходившей с востока июньской ночи.

Гвардия и ополчение вернулись на позиции в общем-то оперативно. И дрались так, словно смерть была не про них. У кого кончались патроны, кидались в рукопашную, рвали нелюдей зубами, кололи штыками, душили руками. Утолить гнев не удавалось. В ходе Бендерского сражения напавшие были практически уничтожены. Отловили всевозможных снайперов и диверсантов, с которыми очень-то не церемонились. И всё равно чувство ненависти не уходило. Многие бойцы устраивали вылазки в тыл к молдаванам, в плен естественно не брали, уничтожали на месте. Зверели и молдаване. Смерть хозяйничала в городе Бендеры. Стояла страшная жара. Не убранные трупы представляли эпидемическую угрозу. Председатель горисполкома Когут распорядился хоронить погибших на месте, в скверах, на клумбах, там, где можно было вырыть могилу. Город превращался в огромное кладбище.

Обнаглевшие вояки с правого берега пытались использовать даже авиацию, двумя МИГами вместо моста на Тирасполь разбомбили несчастные Парканы. Мирное село. Румынские лётчики позорно скрылись.

Участились провокации против четырнадцатой армии, даже обстрелы мест её дислокации начались. Но армии было запрещено отвечать и вмешиваться. Пока не появился в Бендерах некий полков-

ник Гусев, принявший на себя командование и умелыми решительными действиями растащил-таки дерущихся по заранее оговоренным позициям. А между ними разместил миротворцев. В основном это были российские военные. Для протокола, конечно, запустили украинцев и представителей самой Молдовы. Убийство людей на берегах Днестра таким образом Лебедь, наш полковник Гусев, прекратил. Русский генерал с такой красивой фамилией стал национальным героем Приднестровья. Ему памятник поставили, у мемориального комплекса, что в честь погибших бендерчан. «Вы пали в боях, но вы не забыты. Вас помнят не только гранитные плиты».

12

Искрящийся в лучах Днестр наконец-то вынырнул из густых зелёных зарослей далеко внизу, где располагался микрорайон металлургов, вытянувшийся многоэтажными красавцами домами вдоль улицы Вальченко. Проскочили величественное, выполненное из нержавеющей стали, название РЫБНИЦА, огромные с метр высотой буквы на железобетонном основании в виде расправившей крылья птицы. Раньше, чтобы спуститься в долину, требовалось проехать на тормозах по узкой бетонке между изгородей частных подворий. Утомительное и опасное занятие. Теперь в город вела другая трасса, по новому мосту, который начали строить ещё в советские времена, война перечеркнула все планы. И храм возвели уже после. Так ведь и стоял в виде металлического остова, поржавевшего с годами. Сейчас это великолепный собор с позолоченными сверкающими как днём, так и ночью куполами, красота, блеск и гордость рыбничан. Стоит, между прочим, в соседстве с католическим собором. Тоже красивым. Никого это не раздражает.

– Лёш, признайся, соскучился?

– Что ты спрашиваешь...

– Да вижу. Сейчас расплачешься.

– А я не стесняюсь. Могу пустить слезу, еле сдерживаю, между прочим.

– Сейчас по паре стаканчиков вина пропустим, успокоишься. Мне самому твоё волнение передавалось, аж в глазах защипало. Лена такие мититеи приготовила, м-м-м... Голубцы, вертуты, плаинды и всякого другого.

– Притормози у базарчика, цветов куплю.

– Да ладно, не надо...

– Не будем тратить слов понапрасну, товарищ. Исполняйте, коль полковник приказывает.

– Слушаюсь, командир. А ничего, что с Вами замминистра разговаривает?

– Как? Вас ещё не посадили?

– Типун тебе на язык, полковник. На большую мозоль...

– Расскажешь?

– Как-нибудь, так и быть, только бы не позабыть... Вон цветочницы сидят, выбирай, что приглянулось. Розы, калы, хризантемы, гладиолусы, астры, чего только нет. Выбор царский. Были б гроши, я купил ещё б калоши...

– Лена, помнится, розы любит.

Парой стаканов, естественно, не обошлось. Набежало полон дом гостей, родня и близкие, хорошие старые знакомые. За полночь сидели, и ничуть не опьянели. Обнимались, целовались, без умолку болтали.

В восемь утра Елена разбудила, сообщив, что дядя Ваня пару часов назад укатил в Тирасполь, его неожиданно вызвало руководство.

– Почему печаль в голосе? – Алексей расставался со сном неохотно, успел заметить, что жена Ивана расстроена.

– Не нравится мне этот вызов. Иван даже завтрак не стал.

– Что там у него случилось? Вчера намекнул, но...

– Кто-то подсиживает. Анонимки руководству приходят с грязными обвинениями. Наверно, должность для кого-то хотят освободить. Я ему не раз говорила: уходи из министерства, добром не кончится. Ваня-то мой, человек простой, без хитростей, привык, чтоб всё по справедливости, по букве закона.

– Теперь понимаю, солнышко. Там все люди братья, но не все по разуму. Ваниных лучших душевных качеств оказалось недостаточно? Правительство как-никак. Жрецы, тайные скривали... Высшее

руководство в условиях блокады вынуждено крутиться. Ситуация такова, что от чиновников требуются хитрость, изворотливость, даже подлость, приходится поступаться принципами. Чтобы выжить, предугадать замыслы врагов, которых, я думаю, отнюдь не убавилось. За независимость надо платить. Слава Богу, не кровью, как в девяностых. А какой дядя Ваня интриган? Да и дипломат из него слабенький.

– Вот, Алёшенька, то же самое ему твержу. Боюсь за него.

– Даже так? Нет, я думаю, до этого не дойдёт. Времена не те.

– Так считаешь? Разве времена не одинаковые всегда?

– Пожалуй, ты права. Но не арестуют же. Или был повод?

– На этой должности, Алёша, все нюансы трудно предугадать. Там такие матёрые служат, о-о-о...

Ты бы поговорил. Он твоим мнением очень дорожит.

– Обязательно. Когда вернётся, не сказал?

– Сам не знает, – Лена наморщила лобик, вздохнула, потом улыбнулась. – Пойдём, чаем напою. Кушать будешь?

– О, нет-нет. После вчерашнего застолья неделю, наверно, есть не захочу. Но от чая не откажусь.

Ты работаешь сегодня?

– Да, мне, если честно, уже пора.

– Тогда я быстренько. Провожу? Ты всё там же, в газовой конторе? Потом по городу погуляю.

Божественное по красоте утро стояло. Жара ещё не наступила, с Днестра веяло свежестью. Повсюду что-то душистое цвело, Алексею голову кружило от запахов. Но не только от них. Молодые рыбничанки, кто в коротеньких платицах, кто в брюках или джинсах, красивые, стройные – просто сводили с ума. Даже неудобно как-то делалось, нельзя же так таращиться откровенно. Лена только посмеивалась.

Вдруг послушался гул мотора и характерный звук рассекающих воздух лопастей. Над рекой вспорхнула белая птичка, у которой грузоподъёмность была, насколько Алексей помнил из армейской жизни, тонн сорок или больше. Ничего себе, это же МИ-26! Откуда здесь?

– Иван не рассказывал? – Лена рассмеялась на столь искреннее удивление. – «Канатку» демонтируют. МЧС России уже не первую неделю трудится.

– Это какую «канатку»; ту подвесную дорогу, по которой щебёнку из Резины на цемзавод вагонетками таскали?

– Ну да.

– Колоссально! Так я туда побегу. Такое не каждый день увидишь. Эх, фотоаппарат не взял. На телефон попробую снять.

– Ближко не подпустят, Алёша. Всё оцеплено. Как у нас, так и на том берегу. Молдавская сторона упёрлась, ни в какую не разрешила базироваться в Рыбнице. Вертолёт в Кишинёве паркуется. Заправляется там же.

– Помню, каждый раз, когда под этой «канаткой» проезжал, всё ждал, что каменюка какая-нибудь в лобовое постучится. Хоть там и сетка металлическая.

– Я слышала, сегодня её будут уже взрывать. До этого «болгарками» спиливали, там, где частный сектор. Парни из МЧС осторожно работают. Жители не могут нарадоваться. Говорят, давно таких аккуратных и мужественных ребят не встречали. Помогают им, компотами угощают, соками. Вино, конечно, россияне отказываются брать. Железная дисциплина.

– Интересно, как решились вообще такое допустить?

– Молдавия? Дело в том, что дорога опасной стала, как у них, так и у нас. Давно стоит, железо стареет, ржавеет. Кроме того, объявились любители металллома, с риском для жизни распиливают, тащат в пункты приёма, отчего опасность ещё больше. Было совещание в Кишинёве. Наше представительство, МЧС России. Конструктивно работали. Всегда бы так. Между прочим, сегодня телевидение снимать будет взрывные работы. Тебе лучше пробраться к холму со смотровой площадкой, что недалеко от завода.

– Знаю, где это. Спасибо тебе, Ленуца, за информацию. Однако, мы пришли? Ну что, до вечера?

– Обедать жду. В час дня.

– Не беспокойтесь, хозяйюшка, голодным не останусь. Наверно, не получится к часу-то. Вечером покушаем, все вместе. Надеюсь, Иван невредимым вернётся?

По всей дороге в сторону цемзавода шлёндрали уймы народу. Перед самой «канаткой» оцепление. Алексей подошёл к стоявшему в тени орешины капитану милиции. Поздоровался, показал удо-

стоверение. Разговорились. Капитан поведал подробности. Действительно, на сегодня планировали взорвать тросы у одной из опор на нашей стороне, а позже саму сеть над рекой. Причём замысловато, сразу в нескольких местах, чтоб упала в Днестр пятью или шестью фрагментами. Так их будет легко извлечь. Во время разговора милиционер окликнул проходящую мимо них пожилую женщину:

– Тётъ Рай! Можно тебя?

– А-а-а, здравствуй Егорушка, – она протянула руку, поздоровалась с капитаном, взглянула мельком на Алексея, улыбнулась, будто знакомым ей показался. – Помню этого молодца, в гвардии нашей служил. Верно? У меня сынок с тобой воевал вместе. Майор! А ты тогда ещё капитаном был, верно?

– Тётя Рая, – Алексей растрогался до волнения души, – а кто, кто Ваш-то?

– Этот, как ты говоришь, молодец уже полковник, тётъ Рай, – рассмеялся милиционер, – вот приехал погостить, родные места тянут.

– Начальником штаба в батальоне служил сынок мой. У Павла Степановича.

– Как у него со здоровьем, помнится, туберкулёзом переболел?

– Война закончилась, болезни ушли. В Москве сейчас живёт, бизнесом занимается. К себе зовёт, но куда мне. Здесь моё место, родилась и помирать тут буду. Рыбницу никакая Москва не заменит. Да и возраст не тот.

– Расскажи-ка про вагонетку.

– Про вагонетку? Хорошо, меня дома не было. Прямо в огород прилетела, окаянная. Весь урожай погубила. Это что, соседу вообще гружёную нечистый послал. Приходит с работы, а в крыше дыра, заходит в кухню, там она и стоит, с щебёнкой. А сколько машин покалечило камнями. Сетка-то худая совсем. Молодцы россияне, избавят, наконец, от напасти. А то уж и не знали, как дальше быть. Все уговаривают съезжать, пока целы. А куда? Пойдёмте, хлопчики, компотиком кизилковым угошу.

– А что, полковник, пойдём. До взрыва ещё часа три. Через час эвакуировать начнут.

– И когда же такую махину россияне планируют демонтировать окончательно?

– По плану где-то числа двадцатого сентября. И это, поверь мне, очень даже быстро. Работают парни за пятерых. Такие, право, молодцы...

Действительно, через час прозвучала сирена. По дворам пошли наряды милиции, жители с пониманием дела, выходили, собирались, где велено было, кто с котомочкой, кто с чемоданчиком. Вертолёт метался над сооружением ещё с полчаса, потом где-то сел на том берегу. Капитан пожал руку и убежал по делам. Алексей поднялся на холм.

Минуты потянулись, как при всяком ожидании. В предполагаемое время подрыва не состоялось. Отложили на час. Потом ещё на час. Над рекой поднялся ветер. Эмчезовцы проверяли и перепроверяли каждую мелочь. Всё так серьёзно... Алексей приметил на молдавском берегу, где была такая же смотровая площадка, группу журналистов с камерами.

Наконец, прозвучала сирена, мачты опустели, люди разошлись по укрытиям. Протянутая над рекой сеть, вес которой, как сказал капитан, составлял около пятидесяти тонн, раскачивалась ветром, слышался скрип. Жутковато...

Около десятка ослепительных вспышек одновременно разорвали её на пять частей, которые, словно великанские паутинки, плашмя хлопнулись о воду, подняв на всю ширину русла буруны и фонтанчики брызг. И скрылись под водой. Но это ещё не всё. Решено было сразу же подорвать тросовую подвеску одной из опор. Специально для телерепортёров решили усилить зрелищность, примотав скотчем к зарядам по полторашке бензина. Ух, как оно рвануло! В полнеба вспышка, грохот такой, что уши заложило.

Тут же над водой завис вертолёт со специальным приспособлением для извлечения со дна фрагментов сетки. Там, в воде, уже всюю орудовали водолазы. Один за другим куски были извлечены и вывезены на берег, куда тут же рванулись репортёры. Сюрприза никто не подозревал, но он уже ждал храбрых ребят из российского отряда МЧС. Телевизионщики успели заснять и всему миру показать. В том сегменте, что вытащили с самой середины, запутался огромный, с метр длинной, жирный карп. Днестр отблагодарил своих избавителей. Разве не волшебство?

Иван так и не вернулся вечером. Звонил, предупредил, что задержится на неделю. По его вопросу намечалось внеочередное правительственное что-то. Типа сессии. Впоследствии предположения Елены подтвердились, дядя Ваня из министерства благополучно вылетел, слава Богу без уголовного дела. Он сумел собраться с мыслями, отмерил, как положено, сто раз и один раз отрезал. По собственному желанию. При этом напугав некоторых высокопоставленных своей осведомленностью. Ивану хвати-

ло ума никому не угрожать, даже прикинуться наивным дурачком, что, в принципе его и спасло. Ему долго жали руку, приговаривая: как жалко, что Вы наконец-то от нас уходите...

Но Алексей о том узнал по намёкам уже из телефонного разговора. Его самого, прервав ему отпуск, вызвали телеграммой на службу. В Республике произошло громкое событие, арестовали главу с замами, за решётку отправился и генерал, при котором состоял Алексей в чине полковника на высокой должности.

Перед отъездом из Рыбницы они с Еленой разговаривали о многом. Про взрыв «канатки» в том числе. Оба усмотрели в этом неординарном событии знаковость. Дорога, связывавшая оба берега долгие годы, однажды перестала функционировать, поржавела, стали никому, кроме воров, не нужной, даже опасной, опоры могли ведь в скором времени рухнуть на дома. И вот Россия – в который раз! – пришла на помощь, прислав самых опытных, самых преданных сыновей устранять смертельную опасность, угрожавшую жизни многих людей, живущих по обе стороны пограничной реки Днестр. Продемонстрировав одновременно и свою мощь, и силу, и мудрость.

Прошло два года. Однажды вечером в дверь постучали, Алексей открыл и остолбенел. Перед ним стоял и улыбался молодой человеком ростом под два метра и с лицом один в один как у Вани Подольского.

– Здравствуйте, дядя Алексей! Вам привет от мамы и папы.

– Не может быть... Андрюша, ты? – Это действительно был сын Ивана, но повзрослевший и вытянувшийся вверх настолько, что Алексей растерялся и не сразу пришёл в себя.

Выцепил его за руку, потащил в комнату. Спихватился, позволил раздеться, усадил в кресло. Потом попросил жену срочно убить на кухню и приготовить ужин. Но Андрей огорошил, что времени у него минут двадцать, не больше. Так как внизу в машине ждут друзья, и ехать им уже надо, а то не получится обернуться даже до полуночи, путь долгий. Оказывается, он приехал к родственникам Елены, что поселились недавно в Ухте, перебравшись из Питера. Временно, в интересах прибыльного бизнеса. До Ухты около четырёхсот километров.

– Мы ещё увидимся, дядя Алексей. Я ведь поступил в Ухтинский университет. Вам отец не звонил ещё? Наверно не успел. Кстати, посылочка от родителей.

– Да? Что там, что там? Ну-ка, ну-ка...

Из пакета на свет явились бутылочка «Квинта», знаменитого Тираспольского коньяка, и две литровые банки с чем-то тёмным, тягучим.

– Андрей Иванович, у меня нет слов. Спасибо, родной. А что в банках?

– Как что? Ореховое варенье. Мы с батеи этим летом специально ездили собирать, они только-только завязались. Вы же так и не успели...

Когда Подольский-младший попрощался и ринулся к друзьям, что скучали в машине у подъезда, Алексей, не боясь простыть, вышел на балкон. Внизу заурчал мотор, хлопнула дверца. Глядя вслед удаляющимся красным габаритам, он вдруг ощутил щемящее чувство тоски, ещё не совсем понимая, отчего. «Вы же не успели»... Вот и оно, пришедшее на смену поколение. Мы не успели, наши сыновья, дай Бог, успеют. Так и должно.

К спине тепло прижалась жена, обняла за плечи.

– Между прочим, у твоей дочери завтра день рождения. Как думаешь поздравлять?

– Сочиню ей стихотворение. Или может до Техаса прокатиться?

– Ну, если ранним утром успеть на московский рейс, то к вечеру будешь в Далласе. Виза ещё не просрочена.

– Никто меня туда не приглашал. Тем паче, что завтра мы с внуком идём на «ватрушках» кататься. Ничего, по скайпу пообщаемся.

– Может, денег по «электронке» послать?

– Смеёшься... У её мужа месячная зарплата, как у меня за год. Нужны они им, копейки наши?

– Ну, тогда пошли пить чай. С приднестровским вареньем. Надеюсь, не горькое? Я читала в интернете, как его готовить. Целая наука, Лёшенька. Почти месяц возни. Орехи две недели вымачивают, варят, промывают и опять вымачивают. Обрабатывают гашёной известью. Потом опять неделю вымачивают, опять варят. В результате получается то самое, что мы сейчас пробовать будем. Очнись, наконец! Ты, как не здесь.

– Да... Сыновья успеют... Приднестровья мы не отдадим!

Берега истории

Княгиня В. Д. Лобанова-Ростовская

О российской трагедии XX века. До и после 1917 года: Воспоминания матери (1903–1935)

*Вступление профессора Екатерины Фёдоровой.
Комментарии Л.Г. Умновой и Е.С. Федоровой*

В поисках «своего» старца

«Стоит познакомиться с найденным среди эмигрантской прессы, новым для русского читателя романом о событиях вокруг 1917 года княгини Веры Лобановой-Ростовской. Он написан в русле «толстовской традиции», предлагая хронику одного семейства и обширную историческую панораму, касаясь политики и быта разных сословий. Роман пропитан религиозностью автора, вера мотивирует её действия»

Никита Лобанов-Ростовский

Впервые на русском языке продолжаем публикацию фрагментов документального романа-эпопеи «О РОССИЙСКОЙ ТРАГЕДИИ XX ВЕКА. ДО И ПОСЛЕ 1917 ГОДА: ВОСПОМИНАНИЯ МАТЕРИ (1903–1919)», написанного княгиней Верой Дмитриевной Лобановой-Ростовской (1870–1943)

Духовные поиски и впечатления бытия княгини структурно укладываются ею в жанр путевых записок, излюбленный русской прозой ещё с конца XVIII века, как, например, «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина (1792 г.). В её неторопливой прозе, на «поверхности» производящей впечатление бытописательского романа, зашифрованы сложные художественные приёмы. Мы обнаруживаем связь с жанром «хождений», то есть паломничеств к святым местам, который известен в древнерусской литературе с XII в. Дневниковые записи, на которые опиралась Вера Дмитриевна, строго запечатляющие события «по горячим следам», в детализированной подробности, как нельзя более соответствуют этому симбиозу духовных и светских путешествий. Есть и третий, символический смысл жанра, коррелирующий с главной идеей романа. «Россия колышется», — говорит одна из героинь романа. Всё постепенно приходит в движение, и со временем в романе это движение станет растерянным, хаотичным, в конечном итоге превращаясь для героев в бегство, вынужденный исход из родных пределов. (Сравним с романом М.А. Булгакова о белоэмигрантах «Бег»).

Пока же мы видим первые предгрозовые сполохи, первый круг испытаний — личное смятение героини. Пережив смерть сына, её душа — в мучительном странствии, в поиске мира с самой собой. За этим она отправляется к старцам — душа её жаждет их помощи. Опекать старцев — так же и семейная традиция князей Лобановых-Ростовских.

Старчество на Руси — важная часть русской традиционной культуры, духовное руководство иноками и мирянами, совершаемое особыми священниками-монахами, обладавшими духовным даром направлять людей, а часто и даром прозорливости. Старцы помогали беседами и советами, облегчая людские скорби, поддерживая на пути к избавлению от бедствий и заблуждений¹. Практика духовного наставничества старцев в России продолжалась весь XIX век, и первые два десятилетия XX века, новая власть стремилась истребить её, разоряя монастыри, преследуя старцев и тех, кто к ним обращался. Но не смогла уничтожить её. Верующие люди и в советское время продолжали искать духовного руководства у старцев, и по сей день не прерывается традиция старчества.

¹ Чтобы подробнее узнать о старчестве, обращаем читателя к книге: «Старчество на Руси». Монахиня Игнатия (Петровская), М., 1999.

Но и в те времена, когда ещё эта беда не грозила России, старческое руководство было очень редким явлением. Ибо *omnia graeculara rara* по латинской поговорке, «всё прекрасное редко» на грешной земле. Даже и при большой потребности найти «своего» старца – обретение его было редкой удачей. В символическом «странствии» души, которое живет внутри жанра «путешествия», избранного Верой Дмитриевной, героиня находит цель этого постоянного движения – утешение духовным словом. «Её» старец – это преподобный Варсонофий Оптинский. Нет нужды и говорить, сколь драгоценны её свидетельства о беседах старца. Ведь за столетие новая власть усердно постаралась стереть память о такого рода явлениях русской духовной жизни. Не все из старческих наставлений княгине было позволено раскрыть, но тем, что позволено – она щедро делится с читателем.

Публикатор – Н. Д. Лобанов-Ростовский; примечания Л. Г. Умновой и Е.С. Фёдоровой. Здесь предлагаются извлечения из глав №№ 3–6.

Екатерина Фёдорова

Вера Дмитриевна Лобанова-Ростовская. София

Часть 3. «Докатилось»

Глава 3. Ещё дома

Наступили крестины. Кирилл¹ получил в благословение от Великой Княгини Елисаветы Фёдоровны образ Ангела Хранителя, а от княгини Сухоруковой – специально ею заказанный образок Козельской Божьей Матери. И опять она была так серьёзна и многозначительна, когда, благословив им новорожденного, передала мне образ и просила, чтобы Кирилл не расставался с ним во всю свою жизнь, и чтобы я записала всё, сказанное ею.

«Россия колыхается»

Вечером в тот же день мы с Машей стали обсуждать со всех сторон слова крёстной матери Кирилла о том, что будущее двух последних моих сыновей, как тогда я это понимала, будет связано с особыми судьбами их Родины.

— Как всё это странно, Маша!

— Судьба России, Ваше Сиятельство, как хранительницы Православия и родины сонма святых, по свидетельству старцев, совершенно особенная: не даром она называется в народе: «Святою Русью». А вместе с тем мы знаем, что стала она себя вести чуть ли не хуже прочих стран.

«Кого люблю, того и бью»; любимое дитя больше наказуется. Мы не знаем, что готовится в самой России, но так продолжаться не может: то, что я вынесла в Рукавишниково, пока вы отсиживались в Петербурге, когда в Москве шла революция и бунт, когда адмирал Дубасов² укрощал взбесившихся – я никогда не забуду. Я вас пугать не хотела и не рассказывала, а теперь, как это время миновало, то не страшно вам будет об этом и знать.

Сидим мы глубокой осенью дома, ни живы, ни мертвы: не то нас подпалят, не то выгонят и добро разграбят. Верных людей стало меньше. Как Семён-казак ушёл на войну с Японией, Феня с горя уехала в Петербург. Лакей у нас, сами знаете – молодой. Только в доме и людей степенных, что Аннушка, повар Прокофий да прачка Фёкла. И сидим мы этак вместе, бывало, после нашего ужина, а Прасковье Васильевне ничего про наши страхи не говорим.

Как-то вечером нам было особенно жутко, и действительно, на другой день утром пришли к нам выборные – человек пять от крестьян. Мы, как ни в чём не бывало, приняли их честь честью. Уса-

¹ Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский (1907–1948), отец Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского.

² Адмирал Фёдор Васильевич Дубасов (1845–1912) 5 декабря 1905 г. был назначен генерал-губернатором Москвы и руководил подавлением Декабрьского вооружённого восстания. С июля 1906 г. член Государственного совета. Неоднократно подвергался покушениям террористов. В декабре 1906 г. был ранен во время очередного покушения.

Федор Васильевич Дубасов

дили в буфетной и стали угощать, а старший и говорит нам: «Спасибо за хлеб, за соль, а только общество прислало нас, чтобы посоветоваться: приходили к нам люди из Москвы, говорят – приказал Царь-батюшка христианам, чтобы порешили они всех господ и всё их добро меж собой поделили; и будет он тогда христианским Царём и настанет счастье в России. А как от князя с княгиней мы окромя добра ничего не видели, то пусть они сами себе смертушку выберут: водой ли, огнём ли, просто ли их удавить, чтобы скорей было – это как им будет угодно».

— Я слушаю, ушам своим не верю. Говорит он всё это без сердца и без зверства, и не в азарте.

— А что князь был ли к вам добр?

— А как не добр: и травую, и лесом помогал.

— Так как же, – говорю, – порешить их, ведь это грех!

— Грех-то грех, матушка, а только они поцарствовали, а теперь и наша пора вышла. Вспомнил о нас Царь-батюшка и послал своих людей по всему народу расейскому.

— Да так ли? Ведь вот же, кажется, от Царя в Москве адмирал Дубасов с бунтарями бьётся. Не подождать ли, что будет? Не вышло бы ошибки! Вот если народ побьёт адмирала Дубасова в Москве, тогда приходите к нам, будем о деле говорить. А пока передайте мой совет в деревню, чтобы сидели смирно, а то как бы хуже не вышло.

— И то правда твоя, матушка, сер народ, что и говорить! И вправду так лучше, и на сердце легче. Пойдём, братцы, что ль!

— Проводили мы их, помолились Богу, что пронёс Господь беду, да и думаем: как и впрямь сер народ Российский, что с ним водка да беспутство сделали! Ведь всего от Рукавишниково до железной дороги двадцать пять вёрст. И такая дикость!.. А что делается там, где и совсем железных дорог нет? Да, была Святая Россия, а теперь во грехе лежит. Старцы одно твердят: «Быть беде, если не покаяться». Думается мне, что после пожарища каждый хозяин рад, если ему на новую печь кирпичину принести. Вот, если бы студенты вместо того, чтобы Царя да своих родителей огорчать, каждый по кирпичику бы принёс, чтобы подпорку для отечества строить, то было бы лучше, чем народ подбивать господ резать, да с царским адмиралом драться. Вот и разумею я, что слов Царицы Небесной теперь нам не понять, а когда дети ваши вырастут, то увидим мы, что ещё будет с нашей Россией. Одно скажу, когда с нами в буфетной сидели мужики, то я чувствовала, как будто Россия колышется, и как ей от этого легко упасть и разбиться...

Рассказ кучера Григория

Ласковый весенний воздух убаюкивал нас, и мы притихли. Вспомнилось, как за два года перед этим, в такой же чудный весенний день, после сильной грозы и паводка, пришлось мне ехать на лошадях из деревни в город почти шагом; но вот постромка заскочила за ногу лошади, при разбеге на сухую горку, и Григорий, соскочив с козел, стал помогать лошади.

— Ты бы с козел поправлял, Григорий, ведь это пустое...

— Сколько жив буду, Ваше Сиятельство, а после того случая с козел поправлять не смогу.

— После какого случая, Григорий?

— Да со мной было в ту пору, когда я в солдатах служил.

— Шагом поедем, ты и расскажешь мне. Ведь ты, Григорий, у нас, слава Богу, давно живёшь, а я и не знаю, что с тобой было.

— Извольте, Ваше Сиятельство, расскажу, как с изволока съеду, да кони опять шагом пойдут.

Мне показалось, что у него появилась непреодолимая потребность излить душу, а потому я и по-могла ему в этом.

— Ну вот, я тебя слушаю, Григорий! – сказала я через несколько минут.

— Было это уже давно, – начал, садясь в полуоборот, Григорий, – лет двадцать тому назад. Вытянул я жребий, чтобы идти мне в солдаты¹; попрощался я тут с батюшкой и матушкой, да с молодой женою, и погнали это нас всех далеко-далеко – на самую польскую границу, и начали обучать всякой строевой службе. Я сызмальства любил ходить за скотиною и за конями, был и грамотный, но ружья и охоты терпеть не мог. Вот бились со мной, бились, а толку никакого.

— Тюлень ты необразованный, – говорит мне фитфебель², Сидор Карпыч, – что мне с тобою делать? Куда ты годен? На параде осрамишь. Да ты что знаешь? Говори толком.

Я тут набрался храбрости, да и доложил, что знал. А Сидор Карпыч, хоть и прикидывался строгим и кого когда и ткнёт для порядка, а был добрейшей души человек, и когда я ему всё высказал, то он и обрадовался.

— Что же ты молчал, чудак человек; командир давно кучера ищет. Я о тебе доложу, а потом мы тебя и предоставим. Хоть от сердца отлегло – на тебя больше смотреть не стану.

Так всё и вышло. Пошла у меня жизнь совсем другая. Делов было, правда, много, но и копейка перепала от командира. Он меня жалел и берёг, потому я своё дело знал. Тут отписали мне из деревни, что у меня сынок родился, а я к тому времени скопил двадцать пять рублей и послал жене. Что и радости-то было! А в ту весну у нас назначен был высочайший смотр, и ожидали покойного Государя Императора, Его Величество Александра Третьего. Вот и пошла у нас работа. А по правде сказать – только учёных учить, да чистое чистить, потому у нашего полкового командира, полковника Белопольского, все по нитке ходили. Он хоть и был отец, но строго взыскивал. Назначили и место высочайшего смотра, в трёх верстах от нашей стоянки. Вышел приказ от бригадного командира, чтобы к десяти часам всем быть на местах, потому в начале одиннадцатого ждали генералов: дивизионного и корпусного, а затем и Его Величество с какими-то гостями. Я подал тройку к девяти часам, а верховую давно к месту повели. Но вижу, все за приказами идут и идут к полковнику. Наконец, он еле высвободился, бегом с лестницы спустился, на часы посмотрел, да и ахнул:

– Ну, Григорий, не выдавай, четверть часа осталось: потрафишь – не пожалеешь, кони ведь добрые.

– Доберёмся, Ваше Высокородие, – я ему отвечаю, – ведь тут одно и есть место не того – спуск да горка, а то всё ничего. Бог поможет – не впервой.

Вестовой положил чемодан с переменным обмундированием, я и тронулся. Лихо неслись кони, вот и рукой подать до места, видно, солдатики ровняются, шеренги белеют, слышим, как бы музыку настраивают. Придержал я тут коней под горку, а потом пустил вовсю – наизволок³. Вдруг левая пристяжка возьми, да и закинь ногою за постромку. Где уж тут слезать: я нагнулся, да и стал высвобождать ей ногу, а она, чтобы помочь, – да как лягнёт, да так ловко, прямо мне в зубы! Помутилось у меня тут в голове, но постромку, Бог дал, не выпустил. А во рту-то у меня каша-кашею. Я как сплюнул – на дорогу-то и повалилось два зуба, да и пол-языка, значит – сам прикусил.

– Григорий! – слышу, полковник окликает. – Аль ты на печи сидишь да лапти плетёшь? О чём думаешь? Пошёл, пошёл!

«Царица Небесная, – думаю, – вызволи, Матушка, ведь к Царю земному катим, пожалей, Родимая, моего полковника, чтобы ему в ответе не быть».

Подобрал я тут вожжи, перекрестился и пустил лошадей, как никогда не пускал. «Боюсь – думаю – как бы на меня туман не нашёл» ...

Бог помог: довёз, но всю грудь заплёвал алой кровью, а что дальше было – не помню. Очнулся я в походной палатке, солдаты тут, а доктор и говорит фершалу⁴:

— Кабы половину языка иметь, то можно бы пришить, и был бы человек человеком, а так немой будет.

Я поманул рукою санитаря, да показываю ему, что хочу писать. Подсунул он мне тут книжку с

¹ В Российской империи призыву подлежали мужчины, которым исполнилось 20 лет. Количество призывников превышало потребности армии, и все, кто не подлежащие освобождению, тянули жребий. Тот, кому выпал жребий (цифра: один к пяти) шел служить. Другие зачислялись в ополчение, их могли призвать в военное время.

² *Фельдфебель* – один из нижних чинов в армии.

³ *Наизволок* – чуть в горку, по некрутому подъему.

⁴ *Фельдшеру*.

бумажкою, да карандаш. Трудно мне было, а написал я всё же, хоть и долго выводил: «Язык на дороге: на средь изволока¹, пошлите искать».

Тут, на моё счастье, вошёл мой полковник, такой довольный – видно, смотр хорошо прошёл.

– Здравствуйте, – говорит, – господа, я пред высочайшим завтраком пришёл маво Григория проведать, что с ним, пришёл он в себя?

Ему: «Так и так», всё и доложили. Как всплеснёт он руками!

– Боже милосердный, а я его ещё ругал! Двести рублей от меня, кто его язык отыщет. Тут он место точно обозначил, где и искать его. Поскакали люди, через полчаса и язык, и зубы предоставили. Засмеялся доктор, да и говорит:

– Зубья не пришьёшь, они на память останутся, а язык в лучшем виде притачаем. Нашлёпнул он мне какое-то сито на голову, стало мне тяжело дышать, а и без того всю голову разломило. Ударило меня в дремоту, на этом я и заснул. Проснулся я уже без сита, но как лошадь взнуздан, прости Господи. А язык мой, сдаётся мне – уже не мой, а точно коровий пришит... и всё во рту распухло. Неделю так промучился, как никому не дай Бог изведать: врагу не пожелаю. Отрада моя был мой полковник: каждый день по два-три раза заходил, жену и дочек присылал. Через неделю мне снимали швы, и стало день ото дня легче. Начал я тут учиться говорить, как дитя малое, а как шесть недель вышло, то и совсем выправился, за дело взялся. А мой полковник меня наградил: с того дня жена новую избу справила, корову купила, и стал я с той поры человеком.

Вот какими путями Господь нас грешных и наказует и милует, чтобы мы на Него одного наделись и Им бы одним по правде жили, – закончил Григорий свой рассказ и стал понукать лошадей...

Глава 4. Поездка в Троице-Сергиеву Лавру

На пути в Троице-Сергиеву Лавру

Прошёл ещё год; наступило лето 1908 года... Я надумала найти время и съездить в Троице-Сергиеву Лавру², где ни разу ещё не была, и куда слабеющий дух мой очень стремился. Надеюсь у преподобного Сергия вымолить себе старца-руководителя, для противоборства с гнетущими меня в миру немощами...

Итак, я отправилась на следующий день, утром, на Ярославский вокзал. Этот, свободный у меня, день был праздничным. Расписание поездов оказалось несколько иным, чем будничное, указанное в газетах, и мне, таким образом, предстояло ожидать очередного поезда около полутора часов. В досаде на себя, я решила сократить время, вздремнув на диване в дамской комнате³. Меня встретила дежурная женщина:

– Здравствуйте, сударыня; рано Вы, матушка, пожаловали. Часика полтора погодить ведь надо будет, вот здесь присядьте поудобнее; не к Преподобному ли едете?

– Как же, милая, туда я и путь держу.

– Святое дело надумали, сударыня матушка, вот уберу в соседнем-то отделении, да и приду с Вами-то посидеть.

Эта очень приветливая, симпатичная женщина средних лет говорила с тем чудным акцентом, с каким говорит народ только в Москве. Для меня это бесподобная музыка, и я сразу же утешилась как звуком её голоса, так и милым выражением лица и стала поджидать её. Вскоре она появилась уже с вязанием в руках и села работать у окна.

– Не стеснит Вас, сударыня, подать моё заздравное поминание за молебном Святому⁴?

– С удовольствием, пожалуйста.

Женщина оставила на минуту работу, достала чистый платок с завернутою в нём записочкой и двадцать копеек серебром.

¹ Изволок – отлогая возвышенность; некрутой длинный подъем.

² Прославленная *Свято-Троицкая обитель* основана прп. *Сергием Радонежским* в 1337 г. На протяжении столетий Троице-Сергиева Лавра является одной из самых почитаемых общерусских святынь, оплотом защиты Православия, крупнейшим центром духовного просвещения и культуры, излюбленным местом паломничества русских людей. В Троицком соборе Лавры почивают святые мощи Игумена земли Русской прп. Сергия Радонежского.

³ *Дамская комната* – зал ожидания, комната для женщин на вокзале.

⁴ Подать записку за здравие святому Сергию Радонежскому в Лавре.

– Вот, матушка, если милость Ваша будет. Я всё поджидала, кому бы передать, а тут и Вы пришли: я и надумала попросить. Ведь сегодня ровно год, как мой сын поднялся от одра смертного по молитвам Преподобного.

На грустные глаза женщины навернулись слёзы.

– Почему Вы огорчаетесь, голубушка? Ведь у Вас всё кончилось не к смерти, а к жизни, а лицо Ваше такое скорбное да печальное.

– Сударыня, откуда мне радости набраться? Сами рассудите, осталась я вдовой на двадцать седьмом году с мальчиком Петей на руках, – начала она свой рассказ, – ему шёл девятый годок. Мальчик он был умный да шустрый, уже год, как в школу ходил. Писать и читать умел. Все деньги, что были, я на мужа пролечила (он с полгода лежал больной), да потратила на похороны. Покойник муж был хорошим мастером и работал в железнодорожных мастерских. Пожалело меня начальство, дали мне должность при дамской комнате состоять, да втроем с другими женщинами сменяться; оставили мальчика в школе бесплатно, да положили мне до его совершенных лет по три рубля пенсионера в месяц. Вот так-то, кое-как, я и перебивалась.

Трудно мне было – и квартиру нанять, и мальчика обувать и одевать, а всё думаю – уж больно мальчик-то хорош, да умён: теперь, пока молода, потружусь, а вырастет – он меня кормить будет. Много я работала: то здесь дежурю, а то на подённую пойду по стиркам. До шести гривен в день выработывала, а вернусь домой – уж силушек нет, а мой Петя всё приготовил. Я варила щи да кашу всегда на два дня, так он всё в печь поставит, разогреет, уголья для самовара сгребёт да припасёт, лучину наутро для разжижки¹ наколет, комнату заметёт, в лавочку за хлебом сбегает. Просто клад, а не мальчик. Вот так и рос он, школу кончил первым учеником, да с отличием. Пошла я тут к нашему начальству, да и прошу – как Петя мой так умён, – чтобы приняли его в техническую школу, а оттуда, известно, дорога широкая. Станет он, думаю, машинистом да на курьерских поездах ездить, тогда и сто пятьдесят рублей в месяц жалованья получать будет. А начальник-то у нас был, Царство ему Небесное, не человек, а ангел. Исхлопотал он, чтобы приняли моего Петю: как он такой способный и первым кончил. Пошли мы тут с Петей пред учением к обедне помолиться и отслужили молебен преподобному Сергию. Ему, как Вы, верно, знаете, сударыня, грамота не далась сразу, вот и стал он, Батюшка, другим помогать, как святой старец ему самому помог². Всё это я рассказываю, твержу Пете, да и говорю ему:

– Смотри, мой родимый, мы с тобой сироты, окромя Небесного Отца, Владычицы Пресвятой, да Угодников Божьих – нет у нас никого боле. Смотри же, не отступай от них никогда.

– Что Вы, маменька, – говорит, – с чего Вы это взяли? Да у меня и в школе урок Закона Божьего за самый любимый шёл. Что это Вам в голову, маменька, пришло?

– Смотри же, сынок, – говорю, – вручаю тебя Преподобному Сергию, да будет Он твоим заступником и покровителем.

После молебна, тут же, и благословила я его на новое учение образком Преподобного. Проходит год, два – стал мой Петя меняться: и в церковь не дозовусь пойти, и ласки ко мне нет прежней, и к дому остывать стал. Однако, учился хорошо и опять первым сделался. Наконец, и школу первым кончил, и экзамен так сдал, что сразу место машиниста на товарный³ получил и восемьдесят рублей жалованья в месяц. Да обещали ещё и до курьерского его довести. Я и напомнила Пете, что надо бы молебен Святому отслужить, да поблагодарить за милость его великую и дивную сироте одинокой.

– Да что Вы, маменька, – говорит, – и впрямь по-детски рассуждаете! Старался-то да учился-то всё же я: при чём же тут Преподобный? Сам я себе обязан, своему прилежанию, да рвению! Не пойду я сам же себя обманывать, да товарищей смешить. За что буду я Святого благодарить, коли сам я учился и кончил?

¹ *Разжижка* (разговорн.) разжигание.

² Из Жития прп. Сергия Радонежского известно, что в детстве ему не давалась грамота. Однажды отроку *Варфоломею* (имя, данное прп. Сергию при Крещении) явился святой старец, по молитвам которого мальчику было дано знание грамоты. Родителям отрока святой старец сказал: «Сын ваш будет обителью Святой Троицы и многих приведет вслед за собой к пониманию Божественных заповедей». См.: *Прп. Епифаний Премудрый*. Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца. Гл. 3.

³ Товарный (не пассажирский) поезд. *Курьерский* – пассажирский поезд, идущий с большой скоростью. Машинист паровоза был важной должностью, его жалование превышало все остальные должности. Особенно престижным было водить курьерские поезда.

– Опомнись, сынок, – отвечаю, – да всё учение-то от Бога. От Него же и рвение, и способности. Преподобный по Божьему соизволению настроил тебя на учение и просил Господа дать тебе здоровья и сил. Его ль не благодарить? Седин моих побойся – такое говорить!

– Э, маменька, Вы у меня хорошая, но старозаветная, теперь такие не в моде, – говорит.

– Что ж, сынок, – отвечаю, – и Бог скоро будет не в моде?

– Да Бога-то вовсе и нет, маменька, а выдумали Его попы да начальство, чтобы дураков в страхе да на узде держать, но я ведь не дурак: что ж я-то полезу из себя дурака строить!

Стала я тут страшиться и говорить с ним, чтобы не наводить его на лишний грех, так как сама вижу, что день ото дня и что дальше, то больше, – каменеет он сердцем. А начальство им довольно, обещает скоро и пассажирский¹ дать. Всего чуть и поездил он на товарном, как дали ему повышение.

– Ну, маменька, скоро я этак и на курьерский попаду, уж очень меня начальство одобряет. Мы с тобой тогда так заживём, что про наши мытарства и забудем.

– Не забуду я никогда, сынок, хоть в бедности – да вместе в церковь ходили и были счастливы. А теперь я и на подённую не хожу, и в дамской не дежурю, а спокойствия не имею. Тебя нет, а я и места себе не найду: всё чудится – вот-вот что случится, Бог и Преподобный накажут за неверие...

Наконец, дали Пете и курьерский: сто пятьдесят рублей жалованья, повёрстные да наградные². Как господа могли мы тут жить! Назавтра ему в первый раз с курьерским выезжать, а, примерно, сегодня, говорю себе: будь что будет, да и пристала я к нему: «Уважь, сынок, мать: хоть сегодня пойдём Святому молебен отслужим». А он как взбеленится:

– Да что Вы, маменька, пристали! Я Вас и так уважаю. Вы как хозяйка у меня всем правите. Я не то, что другие-прочие... А уже в своём деле – я сам себе голова. Мне не десять лет, и я сказкам, мол, больше не верю.

– Ну, сынок Петенька, в последний раз тебя звала, а там – да будет воля Божья, не напрасно моё материнское сердце всё ноет...

Ничего он тут не ответил, а только как будто побледнел, цыгарку закурил, шапку взял, да и вышел. Вечером, наконец, оделся он в путь. Издали только он мне крикнул: «Прощайте, маменька, пожелайте мне успеха!»

Не привёл меня Господь и благословить-то его даже. Осталась я одна, ноет моё сердце. На молитву стану – молитвы нет, лягу – глаз сомкнуть не могу. Так я и промаялась всю ноченьку... Под утро чуть задремала, – слышу стук в дверь. Знать, неладное – так я и обмерла.

– Что надоть? – говорю... Слышу соседкин голос, молодого кондуктора жена говорит:

– Так что, мать, не пугайся вперёд, а только телеграмма была – крушение с курьерским. Мой-то с твоим Петром Ивановичем вместе выехали...

И пошла я с того часа, сударыня, со ступеньки на ступеньку горе горькое мыкать. Её- то мужа целёшенького привезли, а моего-то Петю под откосом нашли. На черепе огромнейшая рана, думали – помер на месте. Хоть и суд был, и кого-то виноватого нашли, что паровоз на гружёный вагон наскочил, да в том-то что пользы? – Мой Петя остался калекой. Все думали, что он помрёт, и дохтур не думал, что выживет. Но не отнял Господь у него жизни, но способности свои и быстроту он потерял, да и сметка не та. Только и может он теперь – что писать, да и то не труднее табелей. Всё потерял, чему в техническом обучался. За что не поблагодарил, то и отнято у него. Взяло его начальство уже, по доброте своей, в писцы за двадцать пять рублей в месяц, а я вот опять в дамской дежурю. Сегодня ровно год, как мой Петя выписался из больницы и сам пожелал съездить к преподобному Сергию. Ему он служил благодарственный молебен за исцеление. А потом он каялся мне, что как в больнице лежал, то всё понял, за что пострадал. И обещался, если выздоровеет, то к преподобному съездит. Вот и воздвиг его от одра святой угодник и научил его, хоть дороною ценою, что на небе есть Господь Бог, а на земле – Его неблагодарные дети. Вот так-то и живу теперь, сударыня. А Вам я желаю великой милости от Господа и от преподобного отца нашего Сергия. Да поможет Вам и он в Вашем деле.

Она замолкла. Дамская стала наполняться женщинами и детьми. Вскоре вошёл оповещающий и громогласно отрапортовал о поезде.

¹ Т.е. сделать машинистом пассажирского, а не товарного поезда.

² *Поверстные* – жалование в соответствии с количеством проделанных верст (верста чуть более километра 1066, 781 м.), наградные – премиальные.

Перед Трапезной палатой. Съезд монахов в Троице-Сергиевой Лавре в 1909 году

В Лавре. Поиски «своего» старца

Всё время пути до Сергиева посада, который длится около двух часов, я была под впечатлением этого рассказа. Вера моя в Преподобного всё пламенела, и я ехала к нему с великим упованием. Наконец, в половине двенадцатого, мы прибыли в посад. Я поспешила в храм и застала ещё конец обедни, после которой служили подряд заказные молебны Преподобному: тут и я подала вручённую мне записку. Впечатление дивной старины и воспоминания о необыкновенной истории лавры охватили меня. Передо мною пронеслись картины того, кем был, в своё время, преподобный, в какое лихолетье он жил; как сумел поднять дух обращающихся к нему и как руководил людьми из лесных дебрей, только силою своей веры в Бога и силой любви к Родине. Реяли мысли, неслись и молитвы. Преподобный отче Сергие, помоги мне, поддержи меня! Пошли мне старца и хоть одну семью, с которой я могла бы разговаривать одним языком и где могла бы иметь единение в духе и вере...

Народ всё редел, время было обеденное, и все спешили домой. Вскоре я уже одна подошла к большому зданию, фасад которого был изукрашен резной виноградной лозой. Это была чудесная архитектура шестнадцатого века¹. Что за линии, что за красота! В боковые двери входили и выходили послушники в белом, неся в вёдрах квас и ароматный чудесный монастырский чёрный хлеб. Что это может быть? – Для обыкновенной монашеской трапезы – слишком приподнятая заботливость прислуживающих. Как жаль, что я одна и некому мне всё показать и объяснить...

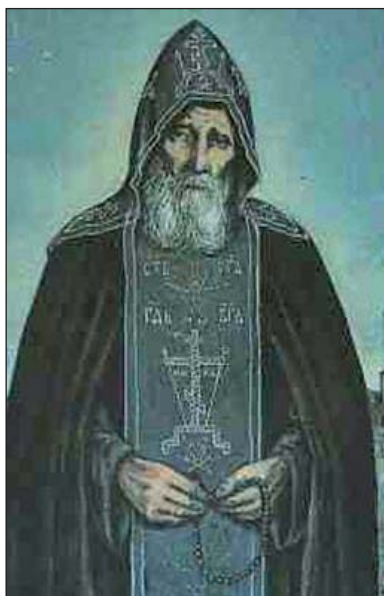
Старец Варсонофий

– Простите, сударыня, что я к Вам обратился, но Вы точно ищите что-то, а сами печальные. Не могу ли я Вам в чём-либо помочь? – послышался около меня голос.

Я повернула голову: близ меня стоял, как будто дожидаясь у крыльца, мужчина, видимо, из мещан, скорее небольшого роста, бесцветный, немолодой, скромно, но чисто одетый в старый кафтан. Тихое и очень доброе лицо его так и потянуло меня на откровенный ответ.

– Да вот, батюшка, в первый раз приехала я к Преподобному искать поддержки. Шесть лет тому назад было у меня большое горе, затем были и великие милости Божьи, а теперь земные хлопоты и заботы так держат в руках, что каменеет моё сердце...

¹ *Трапезная палата* с церковью прп. Сергия Радонежского (построена в 1686–1692) почитается одним из лучших образцов московского барокко. Это длинное (свыше 85 м) сооружение на высоком подклете, окружённом гульбищем. Стены Трапезной церкви исключительно богато и ярко украшены мастерами в конце XVIII в. С западной стороны к Трапезной церкви примыкает зал площадью 500 м², предназначенный для торжественных приемов.

*Схиархимандрит Зосима
(Минаев; в схиме Захария)*

*Схиархимандрит Варсофоний
(Плиханков)*

*Преподобный Макарий Оптинский
(Иванов)*

– А вот что, сударыня, я ведь когда в Москве живу, то к батюшке Зосиме¹ обращаюсь: тут в соседнем монастыре, не так далеко, он в затворе живёт и принимает лишь два дня в неделю. Он в схиме старчествует², и Господь подаёт ему Свои милости. Я Вам укажу его, а затем сам пойду к нему под благословение; подходите за мной и Вы. Тут и скажете ему про своё дело, – душа же подскажет, – подходящ он Вам или нет.

Таким же образом укажу я Вам на батюшку Варсофония³. Ох, уж хорош же он; сами потом увидите! – Это Оптинский старец и игумен скита⁴. Батюшка в тайной схиме; он – бывший полковник, и только по случаю стал монахом. Его сам батюшка Амвросий благословил старчествовать после себя. В Оптиной пустыни есть скит, в котором живут: в правой хибарке⁵ от святых

¹ *Схиархимандрит старец Зосима* (в схиме Захария; Захарий Иванович Минаев; 1850–1936; родители разбогатевшие крестьяне, бывшие крепостные Нарышкиных). Принял монашество по благословию преподобного Амвросия Оптинского. Духовник монахов и светских людей в Троице-Сергиевой Лавре. Обладал особой прозорливостью: сразу знал прошлое и будущее того, кто к нему обращался. До закрытия Троице-Сергиевой Лавры старец Зосима находился в ней и ушел последним. Жил в Москве у духовной дочери, и множество людей продолжало посещать его. Великую княгиню Елизавету Федоровну духовно поддерживали многие архиереи и старцы, среди них и старец Зосима. Похоронен на Введенском (немецком) кладбище в Москве. Из рассказов о нём: «трое чекистов ворвались в его келью и потребовали, чтобы он уходил вон из лавры, старец взял крест, осенил им своё жилище и, проведя крестом границу между собой и «гостями», спокойно произнёс: – Попробуйте-ка, осмелитесь перейти через эту черту, которой я как бы обвёл мою келью, попробуйте и тотчас вы упадёте мёртвыми. Ни один из вооружённых молодых людей не осмелился переступить за черту».

² *Схи́ма* (др.-греч. *σχίμα* образ) – высшая степень монашества, означающая полное отчуждение от мира. *Старчествовать* – осуществлять духовное руководство, наставничество над монахами обители и мирянами. Старцами были наиболее опытные в духовной жизни монахи, обладающие даром духовного рассуждения.

³ *Преподобный Варсофоний Оптинский* (Плиханков Павел Иванович; † 1913), схиархимандрит Оптиной пустыни. Родился в 1845 г. в Самаре. По благословию прп. Амвросия Оптинского оставил блестящую военную карьеру и в 1892 г. был зачислен в братство Иоанно-Предтеченского скита Оптиной пустыни. В 1900 г. пострижен в монахи, в 1902 г. рукоположен в иеродиакона, в 1903 г. в иеромонаха. В 1907 г. возведен в сан игумена и назначен настоятелем Оптинского скита. Обладал даром прозорливости, который особенно проявлялся в таинстве Исповеди. В 1910 г. по послушанию ездил на станцию Астапово для напутствия умиравшего Льва Толстого, но к писателю его не допустили. «Не допустили меня к Толстому, – вспоминал прп. Варсофоний, – молил врачей, родных, ничего не помогло... Хотя он и Лев был, но не смог разорвать кольцо той цепи, которую сковал его сатана».

⁴ *Скит* (греч. *Σκήτη*) уединенное жилище отшельника или нескольких отшельников, самостоятельное или структурно выделенное в монастыре. Название от Скитской пустыни— места первоначального распространения монашества (IV–VII вв.) в пустыне, находящийся в северо-западной части Египта, к югу от Александрии, где первым из отшельников был преподобный Макарий Египетский.

⁵ Определение С.А. Нилуса: ««Хибаркой» у Оптинских старцев, живущих в скиту, называется пристройка к их келье, отведенная для приема на совете женщин. Вход в эту пристройку – с наружной стороны скитской ограды. Внутри ограды вход женскому полу воспрещен».

ворот старец отец Иосиф¹, а в левой – старец отец Варсонофий. Вот этот самый здесь и находится. Доложу я Вам про него: велики даны ему милости на исповеди, и, если приведёт Господь, то много Вы от него будете утешены...

Только успела я в сердце своём взмолиться святому, как ворота трапезной широко раскрылись, и удивительная картина предстала предо мною: впереди, окружённый старцами-монахами, шёл убелённый сединой сановитый отец архимандрит, настоятель Троице-Сергиевой Лавры², а за ним густой чёрной лентой лились лучшие силы нашего чёрного духовенства. Сколько чудных лиц и дивной старости, какая собрана красота и духовная мощь России! От этой удивительной картины оторвал меня голос моего Богом посланного руководителя:

– Не робейте, сударыня, вон тот высокий монах и есть отец Зосима – я пойду к нему, а Вы за мной пожалуйте.

«Так вот он самый, – думаю, – отец Зосима, старец и руководитель Великой Княгини Елисаветы Фёдоровны, о котором она мне так много говорила». «Нет, он не для меня», – сразу сказало мне сердце, а почему, и сама не знаю...

Однако мой советник кончил беседовать с отцом Зосимою и взором звал меня, поэтому я и подошла под благословение старца, тут же сказав, что ищу беседы с ним. Не спрашивая, кто я, батюшка Зосима пошёл со мною рядом по дороге и сразу стал отклонять беседу:

– Ведь Вы приезжая, а я еле успеваю принимать моих постоянных духовных чад. К тому же я провожу время в затворе и лишь два дня в неделю беседую с приходящими ко мне. Вам нужно уделить много времени, постарайтесь обратиться к кому-нибудь другому. Очень сожалею, но думаю, что мне будет трудно заняться вами.

Я почувствовала отпор и большую чуткость. Как я была рада! Я сейчас же простилась и стала приближаться опять к моему руководителю. Он беседовал с пожилым иеромонахом, лет семидесяти, сразу приковавшим к себе моё внимание. Милый мой знакомый в кафтане повернулся ко мне и шепнул:

– Это отец Варсонофий, дай Вам Бог счастья...

Старец благословил меня и ласково спросил, о чём я с ним хочу беседовать. Я вкратце рассказала ему, в чём нуждаюсь, и назвала себя. По лицу его пробежала улыбка:

– А как же, помню. Значит, об Вас я уже слышан от княгини Е.С. Захариной³, от матушки Вашего супруга. Ведь она была большая почитательница нашего незабываемого отца иеросхимонаха Амвросия – в Оптиной я её и видел, там с нею и познакомился. Рад с Вами побеседовать: милости прошу пожаловать ко мне в Духовную Академию – я там теперь и квартирую. Внизу скажете швейцару, что я просил Вас подождать в гостинной...

Дошла я, наконец, и до Академии. Швейцар провёл меня в приёмную, где и просил подождать. Я села в кресло, но дожидалась недолго..., своей быстрой молодой походкой вошёл батюшка. Я встала.

– Пожалуйста, садитесь сюда, – указал он мне на красный бархатный диван, – а я около Вас на кресло сяду. Расскажите мне всё, с чем Вы ехали сюда, всё, что у Вас на душе.

Я села и начала рассказывать. Батюшка опустил голову. Слова мои что-то не складывались вместе. Я чувствовала, что говорю не так и не то, что хочу; я досадовала на себя, продолжая говорить, и думала: «Вот пришёлся старец по духу, а я выразить, что хотела, не могу».

Батюшка вдруг поднял голову – точно тень и некоторое беспокойство прошли по его лицу и, вместе с тем, я чувствовала, что мои слова не доходят уже до его сердца. Он быстро встал.

– Пожалуйста, подойдите сюда и встаньте здесь.

Он указал мне на окно и поставил меня вплотную лицом к саду, а спиной к комнате, сам же стал с моей правой стороны и, наклонив голову, начал говорить, как бы на исповеди:

– Ведь Вы, дитя моё, рассказываете мне про бывшее несчастье Ваше и про все огорчения Ваши, а почему я вижу серые пятна на белой одежде души Вашей? Разве Вы не всё открываете на исповеди?

¹ Преподобный Иосиф Оптинский (Литовкин; † 1911), иеросхимонах, ученик и духовный преемник прп. Амвросия Оптинского.

² С 1904 по 1915 гг. наместником Троице-Сергиевой Лавры был архимандрит Товия (Цымбал).

³ Княгиня Анна Ивановна Лобанова-Ростовская (ур. Шаблыклина), супруга князя Николая Алексеевича Лобанова-Ростовского (1826-1887).

*Преподобный Иосиф
(Литовкин)*

*Преподобный Лев Оптинский
(Наголкин)*

– Мне кажется, что я всё говорила, что припоминала, – ответила я.

– Припомните хорошенько всё, что забыли Вы или даже утаили.

Я рылась в своей памяти, буквально ничего не припоминая в ней скрытого, да и жизнь моя мне казалась столь простой для исповеди... Кроме того – точно пелена застилала мне возможность припомнить что-либо забытое в ней.

– Так я напому Вам, что Вы утаили на первой отроческой исповеди и далее на пути жизни вашей.

Погодно проходя всю мою жизнь; называя месяц и год, указывал мне батюшка все ошибки и прегрешения. Я всё время молчала. Помимо моей воли, потоки слёз лились из глаз моих.

– И всё, о чём сказал я, Вы считали за ничего не значащие промахи на жизненном пути Вашем, а потому даже не поняли, когда я спросил Вас о них, а вместе с тем, это то, что, накапливаясь в большом количестве, может принести смерть душе. Эта пыль греховная сушит душу и не пускает её расцветать в дальнейшую и лучшую духовную ступень. Завтра же найдите себе священника по духу, откройте ему всю душу Вашу и покайтесь в нераскаянных прегрешениях, начиная с младенческого возраста. Скажите о всём том, что я указал Вам: тогда обелится одежда Ваша для приёма Царя Вашего. Я рад буду видеть Вас у себя в Оптиной – благословляю непременно приехать ко мне. У меня, если Богу угодно, исповедайтесь ещё раз, а потом и причаститесь. Смотрите же, пока я жив, заповедываю это Вам: никому не рассказывайте про величайшую милость Божию, которую чрез меня грешного получили Вы от Господа Бога. Ему угодно было раскрыть мне, что сказать Вам на пользу души Вашей. Помните, что большею частью мы сами куём нашу жизнь – она есть следствие наших поступков – и потому со всею тщательностью разберитесь в них и очиститесь таинством Покаяния. Ещё раз повторяю Вам – благословляю приехать к нам в Оптину: Вы помолитесь у могилок наших старцев и увидите место, где они жили и поучали своих духовных детей, Вы узрите также наш благословенный скит.

На этом батюшка Варсонофий закончил свою речь, а я, вся в слезах, стала благодарить его и прощаться с ним. С радостной и ликующей душой, я, точно на крыльях, отправилась на вокзал. Всё во мне не только горело, но и пламенело...

Глава 5. Поездка в Оптину

К Оптиной

Приближалось бабье лето, и стояло чудное время. Воздух был свеж, дни яркие и солнечные, ночи слегка уже морозные.

Ранним утром, предвещавшим дивный день, мы приехали в Козельск и взяли извозчика. Через четверть часа, сделав не больше двух вёрст, мы подъехали к речке Жиздра, где была паромная переправа, и начинались уже Оптиные владения¹. Сердце забилось радостью...

Чудная панорама церквей и старинных белых монастырских стен с башнями встала перед нами на фоне векового леса. Вот мы уже у верхней гостиницы. Нас встречает седой отец гостиник², а послушник³ вносит вещи во второй этаж небольшого, но приветливого дома.

– Просим сюда, пожалуйста, матушки-сударыни, в эти два номерка. В одном отдыхать можете, а в другом вот и посидеть, и гостя принять можно. Не прикажете ли чаю с дороги?..

Оставшись одни, мы огляделись. Вторая комната-спальня имела по стенам две узкие деревянные койки, каждая с твёрдым и жёстким матрацем. Простыни и одеяла блистали чистотой, а в углу стоял табурет с тазом и кувшином. В окна глядели яркие, окрашенные осенью листья деревьев. Всё пахло свежестью и выглядело приветливо и симпатично...

Вскоре явился за нами послушник, и мы двинулись в путь. Сразу же перейдя дорогу, мы вошли в Святые ворота обители.

Вся местность внутри пустыни, по характеру своему, резко делится на две части. В первой, вымощенной белыми плитами, находятся собор, все храмы, кельи монашествующих, покои отца архимандрита, просвирня, кладбище и место постоянного упокоения блаженных старцев: Макария⁴, старцев Льва⁵ и Амвросия. Над их могилами поставлены совершенно одинаковые, небольшие, как бы часовенки...

Нилусы

Во второй части, утопающей в зелени, находятся: больница обители, пасека, фруктовый сад и каменный домик покойного епископа Феофана, автора многочисленных книг духовного содержания⁶. При этом домике в пять комнат был разбит небольшой сад. В этой усадьбе и жил Сергей

¹ *Свято-Введенская Оптина пустынь* была основана в конце XIV в. раскаявшимся разбойником по имени *Опта* (в монашестве *Макарий*). В начале XIX в. в Оптиной пустыни было введено *старчество* – духовное руководство иноками, основанное на глубоком знании святоотеческих творений. *Оптинские старцы* стали главной святыней обители, вся Россия устремилась к ним за духовной поддержкой. Оптина пустынь стала крупнейшим просветительским центром русского Православия: здесь были собраны переводы *святоотеческой аскетической литературы* с греческого языка на славянский, выполненные прп. *старцем Паисием (Величковским)* и его учениками. Преподобные оптинские старцы начали кропотливую работу по подготовке их к изданию с необходимыми комментариями и пояснениями; также были выполнены переводы святоотеческих рукописей на русский язык.

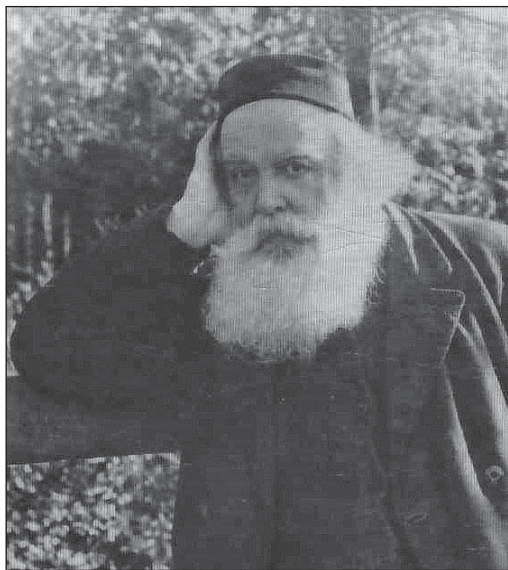
² *Гостиник* или *гостиничный* – послушание или должность (постоянное послушание), назначаемая монаху в монастыре, отвечающему за размещение и проживание гостей монастыря

³ *Послушник* – тот, кто готовится принять монашество, живет в монастыре, подчиняется игумену и в соответствии с монастырским уставом исполняет различные послушания.

⁴ Образ старца Зосимы в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского [прим. автора]. *Преподобный Макарий Оптинский (Михаил Николаевич Иванов; 1788–1860)*. Духовный ученик Льва Оптинского (см. ниже). Схимонах, руководил работой по подготовке к изданию святоотеческой литературы. Был известен исключительной кротостью и способностью изгонять бесов.

⁵ *Преподобный Лев Оптинский (Лев Данилович Наголкин; 1768–1841)*, первый Оптинский старец; обладал даром исцеления.

⁶ По рассказу самого Нилуса, он с женой поселился в домике, который построил и проживал в нем на покое один из известных оптинских постриженцев, впоследствии *архиепископ Виленский, архимандрит Ювеналий (Половцев)*. «До чего ж нам тогда полюбились ювенальевское затишьё!» – писал Нилус (На берегу Божье реки. Т. 1). Автор книги здесь, видимо, ошибочно, но не случайно, упомянула святителя *Феофана, Затворника Вышенского* († 1894), который никогда не был в Оптиной пустыни, но состоял с оптинскими старцами в духовном общении. Подготавливая к изданию русский перевод «Добротолубия», святитель Феофан просил оптинских монахов о присылке ему рукописей прп. *Паисия Величковского*, что и было скоро исполнено. В свою очередь, творения епископа Феофана глубоко почитались оптинскими старцами. В келье прп. Амвросия находился портрет Вышенского Затворника; прп. *Варсонофий Оптинский* написал стихотворение на смерть святителя Феофана.

Сергей Александрович Нилус

Е.А. Нилус (ур. Озерова) и С.А. Нилус

Александрович Нилус с женой и домочадцами. Поблагодарив послушника, я сказала ему, что мы вернёмся в гостиницу уже сами, к часу дня.

На наш стук вышла прислуга, я просила доложить.

– Да что Вы, сударыни, войдите, пожалуйста, и так – прямо в гостиную. Елена Александровна и Сергей Александрович вот как обрадуются...

На наши голоса вышел нам навстречу сам хозяин, лицо которого выражало ласку и привет. После первого знакомства он сейчас же повёл нас внутрь дома.

– Лена, Леночка, где ты? – Дорогих гостей веду к тебе!

Вскоре вышла Елена Александровна, как оказалось, хлопотавшая поместить у себя жену учителя с тремя малолетними детьми; последняя тоже приехала погостить в Оптину.

Таня рада была встретить свою старую знакомую по Петербургу, по выездам и по Двору. Затем пошло знакомство со мною, уже представлявшую, по возрасту, следующее поколение. Как сразу, безо всяких условностей, близко, тепло, сердечно подошли мы друг к другу. Но что за прелесть была эта супружеская пара! Сергей Александрович – высокий, статный, с совершенно седой головой, но огненными ещё глазами, точно сошёл с полотна Маковского¹; он воплощал тип старого красавца-боярина. Шарм и прелесть Елены Александровны дополняли образ её мужа. Он, с его дивным русским языком, был точно представителем Москвы, а она – представительницей Петербурга, но без условностей и холода столицы. Елена Александровна была образцом утончённой светской воспитанности и образованности, что дополнялось простотой и чуткостью, преданностью и добротой русской женщины.

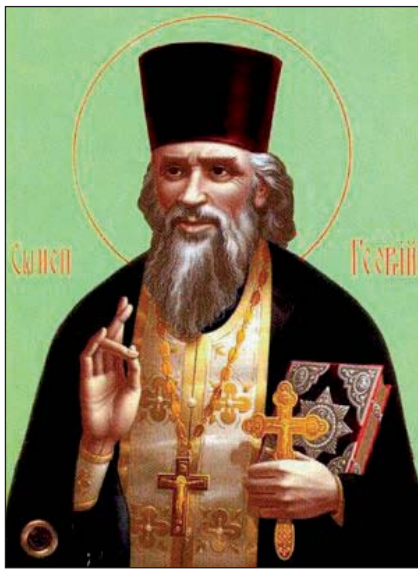
Удивительно симпатично убрали они своё жилище! Все стены гостиной были покрыты множеством фотографий, картинами – работы их обоих, писанные масляными красками² – Оптина и её скит так живо и ярко выступали кругом! Всё было согрето наличием прекрасных образов с горящими лампадами. Сам домик хоть был и невелик, но обладал способностью вбирать в себя много народа, постоянно и временно проживавшего у гостеприимных хозяев: одни нуждались в подготовке для решимости начать новую жизнь и пойти к старцу; другие не находили места в гостинице из-за наплыва молящихся, наконец, третьи – являлись просто близкими по духу людьми.

¹ Константин Егорович Маковский (1839–1915) живописец, портретист и автор исторических картин, один из ранних участников товарищества передвижников.

² По свидетельству воспитанницы Елены Александровны, ее двоюродной племянницы Е.Ю. Карцовой (в замужестве Концевич), Елена Александровна с молодости владела техникой рисования, и благодаря ей выявился художественный талант С.А. Нилуса, она научила мужа обращаться с красками, и «тут сразу же появились на свет прекрасные этюды, которые жили и дышали. В них чувствовалась перспектива, они передавали простор полей, воздух, солнечный свет. Таким образом, будучи врожденным музыкантом, он оказался еще и художником» (Е.Ю. Концевич. Сергей Александрович Нилус. Краткое жизнеописание).

*Схиигуменья София
(София Евгеньевна Гринёва)*

*Георгий Алексеевич Коссов
(известен как Егор Чекряковский)*

*Александр Петрович
Озеров*

Сергей Александрович и Елена Александровна черпали силы вести такую жизнь только в молитве. Около своей спальни они устроили крошечную молельню. Здесь, в этой «святой святой» их дома, изливались все мысли и чувства дорогих супругов в их совместных молениях. Никогда в жизни не забыть мне лика Спасителя в золотой старинной ризе. Этот «Нерукотворный Спас» принадлежал ещё деду Сергея Александровича. Я не могла оторвать восхищённого взора от этого образа, считавшегося чудотворным: благие, проникновенные и живые глаза следили за вами, они точно просили и уговаривали стать лучше, они проникали в малейшую мысль, они ласкали и прощали за покаянное чувство.

Таня и Елена Александровна, усевшись на диван, оживлённо беседовали, вспоминая родных и знакомых, рассказывая о прошедшей вдали друг от друга жизни, её радостях и печалях. Я же поведала Сергею Александровичу о моих первых шагах в духовной жизни, о моём незабвенном мальчике, о горе, перенесённом пять лет назад, и глаза моего слушателя наполнились слезами сочувствия. Рассказала я и о дорогой Маше¹, которую оба они хорошо знали, так как гостили у матушки Софии² – настоятельницы её монастыря.

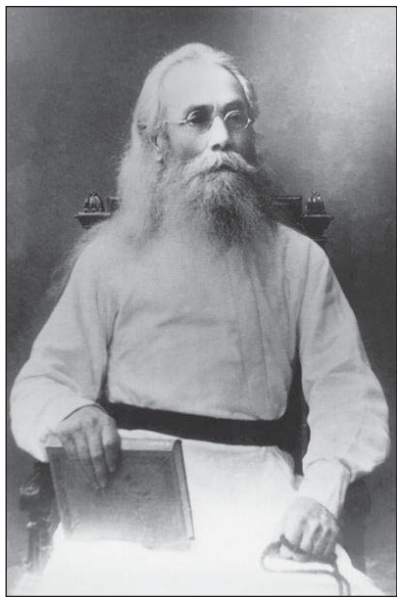
Затем я сообщила моему собеседнику, как впервые, восхищённая его книгой «Великое в малом», я решила непременно с ним познакомиться; как, прочтя его повествование «Егор Чекряковский», я ездила с Машею и старшей дочерью Ксенией к этому подвижнику³ и как рада теперь встретиться с Сергеем Александровичем.

В свою очередь и он рассказал мне историю своей жизни: хозяин дома принадлежал к семье помещика из Орловской губернии, учился в Московском университете, молодые годы свои провёл скорее рассеянно и шумно, но затем был очевидцем чудес. Прикосновение благодати изменило его жизнь. Он стал задыхаться в условиях прежнего времяпрепровождения и, в поисках новой жизни, уже к сорока годам, встретил подходящую себе по возрасту Елену Александровну Озерову, которая

¹ *Маша* горничная княгини, духовно близкий ей человек, позже монахиня Дугиненской обители.

² В миру Гринёвой [*прим.* автора]. *Схиигуменья София* (София Евгеньевна Гринёва; 1873–1941). С юных лет посещала Оптиную пустынь; под её духовным руководством основала *Дугиненскую обитель* в честь иконы Божией Матери «Отрада и Утешение», в 45 километрах от Калуги, при впадении реки Дугны в Оку. В 1913 г. настоятельница Киевского Покровского монастыря. Большевики арестовывали её четыре раза; ссылали. В 1981 г. была причислена к лику Новомучеников и Исповедников Российских, прославленных Русской Православной Церковью Заграницей. В 1989 г. была помертно реабилитирована. В 2012 г. была причислена к лику местночтимых святых исповедников Киевской епархии (решением Священного Синода Украинской Православной Церкви).

³ Духовный наследник преподобного Амвросия Оптинского, протоиерей *Георгий Алексеевич Коссов* (известный как *Егор Чекряковский*; 1855 — 1928) служил в сельской церкви Спас-Чекряк близ города Болхов Орловской губернии. При жизни его почитали как старца. В 2000 г. канонизирован в лике святых как *исповедник* – то есть тех, кто открыто исповедовал христианскую веру во время гонений.

*Преподобный
Варсофий Оптинский
(Плиханков)*

в то время стояла во главе отдела Красного Креста, находившегося под ведением Императрицы Александры Фёдоровны¹.

Покойный отец Елены Александровны был посланником, а впоследствии секретарём Государыни Императрицы Марии Александровны², после него осталась значительная пенсия в пользу единственной незамужней дочери, именно Елены Александровны. Большую часть этой пенсии она отдавала семье покойного брата, а также и слугам отца, пробывшим в доме до его смерти. Сама же Елена Александровна жила крайне скромно на меньшую и уже незначительную часть этих денег.

Полюбив друг друга, Сергей Александрович и она решили пожениться, но пред ними, как стена, стало грозное препятствие – потеря пенсии, а с ней рисовалось несчастье семьи покойного брата и престарелых слуг. Тогда, скрепя сердце, жених и невеста попрощались и расстались – наступило тяжёлое для них время.

Между тем, Императрица Александра Фёдоровна стала примечать печаль Елены Александровны и, наконец, добилась признания: долго молчавшая о тайне своего чувства, Елена Александровна вдруг высказалась. Тогда Государыня стала просить своего Августейшего Супруга помочь беде, а Государь приказал финансировать пенсию в полном её размере за счёт кабинета Его

Величества. Таким образом, замужество не могло больше влиять на прекращение выдачи пенсии, а причина, мешавшая счастью Сергея Александровича и Елены Александровны, была устранена трогательной добротой Царя и Царицы³...

Поженившись, супруги устроили жизнь соответственно своему настроению, и, живя в Оптиной, они продолжали благодарить Господа Бога за дивное промыслительное Его попечение об их судьбе.

– Я так счастлив, что теперь дорогая Леночка ведёт нас всех за собою на верёвочке, – закончил Сергей Александрович, с любовью глядя на свою жену.

Можно было учиться и радоваться, глядя на истинно христианский брак и счастье этих, уже немолодых, супругов.

– Леночка, ведь, не правда ли Татьяна Михайловна и княгинюшка с нами откушают?

– Нет, Серёжа, никак нельзя! Мы это с Таней уже обсуждали: ведь милый отец гостиник готовится к обеду, и потому это будет неудобно. Вот пожалуйста к нам в три часа, – обратилась она к нам, – тогда пойдём к отцу Варсофию в скит⁴ – только надо теперь же его об этом уведомить.

Старец Варсофий

– Присядьте, пожалуйста, княгиня, и расскажите мне о Вашем деле.

Дорогой батюшка сел на кресло и указал мне на скамью вдоль стены...

– А Вас, дорогое дитя моё, прошу пожаловать на исповедь ко мне завтра к четырём часам. Я соберу вас всех теперь прибывших, около восьми духовных дочерей моих, вот здесь, у меня в молельной, на

¹ Елена Александровна Нилус (ур. Озерова; 1849–1906) фрейлина императрицы Александры Фёдоровны, председатель общества Красного Креста в Царском селе; заведующая благотворительными учреждениями императрицы Александры Фёдоровны. В 1906 г. выйдя замуж, по традиции лишилась должности фрейлины и положения при дворе.

² Александр Петрович Озеров (1817–1900), русский дипломат, посол в Греции (1857–1861) и Швейцарии (1861–1869). С 1869 г. шталмейстер при Великой княжне Марии Александровне, дочери Императора Александра II, шталмейстер Высочайшего Двора (1874), обер-гофмейстер (1880), состоял при Императрице Марии Александровне до ее смерти в 1880 г.

³ Брак Нилусов вызвал осуждение в высшем светском петербургском обществе (Елена Александровна была старше мужа, у Сергея Александровича был внебрачный сын). Только благодаря заботе Императрицы Александры Фёдоровны этот брак состоялся. Кроме того, супружество Нилусов было освящено благословением св. прав. Иоанна Кронштадтского.

⁴ Иоанно-Предтеченский скит Оптиной пустыни был устроен в 1821 г. Именно здесь зародилось оптинское старчество. Первым старцем стал прп. Лев (Наголкин). Отец Варсофий (Плиханков) в 1907 г. был возведен в сан игумена и назначен настоятелем Оптинского скита.

общую исповедь, а потом побеседую с каждой отдельно. Да благословит Вас Господь, что печётесь о других; этим Вы смоете много и своих прегрешений. Сокровища земные хоронятся, сокровища же небесные расточаются в радости и счастии. Путь ко дворцу царя земного строго охраняется, а путь к обителям Царя Небесного ни для кого не возбраняется, и каждый, видящий его, в радости указывает на него другому, но видят этот путь, к сожалению, очень немногие. В этом и всё различие людей между собою. *Будьте благи, как голубь, и мудры, как змей*¹ – не расточайте только личных сокровищ из богатства милости Божьей; их открывайте лишь духовному отцу, да испытанному другу-сотаиннику. А общее сокровище – наше горение, нашу любовь к Богу и людям, нашу веру – это можно расточать и этим надо зажигать сердца людей. Каждый из нас должен в мудрости старчествовать для младшего, но в строгой границе того, что ему доступно. Благословляю Вас помогать всегда и всюду каждому, чем можете. Никогда не отказывайте бедному: отказ голодному ложится величайшим грехом на душу сытого. Если действительно нечем помочь, то на просьбу ответьте поклоном – эта ласка помешает душе несчастного ожесточиться. Благословляю Вас провести время с духовными детьми моими Еленой Александровной и Сергеем Александровичем. Они хорошие люди и выбрали путь праведный, потому, хоть и находятся в супружестве, но отец архимандрит, игумен Оптинский², благословил их жить в монастырской ограде. Итак, грядите с миром.

*Схиархимандрит Ксенофонт
(Клюкин)*

Отец Варсонофий, каждое слово которого я своевременно записала и запомнила на всю жизнь, благословил меня ещё раз и вышел со мною вместе...

Мне показалось, что прошло около часа. В дверях показалась Вера, но что это с ней? Всё лицо светится внутренним счастьем, хотя глаза заплаканы. Прорвалось затаённое горе и унесло грех, как пену, и несётся поток весенних вод души, полный радостных надежд. Помолодело и омылось сердце. Батюшка вызвал Таню, а затем Вера подседа ко мне.

– Я не знаю, как благодарить тебя. Уж, значит, батюшка велик, если сумел вырвать с корнем всю мою скорбь. Теперь, я чувствую, что после завтрашней исповеди и причастия я смогу думать о детях и смотреть им и всему миру в глаза, а тоска угрызений уже не подступает к сердцу, я полна надежд... До чего прозорлив батюшка! Он расспрашивал меня о моей жизни и сам напоминал по годам всё, что я не высказала и на что не обратила внимания. Затем он растолковал мне многое, во что я раньше не вдумывалась. Он мне сказал: «Вы выходили замуж в молодые годы, не понимая, что замужество есть один из видов несения жизненного креста. Находящаяся в браке уже ведаёт спасением не себя одной, но и мужа, и семьи своей. Складываются вместе два неровных камня и постоянным трением они должны отшлифоваться. Сколько должно быть терпения и упорства, чтобы этого достичь.

Вы не поняли, что несовершенство Вашего покойного мужа было то, что составляло, именно, возложенный на Вас крест, который надо было нести безропотно, тем более, что внешняя Ваша жизнь сложилась очень счастливо. Вы никогда не тянулись за помощью к Господу и никогда не просили Его научить Вас быть лучшей женой. Посланный Вам брак был легчайший путь к небу – Вы его не узрели. Тогда Господь попустил более тяжкий – Вы овдовели и согрешили, а страдания и стыд вызвали в Вашей душе смирение; за смирение и страдание Бог послал утешение и помощь. Таким образом, цель всего этого была привести Вас к любви Божией, памятованию о Нём, и к жизни, не по одному только имени христианской. Ведь когда раньше Вы сталкивались с верующими людьми, то, ведя весёлый и рассеянный образ жизни, Вы не обращали даже внимания на них... Итак, завтра, когда будете готовиться к исповеди, вспомните все согрешения Ваши со дней отрочества до сего дня и, лучше даже, запишите себе их. После этого, за обедней, Вы омоетесь от прегрешений Ваших через кровь и тело Господа Нашего. Новая жизнь откроется для Вас тогда. Но не забывайте милости Божьей, поданной Вам, и запомните, что чрез десять лет после Вашего греха будет у Вас новое искушение – смотрите, не впадите опять в напасть: держитесь и крепитесь...

¹ Ср.: Мф. 10, 16.

² Схиархимандрит Ксенофонт (Клюкин; 1845–1914), настоятель Оптиной пустыни в 1899–1914 гг.

Писатель Нилус о будущем России

– Вот видите, – сказал Сергей Александрович, – какие люди и с каким настроением приезжают сюда в Оптину. Вы понимаете теперь, как мы счастливы, когда, освящённые благодатью, выявляются лучшие стороны душ человеческих, с которыми мы здесь встречаемся, и как мы скорбим, представляя себе гибель в заблуждениях тысяч русских людей, не желающих излечить свои исковерканные души в этих дивных санаториях. Эта мощь и красота русской жизни знакомы городскому жителю мещанину, отчасти купечеству, очень много крестьянству и почти незнакомы интеллигенту. Каково старцам знать о надвигающемся наказании России и видеть близкую пропасть, куда с остервенением её неминуемо тянут!

Ещё преподобный Серафим начал об этом говорить, и целая плеяда старцев это повторяет, углубляет и подробно предвещает, а они всё продолжают толкать родину на погибель. Что жизнь частного лица, что государства – всё едино: ошибки, промахи, прегрешения вызывают увещевания, если его не послушают – следует начальное наказание, а это не подействует, – Господь попускает сатану отчасти показать свою силу. *Отец лжи*¹ приступает к своей известной всем работе: соблазнять и ввергать в позор. Море крови, стоны и стыд, ломка и крушение сопровождают его шествие. В частной жизни это кончается обыкновенно смирением и обращением, а в государственном масштабе процесс длительнее и потому болезненнее; но ведь Господу нужны сердца людей, а не искусство их и культура, особенно, если она служит сатане. Твержу и твержу я об этом в моих книгах, а всё, кажется, напрасно... – с горечью добавил Сергей Александрович.

– Серёжа, почитай нам что-нибудь из твоего дневника, – попросила двоюродная сестра хозяина дома. Мы все присоединились к ней и перешли в гостиную. Я редко проводила вечер интереснее: Сергей Александрович большой мастер пера – ведь красота его слога действует на всех чарующе, но к этому надо прибавить ещё и глубокое чувство, и убедительность патриота, и непоколебимую веру в правильность изложенных мыслей, что иначе и не могло быть при постоянном исповедании их у старца. Перечитывая его книги теперь, мы видим, насколько в личных предчувствиях он был чуток и прав. В своём дневнике Сергей Александрович рассказывал ещё непосредственнее и ярче о всех тех встречах и событиях из его собственной и из общерусской жизни, которые неминуемо предвещали надвигающийся ураган. Многие случаи, проходившие почти незаметно среди обычных житейских переживаний, в его разъяснении и освещении получали такую яркость и силу, что вразумляли своей убедительностью...

Перед исповедью: напутственное слово старца Варсонофия

В таком настроении мы просидели до трёх часов – пора была уже и расстаться. Мы вернулись в гостиницу, посидели, собрались с мыслями и пошли в скит к старцу. Вера была уже там, но не подавала вида, что заметила нас. В четыре часа вышел к нам драгоценный батюшка и, кроме Тани, меня и Веры, вызвал ещё несколько женщин, повёл нас всех к себе в молельню и обратился к нам со следующими словами:

– Дорогие дети мои, вы приступаете к великому Таинству Покаяния, а завтра, если Богу угодно, вы удостоитесь приступить к Таинству таинств, то есть к приобщению Святых Крови и Тела Господних. Хотя это будет и не в первый раз, конечно, в вашей жизни, но, тем не менее, хочу напомнить вам о превеликой действенной силе сего Таинства. Люди погибли от неповиновения Творцу, они же спасаются исполнением воли Божьей. А воля Божья состоит в том, чтобы мы, во исцеление душ и телес наших, со страхом и трепетом приобщались Его Святых Таин. Действие же их в нас заключается в следующем: Иисус Христос, Господь и Спаситель наш, отдал Себя на распятие ради спасения нас, то есть, ради любви Своей к нам. Эту-то любовь мы и воспринимаем в себя, если с верою приобщаемся Тела и Крови Господних. А любовь к Богу родит в нас любовь к ближнему и все добродетели: ради любви Божьей мы становимся смиренны, кротки, благи, милосердны, несоррливы, терпеливы, целомудренны, нестяжательны, усердны, прилежны, покорливы и щедры.

Войти и поселиться в нас Господь может лишь, когда всё в нашей душе убрано и выметено. Если силы материального мира в умелых и знающих руках работают на пользу человека, например: пар и электричество, а в несведущих и в неловких – могут калечить и убивать, то, тем более, страшно при-

¹ Ин. 8, 44.

ступать без подготовки и знаний к силам высшего порядка. Если законы материального мира точны, то каковы же должны они быть в мире недостижимой для человеческого ума высоты?

Иной раз людей постигают непонятные болезни, скорби и напасти. В таких случаях необходимо вспомнить прежде всего – не приступил ли кто к страшному и дивному Таинству Господнему без очищения сердца и без отрезвления ума. Я надеюсь, – вы поняли глубокую неразрывную связь между Таинствами Покаяния и Приобщения, и крепчайшую силу законов невидимого нашим глазом мира, а потому приступим к убранству нашей храмины для встречи Царя и Бога нашего. Помните, что вы должны стать детьми по искренности и вере, чтобы покаяние ваше было принято. Станьте на колени и, когда я буду читать покаянную молитву, вспомните все согрешения ваши и со слезами молитесь Господу простить содеянное вами и укрепить вас на добрый путь.

Мы опустились на колени, а батюшка взял большой лист бумаги, на котором была напечатана им самим составленная молитва, и начал читать медленно и проникновенно. Я ничего подобного никогда не слышала: что за мощь, что за сила, что за знание души человеческой! Кажется, ни одна тайная складка её не была забыта. Всё понимал, до всего касался старец, хотя молитва была такова, что и юноше и взрослому она могла быть прочитана, – и тому, и другому была бы лишь на пользу...

Глава 6. Поездка в Швейцарию и возвращение домой

В дороге

Костя¹ продолжительно болел хронической ангиной и в конце 1912 года уехал в Швейцарию. Не желая оставлять его одного, я решила вместе с семьёй чрез полгода приехать к нему. Мы ещё ни разу не ездили за границу таким караваном. Костя писал о необходимости взять своих русских людей. С бонною и детьми нас собралось десять человек. Провожая нас за границу, восьмого мая 1913 года, на Варшавском вокзале, Саша² мне сказал:

– Помни, мама, что я тебе говорил и продолжаю говорить: политическое положение неустойчиво. Я чувствую совершенно определённо, что Европа идёт к войне – из общего настроения другого исхода я не предвижу. Таким образом, тебе придётся возвращаться или Северным морем на Архангельск, или Средиземным на Одессу. Помни, что я тебе сказал и не пугайся, когда это настанет.

– Что это ты, моя деточка, как можно такими сказками меня пугать!

Саша конфузливо улыбнулся, но не противоречил.

– Потом увидишь, мама.

И он занялся нашим многочисленным багажом. Действительно, было чем заняться.

Тем временем ко мне подошел наш управляющий, чтобы нам помочь и передать письма для Кости. Пока я прятала всё им привезённое, подошёл Саша и, смеясь, сказал:

– Нет, мама, пойди рассуди сама, такой кунсткамеры я ещё не видывал!

Я с ним отправилась в другой конец вокзала и застала там следующую картину: стоит Феня, очень подходящим образом одетая, и в скромной шляпе, рядом с нею Аннушка – вся в тёмном, полная, степенная, с видом скитницы на богомолье, держит на ремне рыжего таксика (собачку) Пепочку, затем Филипп, наш кухонный мужик, тоже чисто и, как всегда, аккуратно одетый, но с огромным металлическим чайником в руках.

– Мама, посмотри, да можно ли так по Европе путешествовать?

– Да помилуйте, Ваше Сиятельство – вступилась Аннушка, – возможно ли без чайника ехать? Ведь эдак и без питья всю дорогу останемся! У них, у нехристей, небось, и вода никогда белым ключом не кипела. На границе своей хоть нальём, да в последний раз чаю и попьём. Ох, из чего это такая беда приключилась!

Аннушка была нервно настроена и не в духе.

– Мама, тебе это нравится? А взгляни-ка на сундук!

– Помилуйте, Ваше Сиятельство, – взмолился тут Филипп, солдат-семёновец, – да чем же он плох? Сундук – как сундук; да иначе нешто возможно? – Басурманы растрясут! – и он с любовью глядел на свою кованную солдатскую укладку.

¹ Князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский, муж автора романа.

² Князь Николай Иванович Лобанов-Ростовский, старший сын Веры Дмитриевны и Ивана Николаевича.

Дмитрий (в романе «Кирилл») и Яков Лобанов-Ростовский, Женева, 1914.

Я знаю – тебя раздражает, как ты считаешь, некультурный, слишком русский их вид за границую, а меня именно это и умиляет, и искоренить это в них мне больно...

Фейерверки в Швейцарии и предчувствие разрывающихся снарядов

К этому вечеру готовилась какая-то итальянская новинка пиротехники, и Никита был тоже среди учеников пансиона, интересовавшихся всем этим и занявших места на эстраде. Я рада была пойти туда, где был и мой мальчик, и мы с немкой поместились от них шагах в пятнадцати, под деревом. Вдруг я почувствовала какое-то безотчетное беспокойство.

– Знаете ли что, фрейлин Эмма, это место мне не нравится, перейдемте туда вон – хотите? – и я указала ей на незанятую скамью в тридцати шагах от нас.

– Конечно, сейчас помогу Вам. И там, я думаю, будет видно.

Я чувствовала, что милой молодой девушке всё же жаль было покидать хорошее место, но она немедленно, кротко послушалась и помогла перенести стулья. Я же спешила уйти от чего-то, что меня беспокоило. Фейерверк начался. Как всегда, изумительный. Перешли к фигурам: лился какой-то волшебный фонтан, светился какой-то огненный корабль, какой-то гигантский букет бросал все тени радуги от своих цветов. Вдруг, точно дугообразная молния сверкнула над эстрадою и прямо упала к месту под деревом. Через мгновение послышались зловещие слова: «tuée, tuée sur place»²... Мы подошли к месту происшествия – на полу лежала молоденькая девушка, и тут же, в луже крови, её отрезанная голова. Публика в ужасе ринулась по аллеям к выходу.

Я бросилась искать Никиту, но на эстраде уже никого не было, а отыскать ночью, среди толпы, кого-либо в огромном парке очень трудно. Публика на разные голоса рассказывала друг другу причины происшествия: один из вертящихся дисков был плохо закреплен, или от жары раскалилось место его скрепа, но только он оторвался и на пути полёта срезал явившееся ему препятствие.

Громкий протест печати и публики последовал за роковым происшествием, но плачущим родителям он не мог вернуть их семнадцатилетнюю дочь.

Над головой моего Никиты пролетел раскаленный добела диск, но не тогда суждено было Господом разлучить его с нами...

¹ Мама, ведь это очень тяжело (фр.) [прим. автора]

² Убили, убили на месте (фр.) [прим. автора]. Точнее: убита, убита...

**Жак-Далькроз
и его пластические инновации**

Гвоздём празднеств был Далькрозовский¹ спектакль, устроенный в специально выстроенном здании на берегу Lac Lemан. Фоном сцены в последнем действии было озеро и Монблан, и, когда по действительной воде, в историческом баркасе и в действительных тогдашних костюмах въезжали внуки и правнуки освободителей города, то мы, зная артистов, их семьи лично, следили за представлением с удвоенным вниманием. Но надо сказать, что и без этого спектакль представлял выдающийся интерес.

Нарочито построенный временный деревянный театр вмещал пять тысяч зрителей, присутствовавших или на утреннем, или на послеобеденном представлении, передававшем всю историю Женевы, начиная с кельтов и гельветов и кончая её освобождением в 1814 году.

Балет в триста человек, одетый в цвета теней, изображал массовыми телодвижениями, бегом и танцами исторические события, которые затем, в главных своих моментах, показывались в живых картинах. Последние появлялись в раме, на фоне сцены, и служили как бы иллюстрацией к танцам.

Кроме того, певцы и певицы, одетые по-концертному, пели из оркестра и дополняли впечатление, рассказывая всё о том же событии.

Это чередовалось с драматическими представлениями, тоже изображавшими наиболее интересные сцены из истории Женевы.

Всё кончалось открывающейся картиной на озеро. На фоне сцены раздвигался гигантский занавес, отделявший её и зрительный зал от самой воды, гор и неба, а по озеру действительно подходил баркас с освободителями. Эффект от всего этого был чрезвычайный!

Последний праздничный день закончился с *feux de joie monstre*².

Публики и, главным образом, наехавших иностранцев было так много, что были устроены зрительные места и на крышах примыкавших зданий. Да и действительно, это зрелище на воде было несравненно! Дети так хотели насладиться всем этим, что я не могла им отказать в удовольствии пойти с ними.

Итальянцы великие мастера пиротехники, они превзошли себя в этот вечер. Ракеты пускались по сотне штук сразу, причём они минут пять держались в воздухе. Казалось, что в необозримой выси лопались точно шары различных цветов, а из них вылетали роем, например, зелёные жуки и, полетав, лопались и превращались в голубые ленты, последние, в свою очередь, преобразовывались в золотые звёзды, которые скоро менялись в серебряный дождь, уже лившийся в озеро. Все это, изменяясь в цвете и в изображениях, неоднократно повторялось с неизменным рёвом будто падавших снарядов.

Нам казалось, что это грохот войны, а не фейерверк, настолько невероятный гул и запах пороха дополнял картину. Земля тряслась от такого столпотворения, а фигурный фейерверк на воде превосходил всякое воображение. Дышать становилось трудно, и мне лично было очень тяжело на всё это смотреть. Мучилась ли душа от предчувствия звуков, которые так много и долго ей придётся слушать впоследствии, или вспомнилось несчастье во время фейерверка, которого я была свидетельницей, не знаю, но только я была очень рада вернуться домой. Нервы были так напряжены, что долго я не могла заснуть...

Жак-Эмиль Далькроз

¹ Эмиль Жак-Далькроз (1865–1950), швейцарский композитор, чья пластическая школа «ритмической гимнастики» получила большое распространение в России в 1910–1920 гг. Новаторские достижения Далькроза утвердил и применил в своих сочинениях и практических курсах князь С.М. Волконский, сумев передать ее принципы и навыки, в частности, воспитанникам Московского Художественного театра. И после революции методы Далькроза продолжали развиваться в русском пластическом искусстве.

² Грандиозная иллюминация (фр.) [прим. автора]

«Вверх дном»

Наконец наступил тревожный июль 1914 года, завершившийся объявлением войны¹. Жизнь и её условия сразу же, как будто перевернулись вверх дном. Все были ошеломлены и не могли прийти в себя. Каждый считал долгом высказывать свои предположения и делать заключения, одно фантастичнее другого, но все одинаково сходились на том убеждении, что наступившая трагедия не может протянуться более двух месяцев.

Я же знала иное: с объявлением войны я испытала момент, правда, несравненно менее болезненный, но, тем не менее, тождественный по духу с тем, который пережила пятого октября 1903 года. Точно также что-то сильное толкнуло меня в голову, а внутренний голос сказал: вот твой сон. И поняла я, что мир увидит кровавую реку от края до края неба: «Еже согреших во дни сем». Конечно, эта река дана нам на лицеизрение не на два месяца, а на длительные и страшные годы.

«Жребий Никиты брошен...»

С началом войны Никита стал стремиться в Россию.

– Я перешёл в шестой класс, – говорил он, – и мне в сентябре будет шестнадцать лет; через два года мы перейдём в специальные классы. По всей вероятности, будет ускоренный выпуск офицеров, и тогда, восемнадцати лет, я приму уже участие в войне. Мама, очень прошу тебя исполнить мою просьбу – не удерживай меня и не бойся за меня. Мне так хотелось бы вернуться в корпус к началу занятий и поехать чрез Марсель морем на Одессу, пока это ещё возможно. Поговори с папа, убеди его – он боится меня отпустить одного.

Было немыслимо удерживать сына и гасить его патриотический порыв. После некоторого колебания мы с Костею решились отпустить его, тем более, что, хотя мы и думали вернуться в Россию, но выехать всем домом не могли так быстро. Никита стал хлопотать о визах и о своих билетах. Он проявил всю свою толковость, ловкость и энергию, а ведь в то время это ещё был совершенный мальчик. Он разъезжал по целым дням по жаре на велосипеде, и, наконец, добился всего, что было нужно.

Пятнадцатого августа мы уже провожали его на вокзале. Всё, казалось, уже переменялось: подали какие-то ужасные стародавние вагоны, куда рекою вливалась разношёрстная публика, а суматоха была такая, что ясно свидетельствовала о том, что необыкновенное происшествие перевернуло весь мир. Моё же неугомонное сердце всё твердило: «жребий Никиты брошен, свершилось неминуемое».

¹ 19 июля (1 августа н. ст.) 1914 г. Германия объявила войну России. 26 июля (8 августа) Австро-Венгрия объявила войну России. 2/15 августа 1914 г. Император Николай II в Георгиевском зале Зимнего дворца зачитал манифест об объявлении войны с Германией.

Берега без границ

Берега Беларуси

Татьяна Каленик

Татьяна Каленик родилась в г. Березино Минской области. Школьные каникулы проводила в деревне, где всегда ждали верные друзья: дедушкины медали; живущий за оконным наличником ветерок; берегиня-печь и сказочный паровозик, состоящий из деревянных катушек, на которые бабушка цепляла цветастую, как летняя поляна, ширму. Весёлой компанией мы занимали места в уютных купе, и локомотив уносил нас в мир фантазий и приключений.

Каждый вагон (катушечка) имел свою историю, свой затейливый изгиб на подстаканнике, свой, ещё непознанный нами привкус вагонного чая. Шли годы. Всё туже и туже затягивался корсет урбанизации, постепенно вытесняя из памяти хронику тех событий, но как хотелось прокатить мечтательниц-дочурок в нашем волшебном поезде! Как одинокий парус, белеющий в море одичавших трав, настырно сопротивляясь бегу дождей и облаков, будто всё ещё что-то оберегая, нас встретила... печь. Не чувствуя ног, я бежала в её объятия, упрекая себя в предательстве! Сюрприз всё же ожидал. Из недр печной таинственности улынулись глазки друга-ветерка. «На, вот, сказки наши напишешь», – пронёсся тихий шепоток, и невидимые ручки протянули состав заждавшихся катушек. Историю одной из них я рада сегодня представить

Бабушкины звёздочки

Эссе

Нет, столько звёзд, как бывало, во времена высоких технологий почему-то не наблюдается, а помню... Помню, выйдешь из дома, а звёзд в диаманте небес – дух захватывает! Будто сыпнула наотмашь щедрая рука! Великаны, малютки, проказницы – мерцают, смеются, словно давно во дворе ждут, из дома вызывают. А приметив знакомые глаза, обрадуются, как дети, искренне и неподдельно!

Сядешь на крылечке, прижмёшься плечами к деревянной стене и ощутишь, как отдаёт она последнее тепло, накопленное за день. Обласканная дневным светилком, она и сама ищет, кого бы обнять, кого в кручине утешить... Легко так станет – усталость, словно вода, убегает. Разомлеешь, голову запрокинешь, звёзды считать начинаешь. Они – как друзья недосыгаемые, но... всегда верные, загадочные. Кликнешь которую по имени – голос почтовой птицей всё выше, выше космическую толщу пронизывает... Через некоторое время звезда и откликнется: кокетливо подмигнёт, повернётся – платье с другой стороны явит и вновь струится в безграничный мир неустанным светом.

Надумаешь на сеновале заночевать – и вовсе до рассвета глаз не сомкнёшь. Бухнешься в объятия душистого сена – и улетишь в звёздное приволье, улавливая шепоток с высоты. А тишина – слух не насытит!.. Даже собаки не лают. Может, и они, высунув сонные морды из будок, парят в цветении звёздных садов? Ни мышь не прошмыгнёт, ни паучок в углу незастеклённого окошка не шелохнется. И только первый петух нехотя и робко нарушит эту тишину, объявив о завершении маленького променада, об окончании короткого свидания.

Нынче же... бежишь с работы, уткнув взор в квадратные лбы марширующих троллейбусов – нужный поджидаешь. Заберёшься в его ограниченное со всех сторон пространство и, уставив один глаз в окаймление оконного проёма, а другой – в прямоугольник современного друга-телефона, наблюдаешь за искусственным течением бытия и жизнью улиц, обрамлённых квадратами домов. В замкнутой кабинке лифта взлетишь в монотонность очередной конфигурации, заключённой четвёркой углов, глухих и скучных, и... Если и появится минутка на небо взглянуть – только и видишь: плывёт

одинёхонек-месяц да кое-где, побеждая настырный блэкбенд урбанизации, звёздочки его сопровождают.

А когда-то же... Выскочишь из тёплого дома в ядрёный осенний утренник, охватишь взглядом и душой открытые горизонты, вдохнёшь их свободу полной грудью, да и удивишься: на шершавых ладонях крыш красуются животиками тыквы беременные... Как они туда попали?

Бабушка смеётся: «Это звёздочки с неба слетели...»

Память быстро обновила зрелища августовских вечеров: лёгкие ветры трогают кожу, очаровывая бархатом уходящего лета. А звёзды, звёзды-молодухи, так и отрываются от баклажанно-чёрного полотнища небес и величественно устремляются в новый виток жизни, оставляя после себя мимолётный штрих невесомого флёра. Немного грустное шествие, но какое торжественное, какое многообещающее!

– Очень скоро мы примем у них роды, – остановила ход воспоминаний бабушка, – тогда опять на небе появится множество маленьких звёздочек – новых тебе друзей, а пока... Пусть полежат немного, время ещё не пришло...

Время, время, время, – отзывалось эхом сердце каждому шагу, а день за днём тянулись невыносимо долго. Как же не терпелось увидеть рождение звёздных младенцев и почувствовать их дыхание не где-то высоко в небе, а здесь, на земле, совсем рядом! Прикоснуться к ним, в руках подержать! Разве такое возможно? Может, поэтому через каждые полчаса я подбегала к двери, чтобы понаблюдать, не снимал ли кто обувь у порога, а с губ так и срывалось:

– Скажите, пожалуйста, а время ещё не пришло?

– Время... – в конце концов произнёс настенный радиоприёмник.

За ежедневной работой бабушка давно забыла о нашей с ней беседе и даже представить себе не могла, почему внучка так часто задаёт один и тот же вопрос, и какой смысл для неё имеет это загадочное слово.

– Ура-а-а! – оживилась я. – Время! Время пришло!

Женщина медленно выпрямилась, обхватив поясницу уставшими пальцами... Заправила белую прядь волос, выбившуюся из тесного плена платка на свободу, посмотрела на меня хитро и вскоре промолвила:

– Ну, время – так время.

Сердце мое затрепетало! Понеслось! А она... не в такт спокойно, не в такт размеренно направлялась под стреху низенькой баньки.

Хозяйка сняла с крыши самую спелую, оранжево-красную с зелёной прожилкой тыквину и важно положила её в ночёвки, которые пахли ароматной древесиной (их смастерил дед из ствола огромного дерева). Очень бережно, аж дыхание в этот момент перехватило, разрешила пушистое брюшко плода и...

О-о-о, сколько их?! Малютки-семечки! младенцы-звёздочки! Целая артель! Целая уйма! Бабушка ласково улыбнулась и торжественно вложила в мою маленькую ладошку несколько скользких зёрнышек:

– Ну, принимай новорожденных!

И впрямь, чем больше беременных тыкв попадало в деревянное корыто, тем богаче и богаче урожайные грядки небес засеивались ясными, играющими кристальным сиянием звёздочками!

Куда они нынче подевались? Где та щедрая рука, что сеет богато?

Стою неподвижно, теменью скованная, ищу глазами... а что? Голос родной пытаюсь уловить, а вокруг тишина непривычная.

Оглянулась... Бабушки не стало.

Бабы Зоси, бабушки моей подруги Анжелы, давно нет...

На прошлой неделе Хадосиха руки сложила... В последнее время у сына жила, в городе...

Уловить бы живой запах ночёвок... Исчезли. Да и зачем они, если не падают тыквы на крыши?

Крыши ... Крыши ... Крыши ...

Где вы, шершавые ладони деревенек наших?

Берега без границ

Берега Беларуси

Елена Курносова

Общественный Союз «Международная Научная Школа Универсологии» МОО «Эволюция Содружества», БОО «Сотворчество», Универсолог, психосистемолог, арт-терапевт, действительный член РОО «Арт-терапевтическая ассоциация»

Беларусь.

Миссия и предназначение

Есть в нашей жизни слова, которые мы часто используем, но немного отстранённо. Например, эволюция, миссия, предназначение. Эволюция – это Дарвин, которого мы изучали ещё в средней школе, а миссия и предназначение это из области чего-то высокого и далёкого. Но так ли это?

Ведь предназначение есть у всего: вода питает землю, огонь делает её плодородной, земля питает растения, растения – животных, животные служат человеку, человек возвращает Душу Так всё выполняет своё предназначение и эволюционирует. Есть своё Предназначение в эволюции развития и у нашей Планеты, и нашей страны, и у каждого из нас.

Мы живем в новую эпоху, в эпоху Водолея, «время наглядно демонстрирует нам необходимость преобразований в жизни...

Все конфликты в мире, войны и агрессия выступают как проявление конфликта человека и общества, выражение поиска пути примирения с самим собой» [1, с.5].

«И именно степень преобразовательности жизни человека в соответствии с Духом Новой Эпохи определяет сценарий развития Земли.

Дух Новой Эпохи – это формирование нового уклада жизни, строящего новый образ Будущего. Единение ярких индивидуальностей, живущих по законам природы и во имя общего блага, согласующих предназначение в коллективных действиях, что ведёт к процветанию отношений и общественному самоуправлению в жизни государств» [1, с.6].

«Всегда есть три направления развития: личности, коллективов, обществ – и они становятся равнозначными и соединяются в единой программе» [3, с.54].

Мы рождены для счастья, наша эволюция в том, чтобы от биологического существа дорости до человека Творящего.

Но сегодня мы живём в мире конфликтов и кризисов: это кризис экологии и науки, неравномерности развития и культуры, кризис здоровья и ценностных ориентиров, и, как следствие – кризис целей и перспектив развития.

Итак, всё в мире развивается в соответствии с законами природы [2]. Всё. Любая система жизни живёт в едином взаимообусловленном ритме развития Вселенной, всё имеет свою цель, миссию и Предназначение. Человек, коллектив, общество, страна, планета... целое слагается из частиц, и каждый человек несёт ответственность за эволюционность своего развития, за развитие своего рода, народа, планеты. У каждой страны есть свои миссия и предназначение, и, так же как и человек, познавший цель и смысл своего рождения, вступает на путь эволюционного природоориентированного развития, так и страна, познавшая свою миссию и предназначение, становится необходимым звеном в эволюции развития народов и планеты в целом.

ЧЕЛОВЕКУ важно различать суть таких краеугольных понятий для жизни:

- **РОДИНЫ** как Души, места рождения и обретения Предназначения народа, рода, фамилии;
- **ОТЧИЗНЫ** как Духа Нации, воплотившего человека с миссией Проводника Духа новой эпохи;
- **СТРАНЫ** как название пространства жизни, где мы как население раскрываем свою личност-

ную суть, проходя испытания и искушения, и где как странники мы путешествуем в поиске себя и своего Предназначения.

Беларусь. В чём же наша национальная идея?

Идея – как предназначение народа, отражение духовного опыта, наследия, ведущие к перспективам развития. **Национальная идея** определяется **на основе места и роли народа в мировой культуре 12-ти основных цивилизационных культур и его вкладу в их развитие**, по степени современной включённости народа в международную интеграцию и экономическое кооперирование.

Универсология [2] говорит о том, что любая система жизни (человек, коллектив, общество, раса, планета и т.д.) развивается циклично по 12 этапам (детерминантам) обретения эволюционных качеств. Так наша 5 раса (арийская) развивается в 12-ти основных цивилизационных культурах. Славянская цивилизация в этом цикле – «12-й исторический этап и завершает цикл 5-й расы, она вбирает в себя накопления мировой культуры всех предшествующих одиннадцати цивилизаций. В её недрах произойдёт синтез мировой культуры и рождение предтечи новой 6-й расы» [4, с.215].

Семья славянских народов (Россия, Беларусь, Украина) имеет свою миссию и предназначение в эволюционном развитии человечества.

Национальная идея характеризуется знаковым символизмом исторически признанных святынь народа: герб, флаг, великое наследие, герои народа, сказания, былины, мифы, т.е. библия народа.

Чтобы глубже ознакомиться с этим вопросом, воспользуемся определёнными универсальными алгоритмами. Например, любую систему жизни можно описать с позиции тройственности её проявления: пространство-время-энергия или, например, прошлое-настоящее-будущее. Итак, пространство Беларуси.

Географически **Беларусь находится в центре Европы**. Геометрический центр является аккумулярующим местом для всей фигуры. Что это означает для нашей страны? Для исполнения своего предназначения Беларусь очень важным и актуальным становится синтез опыта развития европейских государств, и привнесение его в дальнейшее развитие, как Европы, так и всего человечества в целом. Это позволит формировать новые идеи развития, слагающие ядро Духа народа, общества, планеты. **Чаша** достижений белорусского народа должна постоянно наполняться, а при выходе в новое качество развития системой жизни (человеком-коллективом-обществом), мир, говоря языком философии должен «переворачиваться» и новые перспективы новых достижений развития будут давать дорогу идущим. Вбирание опыта народов Европейской части Евразийского континента, углубление его и дальнейшее привнесение в эволюционные процессы, вбирание опыта всех славянских народов и передача его народам Европы как моста Восток-Запад, есть в истории нашей страны.

Приведу один пример: создание Статута Великого Княжества Литовского, изданного на белорусском языке. Идеи Возрождения и Реформации пришли на территории Великого Княжества благодаря молодёжи, обучающейся в университетах Кракова, Падуи, Кенигсберга, Лейпцига, Праги. Прямым следствием чего явилось создание первого правового документа Статута ВКЛ в XVI в., ставшего доктриной правового государства (1529г.) и повлиявшего на общественную жизнь других государств Европы. В дальнейшем он входил в правовые документы Российского государства, Малороссии, стран Европы.

Находясь в центре Европы, Беларусь соединяет в себе геополитические Восток и Запад. Основные тенденции **западного пути** развития – **воспитание яркой индивидуальности**, стремление к новому. **Восток** же индивидуализму предпочитает **коллективизм и братскую взаимопомощь**, изолированности – теплоту человеческих отношений, новизне – стабилизацию устоявшегося образа жизни.

Известный белорусский режиссер Николай Пинигин в своем интервью процитировал писателя Максима Горьцкого «У белоруса дзве души». И продолжил: «Одна западная, другая восточная. Мы можем вбирать то лучшее, что есть и там и там, при этом оставаясь собой».

Белорусская веротерпимость проявлена и в настоящем и в далеком прошлом нашей страны. Страны, где всегда рядом стояли православные храмы, католические костёлы, всегда было место и синагоге и мечети, христианство в первые годы своего становления на нашей земле мирно соседствовало с язычеством. Во многих белорусских семьях муж и жена имеют разное вероисповедание, но это не мешает им растить детей и с уважением относиться к родственникам, исповедующим другую религию. Беларусь не вела захватнических войн, не знала войн на религиозной почве, но несть

числа фактам, когда ценой собственной жизни защищали от врага ближнего, пусть и имеющего другое вероисповедание.

Итак, соединение Востока и Запада, единение индивидуализации и коллективизма, алгоритм рождения «единения ярких индивидуальностей» в трёх кругах обретения опыта (личное-коллективное-общественное). Не одна ли это из граней создания Кристалла Души, формируемого в чаше опыта Беларуси.

Многие сыновья и дочери земли Беларуси достойно вошли в историю, России, Украины и других стран: первопечатник Франциск Скарына, просветители Ефросинья Полоцкая и Симеон Полоцкий, Кирилл Туровский, София Слуцкая

Полоцкая княжна Рагнеда – сложна и неоднозначна судьба её. В рождении Рагнеда, в крещении Анастасия, народная молва дала ей имя Горислава: таков был её сложный жизненный путь. Но Рагнеда стала матерью полоцкого князя Изяслава, великого князя киевского Ярослава Мудрого и первого князя волынского Всеволода.

Когда в XII веке над страной нависла угроза физического уничтожения, порабощения, на исторической арене появилась другая полочанка – Евфросиния Полоцкая. В то время все полоцкие родовые князья оказались в плену и были высланы в Византию. В Полоцкой земле не осталось ни одного Рогволодовича-Всеславича, кто имел бы право и мог бы управлять страной. Евфросинья (урожденная княжна Предслава) отказалась от династического брака, ушла в монастырь, основала под Полоцком монастыри мужской и женский, ставшие центром просвещения. Евфросинья, будучи из рода Рогволодовичей-Всеславичей имела государственную печать и приняла на себя обязанность княжеского правления (в то время это была редкая ситуация). Последнее её паломничество в Иерусалим было одновременно и дипломатической миссией: из Византии были возвращены князья полоцкие, а путь пролегал через враждующие земли князей Руси и Киева, и Евфросинья способствовала их примирению.

Симеон Полоцкий (Самуил Гаврилович, 1629–1680), астролог, поэт, иеромонах, воспитатель будущего царя Алексея Михайловича (первый царь Романов, Михаил Федорович, приняв престол в 16 лет не умел писать), дети же его получили, благодаря Симеону, одно из лучших образований того времени. Софья Слуцкая, поэт Максим Богданович, композитор Михаил Огинский родился под Варшавой, долгое время жил в Беларуси, служил российской империи... и этот ряд людей объединяющих собой, своей жизнью наши страны можно продолжить.

Взгляните на герб нашей страны: чаша колосьев и льна, рождающая в себе тройственное (земля-солнце-небесная сфера) ядро обретения опыта в трёх кругах развития (личное-коллективное-общественное), сравните со знаком Плутона: чаша зерна Духа, опирающаяся на единение вертикали целенаправленного развития и горизонталь синергетического взаимодействия. Тройственное Предназначение Белой Руси: чаша, зерно Духа и крест судьбы.

Такой же крест проявлен в гербе России (развивающаяся по данным астросистемологии в энергиях планеты Уран) и Украины (планета Нептун): семья славянских народов вместе (12 детерминанта эволюционного развития) должна обрести опыт гармонии двух стилей в развитии: мужского (вертикаль) и женского (горизонталь). Беларусь, согласно астросистемологии, ведомая Плутоном, вбирает

достижения народов Европы, Востока и Запада, символ «чаша» и обретает опыт согласованного иерархического развития (крест судьбы) в эволюционном развитии народов Европы, славянских народов, человечества и планеты в целом. При этом Беларусь должны быть выстроены объединяющие отношения со всем миром. В семье славянских народов, развивающихся, как и всё человечество, в соответствии с принципом тройственности накопления опыта формопостроения-взаимодействия-управления, Беларусь проходит опыт развития этапа взаимодействия и несение объединяющей, согласовывающей и миротворческой функции. Это актуально для нашей страны.

Сейчас в Украине идет война, и Минские соглашения были призваны урегулировать существующий конфликт. Пока этого не произошло, но возможно поиск новых форм взаимодействия приведёт к долгожданному мирному результату решения конфликта. В Беларуси должно родиться зерно согласования и единения. В своё время Брестский мир выводил Россию из войны, Беловежские же соглашения начали этап самостоятельного развития бывших республик. Жаль, что пока нет опыта согласованного эволюционного развития, как бывшего СССР, так и европейского союза. Но и сегодня ведомства СНГ ведут свою работу в Минске.

Итак, миссия и Предназначение Беларуси:

Удерживать **вертикаль** целеориентированного развития, что означает **природоориентированное иерархическое развитие** в соответствии с Духом Новой Эпохи.

Строить отношения **единения** (чаша опыта) и **согласованного развития** на евразийском континенте с народами Европы, братскими славянскими народами и со всем миром с учетом реалий многополярного мира во имя Будущего (крест судьбы).

Стать центром Европы, не только географически, но и геополитически, соединяя в себе как синтез опыта развития народов Европы, так и опыта братских славянских народов, рождая новые идеи (зерно Духа) согласованного природоориентированного развития и мира.

2018 год – год особенный. Обратимся к графику Ганю, к той точке, в которой мы находимся сегодня. Как мы видим, уже в следующем году начнется рост развития, экономический рост, рост воплощения задуманного. И то зерно единения, которое будет нами найдено сегодня-завтра даст свои всходы и свой урожай в ближайшие десятилетия роста.

Не бывает отдельно развивающейся страны и бредущих в другом направлении её сыновей и дочерей. От каждого гражданина зависит будущее его страны и планеты. Общество будущего рожают люди будущего. И каждый, проходя путь личного примера ответственности, дисциплины, устремлённости, постоянства, надёжности, яркого Подвига Чистоты осознания Истины формирует общество будущего. Универсология [2] позволяет уже сегодня, раскрывая внутренний мир всех явлений, строить новую жизнь по законам природы, искать новизну во всём, открывать непознанное, строить новый природоориентированный образ жизни, вынашивать коллективное сотворчество обмена ценностями предназначения, формировать иерархию ценностей нового мира многоуровневых отношений в обществе, в общественном самоуправлении. У каждого народа своя миссия и предназначение, но реализуются они лишь в единении.

Девиз развития нашего народа в семье братских славянских народов: «Новый Мир новых отношений рождает новые возможности развития» [3, с.56].

Литература:

Поляков В.А. «Манифест Эволюции Человечества», 3-е переиздание, МН: «ВЭВЭР», 2015. – 80 с.

Поляков В.А. «Универсология», МН: «ВЭВЭР», 2003 – 200 с.

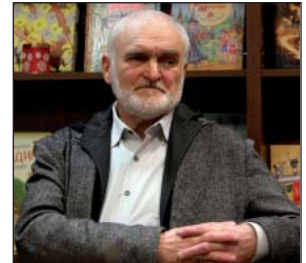
Поляков В.А. «Портал из Будущего», Москва, 2017, с.112.

Поляков В.А. «История Вечности. Эволюция планеты и человечества. Универсалии бытия»/ 2-е изд., перераб. и доп.-М.: Амрита-Русь, 2005.-272 с. Ил.

Берега без границ

Берега Латвии Сергей Воробьёв

Воробьёв Сергей Павлович, родился в Ленинграде. Автор нескольких книг прозы, вышедших в издательствах «Светоч» и «Алетейя». Со-председатель рижского Общества литераторов «Светоч». В СП РФ с 2011 года. Редактор и составитель литературного сборника «Русская проза XXI век»

Извивы моды в стиле а-ля Петрович

Как мне представляется, мода на одежду и на отдельные её аксессуары вытекает из парадоксальности человеческого поведения и возникает из каких-то передающихся по невидимым проводам токов глобального синергетического потенциала, непостижимым образом воздействующего на неспокойные массы народонаселения нашего Земного Шара.

Для упрощения этой мысли приведу пример почти поголовной моды на яркие красные или розовые кроссовки, одеваемые на голую без носков ступню, на короткие узкие брюки в обтяжку, на засученные под локоть рукава «стильных» пиджаков, на стоячие гребни волос на головах, напоминающих плюмаж на шлеме римского центуриона, и на словосочетание «как бы», вставляемое в обиходную речь и уже проникшее в сознание чуть не половины наших модников и модниц. Всё это в своём разномастном сочетании даёт нам пример новомодного человека, коего встретить сейчас, особенно в больших городских конгломерациях, не представляет большого затруднения.

Могу предположить, что мода сия пошла со случайного, в какой-то степени, закономерного примера, который не сразу и весьма опосредованно поселился в памяти отдельных людей, а потом спонтанно, по неизвестным и извилистым законам массового психологического воздействия, основанного на некоем зародившемся однажды в мозгу впечатлении, распространился по планете лавинообразно, захватывая всё новые и новые массы наиболее впечатлительных. До некоторой степени эта (или другая) мода принимает форму перманентного закона, действующего до появления новых моделей внешнего самоукрашения.

Ещё в конце семидесятых в Советском Союзе достать какие-либо кроссовки, а особенно красные, было настолько трудно, что спортсменам, тренерам и людям, тем или иным образом приобщённым к спорту, приходилось довольствоваться спортивной обувью, выпускаемой в основном отечественными фабриками «Красный Треугольник» в Ленинграде и «Красный Квадрат» в Риге. Это были или белые парусиновые тапочки, или кондовые кеды зелёного и коричневого цветов по 4 рубля 50 копеек за пару. Импорт из Вьетнама аналогичной продукции на полках магазинов обычно не залёживался. Наш учитель по физкультуре и тренер секции юных футболистов Петрович не утруждал себя поисками дефицитных тогда эстонских кроссовок, напоминающих классическую лодку карибских индейцев каноэ. Я уж не говорю о лёгких и почти изящных вьетнамских кедах. Ему просто повезло: кто-то из родителей нашей группы привёз ему в подарок белые супер-кеды «Два мяча», достать которые в те почти былинные времена было практически невозможно. Два мяча – это мечта каждого школьника или студента.

Петрович эти кеды почти не снимал. Он был в них и в спортивном зале, и в нескончаемой сутолоке города, и в школьных классах, и на стадионах при тренировках и судействе футбольных матчей. Было подозрение, что он в них и спать ложился. Но поскольку этого никто не видел, то последнее предположение всё-таки остаётся на уровне ненаучной гипотезы. Тем более что жена Петровича эту гипотезу не подтверждала.

В итоге уже через полгода кеды Петровича потеряли свой натуральный белый цвет и приобрели натуральный буроземлистый. Никакие стирки в стиральных растворах или чистки зубным порош-

ком не помогали, и в один удобный момент, когда жена в большом эмалированном тазу проваривала в ядовито-красном анилиновом красителе свою старую битловку, Петрович бросил туда и свои любимые кеды «Два мяча».

Результат превзошёл все ожидания: бурый брезентовый верх кедров приобрёл густой бордовый цвет, а битловка пошла разводами самых причудливых форм, размеров и оттенков от слегка розового до густо-малинового с серыми крапинами.

Считаю, что с этого момента пошёл отсчёт времени на «внутриутробное» развитие нового течения в моде. Но мало создать предмет вождения охотников на модное и экстравагантное, его ещё надо продемонстрировать публике, запустить его в массы сначала на уровне сознания, а потом уже и растиражированного материального воплощения.

Материальное воплощение в пока ещё единственном варианте было уже готово: бордовые кеды вместе с живописной женой битловкой ждали своего «звёздного» часа в спортивной сумке Петровича. Жена ему так и сказала: «Раз ты такой умный, тренируй детей теперь в том, что сам и сотворил».

– А почему бы и нет? – бодро отреагировал на это муж. – В нашем деле важна не форма, а содержание. Не на Олимпийских же играх выступаем. А тренировать детей можно в чём угодно, даже в бордовых кроссовках и цветастой водолазке.

– В битловке... – поправила жена.

Когда дети в первый раз увидели Петровича в нештатной форме, пошли смешки и хихиканья. Но потом постепенно привыкли и на новую одежду Петровича просто не обращали внимания. Тем более что тренер он был классный, его школьная команда метила в чемпионы района по футболу. А это было главным.

Следующим этапом продвижения нового стиля а-ля Петрович стал педсовет, на который сам невольный «законодатель» явился в своём обычном рабочем виде: бордовых кедах на босу ногу, узких тренингах, доходивших ему до щиколотки и не то вылинялой, не то измазанной красками битловке с высоким, закатанным у подбородка воротом.

Если подопечные ему ученики уже привыкли к такому виду своего тренера, то педагогическая аудитория встретила своего коллегу непроизвольным коллективным возгласом удивления на грани затаённого восторга. Петрович быстро оценил ситуацию и громким, хорошо поставленным голосом объявил:

– Товарищи, не обращайтесь внимания на мой повседневный рабочий вид, куда-то пропал ключ от моего шкафчика с одеждой, пришлось идти вот так, не переодеваясь...

И он оттянул в сторону свои тренинги, как клоун на манеже, раскланивающийся перед достопочтенной публикой и свистнул в судейский свисток, который он так и не успел после занятий вынуть изо рта. Учительница по пению даже начала хлопать в ладоши, но на первом же хлопке осеклась и стала откашливаться в ладонь, чтобы как-то сгладить конфуз и смущение. Но в любом случае появление нашего физрука и футбольного тренера в том виде, в котором я его описал, произвело впечатление на аудиторию. И особенно на лиц из горно (Городского отдела народного образования), присутствовавших на педсовете по случаю вручения грамоты за лучшую тренерскую работу среди школ района. И грамота эта как раз и предназначалась нашему Петровичу. Его ждали все. И он явился. Уверен, что явление это оставило след в головах присутствующих и закрепилось в подсознании: у кого глубоко, у кого – не очень.

Петрович поискал свободное место и сел рядом с учительницей пения, особой весьма молодой и довольно привлекательной. Единственно, что её портило, так это очки в пластмассовой оправе с выпуклыми объёмными линзами, делавшими её выразительные глаза похожими на выпученные зенки известного земноводного животного. Когда Петрович обосновался рядом, она сняла очки, кожа на её лице порозовела, и она превратилась просто в красавицу. Петрович это сразу оценил и тут же признался ей на ухо, что если бы он не был женат, то прямо сейчас предложил бы ей руку и сердце. Отчего наша красавица ещё больше зарделась и деликатно высморкалась в розовый кружевной платочек. А Петрович, заложив левую ногу на своё правое колено, стал усиленно мотать этой ногой в бордовом кеде так, что задел впереди сидящего учителя химии. На что химик, обернувшись всем корпусом к Петровичу, наставительно заметил:

– Эдуард Петрович, если вы надели красные штиблеты, то это не значит, что ими нужно пинать кого-то в спину.

– Это не штиблеты, – обиженно поправил наш тренер по футболу, – а кеды «Два мяча», в спешке и по незнанию покрашенные анилиновым красителем.

– Предполагаю, что по химии у Вас была двойка, – едко заметил химик.

Петрович хотел было уже возразить, что не двойка, а твёрдая тройка, но в это время начальник горно – объёмная корпулентная женщина, одетая в строго номенклатурных рамках, встала из-за стола и произнесла низким грудным голосом:

– А сейчас, товарищи, разрешите мне вручить Грамоту за лучшую тренерскую работу Слёзкину Эдуарду Петровичу. Он воспитал достойную спортивную смену, а футбольная команда старшеклассников вашей школы заняла первое место в матчах этого сезона и стала победителем футбольного первенства среди школ нашего города.

– Ура.., – с придыханием произнесла учительница пения.

– Вот именно – ура!, товарищи. Эдуард Петрович достоин этой Почётной грамоты!

Петрович опять наклонился к уху певчей учительницы и громким шёпотом произнёс:

– Лучше б деньгами!..

Все зааплодировали, и Петрович опять предстал перед всем собранием в своём ярком одеянии. Поскольку начальник горно долго жала и трясла руку нашего визави, у присутствующих выдался шанс детально оценить наряд премируемого коллеги. Петрович был неподражаем, он напоминал гусеобразную водоплавающую птицу Коскоробу с красными перепончатыми лапами и красным же клювом. Вечно красный «клюв» – это результат длительного пребывания Петровича на сыром и часто промозглом воздухе. Ну, а «красные перепончатые лапы», как уже стало всем известно из пикировки с химиком, явились результатом неудачной покраски спортивных кедов марки «Два мяча». Всем хотелось задать вопрос, где Петрович достал такого необычного раскраса битловку. Но на это ни у кого не хватило смелости, даже у самой учительницы пения.

Петрович вернулся на своё место и опять что-то прошептал на ухо соседке, отчего та опять зарделась, и её лицо приобрело цвет спортивных кедов нашего награждённого спортсмена. Она машинально взяла грамоту из рук Петровича и стала рефлекторно и часто обмахиваться ей, как веером в переполненном театре.

Пока начальник горно говорила о повышении среднестатистической общей отметки по школе, Петрович несколько раз нервно посмотрел на часы, потом резко встал и сказал так:

– Пардон, товарищи, за извинения, но мне срочно нужно бежать в детсад забирать детей. У меня их четверо. И все мальчики, – зачем-то добавил он. – Эдуардычи... Жена сегодня во вторую смену вышла, вся нагрузка с детьми сегодня на мне.

Не успела представитель народного образования отреагировать на незапланированный вброс этой информации, как Петрович, мелькая своей яркой обувкой, молнией выскочил за дверь. Минуту простояла неожиданная тишина, после чего учитель химии произнёс:

– Вот что значит спортивный дух и регулярная тренировка! Это вам не аш два эс о четыре!

...думается мне, что именно с этого момента и возник вирус моды на красные штиблеты и неопределённого пятнистого цвета футболки. Он незаметно проник в наше сознание и стал умножаться и распространяться в пространстве и во времени наподобие некой эпидемии. Сначала эпидемия проявила себя в виде потребности на красные носки. Согласитесь, наладить выпуск носков гораздо проще и дешевле. И потом перейти сразу на красную обувь – не поймут. Так что носки были своего рода притравой, медленным внедрением красного в наш быт и обиход, а в итоге – в наше бургерское мировоззрение. Достать и носить красные носки тогда считалось шиком и большой удачей. Учеников, правда, за это трепали за уши.

Пятнистые футболки появились несколько позднее. Ушлые домохозяйки делали их так: закупали в магазинах белого цвета нательные рубашки или майки, завязывали на них множество узлов и бросали в кипящий краситель. Рубашки окрашивались в заданный цвет, но на месте развязанных потом узлов появлялись узорчатые пятна, так как краситель только частично проникал в плотно скрученные затяжки. Теперь эти «фирменные» рубашки, футболки и майки пятикратно поднимались в цене и приносили некий доход предприимчивым красильщикам. мода эта довольно быстро прошла и образовалась пауза. Вирус красных ботинок и кроссовок ушёл в неопределённую спячку.

Правда, в 90-е появились малиновые пиджаки – предвестники спящего тренда. И, наконец-то! – новый век пробудил зачин нашего Петровича, и все, кто хоть немножко уважал себя, стали носить

обувку именно по типу а-ля Петрович. Это могли быть и красные туфли, и оранжевые мокасины, и розовое нечто без каблука, но больше всего, конечно, полюбились всех оттенков красные спортивные кроссовки. Кеды как бы ушли в прошлое. Причём красного цвета кроссовки уже не считалось зазорным носить, скажем, под современный элегантный пиджачный костюм. И даже не то, что зазорным, но даже обязательным для некоего дресс-кода. И если ты, не дай Бог, надел под костюм стильные и дорогие ботинки из крокодиловой кожи под стать брючному ремню и часовому ремешку, то это считалось даже неприличным. Красные кроссовки! – вот универсальный ключ к современной моде. Их можно носить в любом сочетании, не взирая на стиль и цвет верхней одежды. Красные кроссовки открывали двери в любые закрытые клубы и самые уважаемые заведения. Они были меткой времени, универсальным кодом и паролем.

Спасибо тебе, далёкий и близкий Петрович! Твоё имя не выбито на подошве модных сейчас изделий. Но оно отразилось на скрижалях времени и подтверждение тому – это короткое свидетельство.

Я встретил Петровича случайно, через много лет, постаревшего, поседевшего. Он меня не узнал. Но когда я назвал его по имени и отчеству, сделал вид, что что-то вспомнил.

– Эдуард Петрович, – решил я освежить его память и чтобы привести в разговор некий памятный знак из его биографии, – а где ваши красные кеды «Два мяча»?

Петрович уставился на меня, как на языческого идола.

– Какие ещё два мяча?.. Шутите, наверное, – с большим недоверием на лице отреагировал бывший тренер.

– Не помните, значит... А жаль.

Я посмотрел на его ноги. Он стоял в стоптанных нечищенных ботинках неопределённого цвета, да и сам был под стать ботинкам – помят и будто покрыт пылью времени.

Вот он, – подумал я, – великий законодатель моды, награждённый когда-то Грамотой за лучшую спортивную работу, выведший свою школьную футбольную команду на первое место в своём городе. Весь мир перенял тренд его случайной находки – модную красную обувь. А сам он ничего не помнит и ничего не знает. Таковы капризы и извивы моды.

Берега без границ

Берега Латвии

Альбина Панкова

Альбина Анатольевна Панкова (Сычёва) родилась в Брянске (Россия). Детские годы прошли в Ленинграде (Санкт-Петербурге), затем – Украина, Казахстан, Латвия. В Риге окончила Латвийский Государственный педагогический институт. Последующие годы отданы педагогической работе. Член Русской писательской организации Латвии, Международной ассоциации писателей (МАП), член-корреспондент Европейской академии литературы и искусств (ЕАЛИ), лауреат звания «Золотое перо», учреждённого (ЕАЛИ). Печаталась в периодической печати, в литературном альманахе «Русло», журналах «Даугава», «Корни», в других журналах и ряде поэтических сборников. Автор пяти поэтических сборников. Более десяти стихотворений положены на музыку рижским композитором Нелли Хакель. Живёт в Риге

В ВЕШНИЙ ДЕНЬ

Отзвучали в апреле капели –
И природа очнулась от сна,
Птицы с юга домой прилетели,
Гиацинтами пахнет весна.
И смеётся задорнее солнце,
Прогоняя нахмуренность туч,
А сердца открывают оконца,
Чтоб вошёл в них любви светлый луч.
В вешний день вновь душа молодеет
И не чувствует тяжести лет,
Вновь поэт вольной рифмой владеет –
Ведь давно с нею дружен поэт.

ТИХАЯ ГРУСТЬ

О прошедшем тихая грусть
Стала ясным осенним днём.
Всё святое в памяти пусть
Не угаснет в сердце твоём!
Дни, как листья, увянув, кружат,
Исчезая один за другим.
Не вернуть былого назад –
Листопад ведь не отворотим.
Отцвела по весне сирень,
Летний колос давно созрел,
С тихой грустью осенний день
Свою песнь о былом пропел.
А зима укутает боль,
Пропоёт снегами метель;
Память ты свою не неволь
Счётом горьких, былых потерь.

Уплывают дымкой года,
За собой тянут жизни нить;
Пепел чувств, отгоревших тогда,
Ни к чему теперь ворошить...

ОЧАРОВАННЫЕ ДАЛИ

Тайной очарованные дали...
Как они всегда к себе манят!
И становится тогда печален
Затуманенный мечтою взгляд.
Кажется, что там, вдали, такое,
Что для счастья не хватает нам;
И душа, лишившись вдруг покоя,
Тянется к вокзалам, поездкам.
Манят нас в несбыточную дымку
Самолёты, поезда и корабли:
Ведь они уходят в невидимку,
В край волшебный призрачной земли.
Человек – всегда он в мире странник,
Ищет, словно что-то потерял,
Иногда вдруг поступает странно:
Бросив всё, он ищет свой вокзал.
Вслед машу я незнакомым людям,
Кто покинул порт или перрон
И из наших серых, скучных буден
Выбрал свой причал и свой вагон.
И меня задумчивые дали
Тоже так влекут и так манят,
Что порой становится печален
Затуманенный мечтою взгляд.

ПИСЬМО

Писала женщина в дороге,
 Но строчки ровными легли;
 В них нет сомнений, нет тревоги,
 Лишь грусть по умершей любви.
 Вокзалы мимо проплывали,
 Сиял в огнях ночной перрон,
 Колёса ритмы отбивали,
 И засыпал под них вагон.
 Ложились на бумагу строчки:
 Одна к одной, одна к одной.
 Сжимало сердце одиночество:
 Как жить одной?.. Как жить одной?
 Рвалась душа, опустошённая,
 Куда-то вдаль, куда-то вдаль...
 И жизни, попусту сожжённой,
 Ей было жаль, безумно жаль...

ДОРОГИ

Дороги... В вас мои полжизни вложено:
 Шоссе и тракты, водные пути,
 Заоблачные трассы, что проложены
 Там, где ни стёжек, ни дорожек не найти,
 Экспрессы, электрички и автобусы,
 Метро, трамвай, троллейбус и арба...
 А сколько мест знакомых есть на глобусе!
 Деревни, сёла, полустанки, города...
 Волненье сборов, суета дорожная,
 Такси, вокзал или аэропорт.
 И вот – вошёл в вагон иль, как положено,
 По трапу поднимаешься на борт.
 Расположился, обжился – и хлопоты
 Вдруг отступили, лишь дорога ждёт.
 Теперь ты пассажир, чаёвник опытный, –
 С попутчиками мне всегда везёт.
 Ведь сколько их, случайных, непримеченных,
 И тех, кто в памяти моей оставил след,
 Душевными беседами отмеченных!
 Случалось дельный получить совет.
 И лёгкость на душе, когда не скован ты
 Домашними оковами забот,
 И разговор, душевный и раскованный,
 Без края и конца идёт, идёт...
 Дороги вы дорожки, перепуточки!
 Под перестук колёс, под шум волны
 Всё ясным кажется, простым и незапутанным,
 А за окном – простор родной страны...
 Я вас люблю, зовущие, манящие
 Дороги. Мне всегда легко в пути,
 В той жизни, что размеренно скользкая;
 По ней бы без конца идти, идти...

ЖИЗНЬ

Жизнь состоит из встреч и расставаний,
 Душевных откровений, глупых ссор,
 Разлук и неожиданных свиданий;
 В ней – боль утрат и ревности укор,
 Пожар любви, всплеск разочарований
 И поиск смысла (юности удел),
 И ловля счастья, крах былых мечтаний
 И много нужных и не нужных дел...
 Но человек без парусов и снасти,
 Сам, не пугаясь ни потерь, ни ран,
 Без компаса ныряет в бездну страсти,
 В безжалостный житейский океан.

БОНЯ

Его хозяин бросил, и он у дома рос,
 Заброшенный, несчастный, ничейный Боня-пёс.
 Он рослый был, мохнатый, красивый, но – ничей,
 Не знали, кто дал кличку, но знали все о ней.
 Обиды он не помнил, кормился кое-как,
 Был незлобив и весел ничейный пёс-босяк.
 То, что судьбой наказан, наш пёс не понимал
 И жизнь свою, без сказок, такой он принимал.
 Жильцы его кормили (многоквартирный дом),
 Привыкли все, что Боня живёт при доме том.
 Не вспоминал обиды тот беззащитный пёс,
 И добрым, безобидным да ласковым он рос.
 Его ласкали дети, но всё ж он был ничей,
 Как человек-бродяга, лишившийся ключей.
 Он бегал без присмотра, скитался, где хотел,
 Облаивал машины, жил так, как сам умел.
 Он мёрз зимой в морозы и мокнул под дождём,
 Порой его жалели, и кто-то брал в свой дом,
 Не в дом, к себе в квартиру. И всё ж,
 он был – ничей.
 Сменялся год за годом, бежали дни быстрей,
 С годами всё менялось, и только лишь у пса
 Жизнь так же продолжалась у дома, у крыльца.
 У нашего рассказа всё ж будет Happy end:
 Пёс приобрёл хозяев, он нынче – джентельмен.
 Теперь живёт в квартире и стал домашним псом,
 Имеет свою миску, спит на ковре при том,
 С хозяином на дачу в машине ездит он.
 Такая псу удача, такой волшебный сон!
 Хоть постарел, местами седой на морде ворс,
 Зато уже не мёрзнет, не голодает пёс.
 И очень Боня счастлив и благодарен он –
 Хозяев обожает, во всю семью влюблён.
 Но трудно псам бездомным хозяев приобрести,
 Хотя людей душевных на свете много есть...

Переводы

Любомир Левчев

Любомир Спиридонов Левчев (род. 27 апреля 1935, Троян, Болгария) – известный болгарский поэт, прозаик. Действительный член Европейской академии искусства, науки и культуры (Париж, Франция). Удостоен многих международных наград, в том числе золотой медали Французской академии за поэзию и почетного звания Рыцаря поэзии (1985). Стихи начал писать рано. Первая книга «Звездите са мои» («Звёзды – они мои») вышла в 1957 году. Окончил философско-исторический факультет Софийского университета. В 1961–1971 годах работал редактором, главным редактором газеты «Литературен фронт». С 1975 по 1979 годы был первым заместителем министра культуры Народной Республики Болгария. Затем (1979–1989) – председателем Союза болгарских писателей. С 1991 года – владелец и главный редактор издательского дома и международного журнала «Орфей». К семидесятилетию поэта вышло в свет собрание сочинений Левчева в семи томах. Источник: https://ru.wikipedia.org/wiki/Левчев,_Любомир

Освобождение

Перевод с болгарского Светланы Мрочковской-Балашовой¹

В гимназии я сидел за одной партой с мальчишкой по имени Никита. У него была жестокая белогвардейская судьба. В одной камере с матерью отсидел год в тюрьме, облаченный в мешок из-под картошки... После освобождения – из-за развившейся дистрофии – целый день проводил на улице вместе с чистильщиками обуви, зарабатывая на кусок хлеба... Но унижения не сломали в нём чувство достоинства. Разговаривал на четырех языках, однако некоторые наши уроки оставались для него неясными. Спрашивал меня, например, что значит «*О, неразумни юроде, поради что се срамишь да се наречешь българинъ и не четишь по свои азикъ*» (О, неразумный юрод, отчего ты стыдишься нарекаться болгаринном и не читаешь и на своём языке?)²

Мне стало стыдно, и я не мог ему толком объяснить.

– Почему?! Да потому... что у нас нет истории.

– Не понимаю. Ведь Болгария хранит прошлое нескольких народов.

– Э-э-э, тебе легко так говорить. Ты ведь князь Лобанов-Ростовский!

– Быть князем совсем нелегко. Особенно сегодня. Мои предки стали князьями, потому что стремились стать ими. Никто не подарил им этого титула. Сами создали Ростовское княжество. Присоединили княжеский титул к своему имени. Утвердили его. И уже никто не может отнять его у меня. Могут арестовывать, освобождать из тюрьмы, но моё княжеское достоинство остается во мне.

В сущности, это должно быть кредо для каждого. Для нации также. Когда заходит речь о поражении нашего народа, я сразу же вспоминаю эту русскую фамилию, которая мелькает и в болгарской истории.

Родоначальником её считается Иван Александрович, по прозвищу Лобан, живший в конце XV века. Но родословие Лобановых ведётся от Рюрика, через ветвь великого князя Юрия Долгорукого к князьям Ростовским.

Князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский (1758–1838) службу начал при Екатерине II, в её царствование дослужился до звания бригадира, военную службу закончил в чине генерала от инфантерии и в 1817 г. назначается министром правосудия.

¹ Подбор иллюстраций, комментарии и примечания к статье сделаны переводчиком.

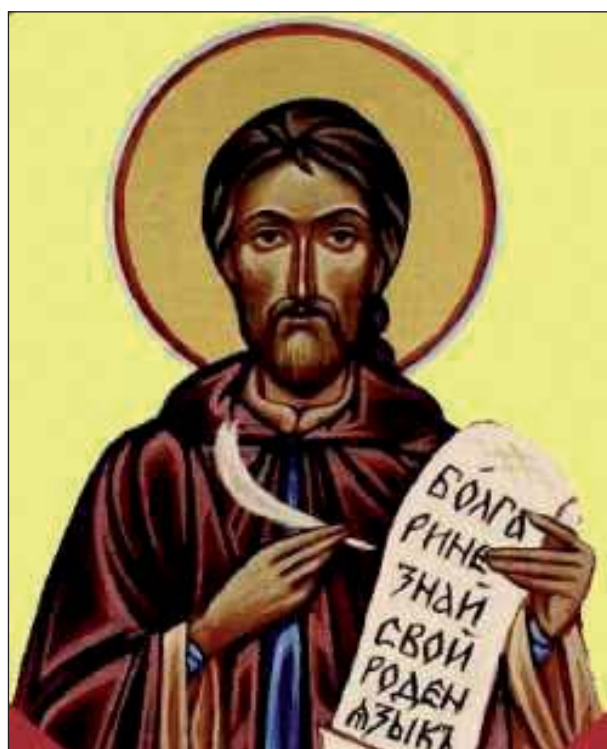
² Слова эти принадлежат Св. Отцу Преподобному Паисию Хилендарскому (1722–1773) – болгарскому будителю и духовнику, основоположнику Болгарского возрождения. Канонизирован Болгарской православной церковью в 1962 г. Один из его братьев Лаврентий был игуменом Хилендарского монастыря на Афоне, в который в 1745 г. удалился 23-летний Паисий и где он принял монашеский постриг. В 1762 г. написал «Историю славяно-болгарскую» – книгу, укрепившую христианскую веру и пробудившую национальное самосознание поработенного болгарского народа». В ней и были изречены вышеприведенные слова.

*«Атака Лейб-гвардии Гусарского полка при селе Телиш», Русско-турецкая война 1877–1878.
Худ. Виктор Мазуровский. Холст, масло*

*Князь Д.И. Лобанов-Ростовский. 1820–1830.
Неизвестный художник
Этот файл находится на Викискладе.*

*Лик Святого Паусия
на иконе*

Паисий Хилендарский и Екатерина Великая живут в одну и ту же эпоху, но кажется, что обитали на двух разных планетах. В тот период, когда Екатерина Великая утвердилась в качестве абсолютного монарха, следы «невероятного» болгарского монаха теряются.

Одержимая имперскими амбициями, коронованная дама поручает своим историкам подготовить несколько докладов об истории славянских народов. Как говорят, в первом из них о болгарях сказано «народ, уже исчезнувший». Пожалуй, это и было дном забвения. После такой исторической смерти оживание стало чудом, сотворенным Божьими сынами – народными «будителями» и деятелями болгарского Возрождения... И мне хочется заявить:

Болгарскую Освободительную войну объявил не кто иной, как Преподобный Паисий. А наше Возрождение – первый акт этой страшной и героической драмы.

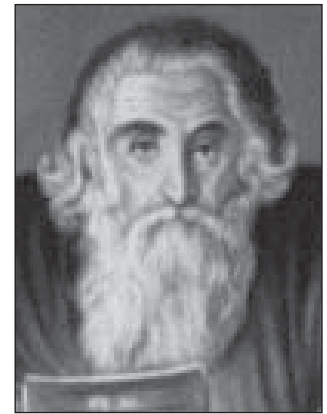
В 1859 г. послом России в Царьград¹ назначается князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский. Содержание его дипломатических донесений министру иностранных дел России князю Горчакову исключительно интересно. Деятельность Алексея Борисовича на посту главы дипломатической миссии многообразна: он вспомоществует изданию болгарских газет, содействует основанию греческих школ в Кукуше (греч. Килкис), Охриде, Салониках. Сопричастен к разрешению сложных перипетий церковного вопроса. Перебрасывает в Россию семьи болгарских подвижников, которым угрожали тюрьмы Диарбекира...

Самое сильное впечатление на меня произвело его сообщение от 21 марта 1861 года:

«Князь, вчера ко мне явился один болгарин, назвавшийся Стойковичем, которого я совсем не знал (ничего удивительного – историки также не знают, кем он был – Н. В. автора). Сказал, что был рожден в Ески Заара, бежал в Сербию и как представитель своих соотечественников был послан в Царьград. Цель этой его поездки – сплотить воедино болгар в преддверии восстания, готовящегося по всей Турции». Далее следуют любопытные сведения о количестве вооруженных защитников и местах их средоточения. «Полное неведение о личности и прошлом моего собеседника заставляли меня держаться с ним сдержанно и осторожно. Я ответил ему, что, на мой взгляд, одно вооруженное восстание не способно существенно улучшить положения христиан и что, по-моему, предпочтительней терпеливо ждать проведения реформ. Стойкович возразил мне, что подобный совет о воздержании, умеренности и терпении был дан ему в Петербурге в 1859 году. Но вопреки этим уверениям, сказал он мне, ничего не было сделано для того, чтобы улучшить нашу участь. Напротив, она ухудшается с каждым днём. Мы уже не верим, что можем чего-нибудь добиться с помощью Европы и твёрдо решили взяться за оружие, чтобы свергнуть ненавистное иго... (Слова эти достойны мировоззрения дьякона Василия Левского – Н. В. автора). Мы продолжали бы ждать и дальше, если б сами обстоятельства не вынуждали нас действовать быстрее. Католики, используя наши разногласия с греками, пытаются привлечь болгар к унии с Римом. Опасение, что единение нашего народа может распасться, и вынуждает нас приблизить момент освобождения. Так что мы решили в апреле подать сигнал к восстанию».

Здесь меня поражают два факта: призрак Апрельского восстания появился на 15 лет раньше, чем оно вспыхнуло и трогательная озабоченность тех прежних болгар возможностью распада народного единения. Озабоченность, которую ныне никто не зарождает в нас. А как раз наоборот.

«Так как Стойкович говорил мне, что всё делается от имени России, я спросил его, по какому праву они ссылаются на её покровительство, не получив на то позволения? Ответ его весьма характерный: «Мы убеждены, что Россия не может сделать для нас меньше того, что Франция сделала для Италии».

Прижизненное изображение Паисия

¹ Князь Д.И. Лобанов-Ростовский (1758-1838) был пожалован в генералы-от-инфантерии и Александровской звездой после подготовки, заключения и подписания Тильзитского мирного договора (в период с 13 (25) июня по 25 июня (7 июля) 1807) с Наполеоном, который также удостоил князя ордена Почетного Легиона и подарками. С 1 января 1808 по 2 февраля 1809 был Петербургским военным губернатором. После генерал-губернаторство в Лифляндии (с 1810 по 1812 г.). Во время Отечественной войны князю Лобанову было поручено формировать резервные дивизии, в 1815 г., он был назначен командиром пограничной резервной армии. 25 Марта 1815 г. получил Владимирскую ленту, 16 декабря того же года назначен членом Государственного Совета, а 27 Апреля 1814 года пожалован Андреевской звездой. 25 августа 1817 г. Лобанов назначен Министром Юстиции.

Боже мой, кто скрывается за этим, вероятно, конспиративным именем Стойкович!? Кто этот благородный и прозорливый болгарин? Почему же мы не знаем его?! – Не потому ли, что «Эпопея» дедушки Вазова¹ – лишь ничтожная часть всех забытых. А сегодня начинается и второе забвение.

22 июня 1859 г. Иван Тургенев с огромным воодушевлением принялся писать «Накануне». И всего за четыре месяца завершает своё повествование. Это именно тот период, когда Стойкович, по его словам, находился в Петербурге. Не подумайте, что мной овладела безумная мысль, будто Стойкович и стал прототипом Инсарова. Мне хорошо известно, что Тургенев пользовался записками своего соседа и что прототипом Инсарова был болгарский студент Никола Катранов из г. Свиштов².

О настоящих взглядах Катранова известно гораздо меньше, чем о таинственном изгнаннике из Ески Заара. Важно, что «инсаровы» существовали. Под своими именами или вымышленными, они действительно стали героями своего времени. Они будоражили совесть своих современников. В них влюблялись красивые русские аристократки...

Нужно знать и помнить об этом, чтобы понимать смысл истории. Знать, не забывать и СЛОВО Паисия.

Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский после окончания Апрельского восстания и Русско-турецкой Освободительной войны был повторно направлен в Константинополь (1878– 1879), на сей раз в ранге чрезвычайного и полномочного посла. Затем в том же ранге – в Лондон (1879 – 1882) и Вену (1882 – 1895). 6/18 января 1895 г. был определён послом в Берлин. Но не успел приступить к своим обязанностям – 28 февраля 1895 г. молодой царь Николай II назначает его на пост министра иностранных дел. На этом посту князь Алексей Борисович оставался недолго, в августе 1896 г. он умирает в царском поезде по дороге к неизвестному...³

Неизвестно и мне, получил ли Князь за свои заслуги перед нашей страной какую-нибудь благодарность от созданного его тщанием болгарского государства. Но после Октябрьской революции, спасаясь от большевистского террора, его близкий родственник князь Дмитрий Иванович Лобанов-

¹ Эпопея забытых» цикл из 12 поэм, объединенных под этим заголовком, которые создавались Иваном Вазовым в течение 1881-1884 гг. Это был период, когда «героизм и жертвы Русско-турецкой освободительной войны стали тонуть в забвении <...> Но тут появляется Вазов и воскрешает из мрака прошлого исторические личности, начиная с Паисия Хиландарского к Георгию Бенковскому, Василу Левскому, Георгию Раковскому и Ополченцам Шипки». Воспевая им оды, призывает их образами к «пробуждению народной памяти». **Источник:** ХЕЛИКОН: <https://www.helikon.bg/>

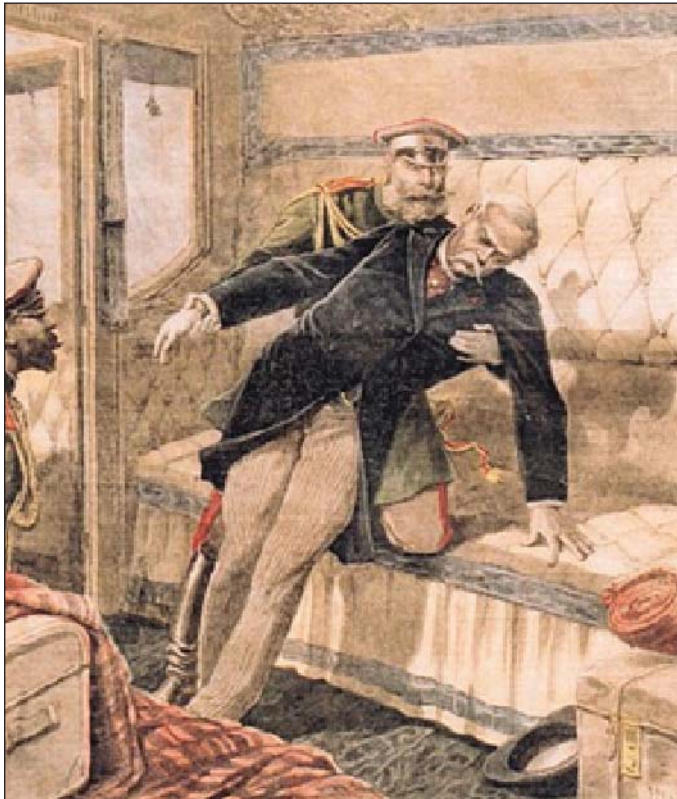
² В 1855 году сосед Тургенева по Мценскому уезду, помещик Василий Каратеев, отправлявшийся в Крым в качестве офицера дворянского ополчения, оставил писателю рукопись автобиографической повести, разрешив ей распорядиться по собственному усмотрению. В повести рассказывалось о любви автора к девушке, которая предпочла ему болгарина – студента Московского университета. Позже учёные нескольких стран установили личность прототипа этого персонажа. Этим человеком был Николай Катранов. Он приехал в Россию в 1848 году и поступил в Московский университет. После того, как в 1853 году начинается русско-турецкая война, а среди болгарской молодёжи оживает революционный дух, Катранов с русской женой Ларисой возвращается в родной город Свиштов. Его планам, однако, воспрепятствовала вспышка скоротечной чахотки, и он скончался во время лечения в Венеции в мае того же года. **Источник:** Лебедев Ю. Тургенев. Жизнь замечательных людей. – М.: Молодая гвардия, 1990.

³ О смерти Лобанова-Ростовского Витте в своих мемуарах написал:

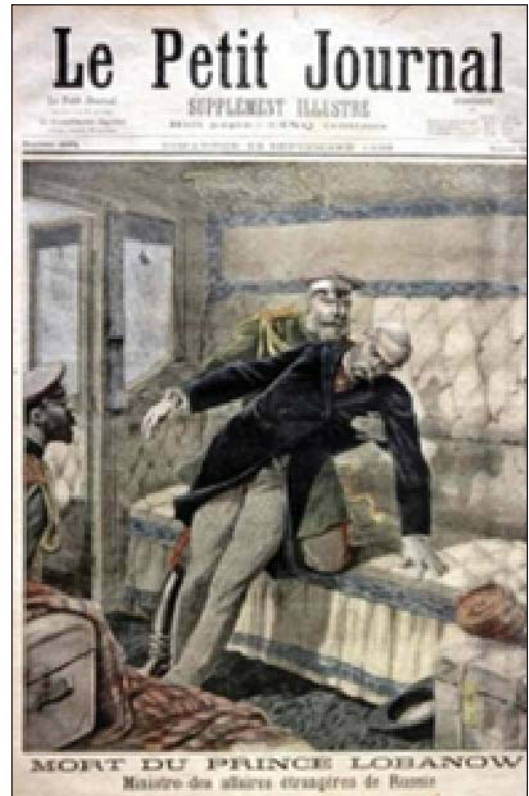
«13-го августа Его Величество изволил отправиться из Петергофа в Вену сделать визит престарелому Императору Францу-Иосифу. В Вене Его Величество был два дня; затем из Вены прибыл в Киев. Дорогою, недалеко от Киева, бедный князь Лобанов-Ростовский умер от разрыва сердца во время одной из остановок поезда на станции. Смерть эта очень огорчила Государя и Государыню и была в известном смысле роковою, ибо, я уверен, что несмотря на некоторую легкомысленность князя Лобанова-Ростовского, он был все-таки настолько опытный и культурный человек, что не допустил бы многих событий в нашей политике, которые так плачевно окончились и результаты коих мы переживаем теперь» [**Источник:** Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. Том I. Берлин: Слово, 1922. с. 69 http://az.lib.ru/w/witte_s_j/text_0040.shtml]

Снимок из архива Автора сайта, прислан кн. Н.Д. Лобановым-Ростовским. Позднее номер газеты «Le Petit Journal», в которой был опубликован этот рисунок, передан Никитой Дмитриевичем в дар Ростовскому музею. О чём говорится в нижеследующем отрывке из статьи Елены Ким: «Внезапная смерть выдающегося дипломата, занимавшего «почётное место в ряду самых замечательных государственных людей России», вызвала глубочайшую скорбь во многих европейских странах. Газеты Австрии и Германии, Сербии и Болгарии, Австрии и Италии посвятили свои статьи и даже специальные приложения заслугам князя и выражению глубочайшей скорби по поводу его кончины. А ежедневная парижская газета «Le Petit Journal», имевшая миллионный тираж, вышла с изображением сцены кончины министра на первой полосе. Сейчас эта газета хранится в Ростовском музее в составе дара Н.Д. Лобанова-Ростовского.

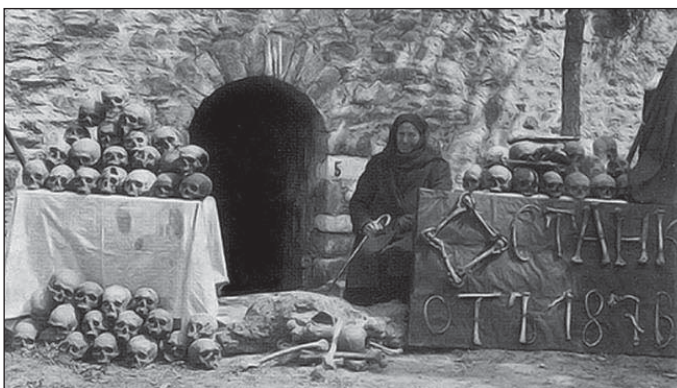
(Елена Клим. Из статьи «К 120-летию со дня смерти министра иностранных дел России А.Б. Лобанова-Ростовского». *Русская народная линия.*)

«Смерть в поезде» кн. А.Б. Лобанова-Ростовского

*Батакская резня.
Картина польского художника
Антония Пиотровского, 1876 г.*

*Марга Горанова, жена Николая Горанова – руководителя
Батакского восстания. Из костей выложена надпись
«Останки от 1876 года»*

*Останки жертв Батакской резни,
собранные в костнице церкви Св. Недели*

Один из ранних снимков церкви в Батак, 1878

Ростовский, выбирает Болгарию своей второй родиной. Какая награда ожидала его здесь, узнаем ниже.

Апрельское восстание и Русско-турецкая война сливаются для меня в одно событие как два последовательных действия долгой кровавой драмы. Восстание вызвало необычайно широкий отклик во всем мире, проникнувший во все слои общества. Самые яркие личности того времени почли своим долгом выразить гневный протест против страданий нашего народа и встать на защиту болгарской свободы. Сопричастность интеллектуалов поразительна. Респектирует даже список их имён: Оскар Уайльд, Чарльз Дарвин, поэт Роберт Браунинг, историк и философ Томас Карлейль, философ Герберт Спенсер, Виктор Гюго, Джузеппе Гарибальди... Можно ли вообразить более блестящий венец из имён, увенчавший чело столь высокой и справедливой миссии?!

Тем временем в России с осени 1875 года развернулось массовое движение в поддержку славянской борьбы, охватившее все общественные слои.

Вот Мак-Гахан, представивший в «Daily News» увиденное им зрелище «Батакской резни»: «Жатва гниёт на полях, а жнецы гниют здесь, в церковном дворе». (Человеческие скелеты, с ещё висевшими на них клочьями одежды и плоти, гнили в больших кучах, женские черепа с тянущимися по пепелищу волосами, разбросанные детские кости. Везде ужас, ужас и только ужас!). А вы, европейские державники, поддерживаете мнение, что статус-кво нужно сохранять, что подобное положение должно оставаться таким, как есть! Заявляю вам, что оно не будет продолжаться! Или вы должны найти другое решение Восточного вопроса, или же само разрешение найдёт вас» (То ли ещё можно сказать о сегодняшнем Восточном вопросе?! – N.B. Автора)

А Франция после Парижской коммуны? Альфонс де Ламартин умирает незадолго до восстания, но сумел посеять симпатию к тому благородному болгарину, который сгорит в огне мятежа. Стоит повторить слова Виктора Гюго: «Когда прекратится истязание этого маленького героического народа? Настало время, чтобы цивилизация торжественно положила сему конец. Это предписание – положить конец преступлению – мы, народы, и объявляем правительствам». (Бедный олимпиец, Гюго! Если бы изрёк подобное в нашей сегодняшней франкофонской и евроцентричной Болгарии, с каким сладострастием измывались бы над ним специалисты по интеллектуальным правам: Твоё ли это дело протестовать, командовать правительствами и манипулировать общественным мнением? И легитимно ли само освобождение Болгарии при таком восприятии закона?)

А Италия, где бушует целое движение в защиту болгар. «Дорогие мои друзья, пишет Гарибальди, итальянский народ питает к вашему народу симпатии, заслуженные его несчастьями и героизмом. Я сокрушаюсь, что не могу лично принять участие в вашей борьбе. Желаю вам стойкости в вашей святой миссии. И остаюсь вашим Джузеппе Гарибальди».¹

Огромную работу проделали честные дипломаты и журналисты. Они доносили до Европы и всего мира фактические сведения – сигналы истины, воспламенившие Освободительную войну.

Никогда до этого и после болгары не были предметом такой огромной мировой любви, сострадания и восхищения. Никогда у болгар не было такого лобби на Олимпе. Болгария обрела крылья самых светлых земных надежд. Но, к сожалению, наш народ впал в состояние, которое помешало ему по-настоящему воспользоваться этим шансом. Да едва ли он и знал о нём.

Из всей поддержки, полученной тогда Болгарией, из всех вложенных в неё нравственных инвестиций, самой мощной была российская. Боюсь сказать, что больше других и растроченная.

¹ Батакская резня (болг. Баташко клане) – массовое убийство болгарского христианского населения совершенное в ходе подавления Апрельского восстания османскими нерегулярными войсками (башибузуками). Картина польского худ. Антония Пиотровского «Батакская резня» – с сайта: https://bg.wikipedia.org/wiki/Баташко_клане

Поддержка российских умов и сердец – уникальна, ибо именно она и привела к мечтанному Третьему акту – Освобождению.

Можно привести сто верных соображений о том, что российский царизм преследовал и свои имперские интересы. Но ничто не сможет изменить истину – эта война по духу и результату была Освободительной.

Иван Сергеевич Тургенев отреагировал на Апрельское восстание стихотворением «Крокет в Виндзоре». Среди *«орáтаев жизненного поля России»*, сеявших семена сострадания к болгарскому народу и призывавших к Освободительной войне, видим имена Льва Толстого и Дмитрия Менделеева, Салтыкова-Щедрина и Николая Некрасова...

Но сейчас я хочу призвать в свидетели Фёдора Михайловича Достоевского. Открываю «Дневник писателя». Листаю... Июнь великого болгарского года... «Утопическое понимание истории»... А как раз и перед ним глава «Восточный вопрос». Вот вам, пожалуйста:

«...вспышка мусульманского фанатизма, а, наконец, ужасное избиение башибузуками и черкесами шестидесяти тысяч мирных болгар, стариков, женщин и детей – всё это разом зажгло и двинуло войну. <...> Если бог пошлет славянам успех, то до какого предела в успехе допустит их Европа? <...> Для всякого русского это не может и не должно составлять вопроса. Россия поступит честно – вот и весь ответ на вопрос <...> Скажут иные: не может же Россия идти во всяком случае навстречу явной своей невыгоде? Но, однако, в чём выгода России? Выгода России именно, коли надо, пойти даже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь бы не нарушить справедливости...»

Достоевский необходим мне, чтобы понять мотивы войны, именно так, как их тогда понимали и самые просвещённые умы, и самые обыкновенные люди.

Мне думается, что эта война – торжество и победа одного исчезнувшего вида людей. Достоевский из этой же породы.

Очень скоро история надсмеялась над идеалами этих мечтателей. Страшной метафорой их гибели звучит стихотворение Тургенева, посвященное памяти Юлии Вревской:

«На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая, на скорую руку превращённого в походный военный госпиталь, в разорённой болгарской деревишке – с лишком две недели умирала она от тифа. Она была в беспомощности – и ни один врач даже не взглянул на неё; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока ещё могла держаться на ногах, поочередно поднимались с своих заражённых логовищ, чтобы поднести к её запекшимся губам несколько капель воды в черепке разбитого горшка».

Далее, словно ощущая, что сам заразился этой повальной болезнью, Тургенев восклицает: *«Она была молода, красива... мужчины за ней волочились...»*

Почему же сделала своим высшим счастьем – помогать сирым?

Ещё в ходе войны и непосредственно за ней болгарская тема быстро мутировала. Запуталась в сетях мировой политики. Любопытство сменило сострадание. Немногие осознали, что с именем Болгария отождествляли свои собственные мечты о свободе и справедливости. Я бы даже сказал, что она стала одной из жертв войны. Россия первой поняла, что выиграв войну, она потеряла эту иллюзорную Болгарию и вновь осталась со своими нерешёнными социально-экономическими проблемами в придачу с растраченными на военные нужды 1 072 310 232 золотых рублей.

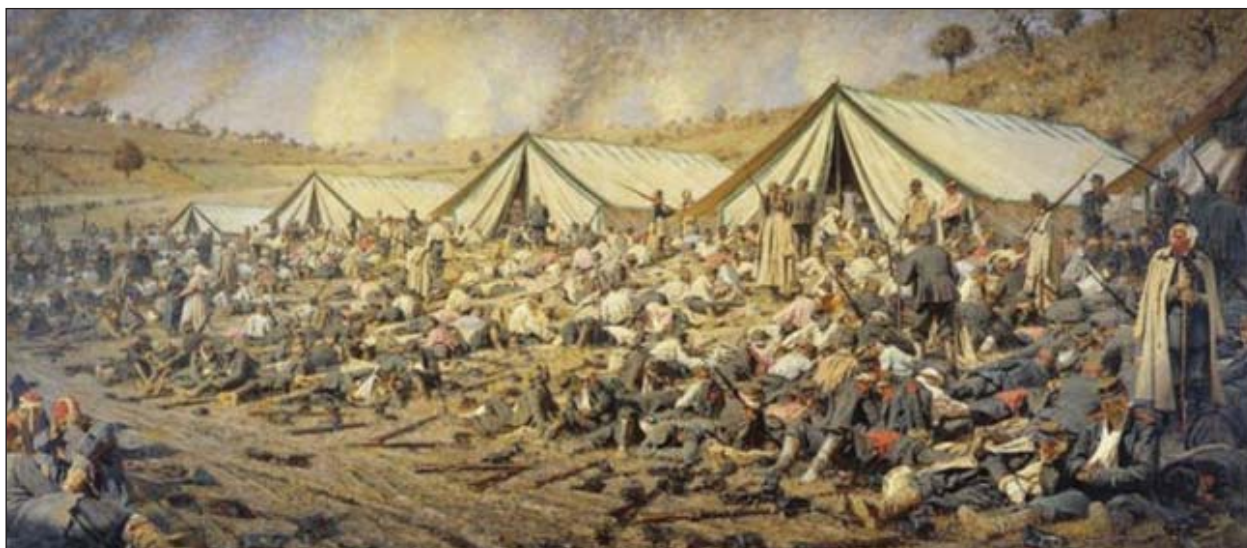
Озадачиваюсь, на чём поставить точку. Тема не закрывается...

Художников, участвовавших в Русско-турецкой войне, было больше, чем писателей. Николай Дмитриев-Оренбургский, Василий Поленов, Павел Ковалевский, Алексей Кившенко, Николай Карзин и другие. Бесспорно, имя Верещагина¹ – самое дорогое и значительное для нас.

Однажды, где-то в конце 70-х годов, Никита Лобанов рассказал мне историю, которая могла бы послужить точкой к моему повествованию. (К этому времени он уже стал вице-президентом американского «Уэллс Фарго Банк» и самым большим коллекционером произведений русских театральных художников). Оказалось, что у торговца картинами Третьякова, чья галерея находилась на Ист-57-ой

¹ После окончания штурма Плевны и Русско-турецкой войны Верещагин написал: *«Не могу выразить тяжесть впечатления, выносимого при объезде полей сражения в Болгарии. В особенности холмы, окружающие Плевну, давая воспоминаниями – это сплошные массы крестов, памятников, ещё крестов и крестов без конца».* (Верещагин. Послание человечеству. 10 самых страшных картин художника: (<https://vtbrussia.ru/culture/rm/vereshchagin-poslanie-chelovechestvu>).

NB : Иллюстрации картин Верещагина заимствованы из публикации «Верещагин: послание человечеству»: (<https://vtbrussia.ru/culture/rm/vereshchagin-poslanie-chelovechestvu>)

В. Верещагин. «После атаки. Перевязочный пункт под Плевной». 1878–1881 гг. Холст, масло. Государственная Третьяковская галерея

В. Верещагин. «На Шипке всё спокойно», триптих. 1878–1879 гг. Холст, масло. Частные коллекции, Костромской государственной объединенный художественный музей

*В. Верещагин.
«Побежденные.
Панихида», 1879 г.
Холст, масло.⁵
Государственная
Третьяковская
галерея*

улице была выставлена картина Верещагина «На Шипке всё спокойно». Как известно, существует несколько её вариантов. Нью-йоркский – продавался за 5 тысяч долларов. Князь позвонил в болгарское посольство и сообщил его сотрудникам, что можно выгодно приобрести её. Написал он также в Национальную галерею в Софии и своему другу Любомиру Левчеву, члену ЦК болгарской компартии. Но на его предложение ответа не было.

– А почему ты сам не купил её, чтобы затем подарить Болгарии? Ведь как-никак она твоя родина?

Князь замолчал. Потом произнес:

– Я собирался это сделать, но раздумал... мне пришла в голову мысль: а вдруг я вручу эту картину, то есть сам отдам в руки, какому-нибудь убийце моего отца... И отказался от своего намерения¹.

Да, отец Никиты Лобанова-Ростовского – князь Дмитрий Иванович, хотя и был активным антифашистом, расстрелян в 1948 г. в таинственном концлагере под Пазарджиком, в котором содержались без вынесения приговора арестованные иностранные «враги народа».

Если мы действительно хотим быть справедливыми, эту и каждую подобную смерть нужно добавлять к тем 202,000 русским воинам, положенным Россией на алтарь Свободы Болгарии.

Когда убиваем живых людей, мы – обыкновенные убийцы.

А когда убиваем память о людях, пожертвовавших своею жизнью за свободу Болгарии, когда оскверняем их памятники или же безразлично смотрим на этот вандализм, возникает вопрос: КТО МЫ? Из всех человеческих грехов самый гнусный – НЕБЛАГОДАРНОСТЬ!

И все же Третий март продолжает оставаться самым национальным праздником Болгарии. День Освобождения – ТОГДА и НАВЕКИ!

«Генерал М. Д. Скобелев на коне»,
худ. Н. Д. Дмитриев-Оренбургский, 1883 г.

¹ Эпизод этого эпизода – в ремарке Никиты Дмитриевича на рассказ Левчева: «Эта же картина Верещагина лет десять назад снова была выставлена на аукцион – на сей раз «Сотбис» в Лондоне. Продавалась она за миллион сто тысяч фунтов стерлингов. В коридоре зала я заметил мужчину, который участвовал в торгах. Он остановился на цене миллион и упустил картину. Я подошел к нему и сказал, что если его интересует именно сюжет картины, то могу предложить ему маленький эскиз к ней маслом, который Верещагин привёз в Нью-Йорк в 1902 г. Я знал, что ныне он продаётся у антиквара Рабиновича в Бруклине. Мой собеседник – болгарин Васил Бойков согласился его купить. Ныне картина находится в его собрании в Софии.

Критика

Лидия Довыденко

*Глубокоуважаемый Владимир Всеволодович!
Все Ваши читатели и почитатели, редакция журнала «Берега»
от всей души поздравляет Вас с юбилеем!
Ваше творчество говорит о том, что история многому всё-таки нас учит.
Мы не идеализируем прошлое, но и не отказываемся от традиций,
истоков, корней. Мы учимся понимать, что свобода –
это ценное приобретение, которое несёт с собой ответственность.
Желаем Вам здоровья, успехов и благополучия!
Пусть каждый новый день приносит радость!*

К 65-летию писателя

Выбирая «общерусскую соборность»

О романе в стихах Владимира Подлузского

«Не боги горшки обжигают, но без них щи быстро прокисают»

Следя за творчеством своих современников, обнаружила вдруг, что в начале XXI века появились произведения, смело заявившие себя, обратившись к редкому жанру: роману в стихах. Не к поэме, а именно к роману в стихах. Хотя в середине XX века были попытки назвать романом в стихах поэмы Бориса Пастернака и других авторов, литературоведы всё же отнесли их к поэмам.

В 2005 году известный Санкт-Петербургский бард Александр Дольский, следуя «Евгению Онегину» А.С. Пушкина, выпустил роман в стихах «Анна». В 2011 году Мария Рыбакова отнесла свое произведение «Гнедич» по жанру к роману в стихах, и вот у меня в руках объёмный, опять же роман в стихах «Тарас и Прасковья» Владимира Подлузского, вышедший в 2012 году в Сыктывкаре. Поразительно, что Владимир Подлузский безо всякой робости обратился к специфическому жанру, наполнил его авторской аналитикой и постепенным развитием характера. Сразу хочу заметить, что у нашего современника нет никакого подражания великому автору «Евгения Онегина», а Прасковья Шипикина не похожа на Татьяну Ларину, как и Тарас Ус – на Евгения Онегина, но это именно роман в стихах.

Удивляет пророческим видением повествование о сегодняшних сложных взаимоотношениях России и Украины с символическим названием «Тарас и Прасковья». Хотя роман вышел за два года до возвращения Крыма, до начала кровавых событий на Донбассе, корни современной драмы, её генезис мы находим, отправляясь в путешествие вначале по СССР, затем – по Украине и России, начиная с послевоенных и до 10-х годов XXI века.

В «Обращении к читателю» поэт рассказывает о шести годах труда, ведёт нас на Брянщину, в Поволжье, в Запорожье, на Север. А главных героев он окружает двумя сотнями персонажей, в том числе исторических личностей, деятелей культуры и искусства.

«На Святого летнего Николу отыскал я собственное слово», – это для автора Владимира Подлузского символично – отыскать ключик к своему произведению в такой святой праздник, близкий каждому на Руси, взяв в поэтическое странствие как путеводную звезду всеми почитаемый образ Николая-Чудотворца. «Поэт вам не предприниматель, чтоб для народа мелочиться», и летят на 380 страницах открытия и прозрения, где происходит под одной обложкой сведение фигур русско-украинского концепта двух эпох: советской и перестроечной, реализма и постмодернизма, с их традициями, предметами быта, мечтами и реальностью.

«Лирический герой – дух светлый...»

Первая глава романа начинается с символа движения, вокзала, реального и метафизического, начала авторского и читательского путешествия в прошлое и будущее – извечная тема странствия по реальным дорогам и нравственному пути от Нового завета к сегодняшнему дню, проходя через возрождение души и вновь – погружение в смуту. И вокзал, и пути-дороги, и перекрёстки истории и культуры, и движение вперёд с Александром Пушкиным, с композиторами: Петром Чайковским и Георгием Свиридовым, с философом Иваном Ильиным, вопрошание за себя и других – высокие порывы чуткого к дуновениям Святого Духа русского сердца.

Лирический герой – дух светлый:
 Во мне крестьянский и боярский
 Жив дух, Пасхальный и Покровский,
 Лечу как питерский и брянский,
 И сыктывкарский, и московский...

Память автора ведёт нас к месту его службы в армии в посёлок Мулино, под Нижним, где между стрельбами читали книги, романы о любви, когда искусство хотело «досказать человека». И разве можно было тогда представить, что англосаксы будут спать на тех кроватях, где спали два друга: Иван Караваев и Тарас Ус? Что НАТО будет взрывать землю аппаратами в Мулинской базе, что установится цена в конкретных цифрах на честь и на иконы, на человеческую жизнь, что появится слово «шестёрки», за которым – явление предательства и измены, а в искусстве и литературе человек оказывается «не договоренным», очутившись в иных обстоятельствах.

Главная героиня романа в стихах – Прасковья, прекрасная молодая девушка из брянского села, кружит у русской печи, в доме, украшенном заботливыми руками, где на стенах «ковры холщовых репродукций». Прасковье Шипикиной 17 лет, она слышит свою судьбу в песне бродячего шарманщика, предвещавшего суженого по имени Тарас, который после Мулино служил в армии на Брянщине, где и встретил Прасковью, полюбившую Тараса глубоко и навсегда. Прасковья, сразу же узнав при встрече в Тарасе своего суженого, увидела, что шарманщик был прав: Тарас – красивый, умный, мужественный, настоящий мужчина, воин. После окончания срочной службы Тарас и Прасковья едут на Родину Тараса в Запорожье.

У них родится два сына: «станет соколом твой старший, младший будет воронёнком». Путь старшего сына – в Рязань, чтобы стать там десантником, офицером, героем, а второй сын не «вылезает из нью-йорков».

Тарас в годы грянувшей перестройки «крутит баранку» дальнобойщиком, а затем он фермер, «пан и пахарь». Прасковья в глазах одних односельчан Тараса – «москалиха», а другие «прозвали Уской-Незабудкой».

Она организовала швейную мастерскую, принимая заказы от самых богатых клиентов, выезжая в Россию со швейными изделиями.

Перестроечное навязывание индивидуализма не изменило быта:

А тут и чарка, и колбаска,
 С малиной чай и коржик с маком.
 Отсюда будет до Славянска
 Вёрст триста восемьдесят с гаком.
 Воспоминанья полетели
 Через слезинки и смешинки.
 Там воют русские метели
 И тают русские снежинки.

Чуткий слух поэта на единой славянской земле улавливает родное, небесное, отечественное, совсем не утраченное «непритворство», искренность. Заглядывая в деревню на Рождество, слившееся с древней Колядой, автор описывает здоровую жизнь крестьян: в сарае корова, ждущая телёнка, овцы, куры и всякая живность, а в очень чистых, ухоженных домах – золотой уют и праздничные блюда, тепло любви.

Одна у русского возможность –
 Любить весь мир под самовар.

Что-то сакральное, священное, заповеданное славянским народам из небесных пределов, пусть крупницами, но сохраняющееся в поколениях. Никифор, отец Тараса, с ностальгией вспоминает прежнюю мирную жизнь, когда «любили с соколом охоту. Пасли в запрудинах сазана...»

В роду Никифора испокон веков ценились:

Ружье с насечкою и сабля,
Буланый конь в богатой сбруе,
Мужская честь и гарность бабья
В роду в почётном карауле.

Как отец, Никифор гордится своими тремя сыновьями, женатыми на русских женщинах.
– Тарас тоже не подвёл, – рассуждает сам с собой Никифор. – За Прасковьей «хоть в небо, хоть в пучину,

Грозят сынку успех и радость».

Никифор – председатель колхоза, необыкновенно богатого:

У нас что дом, то кулачина.

Румяный сад и виноградник..

Стада овец, гусей и уток, рой пчёл...

Никого не удивляет, что там, где живут славяне, там песни, там поэзия «с золотыми рифмами-усадьбами...»:

Строчки звонкие страдают ласкою,
И готовы обернуться песней,
Потому и любят птицу райскую,
Домостроя русского поэзию.

И мать Прасковьи, и отец Тараса вспоминают истории своих семей, в которых из рода в род растили мужчин – защитников Отечества – и женщин-красавиц.

Иван Караваев, друг Тараса Уса, после срочной службы в армии становится корреспондентом районной газеты. Он пишет стихи, вслушивается в голоса народа, создаёт критическое произведение о своей службе в армии, которое прочёл его дед, подведя итог:

Пока, внучок, не поседеешь,
Руси ни капли не поймёшь,

А потом даёт совет: «Езжай, приглядывайся, попробуй //Писать на собственный манер.// Спорь по возможности с Европой, // Но помни суть СССР».

Иван Караваев получает высшее журналистское образование, не оставляя своей цели: «Понять Русь». Он отправляется в глубинку России, любителю «золотую русскою деревней», описывает стройки и предприятия. Иван Караваев, прибыв на раскопки в деревню Стодол, родину Прасковьи, заглядывает в глубину тысячелетий:

Мы не скифы и не финно-угры,
И по всем статьям – не азиаты.
Словно несгораемые угли,
Светят избы русские и хаты.

Иван встречает здесь девушку по имени Полина, которая станет его женой. Она тоже журналист и поэт. Их глазами видим жизнь в России, в том числе их отношение к жёлтым СМИ: «Куют тут славу олигархи //И горбоносые кидалы.// За деньги тут тачают плахи, //А за валюту – пьедесталы.

Образ народной славянской жизни воспринимается как золотое, волшебное время. То и дело поэтические жесты Владимира Подлузского отсылают нас к пушкинской традиции живописания славянского быта, связывают с духовной строгостью, с сердечно милой природой, с родными ландшафтами, с близкими людьми. Поэт обращается к раскопкам в Стодоле, и его мысль пронесится по тысячелетиям, определяя миссию славян на планете, зашифрованную в сагах западных народов: «наша радужность», «мы жрецы рассыпанный планеты...», поэтому можно сказать, что в новейшей литературе появился истинно национальный роман в стихах по своему духу, выражая национальную самобытность и нравственную устойчивость.

«Римский клуб уже строчил саван для СССР»

Автор «Тараса и Прасковьи», всматриваясь в жизнь на Украине, приходит к неутешительному выводу: «беременна злодейством страна насупленного пана». «Вьедается уже в привычку войнушка самостийным хлопцам».

И «драит смушковой папашой Крещатик – натовские туфли». Почему это случилось с прекрасной страной?

Неужели ничего не значат общая история, вера, традиция, быт, народные песни, вместе столько раз спетые? Неужели только в вышиванках национальный украинский дух? Неужели не тесен, мелок и немногосложен тот европейский мир, куда качнуло так называемых «лидеров»? Разве не видно, как они односторонни, однообразны, скучны и пошлы?

О разнообразии страстей читаем мы в романе Владимира Подлузского, нас пронизывают тонкие оттенки чувств, многосложные отношения людей, общественные и частные, богатая почва для размышлений о славянской цивилизации.

Вспоминаются Тарасу годы учёбы в сельскохозяйственном институте, как студенты привозили преподавателям то сало, то мешок комбикорма, а жизнь председателя колхоза была как у помещика, «парторг был чуть ли не священник». Кто «от пушек косит, кто «сгорает от зелёной дозы марихуаны, банкомата», – размышляет Иван Караваев, друг Тараса Уса.

Он вспоминает территорию, где «Рим крестил, являя милость, органом Ганну и Оксану», где «чужестранец ссужал с процентом под восстание, чтоб «русский люд» ему поддался на закланье».

Ещё служба в армии в Запорожье советского периода,

«Мы в карауле прочитали //На ридном редкую заразу.//Учила книжная шалава,//Чего нельзя и вроде можно.// Выходила жёлтая отава// В блакитном граде Запорожья».

Появляются ростки двуличия, разные позиции:

Ты выбираешь незалежность,

Я – общерусскую соборность.

Уже начинались стычки, когда «солдаты отбивались бляхой

От дальних родичей Бандеры».

«Уже готовятся актёры для Фороса», а там «Молдова проливает кровь». «Как будто галактические дыры пропускают на землю космическое зло».

Москву прельщает кот Бегемот с зеленоглазой Гелой, глумится зловредный голос «про муки сталинской шарашки», а сверху «всё больше возгласов и пены в речах и главных документах».

Начались рыночные времена. И вот уже «полей доверчивость святая

Ублажена тут дребеденью». В жизнь врываются новые слова и понятия: «газ Украине», «угнанный мерс», «олигарх», «электорат», «фракции», «рейтинг»...

Напряжённа дума Остапа, сына Тараса и Прасковьи, увидевшего, как разламывается армия «упрямой волей доброхота, американского гаранта»:

Под хохот думских многочисленов

И хруст последнего патрона.

Отправившись «на помощь сербам», Остап вдруг встречает своего брата Андрия:

Мы обнялись, два разных брата

С одной солёной группой крови.

Он скрытый был сторонник НАТО,

Звонарь не нашей колокольни.

Не понимающий раскола

Ни церкви и ни Украины...

Я был влюблён

В свою славянку,

А он в заморскую тетерю.

Владимир Подлузский, беря на себя ответственность в силу данного ему небом поэтического дара, в глубине души тяжело переживая незаконность и трагичность раскола на Украине, берётся за роман в стихах:

Кириллицей, что праведней латыни,

Замаливаю внутренний разлад...

Славянка

Автор романа покорён, как и его герой, красотой славянок, их женственностью, золотыми косами. «Очи златовласки» напоминают зарницы. В них русскость, нежность и сила. Поэт вспоминает мифы и легенды, сказки и байки про «молодильное платье», он говорит о женщине, как родоначальнице. Нет, не влюблён поэт, а любит высоко и сильно, чем вызывает уважение к его собственной личности. В романе прослеживается его собственная жизнь, душа, любовь. Со всей искренностью он выразил свои чувства, понятия, идеалы, поэтому для нас, русских, для славян его роман имеет огромное общественное значение.

Автор прибегает к письмам героев, дневникам, рассказывает древние легенды и деревенские басенки, читает заговоры и молитвы, которые в большинстве своём хранит женская память.

И все они, судьбы не хая,
Рассказы пересыпав смехом,
Уйдут, загадочно вздыхая,
Навстречу миру и утехам.
И будут целый день довольны,
Что от души поговорили!
Все русские – антициклоны
И на Валдае, и в Сибири.

Роман Владимира Подлuzского – блистательный опыт современности в выбранном им жанре, потому что будит общественное самосознание. Смешение украинской речи с русской, что происходит слишком часто на Украине и пограничных с Украиной областях, – это дань цветку славянства, поэтическое изображение действительности.

«Мы до конца неизлечимы на правду и на достоверность», – собирает поэт воедино особенности славянской души, – у нас «мифы – средство верное от боли», «любой из нас – язычник, А приглядишься – Православный». «С рожденья мама ребёнка окормляет верой», «лукавость западного теста от нас отскакивает пулей».

Мириады сплюсованных деталей сводятся в романе в стихах к женскому началу славянки, «чаровницы сердца и руки». Когда Прасковье исполнилось 55 лет, к ней снова приходит шарманщик, некогда предсказавший её судьбу. И замирает сердце, что скажет он женщине наших дней? Шарманщик видит судьбу Прасковьи неотделимой от судьбы России. Вначале он описывает все пороки современной жизни: «пришибленность атеизмом», ложью, «злым капитализмом», «внутреннюю муку», но пророчит: *«Держава выйдёт из трясины Без водки и аперитива». «Пока мир грешный без понятий, Без чуда и без осязанья. Но уж готовит Божья Матерь Страданья Преобразования».* Это Преобразование, Преображение произойдёт тогда, когда новый Мессия «Лишь к нам придёт Он; первым делом вино преобразует в воду». Лишь тогда руссы «вернутся к собственному коду». «Для люда будет уйма пищи, а для скота – овса и жита».

Докажут скоро краеведы
Все сорок русских тыщелетий.
И будут сильно спорить «Веды»
О смысле жизни на планете.

Но главное – это воссоединение славянских народов:

Господь услышит нас. Славяне
Восточные дождутся часа.
В Аскании и на Тимане
Одно и то же будет царство.

Лишь дело времени, когда «живут Тарасы хуторами и ждут крутого поворота. Глядят в экран *на говорилку*, ножом раскраивают тыквы, не забывая про горилку».

Роман в стихах заканчивается верой в то, что «став солью православной», «сошлись любовно половинки Руси моей и Украины». Чтобы это произошло, мы должны отстоять свой дом, где родились великие идеи и учения, нашу славянскую мечту, чтобы покинуло политиков безумие раздора, нужно решить проблему нашего сознания: ты есть то, что ты видишь, охватываешь, постигаешь, за что берёшь ответственность. Реальность бросает нам вызовы: духовная безопасность русского мира,

славянского мира или тёплое стойло? СМИ объявляют о конце истории, работают на принятие нами неизбежности, что мы все должны подчиниться тёмной власти тельца. Но надо помнить, что ты не один, есть близкие тебе люди, есть общеславянская соборность. Художественный мир Владимира Подлузского неотделим от Божьего мира на земле, его ритмы русской языковой стихии живы и волшебны. Поразительна всеохватность жизни, подобно пушкинскому «Евгению Онегину», события развиваются «на колхозном или фермерском поле, в вузовской лаборатории, в офисе фирмы, на полигоне, на крупном заводе и в храме». Все слои русского общества, писатели, священники, пророки, генералы и казацьи атаманы, изобилие пророчеств, древних верований, православное мировоззрение, новейшая история и погружение в ведические глубины – всё говорит о том, что славянская цивилизация может быть универсальной, не потому что мы этого хотим, а потому что русский космизм обозначил широкую перспективу для любых решений, касающихся сути существования планеты и рода человеческого, а также нашу ответственность за ту роль, которую мы выполняем – освобождение от ложного, одностороннего развития и тупика, в который нас завёл Запад. Территория интегрированного сознания сместилась на Восток, включив знания и духовные ценности Востока и Запада, универсальность синтезированной стратегии для всего человеческого рода, отбросив ложные приоритеты, основанные на индивидуализме и гибельном для планеты потребительстве, вернув полное надежды ощущение значимости нашей жизни.

Критика

Людмила Воробьёва

Людмила Воробьёва – критик, член Союза писателей Беларуси

«И чувств высоких небеса...»

*Философия души, радости и добра в творчестве Валентины Поликаниной.
К юбилею поэта*

*Дорогая Валентина Петровна!
Примите от редакции журнала, Ваших коллег и широкого круга
Ваших читателей сердечные поздравления с юбилеем!
Мы благодарны Вам за освещение мировоззренческих проблем,
утверждение веры в добро и справедливость, в непреходящие нравственные,
духовные ценности. Ваши книги востребованы и актуальны.
Здоровья Вам, благополучия и всего самого доброго!*

Стихи должны быть отраженьем Света...
Иеромонах Роман

Подобный непреходящий свет излучают и стихи известного поэта Валентины Поликаниной, члена Союза писателей Беларуси, Союза российских писателей и Международной федерации русскоязычных писателей, журналиста, лауреата многочисленных престижных литературных премий, обладателя высокой правительственной награды России – медали А. С. Пушкина. Видимо, не случайно одна из ее книг так и называется «Свет неизбывный». Каждый ее поэтический сборник – это истинная радость от сопричастности открытия великой тайны поэзии. Читая произведения автора, не перестаешь удивляться философской глубине размышлений и восхищаться тому, как Слово связует времена, наполняя человеческий путь сокровенным смыслом, как оно пронизывает наши души, вызывая чувство восторженного изумления и укрепляя веру в непостижимую силу духа и творческого начала:

Какое странное свеченье... Из темноты, из глубины...
Как будто сводится к единству секрет корпускул и волны...
Как будто золотые пчелы рожают золотистый мед,
Врываясь в мрак земли и неба, и в этот снег, и в этот лед...
Извечное... А где пределы? Где дней невидимая связь?
Всё там, где ветви и растенья плетут причудливую вязь.
И долго ходишь, долго смотришь, и долго ищется ответ.
И кажется: отживший вечер скрывает первородный свет.

Эти стихи в две строфы поражают проникновенной лирико-философской интонацией и художественной красотой слова.

В самом названии ее новой книги «Родное, кровное, святое...» сконцентрированы главные истины, во многом обобщающие написанное ранее, чтобы в очередной раз напомнить всем о самом дорогом и важном. Валентина Петровна Поликанина – автор четырнадцати книг. Данная книга стала в чем-то своеобразным итогом, знаменуя собой очередной юбилей поэтессы, хотя окончательные творческие итоги, безусловно, подводить рано. Она находится в постоянном идейном и художественном поиске, обладая неисчерпаемым потенциалом, ведь настоящее творчество заключается в служении добру и вечности: «Ты себе не солжешь. / До опасной межи / Безоглядно пройдёшь / И поймёшь: это жизнь. / И найдёшь, что она / Предстоит на века. / И трудна глубина, / И звезда высока.

Пронзительный лиризм – особый авторский почерк, близкий русскому классическому стилю, присущ ее уникальным стихам в две строфы, достаточно разнообразным в тематическом и стилевом плане, что весьма убедительно отмечает и доктор филологии, профессор Ирина Зайцева, обращая внимание на изящество форм, содержательную целостность поэзии Валентины Поликаниной, неотделимую от мира ее лирической героини, мира женской души, эмоциональной и чувственной.

«С надкушенным яблоком детство идет...»

Незамутненное первородное счастье детства, его изначальный покой, в котором царствует трепетная и нежная душа ребенка, прекрасно передают восьмистишия поэта:

Как сладко от бед отрешиться суметь, / Как славно идти босиком,
На рыжей соломе, как в детстве, сидеть / И хлеб запивать молоком,
И знать, что душе твоей – зреть «до видна», / О всех урожаях радеть
Глазами упавшего в землю зерна / В незримую вечность глядеть.

Михаил Пришвин аналогично прибегал к метафорической образности, правда, поэтизируя прозу, он выразительно писал: «Там, где-то возле хлебного зернышка, и зарождается поэзия: зерно на хлеб, а эта какая-то сила питает души». Это «живое зерно» поэзии, рождающее плоды духовные, взрастила в себе и Валентина Поликанина.

Она создает зримые зарисовочные интермедии, лаконичные и насыщенные, представленные в книге циклом воспоминаний «В детстве», композиционно объединёнными стихами в две строфы, для которых характерно общее мелодико-ритмическое звучание, а также фрагментарность каждой отдельной строки, словно исполненная точным карандашным наброском. Покоряет простая гармония мира детства, явственно высвечивающая и эстетически завершающая его поэтическую картину: «И никуда не деться – / Память сродни рисунку. / Как же ты вкусен в детстве, / Хлеб из пастушьей сумки! / Как ты на горизонте, / Тучка, бела в затоне! / Как же ты близко, солнце, / Севшее на ладони!» – даже незначительный штрих здесь был бы излишним. По всей видимости, художнику слова так и нужно писать: просветлённо, четко и кратко. Греческий поэт Сеферис полагал, что «точность выражения является красотой», ключевым элементом поэтического очарования.

Человеческая жизнь загадочна и порой непредсказуема, а детство – вечная тайна, притягательная и не отпускающая до последнего дня нашего пребывания на земле. Валентина Поликанина тонко угадывает и передает эту вселенскую тоску по утраченному, изображая собственный неповторимый пейзаж: «Есть старый лес, и запах пряный, / И тайна, чтобы вспоминать. / Но нет той солнечной поляны – / И тропок детства не узнать...»

Детство всегда вмещает в себя очень много, в нем истоки всего: родной город, деревня, близкие люди, малая родина, как теперь принято называть место, ставшее самым дорогим, где протекали детские годы, а когда-то данное определение еще дополнялось значимостью единой страны, нашей общей Родины. «Здесь храма моего хоругви, святы. / Здесь Родина моя в лихом году», – скажет и Валентина Поликанина, помня былое величие Отечества, ведь в ее сердце слились две родины: Беларусь и Россия. И, прочитав однажды, уже не забудешь ее восьмистиший, вместивших все деревенское бытование, хотя и совсем далекое, но по-прежнему понятное своим естественным счастьем, в котором нет ничего надуманного, где правда жизни и поэзии соединяются, отчетливо передавая первозданное состояние детской души: «Проснулась, как бабушка, радость большая. / Запело в печи, зашипела вода... / Мне звуки родные ничуть не мешают: / Рассветные сны глубоки, как года. / Долью эту светлость до самого донца, / Чтоб помнить сияние чистого дня...»

Вековую народную мудрость, неисчерпаемую философию бытия целых поколений хранит и крестьянский дом. «Переполненный думами предков, / Отрешенный, суровый на вид, / Он стоит, деловитый и крепкий, / Всей деревне на зависть стоит...» – образ уходящей деревни вобрал в себя и «Захаров дом» в стихах Валентины Поликаниной. Неприкрытая боль сквозит в произведении «Деревня»: сегодня забыт ее скромный, но непростой подвиг, без которого не было бы и нашей Победы. «Не потянула б одеяло, / Проснувшись, новая беда. <...> Всегда деревня окормляла / Любых размеров города. <...> Спасала род заботой древней, / На лебеде' умела жить. / И нам величия деревни – / Ни на росток – не умалить», – справедливо и весомо слово поэта, заставляющее не предавать историческую память.

«Не спит душа, не спит душа, не спит...»

В поэзии Валентины Поликаниной понятие категории души трактуется достаточно неоднозначно. Анатомия души ее лирической героини динамична и неиссякаема, она постоянно находится в развитии. Слово «душа» присутствует в большинстве ее текстов. Поэт непрерывно, «дневно» и «ночно» ведёт войну за человека завтрашнего дня, за его Душу, призывает хотя бы чуть-чуть, но все-таки стать лучше, пытаюсь измениться нравственно. И современная литература должна обращаться к душе:

Волнуюсь, к одиночеству взывая, / Не жалуясь, смиряясь от обид,
 Ни на мгновенье глаз не закрывая, / Не спит душа, не спит душа, не спит.
 И в той душе, что думает и плачет, / Бессонниц кормит, совестью скорбя, –
 И жизнь земная выглядит иначе, / И вечность не похожа на себя.

Как мы уже убедились, стихи в две строфы удивительным образом выполняют свою задачу, не оставляя никого равнодушными, нарушая духовное бездействие, призывая нас к ответу перед собой. Можно сказать, что Валентина Поликанина возрождает идею духовного подвижничества, которой всегда дышала и поднималась Русь. В чем же смысл загадочной славянской души? *«Кто там бьётся головами? / Отмолились – вновь грешат. / Боль – за вечными словами: / Эта русская душа / От Курил и до Валдая – / По сугробам, по жнивью, – / Где не пляшут – там рыдают, / Где рыдают – пьют-поют»*, – зримо пересекаются параллели с есенинским циклом «Москва кабацкая», в частности с его стихами «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», и, хотя за окном уже век третьего тысячелетия, но все повторяется в российской ментальности.

Страдание и радость в христианской традиции стоят рядом, они неразлучны, неизменно дополняя друг друга. В этом странном сближении и заключается самая большая тайна. Но поверим умному и пронизательному сердцу поэта, принимающего жизнь в единстве всех ее проявлений, когда она интересна необычными метаморфозами (согласитесь, что в подобных противоречиях есть определенная логика). Несмотря ни на что, лирическая героиня Валентины Поликаниной любит жизнь и говорит об этом, подкупая особой доверительной манерой: *«Стареет день, как выцветший пейзаж, / Стареют вёсны и стареют зимы. / А у меня в душе такая блажь: / Сказать строкой любви невыразимой. / Ступаю осторожно, не спеша, / Но не ищу в предчувствиях финала: / Ведёт к закату страница-душа, / А жизнь как будто и не начиналась»*.

Многомерно авторское представление о душе, поэтому не умолкают действенные интонации глагола, проникнутые нравственной оценкой и пробуждающие в нас голос совести, ищущей внутреннего согласия с собой: *«И лишь тогда становишься умней, / Когда в страданьях душу очищаешь»; «И покаянного «прости» / Душа заботливая просит»; «От поруганья и обид / Душа становится сильнее...»; «И сколько душу ни трави, / Она – живая – будет вечной»*. Магия добра исходит от ее стихов, обволакивая тебя светлой исцеляющей аурой поэзии, даруя радостное, оптимистическое ощущение жизни.

«И вечный круг магического слова...»

Слово в литературе и культуре – нечто большее, чем имя вещей и предметов, – это идея, требующая серьезного воплощения, нечто всеобъемлющее, предваряющее саму действительность. «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», – гласит первая строка Евангелия от Иоанна. *«И слово – не просто случай, / А встреча с самим Творцом»*, – сакрально воспринимает слово и Валентина Поликанина. Используя разноплановые изобразительные средства, она всё-таки отдаёт предпочтение стихам в две строфы, и их художественная оригинальность, наряду с другими произведениями, очевидна: *«Всё тот же мир. Всё та ж первооснова / Всё тот же запах лавра от венца. / И вечный круг магического слова / Всё так же манит бедные сердца»*.

Не измерить значимость слова, и в данном случае местоимение «всё», действительно, многое определяет, вмещая в себя весь мир и сладостного, и мучительного творчества. Не зря Марина Цветаева утверждала, что «все стихи ради последней строки». Афористично красивы и глубоки заключительные строки и у Валентины Поликаниной, как, например, такие: *«Поэзия, быть может, выше жизни. / Как воздух... Чтобы жизнь дышать могла»*. Талант дается не только ради увлекательного процесса творчества, не только для самовыражения, он даётся, *«чтобы других вымалывать из без-*

дны», – так понимает Валентина Поликанина ответственность обладания поэтическим даром.

Она создаёт эмоционально-чувственные импрессионистические зарисовки, и для нее, как замечает литературовед Ирина Зайцева, присущ эмпирический опыт в сочетании с вербальным методом, что придает стихам обобщающий смысл. *«Задумчивость. Картинность силуэта. / Зачёркнутость измятого листа. / Горячая собранность поэта. / Ночная постепенность. Темнота. / Оторванность. Тоска. Уединённость. / Болезненность. Возвышенность мечты. / На творческие муки обречённость. / Сплошное постижение высоты»*, – подобными контурными штрихами поэтесса создает целостную картину мучительного процесса творчества.

Волшебство, загадочная красота строки и лиризм – неотъемлемые черты поэзии Валентины Поликининой, на что обращает внимание белорусский писатель и критик Алесь Мартинович. Она, будучи утончённым художником слова, в совершенстве владеет непередаваемой акварельной техникой, достаточно сложной в слиянии всевозможных цветов и оттенков, постепенно переходящих от чистых, сочных красок к туманным, легким пастельным тонам, романтически элегическим. Её творческой манере близки благородно-сдержанные мазки, мерцание света, и в то же время – контрастные переходы, когда мир запечатлённый и мир внешний приобретают единый отчетливый рисунок. Убедитесь сами: *«Зябка взошла молодая рассада, / Почвой небесной звезда рождена. / Чёрная готика зимнего сада / К серому вечеру пригвождена. / Вьётся тропинка подобно растенью. / В стылых дворах гонят снег сквозняки. / Тихо идут осторожные тени – / Точных и мерных минут двойники»*. И здесь отнюдь не упрощённые поиски удивительного в повседневном, а открытие иных измерений, что за гранью привычного видения, когда космически остро ощущается приближение к вечному...

Сродни чувству творчества и чувство любви, ведь и любовь – настоящее искусство, требующее духовного таланта. Любовь обнажает суть мира, открывая как бездны мироздания, так и свет, вознося человека над самим собой. *«Нет, рифмой себя не выразить / И словом любовь не вымолвить...»* – настолько многомерны, неисчерпаемы эти состояния. И автор не представляет любовь без творчества: *«Слезой блестели золотые соты, / Дождинки-осы не допили солнца, / И – радужней жарптичьего крыла – / Строка любви по небу пролегла...»*

Лирическая героиня Валентины Поликининой не забыла трепетную и нежную *«мелодию любви с названием апрель»*, просто со временем эта мелодия стала более мудрой, выстраданной, зазвучав *«зрелым словом во имя любви»*. *«Что было бы с тобой без моего участия? / Что было бы со мною, если бы не ты?»* – пишутся и такие проникновенные строки, затрагивающие все струны человеческой души.

«Жить надеждой на грядущий день...»

Путь любви всегда ведет к Богу. Подлинный художник не может быть не религиозен. Искания абсолютного добра, и вместе с ним смысла жизни, выразились в русской литературе и культуре в том, что важнейшее место в истории русской мысли занимает религиозная философия. Писатели должны помогать нам в поисках истины, в поисках опоры, необходимой для движения вперед. *«Без правды об истинном свете / Куда приведут нас пути? / В расшитанном горем столетье / Где точку опоры найти?»* – сквозит тревога и в строках Валентины Поликининой, думающей о нашем выборе, о собственных истоках духовного роста. Верная внутренняя интуиция, православные чувства, прозревающие события и поступки, ведут поэта по жизни. Она благодарна за талант, который дан ей Свыше, *«за редкую счастливую возможность / плыть верной рыбкой в творческой реке»*.

Любовь к православию и церкви развивается в ее творчестве от книги к книге, и, безусловно, тема веры еще ждет своего пристального и детального рассмотрения. Природа поэтики Валентины Поликининой имеет прочную христианскую основу. Родина и вера – тот нерушимый монолит, на котором основано бытие славян. *«В сердце праведном станет спокойно, / Как и надобно Божьей рабе. / Это церковь душой колокольной, / Словно мать, тянет руки к тебе. / Вера жаркая да не остынет, / Не уйдёт новый Китеж на дно, / Если Родина будет святыней. / А о большем и знать не дано»*, – священной любовью к Родине дышат праведные строки поэта, которые, прочно входя в наши сердца, становятся символом и национальной религии, и национальной идеи.

Духовное осмысление истории, христианская проблематика радости и страдания пересекаются в поэме *«Ветра соловецкие»*, раскрывающей горькое прошлое страны, когда *«И в «сегодня» – пронзённые болью – / Соловецкие дуют ветра»*. *«Поэзия – душа истории»*, – так определила суть поэзии

Валентина Поликанина. Она словно обнажает собственную душу, когда пишет о том времени испытаний, выпавшем на долю народа, томительном и тревожном, исключающем романтизацию былого, когда присутствует лишь немногословная правда. Поэма создана в лиро-эпическом стиле, впечатляет исповедальным мужеством откровения. *«Земное дно для зла возделано: / Дурная явь как страшный сон. / Над Белым морем ночи белые / В зловещих смыслах: «СЛОН» и «СТОН»*, – автор приводит конкретные исторические факты: в 1923 году Соловецкий монастырь был превращен в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), преобразованный с 1937 года в Соловецкую тюрьму особого назначения (СТОН). *«Народ опустили на самое дно. / И лучших, и худших «сплавляли» в одно. / Умы охватила вселенская грусть: / Подавлена воля – распластана Русь»*, – разве возможно без содрогания и боли читать строки, впитавшие всю мировую скорбь?! *«На древней земле окровавленной / Страданье и есть – Божья дверь»*, – где лишь смерть – последний спасительный выход в вечную жизнь. Соловки – белые пятна нашей общей трагической истории. Соловецкая земля полита кровью десятков тысяч мучеников, 94 из них причислены к лику святых. Среди узников Соловецкого лагеря был и религиозный философ, ученый, поэт, но главное – служитель Церкви и исповедник Христа в тяжкую годину гонений за веру, Павел Александрович Флоренский, который совершил там свой путь на Голгофу, добровольно приняв кончину.

Возрождение народа возможно только с возвращением к духу и традициям Православия. *«Сколько всего за века перевидали / Белые церкви, осколки Руси»*, – возвышенно звучат стихи иеромонаха Романа. Монастыри всегда были защитниками земли русской. Православное дыхание, плод ясного мироощущения несет в себе и поэма Валентины Поликаниной, поэма человеческого мужества: *«Крупны, как зерна, мысли спелые; / Светло читается Псалтирь... / Над Белым морем – ночи белые / Да Соловецкий монастырь <...> Ушли ли дни осатанелые?... / Плывёт туман, горчит полынь. / Над Белым морем ночи белые / Ждут возрождения святынь. // Луна, волна да камни беглые... / Святоотеческий народ, / Земля родная, ночи белые / Да во спасенье – Крестный ход»*. Мир Горный – в нем черпали силы и вдохновение Святые Великомученики всех времен, молчаливые подвижники благочестия, чтобы долготерпением, трудами и молитвами, да и всей жизнью своей хоть немного преобразовать наш пока еще несовершенный земной мир.

«Я научился благодушию, когда твердо узнал, что жизнь и каждого из нас, и народов, и человечества ведется Благою Волею, так что не следует беспокоиться ни о чем, помимо задач сегодняшнего дня», – говорил священник Павел Флоренский, называвший Соловки островом ветров. И поэма *«Ветра соловецкие»* – это, возможно, начало нашего покаяния, начало возрождения величия народного подвига и утверждения его национально-исторической памяти.

Валентина Поликанина стирает условные границы поэзии женской. Не только романтически-лирическая, интимная лирика, но и философско-гражданские темы, ведущие за просторы земного, где Дух олицетворяет жизнь, подвластны её вездесущему взгляду. *«Дочитано писанье от Матфея. / Дано узнать, как жалок этот мир, / Как чей-то взгляд от зависти мертвеет, / Как с пьедестала падает кумир...»* – коснулось авторское перо и новейшей истории. Пронзительны и незабываемы стихи, обращённые к тем, кто погиб, защищая Отечество, сильные, прямые позиции которых вызывают к покаянию: *«Простите нас... Сумейте нас простить / За наши годы гордые, шальные. / Все те, кого уже не вернуть, / Простите нас... Родные, неродные... / За то, что мы не жили в горький час, / За Родину до смерти не стояли... / Простите нас, ушедшие от нас, / За то, что вашу правду растеряли...»*

Талантливо сочетает автор и такие категории, как высокое и обычное, применяя в своих произведениях разговорную образную и классическую форму речи. Она рассуждает на языке простом и универсальном, что и привлекает к ней читателя. Элементы очевидного и невероятного переплетаются в идее, сюжете и характере её героев. Особенно выразительно оптимистическая черта её поэтической природы проявилась в иронических и юмористических небольших зарисовках, где смех, как и наши бесконечные «разговоры», которым Валентина Поликанина отводит даже целое стихотворение, окрашивая их в зависимости от ситуации яркими эпитетами (около тридцати эпитетов в одном произведении – настоящее лексическое богатство, подтверждающее ее безграничные возможности как художника слова, способного чувствовать все его оттенки), тоже бывает разным: от интимного, безобидного до критического. *«Смех есть самая верная проба души»*, – уникально подмечал стороны человеческого характера Ф. М. Достоевский в романе «Подросток». Умение и способность улы-

баться – качества, которые могут многое о нас рассказать, многое поведать миру о людских душах. В творчестве Валентины Поликаниной слышится смех примиряющий, раскрывающий характер и нравственное состояние человека, побуждающий увидеть себя со стороны. Он звучит добродушно, простосердечно, не отрицая самой жизни и людей с их нелепыми ошибками, в нём нет желчи, такой смех вызывает сострадание и сочувствие. Этот интересный и немаловажный момент нашел непосредственное отражение в ее прозе, подчеркивая индивидуальное авторское своеобразие.

Рассказам В. Поликаниной свойственна неожиданная фантазия, иронический психологизм, как в произведениях: «Клумба с маргаритками», «Новый год по заказу», «Машенька», «Экологическая катастрофа», «Горе луковое», «Птицы небесные». Они пропитаны осмысленным юмором, доброй иронией, открытой веселостью духа, взятой из детства. Даже в рассказе с символическим названием «Возвращение», где героиня – отчаявшаяся от обиды и одиночества мать – хочет уйти из жизни, появляется надежда, что все еще может наладиться. На смену губительным и страшным словам, разрушающим наши души, *«словам-предателям, словам-грабителям, словам-убийцам»* приходят и *«слова-спасители, слова-утешители, слова-примирители»*, *«совестливые, покаянные, омытые слезами»*, *«заветные слова»*, воскрешающие нас к жизни. Любовь к людям и к прекрасному, побуждающая горькое одиночество, прочитывается в очерке «Кирилловна». Детская мольба не дает покоя, умоляя о милосердии, в проникновенном очерке «Забери меня, мама, скорей!», и бесконечная мудрость, о которой говорил Л. Н. Толстой и которая, *«чем дальше продвигаешься в ней, тем она становится нужнее»*, покоряет в лирическом её эссе «А теперь пребывает сие три: Вера, Надежда, Любовь...» Любовь, не имеющая пределов, ведь в христианстве любовь – высшая и последняя ценность.

Воистину «всех сильнее – доброта!», как в детском рассказе «Носочки для солнышка», всепобеждающая доброта, что на века. Книга «Родное, кровное, святое...» пронизана добром и любовью. И главное – после её прочтения остаётся ощущение большой надежды, когда счастье все-таки возможно! Такова творческая индивидуальность Валентины Поликаниной, прекрасного и чувственного лирика, излучающего свет и добро.

Бережок

Инна Фролова

Поэт, переводчик, член Союза писателей Беларуси и Союзного государства. Родилась в 1972 в городе Минске. Окончила Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка. Пишет на русском и белорусском языках. Автор трёх поэтических сборников: «Чакаю першы снег» (2011), «Там у светлых барах» (20012), «Белы бераг» (2016). На выходе две книги: книга для детей дошкольного возраста «Ромашки на асфальте» и книга «Радка жывога пілгрымы», где под одной обложкой собраны переводы поэтов Беларуси и России. Публиковалась на сайте «Российский писатель» (2017), в ряде коллективных сборников, альманахах, издаваемых в Беларуси России. А также журналах «Нёман», «Новая Немига Литературная», «Орёл литературный», «Славянин», «Белая Вежа» и др. Лауреат Международной премии «Семья-Единение-Отечество» (2014) и литературного конкурса СПБ, посвящённого 100-летию со дня рождения Алеся Бачило

ло (2018). Участник Международного семинара молодых писателей в Каменск-Уральском (переводческий семинар, 2015). С 2012 г. руководитель студии юных литераторов «Малиновские голоса», при столичной детской библиотеке № 15

Ромашки на асфальте

* * *

Чудо мокрое в ладошке,
Прячет маленький Алёшка.
– Маме, мамочке родной
Дождик подарю грибной!

* * *

Хнычет осень за окошком,
Морщит свой курносый нос.
Промочила осень ножки,
А с дождя, какой там спрос?

КОШКИНА КАШКА

Дал Алёшка кошке плошку,
В суете забыл про ложку.
Как же будет кошка Машка
Лапкой кушать нашу кашку?

ПРИСТАВУЧАЯ СЧИТАЛОЧКА

Под горой течёт река,
Держит карандаш рука,
В огороде репа, -
Складно, но нелепо.
Ни конца и ни начала,

Начинай считать сначала!
Держит карандаш река,
Под горой течёт рука,
Складно – только репа,
Огород – нелепо.
Ты с конца, а я с начала –
Начинай считать сначала.
В огород течёт река,
Под горой живёт рука,
Держит складно репа,
Карандаш – нелепо...
Нет конца, и нет начала,
Что-то я считать устала...

СТИХОТВОРЕНИЕ О ЛЮБВИ

Ох, как же приятно, когда тебя любят!
За всё тогда хвалят, с утра приголубят!
И самую сладкую в мире конфету
Тебе, не кусая, уступят при этом!
И поочередно иль попеременно
Все дарят подарки для вас непременно.
Тарелку в цветочки поставят к обеду.
Воскликнут: «Как в цирке давно же ты не был!»
Скажу Вам, любовь – это классная штука
И самая лёгкая в мире наука!

БУКЕТИК НА АСФАЛЬТЕ

Я ромашки на асфальте
Мелом белым обвела.
Их не жалко, собирайте!
Только пальчик не ужальте –
Мне ри-су-ется ПЧЕЛА.

КОШКА БРОШКА
И РЖАНЫЕ КРОШКИ

Кошка Брошка на порожке
Стережёт ржаные крошки.
Знает Кошка – Мышки в норке
Все давно погрызли корки.

ПАРОХОД И КАШАЛОТ

В Чёрном море круглый год
Ходит грустный Пароход.
День-деньской бубнит в трубу:
«Ах, бу-бу да Ох, бу-бу.»
Как старик с утра ворчит:
«Тут болит и там болит».
А вот синий Кашалот
Делает наоборот –
Песенку из звонких нот
Сам сложил и сам поёт:
«Эй, дружок, на берегу
Прокатить тебя могу!
Забирайся мне на спинку –
Поплывём смотреть на льдинку!
А потом, мой капитан,
Курс возьмём на Индостан!»
Жаль не слышит Пароход,
Как поёт наш Кашалот!

МЫШКА-ГРАМОТЕЙКА

В школе дали Мышке книжку –
Учат грамоте малышку.
Буква «эс» – с-сухарик, с-сыр.
Сгрызла вкусный лист до дыр.

ПОМОЩНИКИ

За ночь на хозяйской грядке
Зайцы навели порядки:
Где вчера росла капуста –
Нынче утром стало пусто
И кудрявую морковку
Повыдергивали ловко.
Радуются Зайки –
Помогли Хозяйке.

СТРЕСС

Заскучала наша Кошка.
До меня ей дела нет –
Целый день глядит в окошко,
Игнорируя обед.
Стали грустными полоски,
И виляет грустно хвост.
Занят в настроеньи плоском
У окошка Кошкой пост.
Знать бы только в чём причина,
Кошку вылечил бы я!
Сто лекарств от загрустина
Для неё нашёл, друзья!
Кошка фыркнула для вида,
Что б придать мурчанью вес.
– Перешёл дорогу, видно,
Абсолютно чёрный Стресс...

ВЕСЁЛАЯ СЕМЕЙКА

По лесной лужайке
скачут мамы Зайки.
Дочки и сыночки –
скачут через кочки.
А вот Зайки папы
тренируют лапы:
в нашем огороде
при честном народе
сладенькую брючку
складывают в кучку,
петрушку – в кружку,
морковку – в кладовку,
кабачок – под каблукоч,
артишок в мешок,
мак – в кулак.

* * *

Шёл румяный майский вечер,
Я ему навстречу шёл.
Зажигал каштанам свечи
Вечер. Я здесь ни при чём.
После вместе мы шалили,
Не чинили глупых ссор.
Превратили в синих-синих
Кошку рыжую и двор.
Под рулады звонких трелей
Целомудренных сверчков
Прокатились на качелях
В парке с ним без пятаков.
Но когда домой с работы
Собралась моя семья.
Попрощался с ним охотно –
Заскучал по маме я.

О нас думают, нас читают

Сергей Пылёв

Улыбка Бога

О журнале «Берега» 2(26)-2018

... Вдруг обострённо потянуло поделиться своей радостью от прочтения нового номера этого замечательного российского журнала... Радостью строгой, взыскательной... Рождённой прежде всего романом Александра Проханова «Гость» о яростной агонии исковерканного духа человеческого. Проза Александра Проханова видится мне сегодняшним продолжением гиперидей и архетипов Фёдора Достоевского на новом витке космической экзальтации зла и остервенения дьявольщины, теснотой расширяющимся Фаворским светом Православия. Такого запредельного, до задыха обожествления русскости трудно, вернее, просто невозможно увидеть ещё у кого-то из литераторов. Изломы писательского духа Проханова – борение света и тьмы. И это его Миссия на Земле.

С высокой требовательностью и взыскательностью пишет о романе «Гость» в своем социально-философском эссе «Метафизика Александра Проханова» Лидия Довыденко, главный редактор «Берегов». Пишет, словно оценивая роман и вкупе все наши борения последнего времени с точки зрения принципиального всевидящего взгляда из будущего. Этот материал становится не просто мощным финальным аккордом февральского номера журнала, философски связывая воедино все его публикации, но и выводит их к берегам пространств метафизических, изначальных, уже во многом утраченных на планете Земля. Трудно представить, кто иной мог бы поднять тему метафизического в творчестве Александра Проханова. Да, Лидия Владимировна одарённый прозаик, глубокий публицист, пристальный краевед, член Союза писателей России, член Союза журналистов России и, ко всему, кандидат философских наук. Но даже всех этих знаковых качеств может быть недостаточно, если у автора не будет, как у Лидии Довыденко, наличия обостренного всечувствования мироздания в глубинном его атомарном единстве: «В то время, как Германия направила на Россию пушки, в 1915 году, русский философ князь Евгений Трубецкой поднимает этот вопрос «в дни обнажения мирового зла и бессмыслицы... Александр Проханов стоит на плечах русских космистов. Он один из немногих, кто через своё творчество пытается найти обоснования нашей духовной жизни, нашего смысла существования, открыть нам брезжащий свет завтрашнего дня, который искали русские философы. Они будили в нас чувство «нравственной тошноты» от пошлости, слепой и хаотичной жизни, предупреждали, что хищническая культура может быть злой и опасной, противопоставляли биологической жизни этическое начало».

Такой вывод Лидии Довыденко даёт уверенность, что за гранью её академического звания кандидата философских наук мы имеем реально работающего, дело священное делающего продолжателя в категорически новых обстоятельствах духовного оснащения человека идеями новоуровневого осмысления, развития великих принципов, выстраданных такими философами, учеными и поэтами как В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев, К. Э. Циолковский, Н. А. Умов, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский, В. Ф. Одоевский, Ф. И. Тютчев и другие.

Лидия Владимировна взволнованно признаётся в своём эссе: «И потому я всегда жду нового романа Проханова, который нам даёт каждый раз провисающий на всевозможных ток-шоу и телевизионных баталиях ответ на вопрос: как же произошло, что мы такие светонесущие, полные святого энтузиазма, несущие человечеству величие и благородство, всегда готовые на помощь, к самопожертвованию для других, вдруг в одночасье сдались, шагая «в едином строю», перед неким окриком: «Разойдись!» Разошлись по своим углам и никак не соберёмся, забыв, что мы строили светлый рай на земле, что мы боролись с материальным порабощением человека, что мы видели жизненную правду в противостоянии звериному и низменному в человеке. И вся планета это знала и уважала нас».

И вот он горный вывод, звучащий, словно выстраданный душами наказ человечеству: «Мир управляется не одной звериной силой. У нас есть не уснувшие, не замёрзшие высокие духовные качества, светом и чистотой выдадим из себя непрошенного тёмного «гостя», посадив сатану на

цепь, как написано в Апокалипсисе, верой в себя, энтузиазмом (что святое!), воодушевлением национальной идеей мировой справедливости, обращением к коммунизму в его космическом значении, к пониманию Вселенной как храма. Уверена, что Александр Андреевич в следующем своём романе обратится к этой идее, где мы встретимся с героем, изгнавшим «гостя», что писатель даст нам рецепты преодоления уныния, которые и может дать только он в силу склада своего ума, своего жизненного опыта патриота, государственника и русского философа».

Близки к этой теме и стоящая следом рецензия Алексея Казакова «Благодатный дар Андрея Авдеева», в которой автор ведет познавательную встречу-разговор о сущности нашего земного бытия, облагороженного повседневной природной и творимой красотой, а также философские «сказки» широко известного писателя Елены Родченковой, в завершении коих звучат как строгое предупреждение всем нам такие слова: «Да, тебе станет известна цена счастья, сказал Бог, и ты поймёшь главное: счастье – это Моё доверие. Те, кто утратил Моё доверие, – обретают все краски мира, но теряют суровый, бесцветный холст, его основу».

Среди прозаических произведений номера невозможно не заметить повесть «КАМ-СА-МОЛ!» Александра Чумикова. Оно из тех произведений, без которых наше видение мира будет неполным. Повесть вдохновенно радуется сотворчеством читателя с писателем, их волнующую духовную союзность. Впору как заботливый доктор приписывать её к обязательному чтению теми, кто ослаб ныне верой в человека, в государство, в самого себя... Антидепрессант духа – вот что есть эта всеобъёмная, ироничная, интеллигентная, дальновидная и строго-озорная повесть, брызжущая читателя фактурным богатством и стилистическим совершенством раскрепощённого, ёмкого, многомерного языка. В ней историческая энциклопедичность так органично срастается с личностной субъективностью, что возможно для разговора о том времени только сегодня. Когда большое видится на том самом расстоянии.

Моя повесть «Никишин сад» также устремлена к познанию в человеке человеческого на грани распада государственных начал, в условиях высшего испытания жизненной нравственности искорёженными социально-политическими категориями.

А писатель Иван Привалов? Уже одно название его рассказа «Тот, кто лежал у окна» вызывает у читателя ощущение предстоящего соприкосновения с достойной, эстетически совершенной прозой. И она является вам: «Палата номер один - она для старших офицеров. Номер два - для офицеров. Три и четыре - для прапорщиков и других. В первую ещё могут попасть милиционеры и герои. Вне зависимости от званий и прочего. Такие палаты есть в каждом госпитале и практически в каждом отделении. Во всяком случае, были». Какая выверенность, какая ритмика и присутствие очевидного стилистического совершенства. И тотчас включается авторское сопереживание – рассказ изумляет особой правдивостью о том, что неведомо нам многим. Одним словом, у автора-подполковника «генеральская» талантливость.

Поэзия в «Берегах» всегда есть настоящий подарок её ценителям. Прекрасный праздник – встреча с поэтом Игорем Тюлениным:

Ты видишь, как строят дорогу?
Где рельсы и мысли впритык!
Оттуда возносятся к Богу,
В зазубринах русский язык...

....Скажем: - Здравствуй Белый Свет!
Здравствуй, Русь-сторонка!
Бесподобен твой портрет,
Как лицо ребёнка.

Поэт Наталья Советная торжественно-строго привносит своё особое видение мира:

Лампадка осени – светильник-лес,
Огнём купинным землю согревая,
Рассыпал листья – радость даровая! –
Лампадка осени – светильник-лес...

...Я в небо прорастаю взглядом,
О, сколько глаз со мною рядом!
В них слёзы, блеск немой надежды:
Там Свет! Там белые одежды!

Влёт, вдохновенно читается элегантно-мудрый Николай Дик:

Зима покрывает город прозой, / на волю выпустит морозы,
скуёт замёрзшие тела / за то, что летом не успели
прочитать стихи апреля / пока пурга не замела...

...Пережил не много и не мало,
наворочал всевозможных дел,
только то, что мама завещала,
до сих пор исполнить не успел.

...Стихли застольные тосты,
в сон погружаются башни.
Только проститься непросто
городу с годом вчерашним.

Удивителен Эд Побужанский, трагически светло видящий высокие холмы духа в нашем внешне приземлённом бытии:

Неважно, женится не женится / И как ты до того жила, / Сейчас ты женщина-роженица, / А значит, богова жена... / ...Грелка в ноги, судуку / Да ромашковый чай. / Моё сердце в субботу / Перестанет стучать. / Санитарочка бодро / Перестелет бельё. / Всё? Не всё. / За субботой / Воскресенье моё.

Марина Гах так удивительно чутко и так вовремя выступила с «лекцией» о малоизвестных многим гранях творчества великого Юрия Кузнецова, поведав нам то, как разрабатывает тему этот масштабный поэт, затрагивая и фольклор, и мировую поэзию. В этом виден индивидуальный творческий метод. Это раздумья Мастера, которыми он умел щедро делиться.

Ярок в своей взыскательной, мудрой публицистике Михаил Фёдоров с близкой всем воронежцам, всей России сирийской болью...

Великолепен и содержательно глубок Шаляпинский мотив Елены Лебедевой, который так радует новизной глубинной содержательности. Это для многих поклонников Фёдора Шаляпина настоящее обретение.

И вдруг под «занавес» журнала редкое по своей знаковой сущности явление материала из кропотливого поныне сердца революционной России – это «Княгиня В. Д. Лобанова-Ростовская. О российской трагедии XX века. До и после 1917 года: Воспоминания матери (1903–1935). «Из Белого стана» Вступление профессора Екатерины Фёдоровой. Комментарии Л.Г. Умновой и Е.С. Фёдоровой». Перед этим материалом, приступая к чтению, впору мысленно снять шляпу. Публикация, которая фактически делает этот номер «Берегов» уникальным явлением в области нашего знания об ушедшей, навсегда утраченной России...

«Русский мир без границ» объявлен глубинной философичности и строгой романтичности вопросом: «Может ли славянская цивилизация быть универсальной?» Им на «Берегах Варшавы» задалась известная философ и культуролог Барбара Кригер. Вопрос достаточно академический, но как одухотворённо Барбара Кригер его раскрывает, на какие высоты поднимает. Когда это читаешь, чувствуешь в себе дрогнувшую душу: «Как космические существа, мы не являемся какими-то живущими изолированно созданиями, которые могут руководствоваться произвольно выбранными для себя принципами. Мы включены в поле, имеющее резонансный характер, мы являемся его частью и одновременно центром, который это поле может изменять своими свойствами и сознательными действиями. А это приводит к тому, что мы являемся не только созданиями, но и одними из создателей Космоса».

И вновь, теперь уже с «Рижских берегов», звучит изысканная животворная поэзия Татьяны Житковой:

Златокудрый огонь
В полутёмном саду
На весёлых полянках
Разучивал танец.
И горела ладонь,
И цветы на ветру
Зажигали свой свет

На вечернем экране.
Прекрасно...
Где-то солнцем согреты травы
И открыт горизонт грозе.
Не отринь меня, Боже правый,
Дай пройти по Твоей стезе.

А это уже высокая программа жизни, с которой отныне хочется жить не расставаясь. Как и со стихами Татьяны Житковой.

Между чёрным и белым,
Между небом и адом
Наши души и нервы,
Как в дыму канонады.

Бег за счастьем – не слышен,
Бег за смыслом – не виден,
Может, кто-то и выжил,
Но остался невидим.

Открывающиеся взору «Латгальские берега» Петра Антропова становятся настоящим открытием – автор вводит нас в тот мир, где его осознание гармонично соединило мышление беглых русских староверов, есенинские мотивы и балтийский духовный колорит:

Звенят в душе латгальские мотивы
И песни старых деревень,
Где удивительно красивы
И Рождество, и Янов день...
...Далеко от Рязани Латгалия
И озёра здесь вместо Оки,
Но и здесь про Есенина знали
С давних пор в деревнях мужики.

«Берега Алматы» Станислава Ли гармонично переносят нас из Европы в края восточные, азиатские, не разрывая при том единства всемирной духовности:

Камышинок напев
Колыбельный...
Неужели со мной это было?
Неужели вся жизнь –
Это сон наяву?
... летней ночью,
в богом забытом краю,
дети одной деревни,
на нагретом асфальте
единственной дороги,
лежат и смотрят на звёзды.
– а, за звездами что?
Звёзды! А за ними? Звёзды...
А, бог он кто?
Он всё знает, видит и слышит!
Лунный свет осветляет их лица,
на всю звёздную ширь,
бога улыбка...

Улыбка Бога... Это один из вершинных образов «Берегов» 2- 2018 года, журнала, который, как и многие его предыдущие номера, является для самого взыскательного читателя подлинным откровением, дорогой к свету.

Теперь без натяжек можно радостно признаться, что калининградский журнал «Берега» сполна даёт своим читателям и все краски мира, и холст-основу, без которых наш мир «в дни обнажения мирового зла и бессмыслицы» будет для нас всегда оставаться полноценным духовным и эстетическим обетованием. Будет Берегом, где мы обретем избавление от нашей общей вины за то, что, как пишет Лидия Довыденко, «позволили заползти в наши тела страшным «гостям»: змеиному, тёмному, низменному началу, злобным мыслям, потребительству, пошлому мещанству и греху уныния».

Я чувствую себя счастливым... Без нового номера журнала «Берега» это было бы почти невозможно.

Наши друзья

Советуем почитать:

- Журнальный мир:** <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/vse-zhurnaly>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
День литературы: <http://denlit.ru/>
Сайт Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры: <http://slav-academ.ru/regions.html>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17, кв. 65
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великоросс»: <http://www.velykoross.ru/>
Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistikogo-masterstva-slava-rossii>
Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Русский народный дом: <http://rusnardom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org
Русская народная линия <http://www.ruskline.ru>
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура в Вологодской области: <http://cultinfo.ru>

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья!

Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка Маэстро на счет: **63900220 9003003076**.

Стоимость одного журнала — 400 руб. Подписка на год — 2400 рублей.
Свой почтовый адрес после оплаты выслать Лидии Владимировне Довыденко:
dovidenko_L@mail.ru